ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2026. Т. 28 № 1

IZVESTIA

Ural Federal University Journal

Series 2
Humanities and Arts

2026. Vol. 28 No. 1

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина

ISSN 2227-2283 (print)
ISSN 2587-6929 (online)

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 2
Гуманитарные науки

Журнал основан в 1920 г.
Серия «Гуманитарные науки» выходит с 1999 г. 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-48320 от 27 января 2012 г.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал индексируется в БД:
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index;
DOAJ; European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
Russian Science Citation Index (RSCI); Ulrich's Periodicals Directory;
Белый список; Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные статьи по всеобщей и отечественной истории, этнографии и антропологии, историографии и источниковедению, по русскому языку и теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию (на материале германских, романских, славянских и финно-угорских языков), по отечественному и зарубежному литературоведению и фольклору, по изобразительному, декоративно-прикладному искусству и архитектуре, теории и истории искусства, а также рецензии на новые, наиболее значимые научные издания по этим областям. Все поступающие материалы рецензируются. Публикация в журнале осуществляется на некоммерческой основе.

E-mail: izvestia.2@yandex.ru
Сайт: http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2
Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
«Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial» 4.0 Всемирная
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/

© Уральский федеральный университет, 2026

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

IZVESTIA

ISSN 2227-2283 (print)
ISSN 2587-6929 (online)

Ural Federal University Journal
Series 2
Humanities and Arts

The Journal was founded in 1920
Series *Humanities and Arts* has been issued quarterly since 1999

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira St., 620062 Ekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Mass media registration certificate PI FS77-48320 as of January 27, 2012.

The Journal is included in the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK) list of leading peer-reviewed academic journals prescribed for the publication of research results for scholars seeking advanced academic degrees.

The Journal is indexed in:
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index;
DOAJ; European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
Russian Science Citation Index (RSCI); Ulrich's Periodicals Directory;
White List; Science Index (eLibrary)

The Journal publishes academic articles in the fields of World and Russian History, Ethnography and Anthropology, Historiography and Source Studies, Russian Language and Language Theory, Historical, Typological and Comparative Linguistics (based on the material of the Germanic, Romance, Slavic, and Finno-Ugric languages), on Russian and World Literary Studies and Folklore, Fine Arts, Decorative and Applied Arts and Architecture, Theory and History of Art, as well as reviews of new, most significant academic publications in these areas. The Journal uses double-blind peer review. The Journal does not charge authors or their respective institutions a paper submission, processing, or publication fee.

Email: izvestia.2@yandex.ru
http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2
Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts

Journal content is licensed under
a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/

© Ural Federal University, 2026

Главный редактор

К. Д. Бугров, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора

Т. В. Кущ, д-р ист. наук, проф. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН; Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. П. Алексеев, д-р иск., проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. А. Бахтерева, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет; Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
Е. М. Главацкая, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. В. Гладышев, д-р ист. наук, проф. (Россия, Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского)
Е. В. Дзюба, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)
А. Ю. Казарян, д-р иск., акад. РААСН, почетный член РАХ (Россия, Москва, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет)
О. В. Калугина, д-р иск., член правления АИС (Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет)
Е. Ю. Козьмина, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Ю. В. Матвеева, д-р. филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. М. Плотникова, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Е. К. Созина, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет)
Д. В. Спиридонов, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
В. В. Тихонов, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. (Россия, Москва, Институт российской истории РАН)
О. Р. Хромов, д-р иск., акад. РАХ (Россия, Москва, Московский государственный художественный академический институт им. В. И. Сурикова)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф. (Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)
А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН)
Л. И. Бородкин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф. (США, Лос-Анджелес, Университет Южной Калифорнии)
М. А. Бусев, канд. иск., чл.-корр. РАХ (Россия, Москва, Государственный институт искусствознания)
А. Варда, Dr. Hab. (Philology), проф. (Польша, Лодзь, Лодзинский университет)
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
Т. Краус, д-р ист. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)
К. Кроо, д-р филол. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)
А. Мустайоки, PhD (Philology), проф. (Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский университет)
И. А. Ндяй, д-р филол. наук, проф. (Польша, Ольштын, Варминско-Мазурский университет)
М. Перри, M. A. (History), проф. (Великобритания, Бирмингем, Бирмингемский университет)
Х. Рюсс, Dr. Hab. (History), проф. (Германия, Мюнстер, Мюнстерский университет)
Ф. Сенешаль, д-р иск., проф. (Франция, Амьен, Университет Пикардии имени Жюля Верна)
М. Танриверди, д-р ист. наук, доц. (Турция, Стамбул, Стамбульский университет)
Г. Торвальдсен, PhD (History), проф. (Норвегия, Тромсё, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии)
А. В. Чудинов, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН)

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Editor-in-Chief

K. D. Bugrov, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Ekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB RAS; Ural Federal University)

Deputy Editor

T. V. Kushch, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of World History, RAS; Ekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL BOARD

E. P. Alekseev, Dr. Hab. (Art Studies), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)
A. A. Bakhtereva, PhD (Philology), Senior Researcher (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University; Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS)
E. V. Dziuba, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, St Petersburg, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University)
A. V. Gladyshev, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Saratov, N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University)
E. M. Glavatskaya, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)
O. V. Kalugina, Dr. Hab. (Art Studies), Member of the Board of the Association of Art Historians (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)
A. Yu. Kazaryan, Dr. Hab. (Art Studies), Full Member of RAACS, Honorary Member of RAA (Russia, Moscow, Moscow State University of Civil Engineering)
O. R. Khromov, Dr. Hab. (Art Studies), Full Member of RAA (Russia, Moscow, V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute)
E. Yu. Kozmina, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)
Yu. V. Matveeva, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)
A. M. Plotnikova, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)
E. K. Sozina, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB RAS; Ural Federal University)
D. V. Spiridonov, PhD (Philology), Associate Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)
V. V. Tikhonov, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of Russian History, RAS)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Dr. Hab. (Philology), Full Member of RAS (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology, SB RAS)
T. E. Avtukhovich, Dr. Hab. (Philology), Professor (Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno)
L. I. Borodkin, Dr. Hab. (History), Corresponding Member of RAS (Russia, Moscow, Moscow State University)
J. Bowlt, PhD (Art Studies), Professor (USA, Los Angeles, University of Southern California)
M. A. Busev, PhD (Art Studies), Corresponding Member of RAA (Russia, Moscow, State Institute for Art Studies)
S. A. Kibalnik, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, St Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, St Petersburg State University)
T. Krausz, Dr. Hab. (History), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)
K. Kroo, Dr. Hab. (Philology), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)
A. Mustajoki, PhD (Philology), Professor (Finland, Helsinki, University of Helsinki)
I. A. Ndiaye, Dr. Hab. (Philology), Professor (Poland, Olsztyn, University of Warmia and Mazury in Olsztyn)
M. Perrie, M. A. (History), Professor (UK, Birmingham, University of Birmingham)
H. Rüß, Dr. Hab. (History), Professor (Germany, Münster, University of Münster)
P. Sénéchal, Dr. Hab. (Art Studies), Professor (France, Amiens, University of Picardie Jules Verne)
M. Tanriverdi, Dr. Hab. (History), Associate Professor (Turkey, Istanbul, Istanbul University)
A. V. Tchoudinov, Dr. Hab. (History), Chief Researcher (Russia, Moscow, Institute of World History, RAS)
G. Thorvaldsen, PhD (History), Professor (Norway, Tromsø, UiT The Arctic University of Norway)
A. Warda, Dr. Hab. (Philology), Professor (Poland, Lodz, University of Lodz)

Managing Editor

N. V. Moseeva (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОРЫ И ТЕКСТЫ XX СТОЛЕТИЯ

Маматов Г. М., Тырышкина Е. В. Инсективные образы в поэзии Бориса Поплавского: стрекозы-вертолеты и огненные бабочки 9

Приказчикова Е. Е. «Французский текст» дневников Г. Эфрона 1940–1943 гг. 29

Снигирева Т. А. «Черный хлеб» факта на страницах «Нового мира» А. Твардовского 45

Обласова Т. В. Художественная роль многозначности слова *язык* в цикле «Невенок сонетов» А. Ерёменко 59

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Дзюба Е. В. Национальные интересы как феномен языка, корпуса, дискурса 70

Дымова А. В., Золотайко А. И. Двоеточие в заголовке научного текста: лингвистическая тенденция или флуктуация? 92

Калинина К. В. Индексы оценочности как инструмент анализа функционирования оценки в дискурсе 108

Романова Т. В., Колчина О. Н. Ассоциативный тезаурус терминов когнитивной лингвистики 124

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А. Женщины-врачи в Пермской губернии в 1879–1914 гг.: опыт просопографического анализа 140

Даниелян Т. Р., Бабурян Э. Р., Айвазян Т. С. Реклама образовательной сферы в армянской периодической печати Тифлиса (1858–1918) 156

Фельдман М. А. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. в политической жизни советского общества 174

ИСТОРИЯ ИДЕЙ, КОНЦЕПЦИЙ И ПРОЕКТОВ

Смирнов С. В. Проблема китайской колонизации Северной Маньчжурии в трудах русских дальневосточных ориенталистов конца XIX — начала XX века 189

Нарский И. В., Нарская Н. В. Образ «фронтовой березки» в контексте двух литературных традиций СССР: казус М. С. Бубеннова 205

Соколов С. В., Гилевич Н. Д. «Малоразвитый, воинствующий немец» или «имевший солидную подготовку ориенталист»? Г. З. Байер в зеркале советской исторической науки 219

Собисевич А. В., Холматов Т. К. Подготовка советскими учеными «Географии СССР» во второй половине 1930-х — первой половине 1940-х гг.: планы, проблемы реализации и судьба проекта 234

РЕЦЕНЗИИ

Козлов А. С. Новая монография о церемониале в ранней Византии. Рец. на кн.: *Rollinger Chr.* Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. — Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2024. — 811 S. (Historia — Einzelschriften ; 275). 250

MEMORIA

Кириллова Н. Б., Огоновская И. С. Летописец эпохи перемен: грани деятельности профессора А. Д. Кириллова 259

TABLE OF CONTENTS

AUTHORS AND TEXTS OF THE TWENTIETH CENTURY

Mamatov, G. M., Tyryshkina, E. V. Insect Images in Boris Poplavsky's Poetry: Helicopter Dragonflies and Fiery Butterflies 9

Prikazchikova, E. E. "French Text" of G. Efron's Diaries from 1940–1943..... 29

Snigireva, T. A. "Black Bread" of Fact on the Pages of *Novy Mir* under A. Tvardovsky..... 45

Oblasova, T. V. Artistic Role of the Polysemy of the Word *язык* in A. Eremenko's Cycle *Non-crown of Sonnets* 59

FUNCTIONAL AND COGNITIVE LINGUISTICS

Dziuba, E. V. National Interests as a Phenomenon of Language, Corpus, and Discourse 70

Dymova, A. V., Zolotaiko, A. I. Colon in the Title of an Academic Text: A Linguistic Trend or a Fluctuation?..... 92

Kalinina, K. V. Evaluativeness Indices as a Tool for Analysing the Functioning of Evaluation in Discourse 108

Romanova, T. V., Kolchina, O. N. Associative Thesaurus of Cognitive Linguistics Terms 124

SOCIAL AND POLITICAL HISTORY

Chernoukhov, D. E., Chernoukhov, E. A. Women Doctors in Perm Province in 1879–1914: An Attempt at Prosopographic Analysis 140

Danielyan, T. R., Baburyan, H. R., Ayvazyan, T. S. Advertising in the Education Sector in the Armenian Periodical Press of Tiflis (1858–1918)..... 156

Feldman, M. A. Joint Plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in January 1933 in the Political Life of Soviet Society..... 174

HISTORY OF IDEAS, CONCEPTS, AND PROJECTS

Smirnov, S. V. Problem of Chinese Colonisation of Northern Manchuria in the Works of Russian Far Eastern Orientalists of the Late 19th — Early 20th Centuries 189

Narskii, I. V., Narskaya, N. V. Image of the "Front Birch" in the Context of Two Literary Traditions of the USSR: The Case of M. S. Bubennov 205

Sokolov, S. V., Gilevich, N. D. "An Ignorant, Belligerent German" or "A Solidly Trained Orientalist"? G. S. Bayer in the Mirror of Soviet Academic History 219

Sobisevich, A. V., Kholmatov, T. K. Preparation of *Geography of the USSR* by Soviet Scientists in the Second Half of 1930s — First Half of 1940s: Plans, Problems of Realisation, and the Fate of the Project..... 234

REVIEWS

Kozlov, A. S. New Monograph on Ceremonial in the Early Byzantine Empire. *Review of*: Rollinger, Chr. (2024). Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. *Historia — Einzelschriften, 275*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 811 S. 250

MEMORIA

Kirillova, N. B., Ogonovskaya, I. S. Chronicler of an Age of Change: The Scope of the Work of Professor A. D. Kirillov.... 259

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.001
УДК 821.161.1-1 Поплавский +
+ 821.14.1.09 + 7.038.55 + 528.854

Г. М. Маматов
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

Е. В. Тырышкина
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

ИНСЕКТИВНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО: СТРЕКОЗЫ-ВЕРТОЛЕТЫ И ОГНЕННЫЕ БАБОЧКИ

Статья посвящена исследованию инсективных образов стрекозы и бабочки в поэзии и прозе представителя первой волны русского зарубежья Бориса Поплавского. Методика исследования основана на герменевтическом, интертекстуальном и мифопоэтическом подходах. Образ стрекозы связан с темами полета вдохновения, творческого экстаза, мечты. Данное насекомое становится символом хрупкой природы красоты и искусства, во всех исследуемых контекстах этот ирреальный образ возникает в сновидениях лирического героя. Иные коннотации закреплены за образом бабочки, которая символизирует прежде всего творческий акт как состояние озарения и страдания. В работе анализируются метафора «бабочка-листок» и строящийся на оксюмороне образ огненной бабочки-снежинки, с которой связаны и ангельское, и демоническое начало, что соотносится с пониманием творчества как избранничества / проклятия за границами этики. Следует отметить устойчивую связь образа бабочки и лунарных мотивов. Для Поплавского ночное светило становится космической преисподней, где растут огненные сады и бабочки вылетают из пламени. Еще одно значение образа бабочки восходит к мифологии (душа / Психея), указанная метафорика возникает в романе «Аполлон Безобразов», где золотая бабочка коррелирует с образами Христа и Солнца, а также в книге «Автоматические стихи», где она символизирует душу лирического героя, покидающую ненавистный для него мир.

© Маматов Г. М., Тырышкина Е. В., 2026
CC BY-NC

Значимой трактовкой этого образа является связь с темой времени, мгновениями жизни, навсегда исчезающими в бесконечном временном потоке. На основе исследования был сделан вывод о том, что традиционное значение бабочки сохраняется, но авторская интерпретация этого образа превалирует, что объясняется философией творчества Б. Поплавского.

Ключевые слова: Борис Поплавский; инсективные образы; стрекоза; бабочка; литература русского зарубежья

Цитирование: *Маматов Г. М., Тырышкина Е. В.* Инсективные образы в поэзии Бориса Поплавского: стрекозы-вертолеты и огненные бабочки // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 9–28. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.001

Поступила в редакцию: 07.10.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Gleb M. Mamatov
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia
Elena V. Tyryshkina
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia

INSECT IMAGES IN BORIS POPLAVSKY'S POETRY: HELICOPTER DRAGONFLIES AND FIERY BUTTERFLIES

This article examines the symbolic insect imagery of the dragonfly and the butterfly in the poetry and prose of Boris Poplavsky, a representative of the first wave of Russian émigré literature. The research methodology is based on hermeneutic, intertextual, and mythopoetic approaches. The image of the dragonfly is associated with themes of the flight of inspiration, creative ecstasy and dreams. This insect becomes a symbol of the fragile nature of beauty and art; in all the contexts examined, this unreal image appears in the lyrical hero's dreams. Different connotations are attached to the image of the butterfly, which symbolises, above all, the creative act as a state of inspiration and suffering. The study analyses the 'butterfly-leaf' metaphor and the image of the fiery butterfly-snowflake, built upon an oxymoron, with which both angelic and demonic elements are associated; this corresponds to the understanding of creativity as a state of being chosen / cursed beyond the bounds of ethics. It is worth noting the enduring connection between the image of the butterfly and lunar motifs. For Poplavsky, the night sky becomes a cosmic underworld where fiery gardens grow, and butterflies emerge from the flames. Another meaning of the butterfly image stems from mythology (soul / Psyche); this imagery appears in the novel *Apollon Bezobrazov*, where the golden butterfly correlates with images of Christ and the Sun, as well as in the book *Automatic Poems*, where it symbolises the soul of the lyrical hero leaving the world he detests. A significant interpretation of this image is its connection with the theme of time, the fleeting moments of life that vanish forever in the endless flow of time.

Based on the research, it is concluded that the traditional meaning of the butterfly is preserved, but the author's interpretation of this image prevails, which is explained by the philosophy of B. Poplavsky's creative work.

K e y w o r d s: Boris Poplavsky; insect imagery; dragonfly; butterfly; Russian émigré literature

F o r c i t a t i o n: Mamatov, G. M., & Tyryshkina, E. V. (2026). Insektivnye obrazy v poezii Borisa Poplavskogo: strekozy-vertolety i ognennye babochki [Insect Images in Boris Poplavsky's Poetry: Helicopter Dragonflies and Fiery Butterflies]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 9–28. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.001

Submitted: 07.10.2024
Accepted: 27.02.2026

Введение

В творчестве Б. Поплавского тема природы имеет особое значение, что доказывают наблюдения Е. Менегальдо, подробно проанализировавшей символику четырех стихий в книгах «Флаги» и «Снежный час» [Менегальдо, с. 21–80]. Природная символика неоднородна в поэтике младоэмигранта, можно говорить о различной степени важности ее в тот или иной период.

В этой связи можно выделить следующие этапы в творчестве Поплавского:

1. Ранняя лирика — доминирование городского пространства, почти полное отсутствие природных образов, за исключением маринистической символики, связанной с бессознательным [Livak, p. 183–184].

2. Книга стихов «Флаги» — зрелый период. Природная тематика также не играет доминирующей роли, продолжается преобладание урбанизма. Однако возникают мотивы воды и воздуха, связанные с темами путешествия, полета и падения на землю, что знаменует победу косного земного мира [Менегальдо, с. 22–29].

3. Поздняя лирика представлена книгой стихов «Снежный час» и циклом «Над солнечной музыкой воды». Несмотря на приверженность поэта урбанистической образности, природное начинает доминировать, различные стихийные образы обретают витальное начало в «Снежном часе» [Васильева], что находит отражение и в цикле «Над солнечной музыкой воды», где природный мир насыщен аполлонической образностью [Менегальдо, с. 164–167].

Следует отметить отдельные наблюдения за природными мотивами в работах К. Пономарева [Pomomareff, p. 85], Л. Ливака [Livak, p. 181], Е. Болтовского [Болтовский]. Но вопрос о природной символике часто рассматривался исследователями как незначимый в творчестве младоэмигранта [Karlinsky, p. 611; Компарелли, с. 44; Милькович, с. 130; Менегальдо, с. 80; Прадивлянная, с. 302–303]. При всем согласии с отмеченной многими учеными мысли о «торжестве» мертвой и окаменевшей материи над живой в поэзии Поплавского,

сделаем следующую оговорку. В художественном мире поэта существует мир фауны, в том числе насекомых, чьи образы частотны и разнообразны как в лирике, так и в прозе поэта. Предметом исследования является инсективная символика в творчестве Поплавского, центральные образы стрекозы и бабочки, а целью — выявление основных коннотаций данной образности в контексте русского и европейского модерна.

Образ стрекозы

В восточных верованиях стрекоза воспринимается как изящное и красивое насекомое, символ изобилия. В японской и китайской поэзии она часто возникает как символ грациозности и мимолетности красоты, счастья:

Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.

М. Басе
[Японские трехстишия, с. 249]

Догоняют стрекозы
Друг друга,
Изумрудные крылья
Колебля,
И блаженствуют
Лотосы Юга,
Обнимаясь
На сдвоенном стебле.

[Ли Бо, Ду Фу]

«Японский императорский герой-прародитель Дзимму-тэнно, согласно легенде, дал Хонсю имя острова Стрекоз» [Тресиддер, с. 360]. Совершенно иное восприятие стрекозы обнаруживается в европейском и русском фольклоре: стрекоза воспринимается отрицательно, это посланник нечистой силы. Негативное восприятие данного насекомого сохраняется и в художественной литературе, что очевидно в знаменитой басне И. Крылова «Стрекоза и муравей» [Иванова-Казас, с. 97–99]. Но в Серебряном веке стрекоза символизирует женственность, живость, детскую непосредственность и потусторонний мир снов и фантазии («Конец весны...» (1890) А. А. Блока, «В магическом саду» (1895) В. Брюсова, «Стрекозка» (1921) К. Бальмонта). Необходимо учитывать, что в русском модерне символика образа стрекозы родственна символике бабочки или птицы — это воплощение души и Психеи [Ханзен-Лёве, с. 427], чей стрекот соотносится с темой времени [Абрамова, с. 68].

В творчестве Поплавского стрекоза впервые упоминается в стихотворении «Авиатор» (1925–1926), которое вписывается в контекст увлечения авиацией в творчестве писателей и поэтов начала XX в. [Буренина; Мароши, 2005; 2009;

Желтова]. Авиатором в этом стихотворении является душа поэта, превратившаяся в летательный аппарат, и он сам в образе летчика на вертолете. Очевидно внешнее сходство вертолета и стрекозы, которая в итоге становится причиной гибели летающей машины:

Но вдруг — хрустальный звон и треск,
Пропеллер лопнул как попало:
В него, летя наперерез,
Земная стрекоза попала.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 443]

Звуки крушения не объяснить поломкой металлических деталей реального вертолета, — хрусталь / стекло в лирике Поплавского символизирует краткие, «хрупкие» мгновения творчества, связанные с музыкальным началом. Герой слышит не грохот, а *звон* и треск. Полет небесной стрекозы — души лирического субъекта, воспарившей над земным миром в своих фантазиях-снах, — прерывается ее земным двойником-антиподом, также с прозрачными, «хрустальными» крыльями. Метафизическое парение не выдерживает столкновения с реалиями земного мира.

Стихотворение посвящено свободному полету мечты, который начинается с быстрого движения:

От счетоводства пятен много,
Пятнист безмерно счетовод,
Душа же вьется, как минога,
Несется, как водопровод.

[Там же]

Упоминание счетоводства связано с рутиной жизни, душа героя рвется на волю. Минога, как и другие акватические образы и обитатели водной стихии в поэзии Поплавского, всегда является маркером бессознательного, творческого самозабвения. Стремление оторваться от земли к небу описано как танец, вакханалия и жертвоприношение:

Она играет на ковре,
В садах, как на клавиатуре,
Она гуляет на горе, <...>
Иль в слишком синей синеве
Она вздыхает, издыхает,
Проспясь, идет на голове
И с лестницы друзей порхает. <...>
Смотри, она идет одна
По крыше — ей легко и больно.
Как вертел, нож-громоотвод
Ее пронзил, она кружится...

[Там же]

В ранней лирике Поплавского стрекоза появляется в связи с темами сна и метафизического полета. Герой желает обрести легкость и воздушность, добивается этого, но пробуждается и возвращается в земной плен. Такой лирический сюжет обнаруживается и в стихотворении «Покушение с негодными средствами» (1926), написанном в один год с «Авиатором»:

И лиловая пери гроза
Низвергала потоки лихие
Мы качались как стрекоза
Сон шофера хлестал по лицу и
Заметал бездорожье небес
(А на месяце синем гарцуя
Отдавал приказания бес).

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 445]

Глагол *качались* связан не столько с полетом, сколько с умением замирать в воздухе, парить. Стрекоза выступает как символ равновесия и силы, которая способствует ровному «стоянию» в воздушной сфере. В данном случае герой находится на небесах и выступает как наблюдатель за всем происходящим в фантастическом мире его сна, который заканчивается, как и полет авиатора, катастрофическим пробуждением:

Но напрасно: мы валимся, мы
Головой ударяем о плаху
О асфальтные стены тюрьмы
Мы в гробах одиночных и точных
Где бесцельно воркует дыханье
Мы в рубашках смирительных ночью
Перестукиваемся стихами.

[Там же, с. 446]

Иное осмысление образа стрекозы возникает в стихотворении «Последний парад» (1927), где появляется искусственное золотое украшение в виде стрекозы на крупе коня:

Ночь пришла, и клоуны явились.
Счастье жизни хохотало труппе,
Музыканты-лошади кружились
С золотою стрекозой на крупе.

[Там же, с. 181]

В этом тексте представлен обратный, в отличие от «Авиатора» и «Покушения с негодными средствами» процесс. Если в ранней лирике герой взлетал как стрекоза и разбивался о землю (пробуждение), то в «Последнем параде» дионисийское буйство, представленное мотивами праздника, карнавала, музыки, приводит мир к гибели в очищающем пламени и появлению небесного розового сада:

А на утро в ореоле зноя
Над театром, отошедшим в вечность,
Сад раскрылся розовой стеною
В небесах пустых и безупречных.
[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 181]

Образ бабочки

Образ бабочки в творчестве Б. Поплавского имеет ряд значений как чисто авторских, так и восходящих к мифологическим традициям. В ранней поэзии чешуекрылые упоминаются в стихотворении «Жюлю Лафоргу»:

На ярком солнце ко чему огни.
И ан летят, и ан ползут, и шепчут
Стрекозы-люди, бабочки они,
Легки, как слезы, и цветка не крепче.
[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 91]

Лирический сюжет стихотворения фантастичен: в темную ночь герой обращается к луне, высмеивая ее поэтически клишированный образ и создавая мир, в котором все лишается гравитации: неодушевленные предметы, животные и люди обретают способность к полету. Бабочка и стрекоза возникают в связи с темами воздушности, победы полета-творчества над реальностью. Иронически обыгрывается типичный в поэзии Жюля Лафорга образ луны, названный «тыквенной головой»:

Послушай, нотра дама де ла луна!
Любительница кошек и поэтов,
Послушай, толстая и белая фортуна,
Что сыплет серебро фальшивое без счета.
[Там же, с. 90]

У Лафорга луна сакрализуется, это царица поэзии:

Я болен сердцем, я на лад настроен лунный.
О тишина, простри вокруг свои лагуны!
О кровли, жемчуга, бассейны темноты,
Гробницы, лилии, озябшие коты,
Поклонимся луне, властительнице нашей:
Она — причастие, хранящееся в чаше
Безмолвия, она прекрасна без прикрас,
В оправе траурной сверкающий алмаз.
[Лафорг]

Поплавский в пародийном стихотворении вводит важнейший мотив, характерный для лирики Лафорга: желание покинуть землю, которая в стихотворениях французского поэта является обителью горя:

Бери наш шар нечистый и смети
Проказу городов и их сынов с пути.
И брось обломки их в пучину без названья...
Никто не помнит пусть, в величии незнанья
Предвечных солнц и звезд любви живой,
О мозге сгнившем, что когда-то был землей.

[Лафорг]

У Поплавского полет, воздушность, возможность движения среди небесных сфер является возможным спасением от земного ада. «Полет во тьму будильников» несет пробуждение, окончание странного сна, в котором можно обрести крылья:

И вот летим мы, сонные, домой.
К тебе, читатель непонятный мой.
И слышим, как на утренней земле
Мильон будильников трещат во мгле.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 92]

Однако бабочка не всегда символизирует полет / воспарение. В нескольких текстах используются метафоры «бабочка-листок» и «бабочка-слово», например, в стихотворении «На иконе в золотых кустах...» (1926):

И с ночным горшком на голове
Пляшет неизвестный человек
А вокруг как бабочки грехов
Реют в воздухе листки стихов.

[Поплавский, 2009а, с. 116]

Эта метафора объясняется взглядами Б. Поплавского на искусство как деяние вне морали, что особенно характерно для его ранней лирики. Идентичный образ бабочек-листков появляется в романе «Домой с небес», где стихотворение 1926 г. частично цитируется: «Розовый жар неподвижного городского заката, скука, испарина, боль в сердце, а на углу, с ночным горшком на голове, пляшет неизвестный человек, а вокруг, как бабочки грехов, реют в воздухе листки его стихов...» [Поплавский, 2009б, т. 2, с. 334].

В миниатюре «Лунный дирижабль» (1928) из книги «Флаги» появляются «огненные бабочки слов»:

Напевают цветы в саду.
Оживают статуи душ.
И, как бабочки из огня,
Достигают слова меня.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 187]

Творчество-поэзия — чудотворство Орфея, созидание показано как процесс, где по принципу смысловой градации используется анафорическая рифма «напевают-оживают-достигают». Но творчество — за пределами добра и зла, в стихотворении луна — небесная преисподняя:

Я хочу Тебя погубить,
Я хочу погибающим быть.
О прекрасной гибели душ
Я Тебе расскажу в аду.
Строит ангел дворец на луне,
Дирижабль отходит во сне.
Запевают кресты винтов,
Опадают листы цветов.
Синий звук рассекает эфир,
Приближается мертвый мир.
Открывается лунный порт,
Улыбается юный черт.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 186]

В стихотворении даже небесное звучание лунной музыки показано через метафору холодного оружия («Синий звук рассекает эфир» подобно мечу или кинжалу). Схожая образность вновь появляется в романе «Домой с небес»: «В слишком широко раскрытых, слишком светочувствительных глазах мир казался полным огня, каждый дом — спящим на солнце, притворяющимся добродушным чудовищем, каждый угол, каждое закатное облако, каждый фонарь казались одушевленным существом — притаившимся ангелом, демоном, огненной бабочкой, медленно полыхающей в сумерках» [Поплавский, 2009б, т. 2, с. 307]. Огненная бабочка — двойственный символ творчества, в данном случае нужно учесть толкование значения «огненной мухи», которое дает А. Е. Махов, анализирующий этот образ у Леонардо да Винчи: «У Леонардо человек-мотылек стремится к огню не по глупости и безрассудству, но потому, что заключенные в нем стихии стремятся к освобождению. Связь мотива гибнущего мотылька с "желанием собственного разрушения", о котором пишет Леонардо, по-новому будет осмыслена у Гете (в стихотворении "Блаженное томление"), где "пламенная смерть (*Flammentod*)" реализует желание не саморазрушения, но нового "становления"» [Махов, с. 538]. Поплавский инверсирует классическую символизацию: если традиционно мотылек (носитель мужского начала) стремится к огню и сгорает в нем, то у монпарнасца бабочка (символ женственности) вылетает из огня, что связано и с инфернальностью, и с божественностью творчества, с бессмертием.

Как уже было отмечено относительно ранней лирики, поэзия внеморальна, природа ее двуедина, поэт — и призван, и проклят, обречен своей миссии. Демоническая сущность бабочки обнаруживается и в культуре авангарда, что

отмечает Н. В. Злыднева [2004]. Заметим, что и в фольклоре славянских народов бабочка символизировала душу ведьмы, смерть и дьявола (поверья о ночных бабочках в Словении и Сербии) [Гура, с. 488–491]. Но творчество Поплавского стоит особняком в этом контексте. Для поэта-младоэмигранта демонизм бабочки соотносится с его религиозными воззрениями на искусство.

Рассмотрим метафору бабочки-снежинки. Эта образность достаточно традиционна: порхание снежинки, имеющей кружевной узор, похоже на полет белоснежной бабочки. Но у Поплавского эта метафорика трансформируется. В романе «Аполлон Безобразов» возникающие вместе с осенним дождем бабочки снежинок названы таинственными:

> Среди бесконечных выступов и уклонов темной черепицы, среди отвесов и маленьких, никому, кроме чердачных зрителей, не видимых, покрытых железом надстроек, где так чисто и длительно, так нежно и свободно падали и разбивались стеклянные розы дождя и медленно, едва двигаясь в воздухе, опускались таинственные бабочки снежинок [Поплавский, 2009б, т. 2, с. 28].

Поэт создает две сложные метафорические конструкции, соединенные друг с другом по смыслу между всеми членами, их составляющими. Представим это в виде схемы:

бабочки	розы
+	+
снежинки	капли дождя

Загадочное снижение / спуск бабочек-снежинок можно интерпретировать как аллюзию на процесс собирания пыльцы. Заметим, что одновременное выпадение снега с дождем — типичное явление природы в странах северного полушария в ноябре или декабре, но описано оно необычно, через метафору опыления. Во фрагменте, предшествующем этому отрывку, мир осмыслен как ночной город-ад:

> В то время вокруг на бесчисленных колокольнях и старинных зданиях били часы, далеко до назначенного часа начинали бить и долго еще после него били, запаздывая и мечтая. Они даже среди дня были явственно слышны, а ночью это были целые разговоры и споры часов между собою, когда вдруг кто-то из них высоко-высоко и странно возглашал час, близкий к заре; на мгновение воцарялось молчание, и вдруг далеко-далеко и полные как бы всем разочарованием и усталостью мира, как будто из ада, отвечали им еле слышно и явно запоздалые хриплые звоны [Там же].

Поэт сохраняет связь бабочек с ночью и преисподней. Наделение атмосферных осадков метафорическими коннотациями, которые сближают их с цветами и насекомыми, вновь позволяет говорить о мотиве творчества как блаженства /

проклятия, а колокольный звон «как будто из ада» ассоциируется с неумолимым движением все уничтожающего времени[1].

В поэзии Поплавского наблюдается связь мотивов тишины, падения в ад, снега и бабочки. В стихотворении «Морелла-II» (1930):

Тихо голос Мореллы замолк на ином берегу.
Как серебряный сокол, луна пролетела на север.
Спало мертвое время в открытом железном гробу.
Тихо бабочки снега садились вокруг на деревья.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 222]

Падение бабочек-снежинок знаменует ниспадающее движение в ад. Морелла сравнивается со светом, тонущим во тьме: «Ты, как жизнь, возвращалась; как свет, улетающий в бездну». Если в начале стихотворения тема снега частотна: «бабочки-снежинки», «снежная степь», «снежные звезды», «снеговое одеянье», то в итоге противопоставленный данным образам мотив черного цвета («черные волны», «черная цепь», «черный штандарт», «черные крылья») побеждает. Уход чернокрылой Судьбы-Мореллы в бездну равнозначен ее гибели и погружению мира в апокалиптический хаос. Образ бабочек-снежинок символизирует хрупкость и бессилие красоты и искусства перед зловещей тьмой реальности, потому они не могут лететь и падают наземь. Заметим, что и Морелла имеет крылья, но она не способна воспарить над землей, что сближает ее с образом снежной бабочки:

Где Ты, светлая, где? О, в каком снеговом одеянье
Нас застанет с Тобой Воскресения мертвых труба?
На дворе Рождество. Спит усталая жизнь над гаданьем,
И из зеркала в мир чернокрылая сходит судьба.

[Там же, с. 223]

Образ «огненной бабочки-снежинки» из миниатюры «Гамлет» построен на оксюмороне:

Сад проплывает в малиновом зареве роз,
Воздух светает и полюс блестит синеватый.
Молча снежинка спускается бабочкой алой,
Тихо стекают на здания струйки огня.

[Там же, с. 189]

---

[1] В творчестве Поплавского темы времени и звона часто соотносятся с апокалиптикой:

Который час? Смотрите, ночь несут
На веках души, счастье забывая.
Звенит трамвай, таится Страшный Суд,
И ад галдит, судьбу перебивая.

(«Печаль зимы сжимает сердце мне...»)
[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 268]

В данном случае цвет бабочки-снежинки соотносим с яркой цветовой палитрой стихотворения: «Высунет месяц свои золотые рога», «порозовеет денница», «розовый мост», «лиловое море», «сиреневое небо Валгаллы», «Синие души вращаются в снах голубых». Важно сочетание мотивов снега и огня, а огненные бабочки у Поплавского, как было выявлено, символизируют творчество, при этом являются сложным символическим образом, который можно трактовать и как метафору зари (традиционный поэтизм). Поэт вводит целую систему образов, связанную с садом и цветами («Тихо большие цветы расцветают, в огне / Их улыбаются незабвенные лица» [Поплавский, 2009б, т. 2, с. 188]). Очевидно сходство этих стихов с миниатюрой «Лунный дирижабль», где также возникали огненные бабочки и цветы в лунном саду-аду, «Гамлет» завершается строчкой, где также появляется образ луны: «Пела безумная девушка под луной». Лунная символика связана вновь со значениями творчества-пения как безумия, невозможности любви Офелии и Гамлета — творца, не от мира сего.

Помимо шекспировского кода в стихотворении значим и символистский. Образ алых бабочек — аллюзия к миниатюре И. Анненского «Маки» из «Трилистника соблазна» (1910), где данный образ возникает в связи с темами вожделения и эротизма:

Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами — как жадное бессилье,
Как губы, полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.

[Анненский, с. 86]

Тема любви появляется у Поплавского, но она дана в связи с темой искусства: «Гамлет, Ты знаешь, любовь растопляет снега». Отметим сближающие оба стихотворения образы сада («Но сад и пуст и глух»), огня («Веселый день горит», «Веселый день потух») и страсти, лишающей разума. Очевидно, что алые уста цветов в стихотворении «Зеленый ужас» (1925) восходят также к Анненскому:

Шипит апрельской флоры наважденье,
И пена бьет из горлышка стволов.
Весь мир открыт в весеннем нетерпеньи,
Как алые уста нагих цветов.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 84]

В «Маках» тема творчества незначима, помимо указанной символики, маки связаны с циклом человеческой жизни [Парамонова, с. 42]. У монпарнасца описано бытие в искусстве: от возвышения и страсти до падения и безумия.

Следует обозначить, что огненная бабочка связана не только с творчеством, но и с религиозными мотивами:

> Все творение, на темном дне которого она так долго-долго угасала, казалось ей вдруг залитым золотым светом, оно было доступно из конца в конец, и она сразу

была во всех концах его. Подобно яркой звезде, дышало оно между высшим и низшим мраком, подобно бессмертному ангелу, сердцем которого был Иисус. А ангел этот был весь соткан из миллионов иных ангелов — живых огней, из коих меньшие напоминали золотые бабочки, а большие легко удержали бы землю на своей ладони. <...> Но это было лишь мистической телесностью видения, а за нею брезжила еще мистическая духовность его как сладостное и страшное предчувствие какой-то радикальной перемены, вечно звучащий и как бы безмолвный звук, осознать который означало умереть. Но умереть так было слаще всякой жизни. Исчезнуть, растаять, как снежинка, падающая на солнце, очнуться, преобразиться и все забыть [Поплавский, 2009б, т. 2, с. 127–128].

Золотая бабочка соотносится не с огнем, а со светом, неудивительно упоминание снежинки, тающей в солярной сфере. В рассмотренных примерах бабочки-снежинки падали на землю, а в этом отрывке из романа «Аполлон Безобразов» они тают в божественном огне, дарующем возрождение. Золотой цвет означает связь бабочки с небесной природой ангела, близкого Христу и знаменующего высшую силу духа.

В античности бабочка символизировала Психею, душу, после смерти улетавшую из тела: «Психея, Психе ("душа, дыхание"), в греческой мифологии олицетворение души, дыхания. <...> П. представлялась на памятниках изобразительного искусства в виде бабочки, то вылетающей из погребального костра, то отправляющейся в Аид. Иногда бабочка прямо отождествлялась с умершим <...>. Греческое слово "П." означает "душа" и "бабочка"» [Лосев]. В отрывке из романа «Аполлон Безобразов» говорится об очищении души в солярном огне, ее воскрешении и обретении вечности, христианская трактовка бабочки-души выдвигается на первый план: «Бабочка, как эмблематическое изображение души, встречается в таких отдаленных друг от друга регионах, как Заир, Центральная Азия, Мексика, Новая Зеландия. Бабочки имеют именно это значение на христианских надгробиях, а Христос, держащий в ладони бабочку, символизирует воскрешение» [Тресиддер, с. 18].

Религиозная символика наблюдается в «Автоматических стихах». В стихотворении «В банках машины жевали железное мясо...» появляется образ черной бабочки: «Девочка черную бабочку в подъемной машине поймала / И подарила больному священнику в желтом костюме» [Поплавский, 2009б, т. 1, с. 343]. Черный цвет крыльев бабочки связан со смертью, что особенно характерно для колористического символизма Поплавского [Мансков, с. 88, 90]. Данный образ связан с темой пляски смерти, центральной в стихотворении, где описан бал мертвецов, ожидающих Эриний, богинь-мстительниц:

На плотине огни загорались весеннего бала.
А под нею скелеты дремали в объятиях спрута.
Медленно в мире рассвета склонялись весы.
Эриний ждали они, за белою стрелкой следили.
И последние били на каменных башнях часы.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 343]

Черная бабочка символизирует смерть и грядущее Судилище над всеми живыми существами. Дарение этой бабочки священнику означает его гибель, уход души из тела.

Религиозный мотив возникает в миниатюре «Как тяжело катить стеклянный шар...», где бабочка становится частью загадочного сюрреалистического пейзажа:

Как тяжело катить стеклянный шар:
В нем жизнь прошла наедине с собою.
Осенним ярким солнцем освещен,
Он кажется пустым и золотым.
Горит трава, в кустах издохли змеи,
На красный камень бабочка садится,
Несется поезд, скор на повороте,
Но нет, не может здесь остановиться.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 362]

Необходимо учитывать, что пейзаж появляется в стеклянном шаре, он ограничен хрупкими стенками сферы, которая может разбиться. Если трактовать данное описание как пейзаж души героя, то можно отметить, что бабочка символизирует покой и поиск некой религиозной истины. В творчестве Поплавского образы стекла и хрусталя связаны с аполлонической формой искусства, которая холодна, как гладкая поверхность этих материалов. В философских дневниках поэт пишет об «отвратительной музыке» И. С. Баха, которая чудесна как звучание хрустальных сфер, стройна, как стеклянные лестницы, но хладнокровна к земному бытию, ибо исчезает-испаряется в воздушных эмпириях [Поплавский, 1996, с. 256, 271]. В «Автоматических стихах» стекло также возникает как материал, из которого сделаны стены шара-планеты, где царит смерть:

Ночь блестела на синих стеклах
Все кричали, все уставали
Прикасались ко лбу рукою
Все с последним сном расставались

<...>

Смерть входила в костюме сером
Смерть вошла — уронили карты
Посмотрели в стеклянный шар.

[Там же, с. 360]

В исследуемой миниатюре мертвые змеи знаменуют исчезновение страстей и мучений:

В пещере льется чистая вода.
Глухонемые души слышат звуки.
А выше снег прекрасный навсегда.
Чего ж ты ждешь? Умой больные руки!

Звезда Пилата поцелует их.
Как сон, спокоен лес. Как сон затих.
[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 362]

Близость смерти героя, чье появление в волшебной пещере, где существуют души, слушающие загадочные звуки, знаменует переход от жизни к смерти, воскресению, что символизирует «прекрасный» «вечный» снег в далеких небесных просторах. Омовение рук осмыслено героем как грех, который прокуратор Иудеи смыл с себя этой водой, в миниатюре Пилат появляется в виде звезды[2]. Образ бабочки в этом философском стихотворении интерпретируется не только как деталь пейзажа, но и как душа героя, готовая вознестись в иной мир из ограниченной стеклянными стенками сферы.

Еще одно значение образа бабочки связано с мотивом времени (книга «Флаги»). В стихотворении «Мистическое рондо III» (1930) возникает образ бабочек-годов, который повторяется дважды:

Кошкам холодно. Они зевают
Да. Да.
А над башней мира тихо пролетают
Бабочки-года.

<...>

А ночной король на солнце ходит
С мертвой головой,
Бабочек он тонкой сеткой ловит
Голубой.
[Там же, с. 221]

Ловля бабочек — метафора попытки обретения «упорхнувшего» времени, которое невозможно поймать, в финальной строфе оно превращается в поток, по которому плывет Офелия:

И тогда стекает время жизни,
Как вода,
Что несет Офелию к отчизне.
Навсегда.
[Там же]

Этот образ может отсылать к стихотворению А. Рембо «Офелия» (1870), где тело безумной девы, плывущее по реке в виде прекрасной лилии, символизирует вечность поэзии и искусства:

[2] Поплавский парадоксальным образом соотносит Пилата с Христом, если рассматривать образ звезды как аллюзию к Рождеству.

По сумрачной реке уже тысячелетье
Плывет Офелия, подобная цветку;
В тысячелетие, безумной, не допеть ей
Свою невнятицу ночному ветерку.

[Проклятые поэты, с. 229]

Оба стихотворения сближает тема вечности искусства, победившего время и смерть, но у Рембо пространство обозначено как бесконечность, а река символизирует вечное течение времени, у Поплавского же речь идет о некой метафизической Отчизне. Связь образа бабочки с мотивом времени очевидна и в стихотворении «Древняя история полна...» (1928):

Древняя история полна
Голубых и розовых звезд,
Башен, с которых заря видна,
Бабочек, сонно летящих на мост.

[Поплавский, 2009б, т. 1, с. 231]

Бабочки, летающие над миром, ушедшим в историю (Древний Рим), связаны со скоротечностью бытия исторического и человеческого:

Так высоко, так глубоко, так от земли далеко
Черные трубы поют на мосту:
Белые флаги подняв в высоту,
Римское войско идет.
Бабочки тихо летят над ним,
А над каждым — железный нимб.
Тихо над статуей солнце встает,
Будут новые дни.

[Там же]

Заключение

Итак, исходя из проведенного анализа, можно сделать следующие выводы. Образ стрекозы в поэзии Поплавского связан с мотивом творческого экстаза, полета вдохновения. Но достижение этого прекрасного состояния иллюзорно, потому образ стрекозы всегда появляется во снах лирического героя. Иные коннотации закреплены за образом бабочки, который отличается многозначностью. Прежде всего, бабочка символизирует творческий акт как восхождение / озарение и нисхождение — создание произведения (в терминологии Вяч. Иванова). У поэта возникает оксюморонный образ огненной бабочки-снежинки, с которой связаны и ангельское, и демоническое начало, что соотносится с пониманием творчества и вдохновения как избранничества / проклятия за границами этики. Это обуславливает двойственность образа

бабочки, которая порхает как снежинка и пылает, точно искра из адского пламени. В нескольких произведениях бабочки возникают в связи с лунной и ночной символикой, лунарная мифология поэта своеобразна: ночное светило представлено в его лирике и как сниженный, саркастически осмеянный поэтический штамп, и как преисподняя, где растут горящие сады, из которых вылетают огненные бабочки вдохновения.

Важнейшим значением исследуемого образа является связь с религиозными мотивами. В романе «Аполлон Безобразов» возникает золотая бабочка-душа, соотносящаяся с Христом и Солнцем, а в «Автоматических стихах» она символизируют душу, перелетающую в иной мир из ненавистной реальности. Значимой трактовкой бабочки является ее связь с темой времени (актуализируется значение эфемерности этого насекомого), мгновениями жизни, навсегда исчезающими в бесконечном временном потоке. В творчестве Б. Поплавского традиционное значение бабочки сохраняется, но авторская интерпретация этого образа превалирует, что объясняется его философией и эстетикой, где краткие греховные мгновения творческих мук сменятся музыкой бессмертия.

Источники

Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л. : Сов. писатель, 1990.

Лафорг Ж. Избранные стихотворения. 1886. URL: http://az.lib.ru/l/laforg_z/-text_1886_stihi.shtml (дата обращения: 06.10.2024).

Ли Бо, Ду Фу. Избранная лирика. М. : Дет. лит., 1987. URL: https://lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt (дата обращения: 06.10.2024).

Поплавский Б. Ю. Неизданное. М. : Христианское изд-во, 1996.

Поплавский Б. Ю. Орфей в аду. М. : Гилейя, 2009а.

Поплавский Б. Ю. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Рус. путь, 2009б.

Проклятые поэты. М. : Эксмо, 2014.

Японские трехстишия / пер. с японского В. Марковой. М. : Худож. лит., 1973.

Исследования

Абрамова К. В. Стихотворение Б. Пастернака «В лесу» в контексте книги «Темы и вариации» и цикла «Нескучный сад» // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 66–72.

Болтовский Е. О. Мифологема воды в творчестве Бориса Поплавского // Известия Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 1. С. 120–123.

Буренина О. «Реющее тело»: Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900–1930-х гг. // Абсурд и вокруг / под ред. О. Бурениной. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 188–241.

Васильева М. А. Между небом и землей: об одном рождественском стихотворении Бориса Поплавского // Известия Уральского федерального университета. 2014. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 16, № 4 (133). С. 154–164.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997.

Желтова Е. Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4/2. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2007. С. 163–193.

Злыднева Н. В. Инсектный код русской культуры XX века // Абсурд и вокруг / под ред. О. Бурениной. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 241–259.

Иванова-Казас О. М. Беспозвоночные в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Компарелли Р. Лирика Б. Ю. Поплавского: мотивы, сюжеты, образы : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2015.

Лосев А. Ф. Психея // Мифологический словарь / [А. А. Аншба и др.] ; гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 444–445.

Мансков С. А. Цветосимволизм как семантическое явление в поэзии Б. Поплавского // Культура и текст. 1997. № 2. С. 88–91.

Мароши В. В. Дионисийские мотивы в литературной неомифологии авиатора // Культура и текст. 2005. № 8. С. 16–33.

Мароши В. В. Авиатор в идеологии русского модернизма и авангарда // Авангард и идеология: Русские примеры / под ред. С. Грубачича, К. Ичин. Белград : Изд-во Белградского ун-та, 2009. С. 172–191.

Махов А. Е. Эмблематика: макрокосм. М. : Intrada, 2014.

Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. СПб. : Алетейя, 2007.

Милькович Н. Три разговора о Поплавском. Белград : Изд-во Белградского ун-та, 2022.

Парамонова Л. Ю. Мучительная жажда красоты и амбивалентность цвета в книге И. Анненского «Кипарисовый ларец» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 38–43. https://doi.org/10.17223/15617793/397/7

Прадивлянная Л. Парадоксы сюрреализма и их языковая реализация (на материале поэзии Б. Поплавского) // Годишник на Шуменския университет «Епископ Константин Преславски». Факултет по хуманитарни науки. 2022. № 1. С. 295–305. https://doi.org/10.46687/VRZN3213

Тресиддер Д. Словарь символов. М. : Гранд, 1999.

Ханзен-Лёве О. А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003. (Серия «Современная западная русистика» ; 48)

Karlinsky S. Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry: Churilin, Zabolotskii, Poplavskii // Slavic Review. 1964. Vol. 26, No. 4. P. 605–617.

Livak L. The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927 // The Slavic and East European Journal. 2000. Vol. 44, No. 2. P. 177–194.

Ponomareff C. One Less Hope: Essays on Twentieth-Century Russian Poets. New York : Brill, 2006. (Internationale Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Literaturwissenschaft ; 101)

References

Abramova, K. V. (2012). Stikhotvorenie B. Pasternaka "V lesu" v kontekste knigi "Temy i variatsii i tsikla" "Neskuchnyi sad" [The Poem *In the Forest* by B. Pasternak in the Context of his Book *Themes and Variations* and the *Neskuchny Garden* Cycle]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 66–72.

Boltovsky, E. O. (2011). Mifologema vody v tvorchestve Borisa Poplavskogo [Mythologem of Water in Boris Poplavsky's Creative Work]. *Izvestiia Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 1, 120–123.

Burenina, O. (2004). "Reiushchee telo": Absurd i vizual'naia reprezentatsiia poleta v russkoi kul'ture 1900–1930-kh gg. ["Floating Body": The Absurd and Visual Representation of the Fly

in Russian Culture]. In O. Burenina (Ed.), *Absurd i vokrug* [The Absurd and All Around] (pp. 188–241). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.

Hansen-Löve, A. A. (2003). *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm nachala veka. Kosmicheskaia simvolika* [Russian Symbolism. A System of Poetic Motifs. Mythopoeic Symbolism of the Beginning of the Century. Cosmic Symbols]. St Petersburg: Akademicheskii proekt.

Ivanova-Kazas, O. M. (2006). *Bespozvonochnye v mifologii, fol'klore i iskusstve* [Invertebrates in Mythology, Folklore and Art]. St Petersburg: St Petersburg University Press.

Karlinsky, S. (1964). Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry: Churilin, Zabolotskii, Poplavskii. *Slavic Review, 26*(4), 605–617.

Komparelli, R. (2015). *Lirika B. Iu. Poplavskogo: motivy, siuzhety, obrazy* [Lyrical Poetry of B. Yu. Poplavsky: Motifs, Plots, and Images] (doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk.

Livak, L. (2000). The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927. *The Slavic and East European Journal, 44*(2), 177–194.

Losev, A. F. (1990). Psikheia [Psyche]. In E. M. Meketinsky (Ed.), *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary] (pp. 444–445). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Makhov, A. E. (2014). *Emblematika: makrokosm* [Emblematic: Macrocosm]. Moscow: Intrada.

Manskov, S. A. (1997). Tsvetosimvolizm kak semanticheskoe iavlenie v poezii B. Poplavskogo [Colour Symbolism as a Semantic Phenomenon in the Poetry of B. Poplavsky]. *Kul'tura i tekst*, 2, 88–91.

Maroshi, V. V. (2005). Dionisiiskie motivy v literaturnoi neomifologii aviatora [Dionysian Motifs in the Literature Neomythology of the Aviator]. *Kul'tura i tekst*, 8, 16–33.

Maroshi, V. V. (2009). Aviator v ideologii russkogo modernizma i avangarda [The Aviator in the Ideology of the Russian Modern and Avant-garde]. In S. Grubachich, & K. Ichin (Eds.), *Avangard i ideologiia: Russkie primery* [Avant-garde and Ideology: Russian Examples] (pp. 172–191). Belgrade: Belgrade University Press.

Menegaldo, E. (2007). *Poeticheskaia vselennaia Borisa Poplavskogo* [Poetical Space of Boris Poplavsky]. St Petersburg: Aleteiia.

Milkovich, N. (2022). *Tri razgovora o Poplavskom* [Three Conversations about Poplavksy]. Belgrade: Belgrade University Press.

Ponomareff, C. (2006). *One Less Hope: Essays on Twentieth-Century Russian Poets*. New York: Brill.

Paramonova, L. Yu. (2015). Muchitel'naia zhazhda krasoty i ambivalentnost' tsveta v knige I. Annenskogo "Kiparisovyj larets" [Acute Thirst for Beauty and Ambivalence of Colour in Innokentiy Annensky's Book *Cypress Box*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 397, 38–43. https://doi.org/10.17223/15617793/397/7

Pradivlyannaya, L. (2022). Paradoksy siurrealizma i ikh iazykovaia realizatsiia (na materiale poezii B. Poplavskogo) [Paradoxes of Surrealism and Their Language Realization (Based on B. Poplavsky's Poetry)]. *Godishnik na Shumenskija universitet "Episkop Konstantin Preslavski". Fakultet po khumanitarni nauki*, 1, 295–305. https://doi.org/10.46687/VRZN3213

Tresidder, J. (1999). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: Grand.

Vasilyeva, M. A. (2014). Mezhdu nebom i zemlei: ob odnom rozhdestvenskom stikhotvorenii Borisa Poplavskogo [Between the Earth and the Sky: On a Christmas Poem of Boris Poplavsky]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 16*(4), 154–164.

Zheltova, E. L. (2007). Kul'turnye mify vokrug aviatsii v Rossii v pervoi treti XX veka [Culture Myths around Aviation in Russia in the First Third of the 20th Century]. *Russkaia antropologicheskaia shkola. Trudy* (Iss. 4/2, pp. 163–193). Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House.

Zlydneva, N. V. (2004). Insektnyi kod russkoi kul'tury XX veka [Insect Code of the Russian Culture of the 20th Century]. In O. Burenina (Ed.), *Absurd i vokrug* [Absurd and All Around] (pp. 241–259). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Маматов Глеб Максимович
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры филологии
Новосибирский государственный
технический университет
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20/5
E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru

Тырышкина Елена Викторовна
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы, теории литературы
и методики обучения литературе
Новосибирский государственный
педагогический университет
630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28/3
E-mail: elena.tyryshkina@gmail.com

Mamatov, Gleb Maksimovich
PhD (Philology), Lecturer
Department of Philology
Novosibirsk State Technical University
20/5, K. Marx Ave., 630073 Novosibirsk,
Russia
Email: g.m.mamatov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-0625-3853
Scopus AuthorID: 57221804668

Tyryshkina, Elena Viktorovna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign
Literature, Literary Theory and Methods
of Teaching Literature
Novosibirsk State Pedagogical University
28/3, Viluyskaya St., 630126 Novosibirsk,
Russia
Email: elena.tyryshkina@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-0215-4949
Scopus AuthorID: 36769614500
WoS ResearcherID: W-2515-2017

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.002
УДК 821.161.1-3 Эфрон +
+ 82-94“1940/1943” + 821.133.1 + 172.1

Е. Е. Приказчикова
[1]*Уральский федеральный университет*
[2]*Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

«ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕКСТ» ДНЕВНИКОВ Г. ЭФРОНА 1940–1943 гг.

Объектом анализа в статье стал «французский текст» дневников Г. Эфрона 1940–1943 гг., под которым понимается прежде всего текст, написанный полностью на французском языке и представляющий собой 81 запись, сделанную автором дневника в течение лета и осени 1941 г.

Цель статьи заключается в исследовании тематического разнообразия «французского текста» дневников Г. Эфрона и его функций, важных для анализа авторской поведенческой стратегии, тесно связанной с формами авторской национальной самоидентификации.

В ходе исследования использовались следующие методы анализа текста: жанрологический, биографический, сравнительно-исторический, элементы филологического имагологического анализа.

Исследование «французского текста» дневника позволяет выделить следующие важные для автора дневника темы. Во-первых, это тема взаимоотношений автора с противоположным полом как необходимый психологический момент взросления героя-подростка. Во-вторых, анализ причин его одиночества как во Франции, так и в СССР. В-третьих, политическая тематика дневника, касающаяся, прежде всего, осмысления места Франции в мировой истории с учетом ее недавнего поражения от нацистской Германии. В-четвертых, это жесткая критика советской творческой интеллигенции, а также некоторых черт советско-российской ментальности, которые наиболее ярко проявились в первые месяцы Великой Отечественной войны. Наконец, в-пятых, «французский текст» распространяется на элементы дневниковой утопии-эвпсихии, выступающей в качестве идеальной и альтернативной реальности счастливого будущего автора дневника и принимающей формы утопии как деятельности.

«Французский текст» дневника Г. Эфрона позволяет осмыслить принципы формирования авторской стратегии поведения при выборе основной формы национальной самоидентификации как галлофилии vs галломании. Кроме того, «французский текст» в силу его общего аналитизма повышает политико-идеологический и идейно-психологический потенциал дневника.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Г. Эфрон; дневники 1940–1943 гг.; французский текст; галломания vs галлофилия; утопия как деятельность

Благодарности
Исследование проведено за счет средств финансового обеспечения выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема: «История литературы Урала:

© Приказчикова Е. Е., 2026
CC BY-NC

типы художественности в контексте социокультурных трансформаций», рег. номер 124032100049-6.

Цитирование: *Приказчикова Е. Е.* «Французский текст» дневников Г. Эфрона 1940–1943 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 29–44. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.002

Поступила в редакцию: 30.03.2025
Принята к печати: 27.02.2026

Elena E. Prikazchikova
[1]*Ural Federal University*
[2]*Institute of History and Archaeology UB RAS*
Ekaterinburg, Russia

"FRENCH TEXT" OF G. EFRON'S DIARIES FROM 1940–1943

This article analyses the "French text" of G. Efron's diaries from 1940–1943, which is understood primarily as a text written entirely in French and comprising 81 entries made by the author of the diary during the summer and autumn of 1941.

The aim of this article is to examine the thematic diversity of the "French text" in G. Efron's diaries and its functions, which are important for analysing the author's behavioural strategy, closely linked to forms of the author's national self-identification.

The author employs the following methods of textual analysis in the study: genre analysis, biographical analysis, comparative-historical analysis, and elements of philological and imagological analysis.

An examination of the "French text" of the diary reveals the following themes that are significant to the diarist. Firstly, there is the theme of the diarist's relationships with the opposite sex, as an essential psychological aspect of the teenage protagonist's coming of age. Secondly, there is an analysis of the reasons for his loneliness, both in France and in the USSR. Thirdly, the political themes of the diary, concerning, above all, an understanding of France's place in world history, taking into account its recent defeat by Nazi Germany. Fourthly, it is a harsh critique of the Soviet creative intelligentsia, as well as certain traits of the Soviet-Russian mentality, which manifested themselves most vividly in the early months of the Great Patriotic War. Finally, the "French text" extends to elements of the diary's utopian eupsychia, which functions as an ideal and alternative reality of the diarist's happy future and takes the form of utopia as activity. The "French text" of G. Efron's diary makes it possible to understand the principles underlying the author's behavioural strategy in choosing the primary form of national self-identification as Gallophilia vs Gallomania. Furthermore, the "French text", by virtue of its general analytical nature, enhances the political-ideological and ideological-psychological potential of the diary.

K e y w o r d s: G. Efron; diaries 1940–1943; French text; Gallomania vs Gallophilia; utopia as an activity

Acknowledgements
The study was conducted using funds from the financial support for fulfilling the state assignment of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; topic: "History of Ural Literature: Types of Artistry in the Context of Sociocultural Transformations" (registration number 124032100049-6).

For citation: Prikazchikova, E. E. (2026). "Frantsuzskii tekst" dnevnikov G. Efrona 1940–1943 gg. ["French text" of G. Efron's Diaries from 1940–1943]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 29–44. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.002

Submitted: 30.03.2025
Accepted: 27.02.2026

Георгий Эфрон (Мур) известен в российской культуре главным образом как сын Марины Цветаевой. Ситуация изменилась только в 2007 г. после издания находящихся в архиве М. Цветаевой двух томов его «Дневников», общий объем которых, включая перевод французских частей и комментариев, составил 870 страниц. Изучение дневников, охватывающих период с марта 1940 г. по август 1943 г., позволило поставить имя Г. Эфрона в один ряд с такими известными дайаристами первой половины XX в., как Л. Федотов [2015] и Ю. Рябинкин [2015]. По уровню авторской откровенности «Дневники» Г. Эфрона можно сравнить с «Дневником» А. Тургенева, ставшего образцом исповедального эготекста эпохи сентиментализма.

Эго-документальный текст Г. Эфрона представляет собой образец классического, по Ф. Лежену, дневника, лишенного установки на публикацию и предназначенного исключительно для личного употребления автора [Лежен]. По типологии М. Михеева подобный дневник может быть охарактеризован как пред-текст, т. е. текст незавершенный, к «которому автор еще предполагает вернуться, чтобы его переписать или дополнить» [Михеев, с. 12]. По свидетельству самого Мура, его дневник, особенно ташкентские впечатления, должны были со временем стать «богатейшим материалом» будущего романа, который, «несомненно, будет когда-нибудь мною написан» [Эфрон, 2007, т. 2, с. 256][1].

Тематика дневникового повествования достаточно обширна. На его материале можно рассмотреть широкую панораму предвоенной жизни советской страны, познакомиться с дневниковыми портретами членов семьи и ближайшего окружения автора, включая знаменитых писателей и культурных деятелей 1930-х — начала 1940-х гг. (И. Эренбург, П. Антокольский, В. Луговской, Н. Асеев, А. Кочетков, М. Белкина).

Специальный филологический интерес представляет исследование Г. Эфроном литературного дискурса зарубежной и русской / советской словесности,

[1] Далее цитаты из «Дневника» Г. Эфрона даются по этому изданию, с указанием номера страницы и тома в круглых скобках. Все французские цитаты даются в статье в русском переводе по тому же изданию.

чаще всего имеющего форму читательской рецепции. Так, среди любимых русских писателей и поэтов он называет В. Маяковского, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. В дневнике Мура встречается достаточно много литературных цитат или аллюзий из классиков: А. С. Пушкина («Чего же более?»), М. Ю. Лермонтова («И скучно, и грустно...»), П. Валери («надо пытаться жить»), В. Маяковского («инцидент исперчен»).

В данной статье нас будет интересовать, прежде всего, «французский текст» дневников Г. Эфрона. Под «французским текстом» мы будем понимать не просто всю совокупность представлений о Франции, французской литературе и культуре, которая находит свое отражение в тексте дневников, но прежде всего выбор языка, на котором ведется дневник. Обращаясь к французскому языку, Мур тем самым продолжает традицию диалога двух национальных культур, начавшуюся в России еще в XVIII столетии. Результатом этого диалога стало рождение принципиально нового для России типа человека: дворянина-галломана, преклоняющегося перед французской модой и французской культурой. Разумеется, в XX в. формы репрезентации «галломании» были уже другие. Используя терминологическую систему французского культурного имаголога Д.-А. Пажо, можно предложить при рассмотрении «Дневников» Г. Эфрона пользоваться формулой галломания vs галлофилия. При этом под галлофилией понимается наличие позитивного взгляда на иностранную культуру при признании наличия между двумя национальными системами двусторонних связей, основанных на взаимоуважении [Pageaux].

В духе этой двойной формулы Г. Эфрон, живя во Франции фактически с рождения и прекрасно владея как разговорным, так и литературным французским языком, настойчиво подчеркивал в своих дневниках как свою «инаковость» (знак галлофилии) по отношению к Франции, так и восприятие ее в качестве позитивного национального культурного мифа, «миража» (знак галломании).

Например, в духе классической галломании у него «с удивительной регулярностью, к раннему заходу солнца наступают... долгие часы ностальгии по счастью и Франции, слитые во мне в одно общее обожание» (т. 2, с. 98). Осознание «инаковости» особенно четко проявляется в дневниковых записях Мура 1940-х гг.: «Я считаю, что Францию от меня должно отрезать и оставить от нее только юмор, любовь к хорошему вкусу, чувство иронии, веселость» (т. 1, с. 221). Термин галломания vs галлофилия применительно к Муру может обозначать попытку национального самоопределения билингва, для которого Франция представляет важнейший пласт культурной самоидентификации, но чья национальная самоидентификация даже на уровне чистой натурализации никогда не связывалась с данной страной.

Основной целью статьи стало рассмотрение тематического разнообразия и функций «французского текста» дневников Г. Эфрона, важных для моделирования авторской стратегии бытия, тесной связанной с формами авторской национальной самоидентификации.

После выхода в свет в 2022 г. документального романа С. Белякова «Парижские мальчики в сталинской Москве» [Беляков, 2022] определение «парижский мальчик» стало очень часто употребляться по отношению к сыну Марины Цветаевой. Это определение как бы априори указывало на его «чужеродность» в Советской России 1930-х гг. — начала 1940-х гг., тем более что данное определение принадлежит не самому С. Белякову. Впервые так назвала Г. Эфрона А. Ахматова, встретив его в эвакуации в Ташкенте.

В 2011 г. С. Беляков назвал свою статью о Г. Эфроне «Парижский мальчик Георгий Эфрон между двумя нациями», придя к выводу, что «случай Мура доказывает, что национальное самосознание особенной роли в формировании национальной идентичности не играет» [Беляков, 2011, с. 138]. Идентифицируя себя как русский, «к четырнадцати годам он был уже настоящим французом» [Там же, с. 139].

Представляется, что С. Беляков чрезмерно «выпрямляет» взаимоотношения Мура с двумя его родинами, одна из которых в большей степени претендует на статус исторической (Россия), другая — на статус культурной (Франция).

Мы не будем специально рассматривать отдельные галлицизмы или французские фразы и слова в дневниках по причине их обилия в тексте. Это требует специального исследования. Небольшое исследование на эту тему было проведено М. Михеевым в монографии «Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX)» (2007). В ней М. Михеев отмечает, что «переход с языка на язык у этого автора (Г. Эфрона. — *Е. П.*) происходит в том месте... где встречается какой-то идиоматически целостный по-французски смысл, выражение которого на русском языке или менее эффектно или просто менее знакомо автору» [Михеев, с. 104]. С этим можно согласиться, если иметь в виду именно французские включения в русский текст. Но у Мура где-то в общей сложности 2,5 месяца идут записи *исключительно* на французском языке, и в этом случае речь только об идиоматике уже не идет. Нас будут интересовать именно случаи, когда Г. Эфрон в тот или иной день (дни) *полностью* делал записи на французском языке.

В двух томах дневника можно обнаружить 81 запись (81 день), когда он ведет дневник исключительно на французском языке. Данные записи сосредоточены в двух темпоральных блоках. Это лето 1941 г. до приезда в Елабугу и осень 1941 г., включающая в себя пребывание Г. Эфрона в осажденной Москве и отъезд в Ташкент, в эвакуацию, вместе с драматургом А. Кочетковым и его семьей.

Первая дневниковая запись на французском языке появляется у Мура 3 июля 1940 г., где он размышляет о причинах своего одиночества в Советской стране, последняя — 12 ноября 1941 г., где описывается переезд эвакуированных из Москвы писателей через Волгу, в азиатскую часть России.

Если говорить об общей характеристике «французской части» дневника Мура, то в ней очень четко проявляет себя установка на отражение в тексте процесса индивидуализации человека, его «психологического хронотопа» (термин О. Егорова), т. е. в центре внимания автора оказываются факты душевной и духовной жизни повествователя. С точки зрения жанрового содержания

во «французской» части дневника проявляются черты общественно-политического, философского и психологического дневника, частично дневника путевого [Егоров, с. 8], а для передачи элементов, характеризующих в большей степени семейный и особенно бытовой дневник, Мур обычно выбирает русский язык.

Можно выделить несколько основных тем, которые Мур обсуждает в дневнике, используя французский язык, и все эти темы тесно связаны друг с другом.

Первая тема вполне традиционная для культурного мирообраза Франции. Это *cherchez la femme* (франц. «ищите женщину») как результат взросления героя, который начинает активно интересоваться лицами противоположного пола. 30 сентября 1940 г. 15-летний Мур пишет о своем желании переспать с женщиной, ему «дьявольски хочется держать в своих объятиях женщину, здоровую и способную любить» (т. 1, с. 198). Важный теоретический вопрос, который решает для себя дайарист, имеем ли мы право, с точки зрения коммунистической морали, «вкушать свое удовольствие от женщин, “которые тоже этого хотят”» (т. 1, с. 148).

Разумеется, Муру хотелось найти свою любовь, и он, как ему казалось, нашел ее в лице Вали Предатько, девушки, которая училась в одной школе с ним, но была на год старше. Впервые он упомянул ее 17 мая 1941 г., когда у них завязался телефонный роман, и они «пресимпатично» разговаривали. Валя вызвала у него интерес своим остроумием, нелюбовью к дурному вкусу и, конечно, внешней привлекательностью. У Вали «замечательные губы», «великолепная фигура», «она элегантная» (т. 1, с. 383). Когда Мур пытается в дневнике со знанием дела говорить о женщинах, которые «хороши в кровати» (т. 1, с. 384), понятно, что это рассуждения с чужих слов. Ни в 15, ни в 16 лет, а возможно, и дальше он так и не потерял свой *fleur d’orange* (франц. «цветочек невинности»). Его роман с Валей развивался в высшей степени целомудренно: они долгое время были на «Вы», он не решался даже взять ее под руку во время прогулок.

В первый раз они встретились 12 июня 1941 г., и с этого дня всё, что касалось их отношений, Г. Эфрон записывал на французском языке. Со временем оказалось, что у них есть общие черты помимо хорошего вкуса и остроумия: «Мы ненавидим малышню и признаем, например, огромную ценность денег» (т. 1, с. 388). Они будут вместе гулять по вечерам, ходить в кино и на футбол, на который Мур до встречи с Валей никогда не ходил. Он признается, что для него отношения с Валей очень важны, так как это «луч солнца, который меня развлекает и дает почву для чего-то, похожего на настоящую и интенсивную жизнь» (Там же).

Тем не менее, даже если бы не случилась война, их отношения скорее всего были бы обречены. Ровно через восемь дней после знакомства Мур признавался, что хотя Валя «большая симпатяга», ему было приятнее вести с ней телефонные разговоры, так как в этом случае она могла выступать как воплощение «абсолютного совершенства в моих глазах» (т. 1, с. 391). После встречи «аура неизвестности» была разрушена, и Мур со своим беспощадным аналитическим

умом не мог не увидеть, что в плане культуры девушка неизмеримо ниже его. Разумеется, Мур не сдался сразу. Он пытался культурно «обтесать» Валю под себя, давая ей хорошие книги, т. е. реализуя комплекс Пигмалиона, но очень скоро убедился в невозможности этого, так как данные попытки «противоестественны и неорганичны» (т. 1, с. 441). Это признавала и сама Валя, говоря шутя: «Уже поздно!» (Там же).

История взаимоотношений Мура с Валей Предатько выводит нас на в т о р у ю т е м у «французского текста» дневника. Это тема относится к сфере нравственной философии, в ней автор анализирует причины своего непреодолимого одиночества в СССР, что в теории означало крах его искренней попытки стать *настоящим* советским человеком. Первая французская запись об этом датируется 3 июля 1940 г., когда Мур пишет: «Мне до черта скучно. Ни товарищей, ни друзей. НИ-ЧЕ-ГО! <...> Не то что я не могу оставаться один, но это чувство изоляции, одним словом — комплекс неполноценности. Ибо я изолирован, следовательно, принижен» (т. 1, с. 112).

Размышляя о причинах своего одиночества, Мур приходил к выводу, что нечто подобное было у него и во Франции, но боялся признаться самому себе, что дело, возможно, не во Франции или Советском Союзе, а в нем самом, в его характере. Для себя он находит другое объяснение, связанное с его лиминарным положением между двумя национальными культурами — французской и русской. 8 мая 1941 г. он записал: «У меня довольно странная судьба: во Франции, когда я ходил в Кламарскую школу, я был одинок, потому что был иностранцем. У меня были товарищи, но не было друзей <...> В СССР тоже друзей нет» (т. 1, с. 297–298). На этот раз нет потому, что его воспринимают как «француза».

Т р е т ь е й т е м о й «французского текста» дневника Г. Эфрона была политика, всегда входившая в сферу интересов Мура, мечтавшего заниматься международной журналистикой или дипломатией. 2 мая 1941 г. он отмечал: «С моего горизонта исчезли все люди, с которыми я имел дело во Франции <...> восемь наших знакомых арестованы, из них троих сослали (сестру, Эйснера, Алексея Сеземана). Все это не весело» (т. 1, с. 327–328).

В выборе французского языка для рассказа об этом не следует искать особую топикальность повествования. Об арестах 1930-х гг., о Л. Берии и Н. Ежове, о тайной деятельности своего отца во Франции Мур писал в дневнике и на русском языке. Политика интересует Мура в 1940 г. в большей степени применительно к самому себе, к своей судьбе. Ему хочется верить в то, что его одиночество во многом связано именно с тем, что его очень интересует мировая политика, международные отношения — то, что «абсолютно неважно, скорее даже очень скучно» (т. 1, с. 378), для соседей-мещан по коммунальной квартире или одноклассников.

Международная политика неизбежно выводила Мура на тему Франции и Парижа, активизировала его интерес к французской культуре. Накануне войны он все чаще и чаще слушал по радио речи генерала де Голля и мечтал о будущем возрождении Франции, правда исключительно под руководством

Коммунистической партии. 10 мая 1941 г. он в первый раз признается в «Дневнике» в своей искренней любви к Парижу и Франции: «Париж! Незабываемый город, мой столь любимый друг! <...> Я от всего сердца верю в будущее возрождение Франции» (т. 1, с. 332–333).

Возникший у Мура интерес к международной политике не вызвал у него автоматически разочарования в Советской стране и мировой революции. Еще 4 июня 1941 г. он писал, что «принес Мите газету “Коминтерн”, где есть очень интересная и полезная статья Мориса Тереза, а также статья Жака Мартеля» (т. 1, с. 356). Он надеялся, что во Франции «будет коммунистическая революция <...> когда СССР вступит в игру» (т. 1, с. 359).

Разочарование произошло только с началом первых военных поражений СССР в войне с нацистской Германией, когда под удар сокрушительной критики Мура попала советская творческая интеллигенция, не выдержавшая, по мнению автора дневника, испытания свалившимися на нее трудностями, проявившая свою «мещанскую» сущность.

В высшей степени жесткие, в чем-то даже гротескные, карикатурные портреты подобных людей Мур оставит в своих «Ташкентских зарисовках». Например, 29 августа 1942 г. он осуждает поэтов П. Антокольского и В. Луговского за их чрезмерное пристрастие в своих воспоминаниях о счастливых довоенных днях именно к «гастрономическим радостям». Г. Эфрон пишет: «Нашли о чем вспоминать! О кафе и окороках! Ну и источники вдохновения. А ведь это официальные сливки интеллигенции <...> Представляю себе, как бы матюгнулся рабочий и крестьянин, слушая описание выпивок и пиров этих “паразитов” (обязательно бы так выразился!)» (т. 2, с. 137).

Подобную позицию нельзя объяснять исключительно спецификой характера Мура, в чем Г. Эфрона неоднократно упрекали знавшие его люди, например, А. И. Цветаева, отмечавшая в нем «отсутствие духовной жизни» [цит. по: Лосская, с. 245], или Е. Б. Пастернак, назвавший его «очень эгоцентричный и несчастный человек» [Там же, с. 246].

Во-первых, «гротескный», шаржированный взгляд на мир и людей в дневниках Мура во многом соответствовал индивидуально-личностному стилю восприятия данного мира, присущего Г. Эфрону как достаточно талантливому художнику-карикатуристу, одно время мечтавшему сделать рисование своей профессией.

Во-вторых, жесткие характеристики Муром *мещанской* (по его терминологии) трусости окружающих его людей можно объяснить «наличием в дневниках стратегии трикстерского поведения» [Приказчикова, с. 349] в его советском изводе, охарактеризованном М. Липовецким как «сила цинизма» [Липовецкий, с. 227]. Эта «сила цинизма» «практически не проявляла себя в дневниках Мура до лета 1941 г., пока Г. Эфрон искренно верил не только в перспективу мировой коммунистической революции, но и в идеал советского человека. Однако “правда голого факта” образца 1941 г. заставила его достаточно радикально пересмотреть свой взгляд на коммунистические идеалы» [Приказчикова, с. 349].

На этом фоне четвертой темой «французского» текста дневника Мура становится достаточно жесткая критика русской советской интеллигенции.

Уже 20 июля 1941 г., накануне эвакуации в Елабугу, Мур писал: «Русский интеллигент не блещет своей смелостью, он скорее неважнец <...> Возобновляются панические разговоры, усиливаются страхи» (т. 1, с. 467). Своей кульминации не только панические разговоры, но и панические действия достигли 15–16 октября 1941 г., когда Москва на два дня оказалась во власти анархии, что, разумеется, было зафиксировано трезвым и беспощадным взглядом Мура. Он отмечал в дневнике: «Огромное количество людей уезжают куда глаза глядят, нагруженные мешками, сундуками. Десятки перегруженных вещами грузовиков удирают на полном газу. Впечатление такое, что 50 % Москвы эвакуируется» (т. 2, с. 51).

6 ноября 1941 г., уже находясь на пути в Ташкент, он подведет горестный итог своим наблюдениям: «Для огромного количества честных коммунистов и просто для большого количества людей этот день 16 октября был открытием, который показал, насколько советская власть держится на ниточке» (т. 2, с. 95).

В данном случае Мур, во-первых, передавал многочисленные слухи, которые циркулировали среди москвичей в дни наибольшего напряжения битвы за Москву. Во-вторых, тут проявлялись определенные антисоветские взгляды советской интеллигенции, анализ которых на основе мемуаров и архивных документов не раз производился российскими историками[2].

Что касается самого дайариста, то, будучи во многих аспектах своего поведения безусловным эгоцентристом, сын Марины Цветаевой не был трусом, дежуря на крыше своего дома на Покровском бульваре в ожидании немецких зажигательных бомб. Оказавшись на фронте, он предпочел «почетную» должность автоматчика должности штабного писаря, полностью зависящего от благосклонности начальства: «Я совершенно спокойно смотрю на перспективу идти в атаку с автоматом, хотя мне никогда до сих пор не приходилось иметь дела ни с автоматами, ни с атаками» [Эфрон, 2002, с. 190][3].

В условиях тотального крушения старых идеалов Мур начал использовать особую тактику отстранения от окружающей его действительности, не желая

[2] В качестве примера можно указать статью А. И. Вольхина «Органы НКВД-НКГБ СССР о политических настроениях советских историков и писателей в годы Великой Отечественной войны» [Вольхин].

[3] После того как Мур пропал без вести, его судьба, учитывая его характер и отношение к нему окружающих, стала предметом многочисленных спекуляций, на которые обращала внимание М. Белкина. Наиболее удручающими были выступления людей, утверждавших, что им «точно известно от ближайших родственников, что Мур бежал к немцам» [Белкина, с. 322]. Подлинные обстоятельства смерти Г. Эфрона были раскрыты журналистом и военным летчиком С. Грибановым, напечатавшим об этом очерк в журнале Союза писателей Белоруссии «Неман» [Грибанов]. О переписке С. Грибанова с солдатами 7 роты, в которой служил сын М. Цветаевой, вспомнил в самом конце XX в. писатель А. Мошковский, учившийся во время войны в Литературном институте вместе с Муром. Он же привел мнение командира роты о красноармейце Г. Эфроне: «Скромный. Приказы выполнял быстро. В бою был бесстрашным воином» [Мошковский, с. 134].

идентифицировать себя с обезумевшей от страха толпой и выражая желание максимально дистанцироваться от этого гибнущего, по его мнению, мира.

13 августа 1941 г. Мур писал: «Когда смотришь на всех этих людей, можно сказать одно: что все ненавидят организацию. Это просто какое-то сумасшествие, и оно специфически русское (не советское, а именно русское). Отход, поездка, приезд — все стоит под знаком нерешительности» (т. 1, с. 495). Подобная критика продолжалась и в поезде, везшем его в Ташкент, где он все чаще примерял на себя роль стороннего наблюдателя, путешественника-иностранца, с удивлением и некоторой долей отвращения фиксирующего чуждые для него реалии чужой жизни. Например, «Россия, в конце концов, абсурдная страна, а главное, очень грязная» (т. 2, с. 83). В лучшем случае эта эмоциональная аксиология выливалась в попытку аналитического взгляда на реалии практически чужой жизни, как это происходило 7 ноября 1941 г., когда он в поезде слушал речь И. В. Сталина: «Эта речь должна очень оживить русский патриотизм: у Сталина большой авторитет и сильное влияние» (т. 2, с. 98).

9 ноября, после десяти дней пути не по столичной, как он привык, но по провинциальной России, наблюдая ее вблизи, он в первый раз начал позволять себе достаточно циничные высказывания, направленные не просто против советской интеллигенции, но против русской ментальности как таковой. Мур писал: «Вот уж г..., эта страна Советская! Хотя мне кажется, что не только от Советов все эти непорядки, вся эта грязь, весь этот страшный ужас. Все эти несчастья идут из глубокой русской сущности. Виновата Россия, виноват русский народ, со всеми его привычками» (т. 2, с. 104).

Безусловно, подобные замечания в стиле *aparté* встречаются в дневниках Мура и на русском языке или в смешанном русско-французском формате. Однако именно на французском языке Мур доводит свою критику «страны Советской» до логического, как ему кажется, завершения.

В подобных условиях даже заграничная парижская одежда и привычка к чистоте становятся для него «линией защиты» от грозящего поглотить его хаоса жизни. Он писал в дневнике: «Мне чудом удалось защитить от грязи мои шикарные брюки, парижские башмаки я чищу каждый день, я хорошо причесан и поддерживаю свою репутацию элегантного мужчины» (т. 1, с. 524) или «Я потрясающе вычистил свои ботинки: всем грязнулям в зубы!!!!» (т. 2, с. 85).

Оценивая критику Г. Эфроном России и русских, необходимо, во-первых, делать скидку как на юношеский максимализм автора, так и на специфические черты характера Мура, включая его склонность к интеллектуальному снобизму и крайнюю чистоплотность (на фронте он получил прозвища «москвич» и «чистюля»). Отсюда проистекает нетерпимость к грязи, распущенности, глупости, мещанству.

Кстати, мир московских мещан, с которым Муру приходилось сталкиваться во время жизни в коммунальных квартирах, Г. Эфрон часто характеризовал в духе инвектив В. Маяковского, который был одним из его самых любимых поэтов. Мещане своим поведением оскорбляют и опровергают образ настоящего

советского человека, который сложился у Мура к 1940 г. и у которого «должен быть размах, увлечения, идеалы» (т. 1 с. 213). Вместо этого мещане «куксятся, варят кашицу жиденькую, шушукаются и кривляются» (Там же). Олицетворением подобного мещанства в дневниках Г. Эфрона стала жена инженера А. И. Воронцова, преследовавшая своими придирками «нахалку» М. Цветаеву, обвиняя ее и Мура в грязи на кухне, в том, что они «навели тараканов в дом» (т. 1, с. 265), грозила пожаловаться на них в домоуправление.

Во «французском тексте» дневников критика мещанства не только сохраняется, но и усиливается, дополняясь комментариями психолого-политического содержания. Например, Г. Эфрон писал 9 мая 1941 г.: «А какие сволочи наши соседи. По правде говоря, я никогда не подозревал, что могут существовать такие люди — злые дураки, особенно жена. Я их ненавижу, потому что они ненавидят мать, которая этого не заслуживает» (т. 1, с. 331). 29 июня 1941 г. Мур так выражал свое отношение к буржуазному мещанству: «Учишься ненавидеть буржуев, эгоистов-буржуев <...> Рабочие в СССР в сто раз лучше буржуев. То, что я твердо знаю, это что мой дух останется навечно отмеченным ненавистью к мещанам, жестокой и трезвой ненавистью» (т. 1, с. 413).

Можно не сомневаться, что если бы Мур в этом же возрасте вел дневник во Франции, то он нашел бы и там много объектов для критики. Находясь же вдали от Франции, не сталкиваясь с негативными проявлениями французского мещанства в каждодневной практике, Мур постепенно заменяет в своем сознании реальный облик Франции, с которой расстался еще подростком, вымышленным литературным образом, интеллектуальным миражом в духе галломании.

Этот смоделированный автором национальный культурный миф «книжной» Франции времен «прекрасной эпохи» частично позволял Муру преодолевать трудности военного быта в Ташкенте, буквально пронизанного эстетической фактографией, связанной с добыванием еды. В «ташкентской» части дневника Г. Эфрону для достижения собственного идеала «обеспеченного индивидуализма» приходится то бегать «по снабжению» (т. 2, с. 208), делать «оборот с продуктов» (т. 2, с. 274), реализуя на практике трикстерскую витальность своего бытия в ожидании счастливого будущего.

Данная установка определяет существование во «французском тексте» дневников п я т о й т е м ы. Она реализует себя через элементы утопии-эвпсихии, проявляющие себя в особой вере Г. Эфрона в свою счастливую будущую жизнь, связанную с возможностью максимально использовать дивиденды от своего блестящего знания французского языка и французской литературы. Данные элементы встраиваются в систему «утопии как деятельности» — термин, предполагающий существование факта «сознательного жизнетворчества, конструктивным принципом которого становится утопия» [Устинов, Веселова, с. 79]. Для характеристики утопической составляющей собственного «жизненного проекта» он использует термины: «идеалы... мечты и надежды» (т. 2, с. 122), иногда «глупые мечты, порождающие ипохондриков и *rates*», которые надо уметь соотносить с реальной жизнью в СССР, «с ее возможностями и невозможностями» (Там же).

Свое утопическое счастливое будущее он неразрывно связывал с собственным жизненным успехом, который должен был стать результатом упорного труда в качестве переводчика и писателя. Варианты возвращения во Францию Г. Эфрон в своих дневниках не рассматривал даже чисто гипотетически.

Эта вера в себя и мечты о великом будущем помогали Г. Эфрону более или менее гармонично существовать в XX в., веке «разложения» (т. 1, с. 470), по его определению, когда книгой, наиболее точно отражающей мироощущение людей, становится «Тошнота» Ж.-П. Сартра. Сталкиваясь с различными проявлениями хаоса, когда все «сумбур, бред, кошмар из кошмаров» (т. 2, с. 31) в советской жизни, он вспоминает еще одно великое произведение своего времени — «Замок» Ф. Кафки.

14 июня 1941 г. Мур записал: «Для меня моя теперешняя жизнь — жалкий суррогат, неудавшееся подражание настоящей жизни. Разве эта комната, где я живу с матерью, комната, в которой нагромождение бесчисленных сундуков, комната, где я сплю, читаю, рисую, ем, слушаю радио, эта комната представляет для меня жизнь? Нет, тысячу раз нет» (т. 1, с. 379). Страдая от коммунальных разборок, он, тем не менее, опять закончил рассказ о своих нравственных мучениях на оптимистической ноте: «Я знаю, что когда-нибудь я буду жить самостоятельно, что я избавлюсь от всех проблем, что я смогу прямо смотреть всем в глаза, а не исподлобья, как теперь. Я вылезу, потому что я настойчив и умен, и я надеюсь на свое будущее» (т. 1, с. 389). Даже 20 октября 1941 г., находясь под бомбами в осажденной Москве, он заставляет себя не унывать, рисуя в воображении будущее, «которое, несомненно, наступит и мне принесет деньги, условия работы, путешествия, женщин» (т. 2, с. 63).

Во всех этих случаях Мур моделирует идеальную и альтернативную, а для себя и экспериментальную версию собственного бытия по отношению к жизни большинства советских граждан.

В его дневниках можно обнаружить достаточно много эпизодов, где он совершенно откровенно описывает свои трикстерские проделки с целью избежать поездки с одноклассниками в колхоз или не быть отправленным на рытье окопов во время битвы под Москвой. В глазах Г. Эфрона эта стратегия выживания не просто искупается мещанским желанием выжить любой ценой, а служит реализации собственного глобального утопического проекта, имеющего культурно-литературный характер.

Уже за пределами «французского текста» дневника, живя в Ташкенте, он сформулировал для себя основную цель своей жизни — стать знаменитым писателем или филологом, имея к этому все объективные предпосылки. Именно «европейскость» Мура, его парижская культура стали для него в эпоху ташкентской эвакуации одним из основных доводов, почему он не мог представить себя в ФЗУ или рабочим на заводе. Как следствие, он достаточно агрессивно реагировал на все попытки системы сделать из него «рабочего» человека, который обязан «ежедневно тратить 12 часов... жизни на грязные станки» (т. 2, с. 276).

В Ташкенте, в эвакуации, он задумывает роман об истории семьи Цветаевых — Эфрон, написав буквально за три дня, 8–10 июня 1943 г., одну главу, прекрасно осознавая ее аппроксимативность и понимая, какие литературные трудности ждут его на этом пути.

Постепенно у Мура складывается четкий план своей дальнейшей жизни, который он записывает в дневнике 27 мая 1943 г. В этот план входит сдача школьных экзаменов, получение аттестата, переезд в Москву и поступление в МГУ или в какой-нибудь литературный вуз, или институт иностранных языков. Что касается будущей работы, то Мур представлял ее следующим образом: «...найти работу, скажем, в Радиокомитете; работать в ГЦБИЛ над французской литературой, работать серьезно (читать, сравнивать, делать выписки; цель — написание "Истории современной французской литературы", охватывающей период между войнами 1914–1918 и 1939-го гг. Этот путь — культурный, литературоведческий, писательский, переводческий — мой единственный путь» (т. 2, с. 241).

Как мы знаем, этому плану, к сожалению, не суждено было исполниться, но Г. Эфрон усердно готовился к этому пути. «Дневник» Мура позволяет нам судить об его исключительно высоком потенциале филолога, человека Слова, умевшего буквально в нескольких предложениях проанализировать суть того или иного произведения, особенно если речь шла о французской литературе, которую он ставил необыкновенно высоко среди других мировых литератур.

Его любимые французские поэты — С. Малларме и П. Валери. 17 октября 1941 г., когда над Москвой нависла смертельная угроза, Мур один сидел в читальном зале иностранной литературы в Столешникове переулке, наслаждаясь стихами С. Малларме и «Мосье Тестом» П. Валери. Он писал: «"Мосье Тест" гениально. Малларме (стихи и проза) замечательны, но я предпочитаю Валери ("Нарцисс", "Змий", "Пифия" и т. д.). Валери в сто раз универсальнее, чем Малларме, и просто гораздо умнее. У Малларме ум и гений инстинктивного слова, самых тонких оттенков душевных ассоциаций. Валери идет дальше и возвышает эти качества Малларме благодаря мысли и пониманию фактов, этого Малларме не умеет» (т. 2, с. 56). Стихи С. Малларме на французском языке станут единственной книгой, которую Мур возьмет с собой на фронт.

В Ташкенте он с «удовольствием» (т. 2, с. 205) читал «Воспитание чувств» Г. Флобера, называя его «прекрасным романом» (т. 2, с. 207). 17 апреля 1943 г. Мур записал: «Самое сильное желание мое, за исполнение которого я отдал бы *все*: перечесть "La Nausee" Жана-Поля Сартра и прочесть сборник рассказов "Le Mur" его же. Как хочется перечесть Монтерлана, Жида, Моруа, Колетт, Сименона! Нет, французская литература периода между двумя войнами — первая в мире, самая замечательная и лучшая» (т. 2, с. 210–211).

Опыт «свободно творящих» французских писателей вроде А. Жида, А. де Монтерлана, П. Валери, освобожденных от необходимости заниматься «какой угодно дрянью, которая бы "давала на жизнь"» (т. 2, с. 122), рассматривался Муром как почти недостижимый пример для подражания. И он успокаивал

себя тем, что в возрасте этих писателей, т. е. в 40–60 лет, тоже сможет достичь их высокого положения.

В целом, французский текст дневников Г. Эфрона позволяет понять основные принципы формирования авторской стратегии бытия в условиях выбора формы национальной самоидентификации. Без этого текста выбор данной формы (галлофилия vs галломания), равно как и основные этапы духовного взросления автора, связанные с отказом от ряда культурных мифов его эпохи (мифология СССР и советского человека), были бы совсем не очевидны. В русской (в широком смысле слова, так как к ней относятся части с включением французских слов и выражений) части дневников автор уделял бóльшее внимание бытовым вопросам своей жизни в СССР (квартирный вопрос, гастрономический код и трикстерская стратегия выживания, школьные будни, взаимоотношения с соседями и представителями советской интеллигенции). Как следствие, выход автора в «ташкентской» части дневника на вопросы, связанные с созданием элементов утопии-эвпсихии своей будущей счастливой жизни, может показаться не мотивированным до конца. Зато во «французском тексте» дневников, отличающемся бóльшим аналитизмом, элементами психологического анализа и общей литературностью, актуализированы моменты, позволяющие читателю осознать стратегию поведения дайариста и механизм его мышления. Это включает в себя осознание неизбывного, даже в СССР, одиночества героя, увлечение политикой и проблемами национальной самоидентификации, критику мещанства и советской интеллигенции, не оправдавшей его надежд на статус настоящего советского человека. Без «французского текста» дневники Г. Эфрона в жанровом отношении в большей степени соответствовали бы варианту бытового дневника, что, безусловно, снизило бы политико-идеологический и идейно-психологический потенциал текста.

Источники

Мошковский А. Георгий, сын Цветаевой // Октябрь. 1999. № 3. С. 130–134.

Рябинкин Ю. Дневник // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М. : Аргументы и факты, «АиФ. Доброе сердце», 2015. С. 35–64.

Федотов Л. Ф. Дневник советского школьника: мемуары пророка из 9 «А». М. : АСТ, 2015.

Эфрон Г. Письма. М. : Дом-музей Марины Цветаевой ; Королев : Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2002.

Эфрон Г. С. Дневники : в 2 т. / подгот. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. М. : Вагриус, 2007. Т. 1 : 1940–1941 годы; Т. 2 : 1941–1943 годы.

Исследования

Белкина М. И. Скрещение судеб. М. : Книга, 1988.

Беляков С. С. Парижский мальчик Георгий Эфрон между двумя нациями // Новый мир. 2011. № 3. С. 123–142.

Беляков С. С. Парижские мальчики в сталинской Москве : документальный роман. М. : АСТ, 2022.

Вольхин А. И. Органы НКВД-НКГБ СССР о политических настроениях советских историков и писателей в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию д. и. н., проф. А. В. Бакунина, Екатеринбург, 8–9 октября 2009 г. : в 2 т. Екатеринбург : Автограф, 2009. Т. 2. С. 21–27.

Грибанов С. В. Строка Цветаевой // Неман. 1975. № 8. С. 113–119.

Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века : Исследование. М. : ФЛИНТА, 2022.

Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 108–122.

Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 224–245.

Лосская В. Марина Цветаева в жизни : Неизданные воспоминания современников. М. : Культура и традиции, 1992.

Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : Водолей Publishers, 2007.

Приказчикова Е. Е. Трикстериада Г. Эфрона на материале его дневников 1940–1943 гг. // Сибирский филологический форум. 2024. № 2(27). С. 23–40. https://doi.org/10.24412/2587-7844-2024-2-23-40

Устинов Д. В., *Веселова А. Ю.* «Утопия как деятельность» в русской культуре II половины XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «История, языкознание, литература». 1998. № 1. С. 77–85.

Pageaux D.-H. L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle // Synthesis. 1983. X. P. 79–88.

References

Belkina, M. I. (1988). *Skreshchenie sudeb* [Crossing of Fates]. Moscow: Kniga.

Belyakov, S. S. (2011). Parizhskii mal'chik Georgii Efron mezhdu dvumia natsiiami [Parisian Boy Georgy Efron between Two Nations]. *Novyj mir*, 3, 123–142.

Belyakov, S. S. (2022). *Parizhskie mal'chiki v stalinskoi Moskve: dokumental'nyi roman* [Parisian Boys in Stalin's Moscow: Documentary Novel]. Moscow: AST.

Egorov, O. G. (2022). *Dnevniki russkikh pisatelei XIX veka: Issledovanie* [Diaries of Russian Writers of the 19th Century: Research]. Moscow: FLINTA.

Gribanov, S. V. (1975). Stroka Tsvetaevoi [Tsvetaeva's Verse]. *Neman*, 8, 113–119.

Lejeune, P. (2000). V zashchitu avtobiografii. Esse raznykh let [In Defense of Autobiography. Essays from Different Years]. *Inostrannaja literatura*, 4, 108–122.

Lipovetsky, M. (2009). Trikster i "zakrytoe obshchestvo" [Trickster and the "Closed Society"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 100, 224–245.

Losskaya, V. (1992). *Marina Tsvetaeva v zhizni: Neizdannye vospominaniia sovremennikov* [Marina Tsvetaeva in Life: Unpublished Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Kul'tura i traditsii.

Mikheev, M. Yu. (2007). *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiia, XIX–XX)* [Diary as an Ego-text (Russia, 19th–20th Centuries)]. Moscow: Vodolei Publishers.

Pageaux, D.-H. (1983). L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle. *Synthesis*, X, 79–88.

Prikazchikova, E. E. (2024). Triksteriada G. Efrona na materiale ego dnevnikov 1940–1943 gg. [Trickster Stories by G. Efron Based on His Diaries of 1940–1943]. *Sibirskii filologicheskii forum,* 2(27), 23–40. https://doi.org/10.24412/2587-7844-2024-2-23-40

Ustinov, D. V., & Veselova, A. Yu. (1998). “Utopiia kak deiatel’nost’” v russkoi kul’ture II poloviny XVIII v. [“Utopia as an Activity” in the Russian Culture of the Second Half of the 18th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia “Istoriia, iazykoznanie, literatura”*, 1, 77 –85.

Vol’khin, A. I. (2009). Organy NKVD-NKGB SSSR o politicheskikh nastroeniiakh sovetskikh istorikov i pisatelei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [NKVD-NKGB Organs of the USSR on the Political Sentiments of Soviet Historians and Writers during the Great Patriotic War]. In *Ural industrial’nyi: Bakuninskie chteniia: materialy IX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu doktora istoricheskikh nauk, professora A. V. Bakunina, Ekaterinburg, 8–9 oktiabria 2009 g.* [Industrial Urals: Bakunin Readings: Proceedings of the IX All-Russian Scholarly Conference Dedicated to the 85th Birthday of Doctor of Historical Sciences, Professor A. V. Bakunin, Ekaterinburg, October 8–9, 2009] (Vol. 2, pp. 21–27). Ekaterinburg: Avtograf.

Приказчикова Елена Евгеньевна
доктор филологических наук
[1] профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
[2] ведущий сотрудник
Центра истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: miegata-logos@yandex.ru

Prikazchikova, Elena Evgenievna
Dr. Hab. (Philology)
[1] Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
[2] Leading Researcher
Centre for the History of Literature
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St., 620990 Ekaterinburg, Russia
Email: miegata-logos@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9018-6213
Scopus AuthorID: 57194721480
WoS ResearcherID: A-7736-2016

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.003
УДК 821.09 + 821.161.1-92 Твардовский + + 347.781.52 “Новый мир” + 81’42 + + 808.53

Т. А. Снигирева
[1]*Уральский федеральный университет*
[2]*Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

«ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ» ФАКТА НА СТРАНИЦАХ «НОВОГО МИРА» А. ТВАРДОВСКОГО

В статье на материале деятельности А. Твардовского в качестве главного редактора журнала «Новый мир» (1950–1954 и 1958–1970 гг.) исследуется стратегия и тактика периодического издания, поставившего своей целью возвращение общества к реалистическому осмыслению своей истории. Ключевыми словами, определяющими редакционную политику «Нового мира» периода «оттепели» и раннего «застоя», стали «правда жизни», «позиция автора», «качество литературы», применяемые как в отборе для публикации произведений на литературно-художественных страницах журнала, так и на страницах, посвященных общественно-политическим вопросам. В пору редакторства Твардовского вопрос о «правде жизни» в искусстве стал одним из основных в литературно-идеологической борьбе «Нового мира» с ортодоксами времени. Показано, что журнал отстаивал свою стратегию борьбы с фальсификацией истории целой системой тактических приемов: последовательный отбор для публикации тех материалов, в которых документ, факт, личное свидетельство опровергают сложившиеся стереотипы и штампы; борьба с цензурой; упорное отстаивание рукописей, планируемых для публикации; предуведомление проблемных публикаций Словом главного редактора, Словом редколлегии, Примечанием от редакции; а также инициация и проведение дискуссий, публикация острополемических статей и рецензий на страницах журнала. Особое внимание уделяется анализу принципов публикации воспоминаний, а также проведения дискуссий о мемуарах, о роли документа в литературе. В результате исследования делается вывод о том, что на страницах «Нового мира» проходило последовательное отделение мифологем истории от фактов истории, целью которого было существенное изменение уровня общественного сознания своего времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. Твардовский; «Новый мир»; документ; эго-текст; правда факта; правда явления; дискуссии

Благодарности
Исследование проведено за счет средств финансового обеспечения выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема: «История литературы Урала: типы художественности в контексте социокультурных трансформаций», рег. номер 124032100049-6.

Ц и т и р о в а н и е: *Снигирева Т. А.* «Черный хлеб» факта на страницах «Нового мира» А. Твардовского // Известия Уральского федерального университета.

© Снигирева Т. А., 2026
CC BY-NC

Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 45–58. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.003

Поступила в редакцию: 03.02.2025
Принята к печати: 27.02.2026

Tatyana A. Snigireva
[1]*Ural Federal University*
[2]*Institute of History and Archaeology UB RAS*
Ekaterinburg, Russia

"BLACK BREAD" OF FACT ON THE PAGES OF *NOVY MIR* UNDER A. TVARDOVSKY

Based on an examination of A. Tvardovsky's work as editor-in-chief of the *Novy Mir* journal (1950–1954 and 1958–1970), this article explores the strategy and tactics of a periodical that set itself the goal of guiding society back towards a realistic understanding of its history. The key terms defining the editorial policy of *Novy Mir* during the 'Thaw' and the early 'Stagnation' were 'truth of life', 'the author's stance', and 'the quality of literature', applied both in the selection of works for publication in the journal's literary and artistic sections and in the pages devoted to socio-political issues. During Tvardovsky's editorship, the question of the 'truth of life' in art became one of the central issues in *Novy Mir*'s literary and ideological struggle against the orthodoxy of the time. It is shown that the journal upheld its strategy of combating the falsification of history through a whole system of tactical approaches, i.e. the consistent selection for publication of materials in which documents, facts, and personal testimony refute established stereotypes and clichés; the fight against censorship; the steadfast defence of manuscripts scheduled for publication; the forewarning of controversial publications through the Editor-in-Chief's Note and the Editorial Board's Note; an Editor's Note, as well as the initiation and conduct of discussions, and the publication of highly controversial articles and reviews within the journal. The author focuses on analysing the principles governing the publication of memoirs, as well as discussions concerning memoirs and the role of the document in literature. The study concludes that the pages of *Novy Mir* witnessed a systematic separation of historical mythologems from historical facts, whose aim was to bring about a significant shift in the level of public consciousness of the time.

K e y w o r d s: A. Tvardovsky; *Novy Mir*; document; ego-text; factual truth; phenomenological truth; discussions

Acknowledgements
The study was conducted using funds from the financial support for fulfilling the state assignment of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; topic: "History of Ural Literature: Types of Artistry in the Context of Sociocultural Transformations" (registration number 124032100049-6).

For citation: Snigireva, T. A. (2026). “Chernyi khleb” fakta na stranitsakh “Novogo mira” A. Tvardovskogo [“Black Bread” of Fact on the Pages of *Novy Mir* under A. Tvardovsky]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 45–58. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.003

Submitted: 03.02.2025
Accepted: 27.02.2026

А. Т. Твардовский дважды становился главным редактором «Нового мира»: в 1950–1954 и 1958–1970-х гг. Дважды его фактически отстраняли от должности (выражение Твардовского — «меня снимали по частям» [Твардовский, 2009, т. 2, с. 476]) с двойной мотивировкой. Официальной — неблагонадежные страницы возглавляемого им журнала; негласной — собственное творчество поэта: сатирическая поэма «Теркин на том свете» (1954), попытка публикации поэмы «По праву памяти» (1970). Первый «заход» (вновь словечко Твардовского) на редакторство был не только своеобразной «пробой пера» для создания такого журнала, который был нужен и новой оттепельной литературе, и новому «вдумчивому» читателю, но и определением тех идеологических границ, за пределы которых журналу не позволят выйти. В конце 1950-х гг. Твардовский, и об этом свидетельствуют его дневниковые записи, уже точно знал, каким должен быть журнал, знал и то, что времени ему и его журналу будет отпущено немного, «лет десять» — оказалось чуть больше.

Ключевыми словами, определяющими стратегию и тактику «Нового мира» периода «оттепели», стали «правда жизни», «позиция автора», «качество литературы». Для Твардовского категория художественной правды была центральной эстетической категорией применительно к историко-литературному процессу 1950–1960-х гг. В это время он был уже убежден в том, что «реализм не нуждается в эпитетах». В пору редакторства Твардовского вопрос о «правде жизни» в искусстве стал одним из основных в литературно-идеологической борьбе «Нового мира» с ортодоксами времени, главным обвинением которых по отношению к редактору и возглавляемому им журналу было обвинение в «очернительстве советской действительности», в преобладании «правды факта» (например, трагическое отступление первых месяцев войны) над «правдой явления» (Победа 1945 г.).

Истоки официального понимания специфического смысла «правдивого изображения жизни» явлены уже в формулировке А. В. Луначарского 1933 г. — «правда, которая летит» [Луначарский], в 1930-е гг. она легла в основу определения нового метода советской литературы: «правдивое изображение жизни в ее революционном развитии» [Устав Союза советских писателей, с. 11].

Постепенно понятия «жизнеутверждающее начало», «оптимизм» и «правда жизни» становились синонимами, что делало литературу, проповедующую и следующую канонам соцреализма, весьма далекой от реалистической. Именно на страницах «Нового мира» подспудно начала звучать мысль, позже четко сформулированная одним из авторов журнала А. Синявским в статье «Что

такое социалистический реализм?»: «Это не классицизм и не реализм. Это полуклассицистическое полуискусство не слишком социалистического совсем не реализма» [Терц, с. 60]. Публикация писателей, которые быстро стали называться «новомировскими авторами», появление на страницах журнала произведений Е. Дороша и В. Быкова, Ч. Айтматова и А. Солженицына, В. Тендрякова и Ю. Трифонова, В. Семина и С. Залыгина, Ю. Бондарева и В. Шукшина свидетельствовало о повороте литературы к тому реализму, который пытался освоить суть действительности во всем ее объеме, многомерности и сложности.

По точному замечанию Твардовского, «критика цепко набрасывалась на малейшие отступления прозаиков и очеркистов от общепринятых и как бы узаконенных норм освещения жизни» [Твардовский, 1965, с. 6]. В 1967 г. в редакционной статье «Когда отстают от времени» газеты «Правда» основные прозаические произведения, опубликованные в журнале за 1966 г., оценивались с точки зрения отсутствия «желательной правды» на страницах «Нового мира». О «Мертвым не больно» В. Быкова сказано: «Неверно, приниженно изображены люди, сражавшиеся в Великой Отечественной войне». О «Двенадцати палочках на зеленой траве» В. Конюшева — «пессимистическое описание тыла в годы войны...». Осуждается и «негативное изображение деревни» в повести Б. Можаева «Из жизни Федора Кузькина» и в рассказе А. Яшина «Вологодская свадьба». «Правда» делает вывод, что для «Нового мира» характерно «чрезмерное акцентирование на отрицательных фактах, настороженность в изображении положительных явлений, упорство в отстаивании ошибочных позиций», что журнал «проходит мимо героики и романтики», его интересуют явления «одного ряда, связанные с теневыми сторонами, с разного рода ненормальностями, с болезнями бурного роста» [Когда отстают от времени, с. 3]. А. И. Метченко, долгие годы заведовавший кафедрой советской литературы МГУ, в статье, помещенной в журнале «Коммунист», также не удержался от упрека журналу в том, что некоторые его авторы «полагают, что “большая правда” складывается из механической суммы “маленьких правд” или путем их умножения» [Метченко, с. 122].

Именно утверждение «правды факта», а не мифологизированной, насаждаемой сверху «правды должного» стало толчком к первым попыткам организованных санкций против «Нового мира» «второго захода». В резолюции заседания в секретариате правления Союза писателей СССР, посвященного анализу «идейно-художественных просчетов» журнала, указано, что на его страницах явно недостаточно «истинно правдивого, оптимистического отображения многогранной жизни и героического созидательного труда советского народа. В ряде произведений односторонне освещается наша действительность, обедняется образ советского человека» [Резолюция заседания..., с. 3].

Нападкам со стороны официоза подвергались не только художественные произведения, но и мемуарно-документальная литература, активно публиковавшаяся на страницах «Нового мира». Не только очевидная и безусловная приверженность редколлегии и главного редактора принципам реалистического

искусства, но и повышенный интерес к литературе документальной, свидетельской, как бы даже и не претендующей на особый статус художества, были хорошо известны. Так, в письме к Т. А. Аксаковой по поводу предложенных ею «Новому миру» мемуаров Твардовский замечает: «...они — труд не напрасный и на что-нибудь да пригодятся, — не сейчас, так еще когда-нибудь, — войдя в тот обширный фонд мемуарной литературы, который даже в рукописном своем существовании является частью нашей культуры и сохраняет неотъемлемую ценность документов эпохи» [Твардовский, 1983, т. 6, с. 149].

В статье «По случаю юбилея» Твардовский-редактор, определяя эстетические принципы и пристрастия своего журнала, не только говорит о предпочтении произведений «правдиво, реалистически отражающих действительность», но и об особой заслуге «Нового мира» в том, что он «широко открыл двери произведениям мемуарного жанра» [Твардовский, 1965, с. 7]. Ценность этой литературы Твардовский видел в подлинности и большой силе личности автора, в том, что дефицит правды «художественной» восполняется правдой личного свидетельства: «В особом внимании читателя к мемуарной форме, несомненно, нашло косвенное выражение и недовольство литературой профессиональной, стремление дополнить ее фактами, которых она или вовсе не касалась, или касалась не глубоко, не до конца правдиво» [Там же, с. 9].

За годы редакторства А. Твардовского в «Новом мире» были опубликованы воспоминания, затрагивающие фактически все периоды истории первой половины XX в. Революция: «Черные сухари» и «Зимний перевал» Е. Драбкиной, «Побег из колчаковской тюрьмы» А. Бартова; 1930-е и годы войны: книга воспоминаний маршала А. В. Горбатова, «В боях за Одессу» маршала Н. И. Крылова. Особый интерес читателей вызывали мемуары, связанные с историей культуры и посвященные людям искусства первой трети XX в.: «Люди. Годы. Жизнь» И. Эренбурга, «Несколько лет» В. Каверина, «Люди и положения» Б. Пастернака, «Трава забвения» и «Святой колодец» В. Катаева, «Из прошлого» А. И. Цветаевой. Список можно продолжить, достаточно сказать, что постоянной рубрикой журнала была рубрика «Дневники. Воспоминания», встречавшаяся почти в каждом номере. Здесь названы публикации, вышедшие с большим трудом, подвергшиеся цензурной правке, задерживавшие выход очередного номера, несмотря на авторитет автора (например, И. Эренбурга[1] или В. А. Горбатова [см.: Михайлова, Снигирева]).

[1] В случае с И. Эренбургом ситуация осложнялась личной оценкой Н. С. Хрущева: «обращаешь внимание на то, что он всё изображает в мрачных тонах. Сам тов. Эренбург в период культа личности не подвергался гонениям или ограничениям. Совсем иначе сложилась судьба такого, например, писателя, как Галина Серебрякова, которая многие годы находилась в заключении. Но она, несмотря на это, сохранила бодрость духа, верность делу партии и сразу же после реабилитации включилась в творческую жизнь, взялась за свое оружие и создает произведения, нужные народу и партии» [Хрущев, с. 7]. Характерный факт для редакционной политики журнала: публикуя речь Н. Хрущева, в этом же номере «Новый мир» продолжает публиковать мемуары критикуемого автора.

Симптоматичен и тот факт, что одной из причин первого вынужденного ухода А. Твардовского с поста редактора «Нового мира» была публикация статьи Мих. Лифшица, посвященной разоблачительному анализу книги, выполненной в жанре, смежном с мемуарами: «Дневник Мариэтты Шагинян». Внешний упрек к Твардовскому сводился к тому, что он позволил на страницах ведущего журнала оскорбления в адрес старейшей советской писательницы. Но дело, безусловно, было и в том, что Мих. Лифшиц позволил себе заговорить об иконографии и мифотворчестве как особом жанре и специфической функции советской литературы. Несколько выдержек из этой ныне забытой статьи: «У Мариэтты Шагинян поразительное сочетание восторга с безразличием к тому, что она описывает»; «...давно пора оставить сокращенный метод изучения жизни»; «“Дневник писателя” погружает нас в атмосферу творимой легенды. М. Шагинян говорит о фактах действительного мира, задачи и трудности, заключенные в этих фактах, она переносит в некую мифологическую плоскость, где и решает их с чрезвычайной легкостью»; «давно замечено, что всякая мифология предполагает особое состояние духа, которое можно назвать эпическим восторгом <...>. Но состояние эпического восторга не покидает М. Шагинян в самых обыкновенных случаях»; «Открывая “Дневник” М. Шагинян, мы сразу чувствуем себя в атмосфере вечного праздника» [Лифшиц, с. 208, 211]. Едко-точные формулировки подкрепляются выразительной работой с текстом «Дневника»: автор цитирует саморазоблачительные, порой пародийные, фрагменты, уже и не требующие дополнительного комментария: «Весь день я глядела сквозь наши советские факты вперед. Сейчас, устроившись у настольной лампы с тарелкой винограда, начинаю глядеть назад, в глубь веков...» [цит. по: Там же, с. 223].

Журнал настаивает на необходимости не «сквозь советские факты» смотреть на прошлое, а уважать факты истории. Следование этой задаче порой оборачивалось нетрадиционными решениями, особенно когда дело касалось истории Революции и Гражданской войны. А. Твардовский пускает в журнал «непричесанные», «необработанные» рукописи, в которых звучит голос живого свидетеля тех лет, так напоминающий современному читателю интонацию платоновского «сокровенного человека»: «При мне в селе происходили выборы в Учредительное собрание. Крестьяне все спрашивали моего совета и опускали в урну за большевиков. Мой отец был председателем комиссии. Местные эсеры готовы были повеситься, что победа на нашей стороне. Деревня была рада Октябрю. Она власть свою установила на местах» [Бодяшкин, с. 163]. Одна из подобных рукописей имела весьма длинное название: «Биография и приключения Бартова Александра Степановича, родившегося в 1884 г. 12 августа в бывшей д. Бартово в семье у деда с отцом середняка». В связи с этим А. Кондратович пишет: «Я помню, как Александр Трифонович прочитал один этот заголовок и залился счастливым смехом: “Какая прелесть!”» [Кондратович, с. 334] и решился публиковать рукопись к пятидесятилетию Революции, но, конечно, со своим предисловием, в котором особо подчеркивалась предельная

скромность автора, который понимает свою роль и место в исторических событиях.

Для Твардовского был важен еще один, может быть, не столь очевидный, как установка на максимальную достоверность, но не менее определяющий принцип отбора материалов для публикации — нравственный потенциал личности мемуариста. Со свойственной ему афористичностью В. Шкловский так сформулировал этот принцип: «Для написания мемуаров нужно иметь характер, судьбу и не скрывать ее» [Шкловский, с. 385].

В редакторском предуведомлении к воспоминаниям Б. Пастернака «Люди и положения» ценность их определяется именно масштабом личности автора: «В его очерке рядом с достоверными картинами времени есть и противоречивые, субъективные впечатления. Читатель далеко не всегда разделит его оценку литературных деятелей. Но страницы автобиографического очерка сохраняют ценность искреннего рассказа большого художника о себе и своем творчестве» [Твардовский, 1967а, с. 204]. Считая «Люди. Годы. Жизнь» лучшей книгой И. Эренбурга, А. Твардовский объясняет ее особую значимость тем, что при всем субъективизме писатель сумел сохранить верность себе: «Пусть иные критики Эренбурга еще в период журнальной публикации его книги настойчиво советовали ему вспомнить в своих записках о том, чего он не мог знать и помнить, и забывать о том, что он знал и не мог забыть, писатель оставался верен себе. И несмотря на все неизбежные издержки "субъективного жанра" мемуаров, романист, публицист, эссеист и поэт Илья Эренбург именно в этом жанре, привлекающем читателя искренностью и непосредственностью личного свидетельства о пережитом, в результате слияния всех сторон своего литературного таланта и жизненного опыта достигает, на мой взгляд, огромной творческой победы» [Твардовский, 1967б, с. 286].

Изначальная пристрастность, субъективность и даже субъективизм мемуаров мало тревожили Твардовского: «При относительной фактической неточности таких материалов их ценность определяется степенью субъективной правдивости и искренности свидетельства» [Твардовский, 1965, с. 7]. Он хорошо понимал двуединую природу мемуаров: субъективная установка на полную достоверность и объективная невозможность полной достоверности, отсюда и весьма точная формула жанра: «субъективная правдивость».

А. Твардовский, характеризуя направление своего журнала, неоднократно подчеркивал его ведущую ориентацию: новый мир, современность, что, кстати сказать, было часто мотивировкой отказа от той или иной рукописи историко-беллетристического характера. Мемуарно-документальная литература шла «по другому ведомству»: культурно-просветительскому и реабилитационному. Безусловно, к воспоминаниям о Революции и Гражданской войне журнал относился с большой осторожностью и из-за оглядки на цензуру, и из-за внутренних ограничителей, поскольку разоблачению подвергались «легенды» о Революции, установка делалась на ее «факты». Журнал неизменно обращался и упорно печатал (во второй половине 1960-х гг., правда, всё с большим трудом) работы

Е. Драбкиной: «Черные сухари» (1959), «Золотую осень» (1960), «Зимний перевал» (1968). Приверженность «Нового мира» к творчеству писательницы при знании этических принципов журнала вполне объяснима. Е. Драбкина была репрессирована, но ее вера в правоту свершенного в 1917 г. осталась непоколебимой: «Революция была, есть и будет». Российская история знает этот определенный тип людей, навсегда обольщенных революционной романтикой, воспитанных чаще всего в семьях профессиональных революционеров, в которых «общее дело» всегда было неизмеримо значимее, нежели «личное счастье». Не случайно оговорка Е. Драбкиной о том, что отца, занятого революционной работой, она знала мало и не хотела знать больше: «...я была целиком поглощена происходившими вокруг событиями, и всякий интерес к семье считала проявлением мелкобуржуазного мещанства» [Драбкина, с. 11]. Это абсолютно монологический тип личности, в лучшем случае слышащий другого, но признающий лишь свою правду и свою правоту. Характерен фрагмент из «Черных сухарей», в котором Е. Драбкина вспоминает празднование первой годовщины Октября, точнее — открытие памятников революционерам: «...памятники были сооружены в виде прямоугольных кубов, увенчанных приплюснутыми обрубками, изображавшими головы <...> Но нам эти первые детища революции казались прекрасными — и мы были абсолютно искренни, когда с воодушевлением говорили, что памятники эти будут стоять века! А сбоку на это глядела интеллектуальнейшая плесень <...>. Эта плесень слушала философские лекции Шпета, почитала себя поклонницей феноменологической школы Гуссерля, рукоплескала “Вехам”, Милюкову, Струве и Туган-Барановскому, бывала на премьерах пьес Метерлинка, зачитывалась Владимиром Соловьевым, декламировала стихи Вячеслава Иванова <...>. Она, эта плесень, ощупывала памятники колючими глазками, обнаруживала их уродливость, открывала пятна, нанесенные сыростью, тыкала пальцами в язвы и трещины в рыхлом бетоне — и торжествующе предсказывала, что памятники быстро развалятся. Это была их правда, правда лишая, правда мокрицы» [Там же, с. 20].

Процитированный фрагмент — типичный образец советского публицистического стиля. Но фанатики от революции, к которым принадлежала Е. Драбкина, в отличие от карьеристов от нее, не приукрашивали и свою правду, часто пытаясь писать о том, «что было», подчас невольно разоблачая себя («прямоугольные кубы, увенчанные приплюснутыми обрубками, изображавшие головы» как символ революционеров «всех времен и всех народов»).

Субъективная искренность и честность, так привлекавшая А. Твардовского в книгах Е. Драбкиной, порой приводили к еще одному, также мало предсказуемому результату, о чем свидетельствует не без основания с трудом проходившая цензуру книга писательницы «Зимний перевал». Е. Драбкина на основе анализа доступных ей документов предложила свой, весьма неожиданный и опасный аспект ленинианы: последний период жизни Ленина, его болезнь, оправдавшая полнейшую изоляцию, его немоту, что под пером писательницы все больше становится символом трагедии «романтика от революции»,

который всё отчетливее видел, как в ней побеждает «боковая сила» (выражение А. Платонова), но уже не в силах был что-либо предотвратить или изменить. Восприятие Ленина как трагического героя истории, возможно, в 1960-е гг. было не менее странным, чем создаваемый в это же время сатирический образ того же героя другим автором «Нового мира»: Солженицын в конце 1960-х гг. писал «Ленина в Цюрихе».

Журнал отстаивал свою стратегию борьбы с фальсификацией истории, сопровождая решение проблемы «правда факта или правда явления» целой системой тактических приемов: последовательный отбор для публикации тех материалов, в которых документ, факт, личное свидетельство опровергают сложившиеся стереотипы и штампы; борьба с цензурой; упорное отстаивание рукописей, планируемых для публикации; предуведомление проблемных публикаций Словом главного редактора, Словом редколлегии, Примечанием от редакции, а также, и это наиболее принятая форма, — инициация и проведение дискуссий, публикация острополемических статей и рецензий. Симптоматично, что С. Чупринин, аналитик и хроникер «оттепели», «реальную критику» «Нового мира» рассматривает как важнейшую составляющую литературного процесса эпохи «оттепели» [см.: Чупринин]. А Н. Биуль-Зедгинидзе в обширном исследовании «Литературная критика журнала "Новый мир" А. Т. Твардовского (1958–1970 гг.)» предлагает ряд глав-портретов ведущих критиков журнала: В. Лакшина, Ю. Буртина, А. Кондратовича, А. Синявского и др. [см.: Биуль-Зедгинидзе]. В разгар полемики, когда в «Литературной газете», «Октябре», «Огоньке» появился ряд статей, «разоблачающих» книги мемуарного характера и статьи, рецензии на эту тему, опубликованные «Новым миром», журнал решается на большой материал под общим названием «Еще о мемуарах», предваряя его репликой «От редакции», в которой вновь подтверждает свою позицию: «Широкое развитие мемуарной литературы, особенно заметное в последнее десятилетие — факт необыкновенно отрадный и характерный для наших дней. Мы должны донести до потомков свой опыт, достойно рассказать о людях и событиях, оставивших свой заметный след в полувековой истории советского общества. Вот почему наш журнал с большим вниманием относится к воспоминаниям, дневникам, документам недавнего прошлого. Однако некоторые произведения мемуарно-документального жанра страдают существенными недостатками. Самый главный из них — отсутствие исторической достоверности, уважения к фактам, поверхностное сочинительство» [От редакции, с. 195].

Показательна для журнала идущая параллельно с обсуждением мемуаров дискуссия о документе в литературе художественной, публицистической, научно-популярной и собственно научной. Начавшаяся в 1960 г., она носила, казалось бы, «невинный» характер самой постановкой проблемы: «Что же такое научно-художественная литература?» (подзаголовок статьи Д. Данина «Жажда ясности») и чем она отличается от литературы научно-популярной? Совместными усилиями писатели, критики, литературоведы ответили на этот вопрос на весьма содержательном для того времени уровне.

Журналом осознается переходное, двойственное качество подобной литературы: «Научно-художественная литература — одна из пограничных областей, так же, как очерк, как художественная публицистика» [Ивич, с. 248]. В течение нескольких лет эти исходные позиции уточнялись, углублялись и корректировались, пока в 1968 г. не была опубликована итоговая статья Ю. Манна «К спорам о художественном документе» [Манн], в которой автор не только переводит проблему в иную, нежанровую плоскость, но обнажает причины приверженности «Нового мира» к этому разговору. В результате исследования документальных книг на антифашистскую тему — Ю. Юзовский «Польский дневник», Е. Ржевская «Берлин, май 1945», сценария М. Ромма, М. Туровской, Ю. Ханютина «Обыкновенный фашизм» — Ю. Манн предлагает разделять «литературу факта» и «литературу вымысла» (в современной терминологии — фикшн и нон-фикшн), показывая возможности документа в том и в другом виде литературы. Для Ю. Манна введение документа в художественный текст — это, с одной стороны, и знак отчетливости авторской позиции и оценки при освоении жизненного материала, в которых не только не может быть, но и не должно быть неопределенности, и, с другой стороны, результат особой установки на достоверность. За якобы чисто литературоведческим сюжетом дискуссии угадывается иной, принципиально важный для «Нового мира», сопряженный с его основным направлением: документ враждебен стереотипам, факт разрушает легенды. «Новый мир» требует от общественных наук и литературы не жизнеподобия и правдоподобия, но правды и достоверности. Рецензируя «Дневник государственного секретаря А. А. Половцева» (М. : Наука, 1966), Н. Эйдельман пишет: «Документ позволяет еще раз поразмыслить о русском историческом процессе, о корнях “ответственного и безответственного” российского деспотизма» и не забывает напомнить о том вреде, который принесло исторической науке стремление оперировать только «подходящими» фактами: «Концепции, выраставшие из фактов, усиливают науку, но “недостатки — продолжение достоинств”, и все чаще — по разным причинам — концепции от фактов начинали отрываться. Порою они совсем не вытекали из фактов, еще немного — и концепции начинали сами группировать и даже создавать факты <...> Так вползали в науку работы-оборотни, не завершавшиеся, но начинавшиеся с выводов. На этом опасном пути было много потерь. Однако лучшие советские историки никогда не позволяли концепции съесть факты» [Эйдельман, с. 261, 266].

Примером того, насколько четко были сориентированы авторы «Нового мира» на то, что нужно журналу, развитие каких мыслей и идей его интересует более всего, может стать статья Б. Яковлева «Печатается впервые...» (к выходу 1–26-го томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина). Исходя из того, что в период «культа личности важнейшие ленинские документы десятилетиями лежали под спудом, не поступая даже в центральный партийный архив» [Яковлев, с. 155], автор статьи цитирует письмо М. Горького Ленину, в котором, напоминая адресату известный факт: Федор Шаляпин встал на колени перед

царской ложей и запел «Боже, царя храни», настаивает на том, что артиста «нельзя судить очень строго: у нас, художников, другая психология», на что в ответном письме получает развернутую ленинскую оценку такого поведения: «Пусть Шаляпина нельзя судить строго. Он художник, и только. Но Горького рабочие привыкли считать своим. Они всегда думали, что он так же горячо, как и они, принимает к сердцу дело пролетариата, что он отдал свой талант на служение этому делу... И это доверие сознательных рабочих налагает на Горького известную обязанность — беречь свое доброе имя и не давать его для подписи под всякими дешевенькими шовинистскими протестами, которые могут ввести в заблуждение малосознательных рабочих...» [Яковлев, с. 159]. Б. Яковлев не преминул привести и жесткую фразу И. Сталина из статьи «Окружили мя тельцы мнози тучны», сказанную от лица всей партии, осуждающей поведение «пролетарского писателя»: «Что же, вольному воля. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов» [Там же, с. 160]. Автор статьи комментирует публикацию документов в духе излюбленного «Новым миром» противопоставления: «Итак, Ленин борется за Горького. Сталин борется с Горьким. Ленин привлекает писателя на сторону партии. Сталин отталкивает и дискредитирует его. Ленин проявляет чуткость и внимательность подлинно коммунистического руководителя. Сталин обнаруживает лишь жестокость, грубость и нетерпимость, не имеющую ничего общего с идейной непримиримостью» [Там же].

Главным материалом анализа в статье А. Нинова «Искусство невыдуманного рассказа» стала книга С. С. Смирнова «Брестская крепость». Критик, как и Б. Яковлев, не останавливается на констатации информационной значимости публикации документальных текстов, фактом своего появления противостоящих «литературности» «суррогатов» от искусства, но, комментируя книгу, посвященную истории «беспримерной обороны Брестской крепости, которая оставалась как бы заживо погребенной под развалинами старой цитадели», вскрывает нравственную значимость для общества «расчистки первоисточников». Исследователь подчеркивает, что в этом случае «труд писателя вышел за чисто литературные рамки и приобрел животрепещущий гражданский и человеческий смысл» [Нинов, с. 222].

Центральной и вызвавшей широкий резонанс в этом ряду стала статья В. Кардина «Легенды и факты», вскрывающая и социальный, и нравственный вред фальсификации истории: «И все-таки, бывает, потребность в легенде вступает в противоречие с другой потребностью — в "черном хлебе" фактов. Нередко исторический факт — пусть голый и непритязательный — дороже, нужнее, чем великолепная сказка, в какую он вырос. Это в тех, видимо, случаях, когда за реальным фактом — реальность народной судьбы. Тут уж не соглашаешься не только на вымысел — на малейшую недостоверность, тут нужна правда, одна правда» [Кардин, с. 237].

Собирая журнальный номер, А. Твардовский и редколлегия продумывали равнозначность его составляющих — литературно-художественный,

но и общественно-политический журнал, что было залогом того, что каждая книжка будет прочитана «от корки до корки» [Лакшин, с. 29], чтобы она представляла собой «произведение особого рода» [Тынянов, с. 147]. Руководствуясь главной целью — донести до читателя правду, «как бы ни была горька» (А. Твардовский), «Новый мир» стремился публиковать произведения художественного и документально-публицистического характера, в которых осуществлялось осмысление узловых моментов отечественной истории без их идеализации. Обнародуя документальные материалы, воспоминания культурных и исторических деятелей, все варианты эго-текста (от дневников до эпистолярного наследия), проводя дискуссии, связанные с необходимостью критического соотношения и отделения легенд истории от фактов истории, «Новый мир», возглавляемый А. Твардовским, существенно изменил уровень общественного сознания своего времени.

Источники

Бодяшкин И. Из недавнего прошлого // Новый мир. 1966. № 11. С. 159–165.

Драбкина Е. Черные сухари // Новый мир. 1959. № 4. С. 3–51.

Ивич А. Заметки на полях статьи // Новый мир. 1960. № 4. С. 246–252.

Кардин В. Легенды и факты // Новый мир. 1966. № 2. С. 237–251.

Когда отстают от времени // Правда. 1967. 27 янв. С. 3.

Лифшиц Мих. Дневники Мариэтты Шагинян // Новый мир. 1954. № 2. С. 206–232.

Луначарский А. В. Социалистический реализм : [доклад] // Советский театр. 1933. Февраль-март. № 2–3. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticeskij-realizm/ (дата обращения: 09.03.2026).

Манн Ю. К спорам о художественном документе // Новый мир. 1968. № 8. С. 244–254.

Нинов А. Искусство невыдуманного рассказа // Новый мир. 1964. № 3. С. 213–226.

От редакции // Новый мир. 1964. № 12. С. 195.

Резолюция заседания секретариата правления Союза писателей СССР // Правда. 1967. 29 марта. С. 3.

Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 3–19.

Твардовский А. От редактора // Новый мир. 1967а. № 1. С. 203–204.

Твардовский А. Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга // Новый мир. 1967б. № 9. С. 285–287.

Терц А. Что такое социалистический реализм? (1957). Париж, 1988. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/terz_chto_takoe_sotsialistichesky_realizm_1988_text.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

Устав Союза советских писателей. М. : Гос. изд-во Сов. законодательство, 1935.

Хрущев Н. С. Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства // Новый мир. 1963. № 3. С. 3–34.

Эйдельман Н. В предчувствии краха // Новый мир. 1967. № 7. С. 261–266.

Яковлев Б. «Печатается впервые...» (к выходу 1–26-го томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина) // Новый мир. 1962. № 4. С. 155–165.

Исследования

Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М. : Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996.

Кондратович А. И. «Ровесник любому поколению...» : документальная повесть. М. : Современник, 1984.

Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М. : Книжная палата, 1991.

Метченко А. И. О литературной критике // Коммунист. 1967. № 6. С. 120–127.

Михайлова М. А., Снигирева Т. А. Военные мемуары на страницах «Нового мира» А. Твардовского // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3(142). С. 41–48.

Твардовский А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6 : Письма (1932–1970). М. : Худож. лит., 1983.

Твардовский А. Новомирский дневник : в 2 т. Т. 2 : 1967–1970. М. : ПРОЗАиК, 2009.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.

Чупринин С. Позиция (Литературная критика в журнале «Новый мир» времен А. Твардовского: 1958–1970 гг.) // Вопросы литературы. 1988. № 4. С. 15–21.

Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М. : Сов. писатель, 1990.

References

Biul'-Zedginidze, N. (1996). *Literaturnaia kritika zhurnala "Novyi mir" A. T. Tvardovskogo (1958–1970 gg.)* [Literary Criticism of A. T. Tvardovsky's *Novy Mir* Journal (1958–1970)]. Moscow: Kul'turno-prosvetitel'skii tsentr "Pervopechatnik".

Chuprinin, S. (1988). Pozitsiia (Literaturnaia kritika v zhurnale "Novyi mir" vremen A. Tvardovskogo: 1958–1970 gg.) [Position (Literary Criticism in the *Novy Mir* Journal During A. Tvardovsky's Time: 1958–1970)]. *Voprosy literatury*, 4, 15–21.

Kondratovich, A. I. (1984). *"Rovesnik liubomu pokoleniiu...": dokumental'naia povest'* ["A Peer to Any Generation...": A Documentary Story]. Moscow: Sovremennik.

Lakshin, V. (1991). *"Novyi mir" vo vremena Khrushcheva* [*Novy Mir* During Khrushchev's Time]. Moscow: Knizhnaia palata.

Metchenko, A. I. (1967). O literaturnoi kritike [On Literary Criticism]. *Kommunist*, 6, 120–127.

Mikhailova, M. A., & Snigireva, T. A. (2015). Voennye memuary na stranitsakh "Novogo mira" A. Tvardovskogo [Military Memoirs on the Pages of A. Tvardovsky's *Novy Mir*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 3(142), 41–48.

Shklovsky, V. (1990). *Gamburgskii schet: Stat'i — vospominaniia — esse (1914–1933)* [Hamburg Reckoning: Articles — Memoirs — Essays (1914–1933)]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Tvardovsky, A. (1983). *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 6: *Pis'ma (1932–1970)* [Correspondence (1932–1970)]). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Tvardovsky, A. (2009). *Novomirskii dnevnik* [*Novy Mir* Diary] (Vol. 2: 1967–1970). Moscow: PROZAiK.

Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka.

Снигирева Татьяна Александровна
доктор филологических наук
[1] профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
[2] ведущий научный сотрудник
Центра истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: tas0905@rambler.ru

Snigireva, Tatyana Aleksandrovna
Dr. Hab. (Philology)
[1] Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
[2] Leading Researcher
Centre of the History of Literature
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St.,
620990 Ekaterinburg, Russia
Email: tas0905@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0003-3795-963X
Scopus AuthorID: 57200179392

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.004
УДК 821.161.1-1 Еременко А. + 81'33 + 811.9 +
+ 811.161.1'37 + 168.522

Т. В. Обласова
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВА *ЯЗЫК* В ЦИКЛЕ «НЕВЕНОК СОНЕТОВ» А. ЕРЁМЕНКО

В статье углубляются представления о связях образности цикла «Невенок сонетов» А. В. Ерёменко с традициями русской лирики, подступы к изучению которых намечены в работах отечественных литературоведов (М. Липовецкий, И. Сурат, М. Эпштейн и др.). Цель работы состоит в исследовании репрезентации в цикле А. Ерёменко его понимания сущности поэзии, поэтического слова, роли языка в поэтическом творчестве. В связи с этим в задачи исследования, в частности, входит анализ образности стихотворений цикла с точки зрения ее связи с фразеологией русского языка. С помощью структурного анализа текста на лексическом уровне и анализа интертекстуальных связей выявляются значения слов и словосочетаний, позволяющие охарактеризовать актуализацию многозначности слова *язык* как художественный прием, работающий на построение многомерного образа у А. Ерёменко. В статье раскрываются актуализируемые в цикле значения слова *язык*: прямое значение как физиологического органа, лингвистическое терминологическое значение и значение «инструмента» поэзии. Особое внимание уделено значениям сочетания *сломанный язык* путем выявления его переносного значения в соотнесенности с соответствующими фразеологизмами и прямого значения, реализующегося через игру с *половинкой слова*. После сравнения с выявленными значениями сочетаний *вырванный язык*, *мертвый язык*, *прикушенный язык* сделан вывод о том, что *сломанный язык* в цикле выступает номинацией языка поэтического, что позволяет говорить о переосмыслении лирическим субъектом А. Ерёменко судьбы, определенной русской поэтической традицией как преображение в поэта путем «вырывания языка» при божественном участии. В цикле сонетов язык и слово предстают как явления физиологизированные, материализованные, опредмеченные, доступные манипуляциям и подчиняющиеся физическим, общим биологическим законам.

Ключевые слова: традиция; средства создания образности; фразеология русского языка; язык; слово; тема поэзии; интертекстуальные связи

Цитирование: *Обласова Т. В.* Художественная роль многозначности слова *язык* в цикле «Невенок сонетов» А. Ерёменко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 59–69. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.004

Поступила в редакцию: 11.06.2024
Принята к печати: 27.02.2026

© Обласова Т. В., 2026
CC BY-NC

Tatyana V. Oblasova
Tyumen State University
Tyumen, Russia

ARTISTIC ROLE OF THE POLYSEMY OF THE WORD *ЯЗЫК* IN A. EREMENKO'S CYCLE *NON-CROWN OF SONNETS*

This article explores the connections between the imagery in A. V. Eremenko's cycle *Non-crown of Sonnets* and the traditions of Russian lyrical poetry, whose study was initiated in the works of Russian literary scholars (M. Lipovetsky, I. Surat, M. Epstein, etc.). The aim of this study is to examine the representation in Eremenko's cycle of his understanding of the essence of poetry, the poetic word, and the role of language in poetic creation. In this regard, the research objectives include an analysis of the imagery in the poems of the cycle from the perspective of its connection with the phraseology of the Russian language. Through structural analysis of the text at the lexical level and analysis of intertextual connections, the author identifies the meanings of words and phrases, which makes it possible to characterise the actualisation of the polysemy of the word *язык* (*Eng.* tongue; language) as an artistic device serving to construct a multidimensional image in Eremenko. The article explores the meanings of the word *язык* actualised in the cycle: its literal meaning as a physiological organ, its linguistic and terminological meaning, and its meaning as an 'instrument' of poetry. Also, the author focuses on the meanings of the phrase *сломанный язык* (broken tongue) by identifying its figurative meaning in relation to corresponding idioms and its literal meaning, realised through the play on *половинка слова* (half a word). Following a comparison with the identified meanings of the *вырванный язык* (torn-out tongue), *мертвый язык* (dead tongue), *прикушенный язык* (bitten tongue), it is concluded that *сломанный язык* (broken tongue) in the cycle functions as a designation for the poetic tongue, which makes it possible to speak about the reconsideration of fate by Eremenko's lyrical hero, defined by the Russian poetic tradition as a transformation into a poet through the 'tearing out of the tongue' with divine intervention. In the cycle of sonnets, the tongue and the word appear as phenomena that are physiological, materialised, objectified, open to manipulation and subject to physical, general biological laws.

K e y w o r d s: tradition; figurative devices; Russian idioms; tongue; word; themes in poetry; intertextual connections

F o r c i t a t i o n: Oblasova, T. V. (2026). Khudozhestvennaia rol' mnogoznachnosti slova *iazyk* v tsikle "Nevenok sonetov" A. Eremenko [Artistic Role of the Polysemy of the Word *язык* in A. Eremenko's Cycle *Non-crown of Sonnets*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 59–69. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.004

Submitted: 11.06.2024
Accepted: 27.02.2026

Введение

В качестве одной из особенностей лирики А. Ерёменко исследователи отмечают ее связь с традицией. «Ерёменко индивидуален в своей технической метафизике, образы его причудливы, вызывающе парадоксальны, нарочито антипоэтичны и при этом связаны с традицией» [Сурат, с. 170–171]. И. Сурат указывает, например, на принадлежность образа *членистоногой руки стогокопнителя* (сонет «О господи, я твой случайный зритель») гнезду традиционных образов косьбы и жатвы, сопровождающих тему смерти в мифологии, фольклоре, литературе, изобразительном искусстве [Там же]. Терминологичность языка А. Ерёменко, источником которой полагается творческий метод, определенный самим поэтом как «синтез поэзии, философии и науки» [Еременко, с. 285], позволяет, по мнению М. Эпштейна, говорить о «державинских уроках». «Именно у Державина молодые поэты находят ту материальную крепость и терминологичность стиха, которая намного опередила не только XVIII век, но, пожалуй, и XIX» [Эпштейн, с. 31]. М. Липовецкий, характеризуя влияние О. Мандельштама на образное мышление А. Ерёменко, отмечает соединение в его лирике несовместимых традиций «опосредованной концептуализмом обэриутской завороженности абсурдом» и «мандельштамовского методичного творения сложных, не поддающихся упрощению, формул трагической гармонии» [Липовецкий, с. 339].

Особую оценку исследователей получил цикл А. Ерёменко «Невенок сонетов», который И. З. Сурат назвала «из лучшего, что им написано» и как будто демонстративно собирающим «в фокус яркие особенности его поэтики» [Сурат, с. 165]. Отдельные стихотворения цикла уже становились предметом анализа прежде всего с точки зрения интертекстуальных связей (см., например, рассуждения М. Липовецкого о сонете «О, Господи, води меня в кино...» [Липовецкий, с. 356–363], И. Сурат — «О, Господи, я твой случайный зритель...», «Как хорошо у бездны на краю...» [Сурат, с. 165–167]) и «неправильности» слова (И. Сурат о сонете «Прости, Господь, мой сломанный язык...» [Сурат, с. 167]).

Связь образности цикла «Невенок сонетов» А. Ерёменко с фразеологией русского языка

На наш взгляд, существенный признак образности цикла «Невенок сонетов» составляет и ее связь с устной языковой традицией, прежде всего с фразеологией русского языка, благодаря чему возникает смысловая многомерность поэтического высказывания. Основания для анализа этой связи дают представления самого поэта о сущности языка и его ведущей роли в процессе творчества: «Анализировать возможно образную систему, язык; поэзия в первую очередь — явление языковое, а уж потом мировоззренческое» [Еременко, с. 327]. О значении языка и своем отношении к нему как живому организму, «существующему по особым законам», о необходимости «определенной смелости и даже

честности», чтобы «грамотно идти по тем направляющим, которые он подсказывает», А. Ерёменко говорил в интервью Татьяне Рассказовой [Еременко, с. 325].

Обращает на себя внимание насыщенность цикла сочетаниями слов, внутри которых легко опознаются те или иные устойчивые выражения русского языка. Обращенность к языковой памяти, к трансформациям фразеологических сочетаний и «возвращение» им прямых значений, «помнящих» при этом и свои переносные значения, выступает в цикле в качестве приема, реализующего установку поэта на порождение образа из языковых значений. Благодаря этому создается внутреннее диалогическое / полемическое напряжение, при котором идея вырастает не только из собственно лексического значения слов, но и из многослойного наложения значений. В этом смысле способ порождения образа А. Ерёменко близок мандельштамовскому, для которого, как доказывают авторы системного изучения семантических сдвигов в стихах О. Мандельштама, основанных на трансформации нормативного языка, возникающей многозначности лексического ряда, связей его идиолекта с русским языком в широком смысле слова, переосмысление несвободных сочетаний является ключевым принципом поэтики [Успенский, Файнберг].

Столкновение прямых и переносных значений слова *язык* в контексте цикла А. Ерёменко «Невенок сонетов»

На столкновении прямых и традиционных переносных значений ряда слов, закрепленных фразеологией русского языка, выстраивается у Ерёменко осмысление ключевой для «Невенка сонетов» темы слова и поэзии. Центральным предметом рассмотрения в цикле является сам *язык*, выступающий одновременно в нескольких своих значениях. Так, в сонете «Прости, Господь, мой сломанный язык» [Еременко, с. 127] семь раз употребляется слово *язык*, восьмое употребление реализовано через контекст и очевидно подразумеваемую рифму с первым стихом второго терцета: *не знаком — лизнуть дверную ручку...*<языком>:

> и тот блажен, кто с этим не знаком,
> кто не хотел, как в детстве, на морозе
> лизнуть дверную ручку...
>
> [Там же]

В значении «орган в полости рта в виде мышечного выроста» [НТССРЯ] слово *язык* употреблено в сонете дважды. Первое употребление слова *язык* — *спрятал под язык* («я произнес лишь половинку слова, / а половинку спрятал под язык»). Второе — названное выше подразумеваемое. Другие употребления слова *язык* в данном сонете актуализируют сразу несколько значений, сложившихся в общеязыковой, научной и поэтической сферах, при этом происходит размывание границ, и слово как бы одномоментно выступает во множестве своих значений. Так, в первом четверостишии (*ложит на язык* — при очевидном отступлении от речевой нормы: *кладет на язык*), как и в следующем четверостишии

(*спрятал под язык*) и в первом терцете (*прикушенный язык*) актуализируется значение прямое, связанное с физическими действиями по отношению к языку как мышечному органу — *класть*, *прикусить*, *прятать*:

Конечно, лучше спать в анабиозе
с прикушенным и мертвым языком,
чем с вырванным слоняться языком...
[Еременко, с. 127]

Мертвый язык в контексте прямого значения *прикушенного языка* и анабиоза как физического состояния воспринимается как «лишенный жизни».

Уже в первом терцете сонета «Прости, Господь, мой сломанный язык» задается противопоставление *язык живой — мой сломанный язык — мертвый язык*, подключающее другое семантическое поле — поле терминологических значений *живого языка* как активно используемого и *мертвого языка* как древнего, не представленного в активном употреблении, сохранившегося только в письменных источниках. Обращение «прости, Господь, мой сломанный язык» может трактоваться как осознание вины поэта в «неправильном слове» [Сурат, с. 167]. Однако с учетом возможного фразеологического контекста обращение вполне прочитываемо и как вариация восклицания *прости господи* (разг. экспр.) [ФСРЛЯ], означающего сознание перед Богом резкости сказанного [НТССРЯ], т. е. резкости самого именования языка *сломанным*, в связи с чем усматривается не только пафос покаяния, но и интонация убеждения, разъяснения.

Разъяснению подлежит сам механизм действия *сломанного языка*: он из *живого языка* «чрезмерно длинное, неправильное слово берет и снова *ложит на язык*», что соотносимо с сочетанием *переложить* / *перевести на* <какой-то другой> *язык*. Особенности другого как *сломанного языка* разъясняются во втором четверостишии. С одной стороны, очевидна актуализация фразеологизма *язык сломаешь* — разг. «о словах, фразах, очень трудных для произношения» [ФСРЛЯ]. На «неправильное», «чрезмерно длинное» слово у А. Ерёменко как характерную примету его стиля обратила внимание И. Сурат [Сурат, с. 168]. С другой — примечательно, что в текстах реализуется прямое значение слова *сломанный* через произнесенную *половинку слова* («а половинку спрятал под язык»):

Прости, господь, мой сломанный язык
за то, что, прибежав на праздник слова,
я произнес лишь половинку слова,
а половинку спрятал под язык.
[Еременко, с. 127]

Здесь подключается семантический контекст фразеологизма *понимать с полуслова* (*с полслова*) — разг. «с первых слов, по намеку» [ФСРЛЯ]. Игрой со сломанным словом — половинкой слова начинается сонет «Сегодня я задумчив, как буфет...» [Еременко, с. 126], в котором выстраивается рифмующийся ряд

*бу**фет*** — *кон**фет*** — *ла**фет*** — *эф**фек**т*** — ***Фет***. Половина слов, обозначающих бытовые предметы, соединенных и рифмой, и ассоциативно, — *бу**фет*** и *кон**фет***, оказывается в тексте самостоятельно значимой, превращаясь в фамилию поэта — ***Фет***:

Сегодня я задумчив, как буфет,
и вынимаю мысли из буфета,
как длинные тяжелые конфеты
из дорогой коробки для конфет.

На раскладушке засыпает Фет...
[Еременко, с. 126]

Подобная трансформация неожиданно открывает поэтическое, спрятанное в бытовом. Во втором катрене происходит прямое слияние объектов и на языковом уровне и даже на уровне визуально воссоздаваемой реальности:

...и тень его, косящая от Фета,
сливаясь с тенью моего буфета,
дает простой отчетливый эффект.
[Там же]

В последнем терцете сонета эти слова оказываются в принципиально невозможном в обыденном языке контексте с *ла**фет**ом*. С помощью сравнения: *буду смотреть сквозь мой сонет, как сквозь лафет*, невольно актуализируется значение лафета, уже вовлеченного в поэтически осмысленную реальность М. Ю. Лермонтовым («прилег вздремнуть я у *лафета*» [Лермонтов, с. 12]) как своеобразной «пространственно-временной точки зрения», по терминологии Б. А. Успенского [Успенский]. В «Бородино» из положения «лежа у лафета» (временная характеристика в нем обозначена в конце предшествующей строфы — «*ночная* пала тень») описывается часть события и оказывается доступным восприятие противоположных состояний двух армий, в большей степени слуховое, и сам драматизм битвы, неудачной для русского войска: «и слышно было до рассвета, как *ликовал* француз.... Но *тих* был *наш* бивак открытый / Кто кивер чистил весь избитый, / Кто штык *точил*, *ворча сердито*, / *Кусая* длинный *ус*» [Лермонтов, с. 12]. Из зримо воспринимаемого здесь только *избитый кивер* и *кусая длинный ус*, хотя зримость вполне может быть воображаемая, что обусловливается состоянием — прилег *вздремнуть*. *Сонет* в сочетании с лафетом у А. Ерёменко отчетливо обретает такие же черты «пространственной точки зрения» благодаря сочетанию с глаголом *буду смотреть*, обозначающим «устремлять, направлять взгляд куда-л., иметь глаза направленными на кого-, что-л.; глядеть» [НТССРЯ] и пространственному предлогу *сквозь*. Здесь важно установление зазора — через сравнительный союз *как* (*как сквозь лафет*), который и работает на установление ассоциативной связи с лермонтовским текстом. Благодаря этому сонет, как лафет, в составе которого обнаруживается Фет, обретает свойства «оптического прибора».

Русская поэтическая традиция как источник многозначности слова *язык* в «Невенке сонетов» А. Ерёменко

Еще один фразеологизм в русском языке с «половинкой слова» — *на полуслове* (*на полслове*) *остановиться* «резко прервать начатую речь» [ФСРЛЯ], который соотносится уже, однако, с выбором другой судьбы и синонимичным фразеологизмом, реализованным в первом терцете сонета «Прости, господь, мой сломанный язык» — *прикусить язык* («внезапно замолчать»). *Прикушенный язык* представлен у А. Ерёменко как осознаваемый лучший вариант по сравнению с *вырванным языком*. Словосочетание *вырвать язык*, во-первых, вызывает историко-культурную ассоциацию со способом мучительной казни, наказания, которому подвергались смутьяны, бунтари (вспоминается в том числе и Угличский колокол). К представлениям о языке как средстве служения правде в связи с этим невольно примешивается значение смутьянства и наказания — «лишения языка». Во-вторых, имеет очевидную «поэтическую означенность», начиная от пушкинского «Пророка» («вырвал грешный мой язык» [Пушкин, т. 6, с. 30], в котором вырывание языка сопряжено с превращением человека в поэта, обретения им вместо человеческого языка «празднослового и лукавого» «жала мудрыя змеи», и в полемике с ним — до мандельштамовского: «Бог Нахтигаль... вырви мне язык — он мне не нужен» [Мандельштам, с. 70] (ср. нем. *Nachtigall* ‘соловей’), означающего отказ от языка / речи как некоторого орудия для выполнения задания. Внутреннее, обусловленное двумя существующими контекстами противопоставление пушкинской и мандельштамовской концепций «вырванного языка» как обретения «жала мудрыя змеи» для исполнения миссии («глаголом жечь сердца людей») у одного и как избавления от слова ради обретения способности свободного пения у другого снимается тем, что обе они оказываются принадлежащими к одной поэтической идее — «вырванного языка» как признака поэта. Лирический субъект Ерёменко как будто признает молчание, анабиоз как более предпочтительную (*лучше... чем*) судьбу, противопоставленную судьбе поэтической. Более того, эта позиция будет реализована в собственной судьбе А. Ерёменко — в сознательном уходе и молчании, в котором, по определению Д. Бака, «различимы новые смыслы» [Бак, с. 225]. Ухода, который был поэтически задекларирован совершенно отчетливо и даже жестко в стихотворении «Возложите на Правду венки»:

Больше я не скажу ни строки,
А в конце, чтобы все было честно,
На Язык возложите венки.

[Еременко, с. 67]

Вместе с тем слова *блажен, кто...* усложняют контекст понимания строки «блажен, кто с этим незнаком», поскольку здесь, с одной стороны, ассоциативно актуализируется пушкинское «блажен, кто молча был поэт» [Пушкин, т. 2,

с. 289], которое как будто укладывается в грядущий выбор самого А. Ерёменко, а с другой — возникают и сразу два иронизирующих контекста: пушкинский «блажен, кто смолоду был молод, / блажен, кто вовремя созрел» [Пушкин, т. 3, с. 169] и некрасовский «блажен незлобливый поэт» [Некрасов, с. 97]. В обоих вариантах сниженной оценке подлежит заурядность, своевременность, подчиненность нормам и правилам, отсутствие бунта, т. е. всё, что традиционно противостоит поэтическому поведению и подлинной поэзии. У А. Ерёменко сформулировано еще одно условие «блаженства»: блажен тот, кто не наделен поэтическим словом — «кто с этим не знаком». При этом завершается сонет снижающим драматизм выбора судьбы приравниванием потребности произнесения поэтического слова детскому искушению «на морозе / лизнуть дверную ручку...», что, в свою очередь, превращает поэтическую потребность в немотивированную, непонятную, необъяснимую и неистребимую детскую потребность манипуляции с языком на уровне физического переживания с ожиданием острого болевого эффекта.

Таким образом, два терцета, следующих за двукратным обращением в начале катренов «Прости, Господь..», звучащие как реплика в диалоге («Конечно, лучше спать в анабиозе...»), представляют собой признание иной судьбы, не связанной с поэзией, как блага, согласие с ней как с благом: «блажен, кто с этим не знаком», которое, однако, звучит скорее как уступка в логике — *конечно, но...* И смысл прочитывается не в принятии той — иной — благостной судьбы, не в полном раскаянии и покаянии, а в просьбе, обращенной к Богу о принятии им выбранной лирическим субъектом судьбы и выбранного — *сломанного* (но не вырванного) *языка*, своеобразного утверждения права на *свой* (не божественно данный) почти физически ощущаемый *язык* и физически же ощущаемое слово («половинку спрятал под язык»).

«Несвобода» и непроизвольность как свойства поэтического языка в интерпретации А. Ерёменко

Эта просьба о прощении *моего сломанного языка* оказывается существенной в свете понимания несвободы поэтического языка как инструмента повторения: «Все наши мысли сказаны давно, и все, что будет, — будет повтореньем» (сонет «О Господи, води меня в кино» [Еременко, с. 134]), которое М. Липовецкий интерпретировал как попадание поэта после перерождения его в Пророка в «детскую зависимость от Бога», что обусловливает ненужность языка («так вырви мой язык, — мне все равно»), поскольку всё произнесенное отныне будет только «тавтологией божественного глагола — иначе говоря, логоса, трансцедентального означаемого» [Липовецкий, с. 361]. Поэтическая несвобода также задана на физиологическом уровне через утверждаемую тождественность стиха с биологическими закономерностями функционирования клетки: «Здесь каждый ген, *рассчитанный* как гений, / *зависит* от числа *соударений*...» [Еременко, с. 134].

В «Блатном сонете» проблематизируется целесообразность поэтического высказывания как такового (с отсылкой к тютчевскому «мысль изреченная есть

ложь» [Тютчев, с. 123]): «И, если мысль не равнозначна слову, тогда зачем мы ловим этот кайф» [Еременко, с. 132] (ср. *ловить кайф* «получать удовольствие от чего-л.» [Словарь русского арго]). Таким образом, состояние творчества прочитывается как состояние необоснованного блаженства. И в этом контексте неожиданно выглядит образ слова, созданный с помощью сравнения с детьми: «Слова бегут, как маленькие дети, и вдруг затылком падают на лед» [Еременко, с. 134], — образ детской незащищенности слова, необдуманности, подчиненности внутреннему порыву, как и желание «на морозе / лизнуть дверную ручку» с неизбежной болью, озвученное в сонете «Прости, Господь, мой сломанный язык». «Детская тема» неоднократно появляется при разговоре о языке, слове, творчестве. Помимо указанных выше случаев в связи с детством устанавливалась «возможность гения» в сонете «Громадный том листали наугад»: «Ведь только что вчера здесь был детсад, / стоял грибок, и гений был возможен». В сонете «О Господи, води меня в кино, / корми меня малиновым вареньем», помимо обращения, актуализирующего отношения отца и ребенка, появляется форма *дождик* из детских считалок и стихотворений:

Над толчеей твоих стихотворений
расставит *дождик* знаки ударений,
окно откроешь — а за ним темно.

[Там же]

Еще раз слово *язык* встречается в «Сонете без рифмы» и снова в составе фразеологизма «Мы говорим на разных языках»:

Мы говорим на разных языках.
Ты бесишься, как маленькая лошадь,
а я стою в траве перед веревкой
и не могу развесить мой сонет.

[Там же, с. 133]

Благодаря контексту цикла у выражения *говорить на разных языках* (разг., неодобр. «не понимать друг друга, понимать суть разговора субъективно» [ФСРЛЯ]) появляется новое значение непересекаемости языков, на которых говорят он и она: языка эмоций — «ты бесишься, как маленькая лошадь», и языка сонета, который обретает в руках лирического субъекта буквально материальные, но ускользающие формы — «стою в траве перед веревкой / и не могу развесить мой сонет».

Выводы

Итак, образ языка у А. Ерёменко создается как многомерная конструкция, прочитываемая одновременно в нескольких контекстах, построенная на многозначности, порождаемой самим языком с учетом фразеологических сочетаний

и поэтической традицией размышлений о судьбе поэта А. С. Пушкина и О. Мандельштама. Творчество, поэзия, слова опредмечены и даже физиологичны, манипуляции с языком и словом имеют физическую основу и сопровождаются физическими, как правило, болевыми эффектами (*сломанный язык*, *лизнуть на морозе ручку*, *слова падают затылком на лед*). *Мой сломанный язык* в условиях изначальной несвободы поэтического творчества и неизбежности судьбы поэта *болтаться с вырванным языком*, быть лишенным собственно человеческого языка, осознается как то, за что необходимо испросить прощение, которое одновременно станет и утвержденным правом на свою судьбу и свой язык. Она отличается от двух традиционно существующих вариантов — один из которых определяется как нахождение в состоянии анабиоза с мертвым, ничего не порождающим языком, а другой — как судьба поэта, превращенного при участии высших сил путем удаления языка либо в пророка, либо в певца. Таким образом, *сломанный язык* предстает очевидным образом как язык поэтический, но не как глагол божественного происхождения, а как особый инструмент, имеющий физиологическую основу, осуществляющий самостоятельные манипуляции со словами общего языка, «неправильными», «чрезмерно длинными» (речь может идти в свете особенностей словаря А. Ерёменко в том числе о научных терминах и техницизмах), ломающий их и высвобождающий из них новые значения и новые поэтические образы. Поэтическое творчество в связи с этим выступает как естественный процесс перевода / переложения слов живого общего языка на поэтический, что можно считать непосредственной реализацией представлений А. Ерёменко о поэзии как явлении прежде всего языковом.

Источники

Еременко А. Матрос котенка не обидит : собрание сочинений. М. : Фаланстер, 2021.

Лермонтов М. Ю. Стихотворения, 1837–1841 // Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений : в 2 т. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1989. Т. 2.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 3.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 1.

НТССРЯ — Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / сост. Т. Ф. Ефремова М., 2000. URL: https://efremova.slovaronline.com/ (дата обращения: 25.08.2023).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 19 т. М. : Воскресенье, 1994.

Словарь русского арго / сост. В. С. Елистратов. 2002. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-argo/fc/slovar-202-1.htm#zag-4777 (дата обращения: 25.08.2023).

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. М. : Изд. центр «Классика», 2002. Т. 1.

Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. 2008. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm#193 (дата обращения: 25.08.2023).

Исследования

Бак Д. Сто поэтов начала столетия: пособие по современной русской поэзии. М. : Время, 2015.

Липовецкий М. Н. Стихи Александра Ерёменко // Еременко А. Матрос котенка не обидит : собрание сочинений. М. : Фаланстер, 2021. С. 337–372.

Сурат И. З. Неправильное слово. Вопрос о Ерёменко // Новый мир. 2013. № 8. С. 159–178. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/8/nepravilnoe-slovo.html (дата обращения: 20.05.2023).

Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000.

Успенский П., Файнберг В. К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М. : Новое литературное обозрение, 2020.

Эпштейн М. Н. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб. : Азбука, 2016.

References

Bak, D. (2015). *Sto poetov nachala stoletiia: posobie po sovremennoi russkoi poezii* [One Hundred Poets of the Beginning of the Century: A Handbook of Modern Russian Poetry]. Moscow: Vremia.

Epstein, M. N. (2016). *Poeziia i sverkhpoeziia: O mnogoobrazii tvorcheskikh mirov* [Poetry and Super Poetry: About the Diversity of Creative Worlds]. St Petersburg: Azbuka.

Lipovetsky, M. N. (2021). Stikhi Aleksandra Eremenko [Poems by Alexander Eremenko]. In A. Eremenko, *Matros kotenka ne obidit: sobranie sochinenii* [A Sailor won't Hurt a Kitten: Collected Works] (pp. 337–372). Moscow: Falanster.

Surat, I. Z. (2013). Nepravil'noe slovo. Vopros o Eremenko [Wrong Word. The Question of Eremenko]. *Novyj mir*, 8, 159–178. Retrieved from https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/8/nepravilnoe-slovo.html

Uspenskij, B. A. (2000). *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. St Petersburg: Azbuka.

Uspensky, P., & Feinberg, V. (2020). *K russkoi rechi: Idiomatika i semantika poeticheskogo iazyka O. Mandel'shtama* [On Russian Speech: Idiomatics and Semantics of the Poetic Language of O. Mandelstam]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Обласова Татьяна Владимировна
доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения
Тюменский государственный университет
625000, Тюмень, пр. Ленина, 23
E-mail: tatianoblasowa@yandex.ru

Oblasova, Tatyana Vladimirovna
Dr. Hab. (Pedagogical Sciences), PhD (Philology), Professor
Department of Linguistics and Literary Studies
Tyumen State University
23 Lenin Ave., 625000 Tyumen, Russia
Email: tatianoblasowa@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-4667-8218
WoS ResearcherID: LGY-2735-2024

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
FUNCTIONAL AND COGNITIVE LINGUISTICS

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.005
УДК 811.161.1'27 + 811.161.1'42 + 81'38 + + 81'33 + 340.15 + 004.89

Е. В. Дзюба
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА, КОРПУСА, ДИСКУРСА

Рассматривается лингвоментальный феномен *национальные интересы*, который актуализируется в русскоязычном дискурсе разных видов. Цель работы — концептуальное моделирование феномена *национальные интересы* через язык в дискурсе экономики, политики, международных отношений, социально-гуманитарной и социокультурной сфер. Отмечаются когнитивно-психологический и социальный аспекты развития семантики лексемы *интерес* / *интересы* в русском языке, делается акцент на социальном значении слова, выявляется динамика употребительности сочетания *национальные интересы* по данным Национального корпуса русского языка, подчеркивается обусловленность актуализации данного выражения социальными факторами. Определяется специфика «рамочного» концепта *национальные интересы*, который приобретает дискурсивно обусловленные значения в конкретном контексте; устанавливается содержательная и аксиологическая связь понятий *национальные интересы*, *национальные ценности*, *национальная идентичность*. Сформулированные положения являются результатом анализа собранного корпуса научных текстов: 300 наиболее цитируемых статей (общий объем — 7015 с.) с ключевыми словами *национальные интересы*, опубликованных в рецензируемых научных изданиях в 2022–2024 гг. Количественная обработка корпуса, осуществленная с помощью веб-приложения *Voyant Tools*, позволила прийти к некоторым содержательным выводам: приоритет сфер права, экономики и политики и крайне ограниченное освещение социально-гуманитарных и культурных ценностей в контексте осмысления национальных интересов государства; наличие существенного перевеса в пользу освещения материальной стороны общественной жизни; политическая ангажированность научных статей, посвященных проблемам сохранения национальной культуры и языка;

© Дзюба Е. В., 2026
CC BY-NC

недооценивание значения социально-гуманитарного, духовно-нравственного и культурного развития в продвижении национальных интересов государства в пользу только экономического и технологического прогресса. Формулируется вывод о том, что приоритет экономических и технических наук может и должен привести общество к благосостоянию, однако формирование системы ценностей и моделирование благополучного будущего отдельной нации и всего человечества невозможно без активного участия гуманитаристики.

Ключевые слова: национальные интересы; ценности; корпусные данные; автоматизированная обработка текста; *Voyant Tools*; язык и дискурс

Благодарности
Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01062 «Стратегия продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект», https://rscf.ru/project/25-28-01062/

Цитирование: *Дзюба Е. В. Национальные интересы* как феномен языка, корпуса, дискурса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 70–91. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.005

Поступила в редакцию: 28.02.2025
Принята к печати: 24.11.2025

Elena V. Dziuba
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University
St Petersburg, Russia

NATIONAL INTERESTS AS A PHENOMENON OF LANGUAGE, CORPUS, AND DISCOURSE

This study examines the linguistic phenomenon of *национальные интересы* (Eng. national interests), which manifests itself in various types of Russian-language discourse. The aim of this study is to conceptually model the phenomenon of national interests through language in the discourse of economics, politics, international relations, and the social, humanitarian, and socio-cultural spheres. The author notes the cognitive-psychological and social aspects of the semantic development of the lexeme *интерес* / *интересы* (interest / interests) in the Russian language; emphasis is placed on the social significance of the word; the dynamics of the usage of the phrase *национальные интересы* are identified based on data from the National Corpus of the Russian Language; and the dependence of the actualisation of this expression on social factors is highlighted. The author defines the specificity of the 'framework' concept *национальные интересы*, which acquires discourse-determined meanings in a specific context; the substantive and axiological connection between the concepts *национальные интересы*, *национальные ценности*, and *национальная идентичность* (national interests, national values, and national identity) is established. The formulated propositions are

the result of an analysis of a corpus of academic texts: the 300 most frequently cited articles (7,015 pages in total) containing the keywords *национальные интересы* published in peer-reviewed academic journals between 2022 and 2024. Quantitative analysis of the corpus, carried out using the web application Voyant Tools makes it possible to draw a number of substantive conclusions: a prioritisation of the fields of law, economics and politics and extremely limited coverage of social, humanitarian and cultural values in the context of understanding the state's national interests; a significant bias towards coverage of the material aspects of social life; political bias in academic articles devoted to issues of preserving national culture and language; an underestimation of the importance of social, humanitarian, spiritual, moral, and cultural development in advancing the state's national interests in favour of economic and technological progress alone. The author concludes that the prioritisation of economic and technical sciences can and should lead society to prosperity; however, the formation of a value system and the modelling of a prosperous future for an individual nation and for humanity is impossible without the active participation of the humanities.

K e y w o r d s: national interests; values; corpus data; word processing; Voyant Tools; language and discourse

Acknowledgements
The article has been prepared with the financial support of the *Russian Science Foundation* (project 25-28-010629 "Strategies for Promoting National Interests of Russia through Transforming Institutions of Multilateral Diplomacy: A Linguopolitical Aspect"), https://rscf.ru/en/project/25-28-01062/

F o r c i t a t i o n: Dziuba, E. V. (2026). *Natsional'nye interesy* kak fenomen iazyka, korpusa, diskursa [*National Interests* as a Phenomenon of Language, Corpus, and Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 70–91. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.005

Submitted: 28.02.2025
Accepted: 24.11.2025

Введение

Национальные интересы — понятие, актуальное для разных сфер существования общества: экономики, политики, культуры и др. Цель данной работы — концептуальное моделирование феномена *национальные интересы* через язык в разных областях. В задачи исследования входит решение таких вопросов: как *национальные интересы* осмысляются в русскоязычном научном дискурсе в переломный для России период (2022–2024), как они трансформируются в разных контекстах, как вид дискурса влияет на формирование представлений о национальных интересах, как *национальные интересы* связаны с *национальными ценностями* и *национальной идентичностью*.

Язык играет важную роль в определении сущности и реализации национальных интересов. Он сам является фактором самоопределения нации:

каждая страна заинтересована в сохранении и развитии в первую очередь государственного языка (государственных языков), а также его (их) продвижении в мировом сообществе. Он служит средством выражения и продвижения идей, мнений, концепций, в том числе на международном уровне. Он представляет собой механизм формирования общественного мнения, восприятия нацией ценностей политики, экономики, культуры своего государства, а также понимания положения страны среди других. Взаимодействие политических, культурных и экономических факторов имеет большое значение для понимания национальных интересов.

Внимание сосредоточено на научном дискурсе, который априори должен наиболее отчетливо представлять верифицированное знание о специфике понимания национальных интересов в разных сферах. Корпус собранных за 2022–2024 гг. научных публикаций анализируется здесь посредством количественных и качественных методов. Данный материал позволит определить содержание лингвокогнитивного феномена *национальные интересы* эпохи геополитических трансформаций.

Методология исследования

Внимание фокусируется на моделировании лингвоментальной единицы *национальные интересы* в русском языке и научном дискурсе, что определяет материал и методы работы. Помимо общенаучных методов (анализ и синтез, дедукция и индукция, детализация и генерализация, методы качественного и количественного анализа), используются собственно лингвистические: методы лексикографического, корпусного, контекстуального, концептуального, когнитивно-дискурсивного анализа. Материалом исследования являются статьи толковых словарей, данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ], 300 наиболее цитируемых статей с ключевыми словами *национальные интересы*, опубликованных в рецензируемых научных изданиях в 2022–2024 гг. (по 100 за каждый год; в данную выборку попадают статьи на русском языке, не более 10 % — на английском; общий объем — 7015 с.). Количественная обработка корпуса осуществлена с помощью веб-приложения *Voyant Tools* [Voyant Tools].

Национальные интересы: лексикографический анализ

В толковых словарях у лексемы *интерес* отчетливо разграничиваются два аспекта семантики: когнитивно-психологический и социальный. Первый обусловлен актуализацией значения внимания к объекту, содержания мыслей или речи (ср.: «ИНТЕРЕС. 1. Внимание, любопытство, проявляемое к кому-, чему-л., преимущественная направленность мысли на какой-л. объект» [МАС]); второй — развитием семантики стремления к благу, извлечению выгоды или пользы («4. *обычно мн. ч.* То, что составляет благо кого-, чего-л., служит на пользу

кому-, чему-л., нужды, потребности. *Классовые интересы...*» [МАС]; «3.0. зд. мн. То, что выгодно, полезно кому-, чему-л. *Государственные (общественные, общие, личные, жизненные, корыстные, мелкие) интересы*» [БУСРЯ].

Заметим, что дефиниции, актуализирующие первый аспект, формулируются посредством синонимов (синонимический тип лексикографической дефиниции): *внимание*, *любопытство*, *направленность мысли*; толкование с акцентом на социальном аспекте является отсылочным: значение формулируется через указательное местоимение *то* и союзное слово *что* (*то, что*), основная смысловая нагрузка переносится на лексемы *выгодно*, *полезно*, *благо*, *нужда*, *потребность*. При этом все единицы актуализируют семантику и материальных, и нематериальных ценностей: «БЛАГО. 1.1. зд. мн. То, что служит к удовлетворению потребностей, дает материальный достаток, доставляет удовольствие. *Духовные и материальные блага*»; «ВЫГОДА. 1. только ед. Прибыль, доход, извлекаемые из чего-л. *Материальная выгода*. 2. обычно мн. Польза, преимущество, личный интерес. *Выгоды новых методов обучения*»; «ПОЛЬЗА. Хорошие, положительные последствия, а также благоприятные условия для кого-, чего-л. *Польза просвещения*»; «НУЖДА. 2.1. обычно мн. То, что нужно кому-л., наличие чего составляет необходимое, обязательное условие для осуществления, функционирования чего-л. *Культурные нужды населения*»; «ПОТРЕБНОСТЬ. 1.1. обычно мн. То, что нужно кому-л., что кто-л. хотел бы иметь. ...*Материальные*, *духовные потребности*» [БУСРЯ].

Отсылочная дефиниция сопрягает семантику слова *интересы* с обобщенными понятиями выгоды, пользы, блага, потребностей и нужд, которые наполняются конкретным содержанием только в контексте. *Интересы* здесь представляет собой «рамочный концепт» [Степанов][1], который, имея общую канву с положительной коннотацией, в контексте приобретает дискурсивно обусловленное значение[2]. Здесь рамочный концепт предполагает наличие обобщенного признака (национальные интересы — это то, что несет благо, пользу, выгоду); конкретное содержание (что есть благо или польза) определяется по-своему в отдельно взятом дискурсе. Так, в экономической сфере *интересы* связаны с достижением стабильности и устойчивого экономического роста, инновационным и инвестиционным развитием; в политической — с сохранением независимости, территориальной целостности, стабильности, укреплением

[1] У концептов «рамочного типа» имеется «некоторый основной, актуальный признак (или некоторая небольшая совокупность таких признаков...), который, собственно, и составляет главное содержание концепта. ...Но далее эти концепты, собственно — их “рамка”, могут “примериваться”, “накладываться” на то или иное общество» [Степанов, с. 76–77].

[2] Под *дискурсивно обусловленным значением* понимается значение, которое определяется не только узким контекстуальным окружением, но которое «формируется поступательно, с течением времени и под влиянием внешней (здесь — политической) ситуации; это значение транслируется в целом ряде текстов одной проблематики; развитие дискурсивно обусловленных значений осуществляется, как правило, у целой группы семантически и ситуативно связанных слов» [Дзюба, с. 343].

авторитета в мировом сообществе; в правовой — с соблюдением закона и порядка, равенством всех перед законом, защитой гражданских прав и свобод; в социально-гуманитарной — с защитой жизни, здоровья и благополучия граждан, соблюдением социального равенства в распределении ресурсов и благ; в социокультурной — с укреплением национальной идентичности, сохранением языка и культуры народов, населяющих страну, развитием национально-культурной инфраструктуры (храмы, театры, музеи, фестивальные и иные проекты), духовными ценностями.

У прилагательного *национальный* в словаре фиксируется три значения, но для данной работы актуально следующее: «Такой, который относится к данной стране, государству. *Национальный гимн* (флаг, суверенитет, безопасность)» [БУСРЯ]. Социальный аспект толкования лексемы *национальный* сближает ее с единицами *государственный*, *общенациональный*, *народный*, *общенародный*, *федеральный* [Абрамов]. Это позволяет осуществлять дальнейший отбор контекстов с выражениями, синонимичными сочетанию *национальные интересы*, и проводить их количественный и качественный анализ.

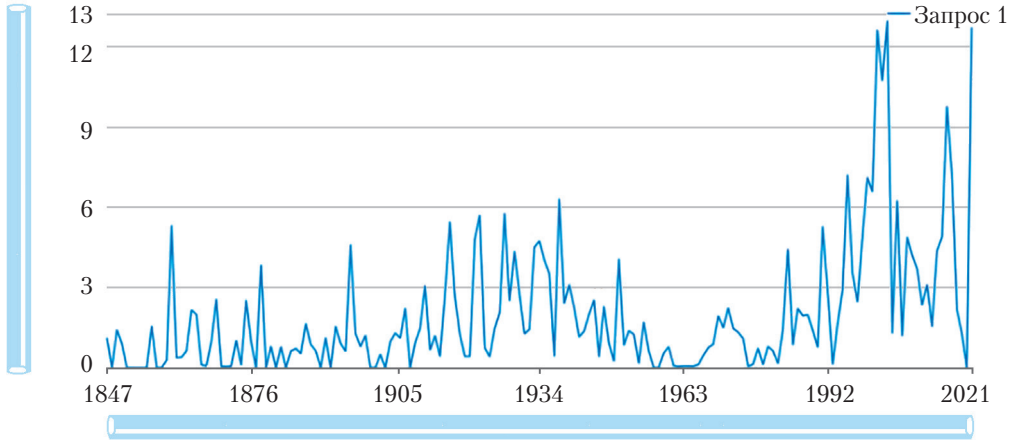
Интерпретация корпусных данных

В газетном корпусе НКРЯ [Скетчи] со словом *интересы* в социальном значении фиксируются следующие частотные определения: *законный*, *национальный*, *взаимный*, *повышенный*, *наибольший*, *особый*, *геополитический*, *собственный*, *стратегический*, *корыстный* (в порядке убывания) и предлагаются такие примеры: *В списке* ***геополитических интересов*** *Кремля находится более 30 африканских стран*; *В России хотят найти баланс между* ***национальными и геополитическими интересами***; *Арктика сегодня — регион* ***стратегических интересов*** *и для России*. В Основном корпусе как наиболее частотные фиксируются определения *законный*, *личный*, *особый*, *национальный*, *научный*, *наибольший*, *повышенный*, *общий*, *общественный*, *большой*. Специфичными для медиадискурса являются сочетания *геополитические, стратегические интересы*, актуальные скорее для политической сферы; для основного корпуса характерен более широкий спектр затрагиваемых областей: наука, социально-гуманитарная сфера (*научный*, *общий*, *общественный интерес*).

По данным НКРЯ, слово *интересы* в социальном значении впервые фиксируется в 1847 г. (диапазон сочетаемости от —10 до 10): *Одной недостает народности, национальных корней, другой — чувства будущности и новых* ***государственных интересов*** (В. П. Боткин. Письма об Испании). Заметный рост употребления сочетания *национальные интересы* наблюдается в 2001–2003 гг., затем после резкого падения — новый всплеск употребительности в период с 2014 по 2016 г., следующий подъем после снижения — в 2021 г. (см. ил. 1).

Актуализация данного выражения обусловлена социально-политическими событиями. Это может быть связано с трансформацией политического строя: после революций, смены идеологий, распада империй. В российских условиях

возвращение к осмыслению национальных интересов произошло в постсоветском пространстве после распада СССР и усиления централизации власти. Консолидация общества вокруг осмысления национальных интересов и ценностей возможна также в ситуации идеологического вакуума, что произошло с Россией после крушения коммунистической идеологии. Осознание национальной идентичности и единства должно было заполнить идеологический пробел. Исследователи подчеркивают, что начало 2000-х гг. ознаменовано знаковыми событиями: «В Думе сформировалось устойчивое пропрезидентское большинство, стоящее на центристских позициях. ...В декабре 2000 г. после долгих лет острых дискуссий по предложению президента Дума утвердила государственные символы России. Ими стали герб в виде двуглавого орла и трехцветный флаг; за Вооруженными силами сохранялись красные знамена советской эпохи; в качестве музыкального символа был возвращен созданный в годы Великой Отечественной войны гимн А. В. Александрова с новыми словами того же автора — С. В. Михалкова. Такое сочетание элементов символики имеет целью объединить различные эпохи истории России, примирить сторонников различных политических настроений, продемонстрировать преемственность и новизну в развитии страны...» [Александров, с. 49–50].



Ил. 1. Распределение результатов поиска по датам с 1776 по 2021 г.

Fig. 1. Distribution of search results by date from 1776 to 2021

Период 2014–2016 гг. также характеризуется резкой активизацией дискурса о национальных интересах, что связано со сложившейся комбинацией внутренних и внешнеполитических факторов. Основным триггером для формирования нарратива о возвращении России статуса великой державы, восстановлении исторической справедливости и защите интересов русскоязычного населения стал крымский кризис и конфликт на Украине. Присоединение Крыма, защита русскоязычных граждан Донбасса непосредственно связывается с понятием

национальных интересов России и формированием новых или трансформацией имеющихся концептов в общественном сознании: например, *Крымнаш* [Неелова], *Русский мир* [Амиров]. Результатом политических действий России становится введение санкций со стороны Евросоюза и США после 2014 г., что приводит к идеологическому противостоянию со странами Запада и актуализации концептов *санкции*, *импортозамещение, дружественные / недружественные страны*, *иноагенты* и др. Все перечисленное заложило основу для долгосрочной стратегии поведения России, где национальные интересы стали главным аргументом во внутренней и внешней политике.

Частотность упоминания сочетания *национальные интересы* с 2021 г. обусловлена сложившейся международной ситуацией: государства сталкиваются с внешними вызовами и угрозами, требующими консолидации ресурсов, защиты суверенитета, продвижения собственных стратегических целей. Внешние угрозы объясняются обострением миграционного кризиса в допандемийный период, борьбой за вакцины во время COVID-19, приведшего к *ренационализации* государств [Громыко], усиливающейся конкуренцией сверхдержав [Морозов, Батюк], санкционным давлением, борьбой за влияние в странах Ближнего Востока или Африки [Маслов, Суслов], соперничеством в освоении новых территорий, богатых ресурсами, например, в Арктике [Белослудцев, Дзюба]. Торговые, ресурсные, технологические войны, собственно военные споры за территорию — всё это усиливает антиглобализационные процессы в пользу защиты интересов разных политических акторов и продвижения некоторых инициатив — китайской «Один пояс, один путь», российской — «Большое Евразийское партнерство». Февраль 2022 г. способствовал актуализации в русскоязычном дискурсе концептов *турбулентность* [Baranov], *неонацизм* [Васильев; Вусатюк], *релокация* [Belosludtsev, Dziuba, Solopov, Solopova; Шайбакова], *многополярный мир* [Дзюба, Еремина; Пильгун; Солуянов].

Интенсификация дискурса национальных интересов возникает, таким образом, в моменты, когда государству нужно мобилизоваться для преодоления глубоких кризисов. Актуализация концептов *национальные интересы*, *национальные ценности*, *национальная идентичность* нацелена на укрепление солидарности общества, сохранение культурного наследия и традиций страны, однако при усилении тенденции к утверждению национальных интересов общество следует предостеречь от излишнего роста ксенофобии, стремления к подавлению меньшинства и уничтожению плюралистичности мнений и взглядов, обычно являющихся залогом социального прогресса.

Моделирование концепта в научном дискурсе

Для реконструкции лингвокогнитивного феномена *национальные интересы* в научном дискурсе были отобраны наиболее цитируемые статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях за 2022–2024 гг. За каждый год было отсортировано 100 работ (общее число — 300).

На первом этапе исследования посредством веб-инструмента *Voyant Tools* была осуществлена количественная обработка корпуса научных статей, результатом которой стало выделение наиболее частотных слов, определяющих тематическую доминанту публикаций о национальных интересах государства вообще или отдельной страны в частности. Это позволяет соотнести частотные слова с денотативной сферой употребления рассматриваемого выражения и стоящего за ним рамочного концепта, а также определить семантическую интерпретацию сочетания *национальные интересы* и дискурсивную специфику соответствующего ему концепта.

При фиксации количественных данных были исключены «стоп-слова» и осуществлено объединение семантически близких слов (например: *государство* и *страна*; *социальный* и *общественный*). Первые позиции среди наиболее частотных слов занимают единицы *государство*, *страна*, *Россия*, *РФ*, *федерация*, *российский*, которые отражают социально-политическую природу феномена *национальные интересы* (табл. 1).

Более конкретные результаты, касающиеся денотативных сфер репрезентации изучаемого концепта, представлены в табл. 2.

Количественный анализ данных выявляет, что в научном дискурсе в качестве приоритетных представлены следующие направления продвижения национальных интересов: экономическое развитие государства, соблюдение норм права, совершенствование социальной, политической, экономической систем, обеспечение безопасности, развитие информационных технологий. Актуализация лексики научной сферы (см. частотность единиц *наука*, *научный*) обусловлена характером материала, собранного из наукометрической базы данных РИНЦ. В число наиболее употребительных в 2022 и 2023 гг. входят слова *технологии*, *технологический*, что объясняется стремительным распространением генеративного искусственного интеллекта и принятием «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 [Указ Президента РФ № 145]. Для 2024 г. специфичен рост употребления лексем *семья*, *семейный*, что связано с проведением в РФ Года семьи (см. Указ Президента «О проведении Года семьи» от 22.11.2023 г. № 875 [Указ Президента РФ № 875]).

Употребление сочетания *национальные интересы* в научном дискурсе актуализирует семантику общественно-политической жизни и экономической выгоды, акцентирует внимание в первую очередь на экономическом, стратегическом и технологическом аспектах развития государства. Среди нематериальных ценностей отмечается лишь институт семьи, что характерно для дискурса только 2024 г. Следует отметить взаимозависимый характер двух дискурсов — научного и политического — в определении приоритетов продвижения национальных интересов государства.

Таблица 1

Частотность лексических единиц по году издания

Место по частотности	2022		2023		2024	
	Слово	Количество употреблений	Слово	Количество употреблений	Слово	Количество употреблений
1	*государство (страна) / государственный, национальный*	6 350	*Россия, РФ, федерация / российский*	8 545	*государство (страна) / государственный, национальный*	8 636
2	*Россия, РФ, федерация / российский*	6 225	*государство (страна) / государственный, национальный*	7 305	*Россия, РФ, федерация / российский*	7 892
Всего слов в корпусе	83 841		85 822		101 961	

Таблица 2

Частотность единиц по сферам употребления

Место по частотности	2022		2023		2024	
	Элемент[3]	Количество употреблений	Элемент	Количество употреблений	Элемент	Количество употреблений
1	эконом*	4 800	прав* / правов*	5 710	систем*	4 444
2	прав* / правов*	4 307	эконом*	4 791	эконом*	4 340
3	соци* / социальн*, обществ* / обществен*	3 283	соци* / социальн*, обществ* / обществен*	3 380	прав* / правов*	4 037
4	разви*	3 186	разви*	2 874	разви*	4 237
5	наук* / науч*	2 046	политик* / политич*	2 708	информац*	3 914
6	систем*	1 909	наук* / науч*	2 436	соци* / социальн*, обществ* / обществен*	3 448
7	безопасн*	1 657	систем*	2 016	наук* / науч*	3 209
8	политик* / политич*	1 604	безопасн*	2 016	семья / семейный	2 879
9	стратег*	1 547	технолог*	1 432	политик* / политич*	2 396
10	технолог*	1 428	образование / образовательный	1 354	безопасн*	2 170
Всего слов в корпусе	83 841		85 822		101 961	

[3] В таблице представлены элементы однокоренных слов (сервис *Voyant Tools* не предусматривает лемматизацию).

Содержательный анализ корпуса научных публикаций

«Рамочный» концепт *национальные интересы* приобретает конкретное содержание при «погружении» в дискурс политики, экономики, права, культуры, социально-гуманитарной сферы. Такие контексты весьма частотны: *Следует различать понятие «носитель» и «направитель» национальных интересов: в качестве первого выступает народ, именно он является носителем суверенитета в Российской Федерации, направителем становится государство*; *Наше государство чётко артикулирует свои национальные интересы, защита которых предполагается в рамках международного права*; *В контексте продвижения приоритетных национальных интересов в рамках экономических отношений с зарубежными странами необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования* и мн. др. [НКРЯ] Весьма редко выражение *национальные интересы* встречается в педагогическом и образовательным дискурсах.

Важно отметить, что интересы (национальные, государственные, политические, экономические) выступают обычно объектом действия политического актора: *интересы* можно и нужно *представлять*, *проявлять*, *защищать*, *отстаивать*, *лоббировать*, *учитывать*, *затрагивать*. Коллокации, репрезентирующие объектную семантику, актуализируют также ценностный компонент в структуре концепта *национальные интересы*, сопрягая последний с *национальными ценностями*. Во многих контекстах эти выражения «соседствуют», ср.: *Люди видели, как значимы для вас национальные интересы Родины, наши традиционные ценности*; *Есть задача, есть понимание, как ее решить, чтобы сделать эффективную структуру, которая будет транслировать национальные ценности и интересы и способствовать солидаризации России*. Вместе с тем эти два концепта не отождествляются, часто даже противопоставляются как две стороны — внутренняя и внешняя — одного феномена: национальной идентичности, ср.: *Мы пытаемся найти такие возможности, где американские и российские интересы пересекаются, даже если наши ценности не совпадают*. Интересы могут пересекаться при расхождении ценностной картины мира народов разных стран.

Национальные интересы и *национальные ценности* — два взаимосвязанных феномена, которые играют ключевую роль в формировании политического и экономического курса страны, развитии культуры и социальной сферы, осмыслении национальной идентичности. Национальные ценности представляют собой совокупность принципов, традиций, убеждений и норм, которые определяют морально-нравственные и социокультурные основы общества; они отражают то, что нация считает самым важным для благополучного существования: свобода, справедливость, патриотизм, уважение к собственной истории и культуре. Национальные интересы соотносятся со стратегическими целями, обусловленными такими приоритетами государства, которые направлены на обеспечение безопасности и благополучия нации (экономические, политические, военные, социально-гуманитарные, социокультурные интересы). Национальные ценности закладывают основы для определения специфики национальных интересов: то,

что общество считает важным (национальные ценности), влияет на то, какие цели оно ставит перед собой для достижения благополучия (национальные интересы). Национальные интересы, в свою очередь, служат инструментом для защиты и продвижения национальных ценностей. Связь между этими феноменами неразрывна: ценности влияют на интересы, а реализация интересов укрепляет ценности. Так, стремление к экономическому развитию (экономические интересы) может быть основано на ценности — материальное благополучие граждан, а достижение этого развития укрепляет веру в эту ценность. Таким образом, национальные ценности и интересы, дополняя друг друга, создают основу для устойчивого развития и осознания идентичности нации.

Среди политических ценностей выделяют суверенитет (безопасность и независимость) страны, свободу политического волеизъявления, приоритет гражданского общества и демократического устройства государства [Селезнева, 2022; Яковлева]; при этом политические ценности понимаются как «устойчивые[4], имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [Селезнева, 2019, с. 178]. Ценностями правового сознания являются легитимность власти, справедливость, верховенство закона, равноправие, соблюдение прав человека [Петрова]. Экономические ценности и приоритеты также непосредственно связаны с национальными интересами, поскольку они определяют благосостояние нации. К экономическим ценностям относят независимость, которая проявляется в импортозамещении и защите внутренних рынков; экономический рост и повышение уровня жизни, которые рассматриваются как ключевые цели национальных интересов; контроль за природными ресурсами [Балабанова]. Социально-гуманитарные ценности определяются уровнем защищенности граждан с точки зрения их благосостояния: защиты жизни и здоровья населения, гражданских прав и свобод, обеспечения занятости и др. [Фролова]. Культурные ценности, помимо универсальных (национальный язык и культура) зависят от национальной специфики народа. Так, в России традиционно ценились свободолюбие, стремление к правде и справедливости, честность, совесть, мораль и нравственность, коллективизм (соборность), вера, доброта, патриотизм и историческая память народа, семейные узы [Лихачев, 2000]. Культурные ценности отражают идентичность нации и играют важную роль в формировании национальных интересов.

Выделим ценностные приоритеты, связанные с концептом *национальные интересы* в каждой из сфер (см. ил. 2), для последующего количественного

[4] В последние годы исследователи обсуждают вопрос об устойчивости / изменчивости политических ценностей: одни на материале данных, полученных в результате многочисленных опросов, фиксируют изменчивость политических ценностей, находящихся под глубоким влиянием конкретных политиков, партий или движений [Connors]; другие настаивают на наличии некоторых базовых и неизменных ценностей [Evans, Neundorf].

и качественного анализа контекстов: *политика*, *независимость*, *безопасность*, *целостность* (политическая сфера); *экономика*, *стабильность*, *развитие*, *технологии* (экономическая сфера); *право*, *закон*, *равноправие*, *равенство* (правовая сфера); *гуманизм*, *граждане*, *благополучие*, *коллектив*, *семья* (социально-гуманитарная сфера); *духовность*, *культура*, *наука*, *образование*, *интеллект*, *религия*, *идентичность*, *язык* (сфера культуры, духовного и интеллектуального развития).

Ил. 2. Схема концептуальной связи феноменов *национальные интересы* и *национальные ценности*

Fig. 2. Scheme of the conceptual connection of the phenomena *национальные интересы* and *национальные ценности*

Результаты количественной обработки текстов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Частотность лексем, репрезентирующих политические, экономические, правовые, гуманитарные, культурные ценности

Элемент	2022	2023	2024	Итого
прав*	4 037	5 710	5 695	15 442
эконом*	4 800	4 791	4 340	13 931
разви*	3 035	2 874	4 047	9 956

Окончание табл. 3

Элемент	2022	2023	2024	Итого
науч* / наук*	2 039	1 418	3 168	6 625
полит*	1 655	2 161	2 493	6 309
безопасн*	1 710	2 016	2 170	5 896
закон*	1 337	1 653	2 213	5 203
технолог*	1 428	1 432	1 851	4 711
образовательн* / образовани*	995	1 258	1 808	4 061
граждан*	875	1 025	1 045	2 945
культур*	615	535	1 021	2 171
семей* / семья*	192	125	1 269	1 586
интеллект*	90	591	772	1 453
язык*	128	114	439	681
дух*	182	222	273	677
независим*	143	162	251	556
гуман*	99	180	234	513
коллектив*	141	166	193	500
стабильн*	144	181	162	487
идентичн*	52	289	139	480
целостн*	67	88	167	322
религ*	65	116	107	288
благополуч*	51	57	142	250
равноправ*	15	12	27	54
равенств*	20	0	24	44

Анализ количественных данных позволяет отметить, что вопросы права и экономического развития занимают умы исследователей более чем в пять раз чаще, чем вопросы социально-гуманитарного, интеллектуального и духовного развития; политически ориентированные публикации превышают число последних более чем в три раза. Например, в публикациях 2024 г. единица *эконом** и лексемы социально-гуманитарной сферы в одном контексте встречаются довольно редко: *эконом** и *обществ** — 295 раз, *эконом** и *социальн** — 324 раза, и т. д.; а, например, со словами *семья* и *образование* — 3 и 4 раза; при этом в целом слова с корнем *эконом-* в текстах 2024 г. встречаются 4 340 раз, что может свидетельствовать о недостаточном внимании к социальным аспектам экономического роста.

Следует, однако, заметить, что в динамике элемент *эконом** является единственным, частотность которого снизилась с 4 800 до 4 340. Остальные слова, называющие ценности, демонстрируют количественный рост, что обусловлено усилением тенденций к определению национальной идентичности. Стремительный рост употребительности единицы *интеллект** (с 90 в 2022 г. до 772 в 2024 г.), несомненно, обусловлен появлением в ноябре 2022 г. ChatGPT, обладающего широким функционалом в области генерации текстов, изображений, аудио- и видеоматериалов. Заметный количественный рост особенно касается единиц *культура* и *семья*, что обусловлено, вероятнее всего, не столько переключением внимания с экономических на социально-культурные сферы, сколько объявлением Года культурного наследия народов России в 2022 г. [Указ Президента № 745] и Года семьи в 2024 г. [Указ Президента № 875]. Рост частотности этих единиц, таким образом, ангажирован политически. Слова, называющие иные социально-гуманитарные и культурные ценности, хотя и демонстрируют рост употребительности, но абсолютное число употреблений таких лексических единиц сравнительно невелико: *язык** — 681, *дух** — 677, *независим** — 556, *гуман** — 513, *коллектив** — 500, *стабильн** — 487, *идентичн** — 480, *целостн** — 322, *религ** — 288, *благополуч** — 250, *равноправ** — 54, *равенств** — 44.

Думается, что в современной России, несмотря на декларируемый приоритет духовности над материальным, нравственным и социокультурным ценностям уделяется существенно меньше внимания, чем экономическому и технологическому развитию, что наблюдается в том числе на уровне научного дискурса о *национальных интересах*, между тем, по словам Д. С. Лихачева, «культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства» [Лихачев, 1992]. Возможно, это также связано с тем, что исследователи (психологи, социологи, лингвисты, культурологи), которые изучают нематериальные ценности, не рассматривают их в контексте ключевых для продвижения национальных интересов государства, замыкаясь в рамках узкоспециальных дисциплин. Важно осознать, что национальные интересы должны соотноситься не только с быстро получаемой выгодой, приносимой экономическим развитием, но и с отложенной, долгосрочной пользой, закладываемой гуманитарными науками, образованием, культурой.

Заключение

Моделирование концепта *национальные интересы* с помощью языковых средств в разных видах дискурса позволяет увидеть сложноорганизованную сущность данного феномена и подчеркнуть его связь с широким кругом геополитических, экономических, социокультурных и иных вопросов. В первую очередь эту связь актуализирует лексема *интерес*, которая при употреблении в форме множественного числа развивает социальные аспекты семантики, в частности значение стремления к общественному благу — материальному или нематериальному. При этом словарная дефиниция, отражающая социальный аспект этого

слова, является отсылочной: смысловая нагрузка переносится на компоненты *выгодно*, *полезно*, *благо*, *нужда*, *потребность*. Отсылочная дефиниция сопрягает семантику слова *интересы* с обобщенными понятиями выгоды, пользы, блага, потребностей и нужд, которые наполняются конкретным содержанием в контексте.

Лингвокогнитивный феномен *национальные интересы* представляется «рамочным концептом», который имеет смысловую канву с положительной коннотацией и который при употреблении приобретает дискурсивно обусловленное значение в разных областях его применения: правовой, экономической, политической, социокультурной. Содержание данного концепта, связанное с указанными областями, может быть осмыслено сквозь призму представлений о системе ценностей — правовых (*право*, *закон*, *равноправие*, *равенство*), экономических (*экономика*, *стабильность*, *развитие*, *технологии*), политических (*политика*, *независимость*, *безопасность*, *целостность*), социально-гуманитарных (*гуманизм*, *граждане*, *благополучие*, *коллектив*, *семья*), культурных и духовно-нравственных (*духовность*, *культура*, *наука*, *образование*, *интеллект*, *религия*, *идентичность*, *язык*) соответственно.

Количественная обработка собранного корпуса текстов (300 наиболее цитируемых статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях за 2022–2024 гг., общим объемом 7015 с.) позволила сделать вывод о приоритете сфер права, экономики и политики и крайне ограниченном освещении социально-гуманитарных и культурных ценностей в контексте осмысления национальных интересов государства. Употребление сочетания *национальные интересы* в научном дискурсе актуализирует, таким образом, семантику общественно-политической жизни и экономической выгоды и акцентирует внимание в первую очередь на экономическом, стратегическом и технологическом аспектах развития государства.

Количественные данные об упоминании единиц *гуманизм*, *благополучие*, *коллектив*, *духовность* и т. п., безусловно, свидетельствуют не об игнорировании данной проблематики гуманитариями. Вероятнее всего, это связано с тем, что исследователи (психологи, социологи, лингвисты, культурологи, педагоги и др.), которые изучают нематериальные ценности современного мира, не рассматривают их в качестве ключевых для продвижения национальных интересов государства, замыкаясь в рамках узкоспециальных дисциплин или частных вопросов. Квантитативный анализ также показал стремительный рост с 2022 г. по 2024 г. упоминания в научном дискурсе единиц *интеллект*, *культура*, *семья*, что обусловлено появлением и распространением генеративного искусственного интеллекта, а также внешними факторами (объявление Года культурного наследия народов России, Года семьи), что может свидетельствовать о политической ангажированности статей по данной проблематике. Подчеркнем также, что недооценивание значения социально-гуманитарного, духовно-нравственного и культурного развития в продвижении национальных интересов государства в пользу только экономического и технологического прогресса вряд ли целесообразно,

поскольку благосостояние граждан не сводится только к материальной стороне. Из 17 целей устойчивого развития, обозначенных ООН [UN], шесть касаются нематериальных ценностей. Это относится и к науке: приоритет экономических и технических наук, безусловно, может и должен привести общество к благосостоянию, однако само моделирование благополучного будущего отдельной нации и всего человечества, формирование ценностной картины мира человека вряд ли возможно без участия социально-гуманитарных наук.

Источники

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : около 5 000 синонимич. рядов ; 20 000 синонимов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Рус. словари, 1994. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-sinonimov (дата обращения: 15.02.2025).

БУСРЯ — Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka (дата обращения: 15.02.2025).

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 15.02.2025).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru

Скетчи — Портрет слова // Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/word/main (дата обращения: 30.01.2025).

Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении Года семьи» // Президент России : официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72792 (дата обращения: 30.01.2025).

Указ Президента РФ от 30 декабря 2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 15.02.2025).

Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 об утверждении «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России : официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 30.01.2025).

UN — Цели в области устойчивого развития // United Nations : [официальный сайт ООН]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 30.01.2025).

Voyant Tools. URL: https://voyant-tools.org/

Исследования

Александров Н. М. Современная российская политика. Ярославль : ЯрГУ, 2014.

Амиров В. М. Трансформация идеологемы «Русский мир» в материалах СМИ: от этнорелигиозной к культурно-политической общности // Политическая лингвистика. 2023. № 1(97). С. 12–18. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_01_01

Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2010. № 10(3). С. 67–77. URL: https://mirros.hse.ru/article/view/5340 (дата обращения: 30.01.2025).

Белослудцев А. Н., Дзюба Е. В. Образ Арктики в современных русскоязычных СМИ // Россия в глобальном мире. 2022. № 25(48). С. 23–41. https://doi.org/10.48612/RG/RGW.25.2

Васильев В. И. Искажение истории Второй мировой войны — угроза безопасности Европы // Обозреватель. 2021. № 5(376). С. 5–28. https://doi.org/10.48137/2074–2975_2021_5_5

Вусатюк О. А. Война за историческую память. Как пресечь «обнуление» Великой Отечественной войны // Свободная мысль. 2020. № 3(1681). С. 145–158.

Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2(14). С. 5–13. https://doi.org/10.15211/vestnikieran22020413

Дзюба Е. В. Ключевые слова политического момента в словаре, корпусе, дискурсе // Лингвистическая семантика в пространственном измерении : Словарь. Дискурс. Корпус : монография / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2024. С. 342–359.

Дзюба Е. В., *Еремина С. А.* «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира // Политическая лингвистика. 2023. № 6(102). С. 77–87.

Лихачев Д. С. «Язык указов мне глубоко чужд...»: Из выступления Д. С. Лихачева на Президиуме Российского Фонда культуры. 1992 // Площадь Лихачева : [сайт]. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pamjat_istorii_svjashhenna_2001.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000.

Маслов А. А., *Суслов Д. В.* Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 1(113). С. 130–148. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148

Морозов Ю. В., *Батюк В. И.* Стратегический треугольник США — КНР —РФ: вызовы и перспективы безопасности России : монография. М. : ИКСА РАН, 2022. https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.41.26.010

Неелова О. И. Лингвокогнитивное моделирование образа Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4(70), № 2. С. 113–121.

Петрова Т. В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4(104). С. 131–140. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.131-140

Пильгун Е. В. Стратегии формирования коммуникативного пространства многополярного мира // Политическая лингвистика. 2023. № 6(102). С. 122–130.

Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18

Селезнева А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47–60. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4

Солуянов В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 3. С. 424–445. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997.

Фролова Т. И. Гуманитарные ценности как основание для принятия актуальных решений: теоретические истоки общественной повестки дня // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 42–54.

Шайбакова Д. Д. Лексическая объективация понятия «перемещающиеся лица»: Словарь Д. Н. Ушакова и современная лексикографическая практика // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 4. С. 349–366. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-349-366

Яковлева Е. В. Культурные акценты экономики в контексте современности // Эпомен. 2022. № 28. С. 103–113.

Baranov N. Social Development Trends in the Context of a Turbulent World // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022) / ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy et al. Springer, 2022. (Springer Geography). P. 125–134. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_10

Belosludtsev A., *Dziuba E.*, *Solopov D.*, *Solopova O.* The Term "Relocation": Meaning, Form, and Function in Russian and English (Corpus-Based Research) // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022) / ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy et al. Springer, 2022. (Springer Geography). P. 275–285. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_22

Connors E. C. The Social Dimension of Political Values // Political Behavior. 2020. Vol. 42, No. 3. P. 961–982. https://doi.org/10.1007/s11109-019-09530-3

Evans G., *Neundorf A.* Core Political Values and the Long-term Shaping of Partisanship // British Journal of Political Science. 2022. Vol. 50, No. 4. P. 1263–1281. https://doi.org/10.1017/S0007123418000339

References

Aleksandrov, N. M. (2014). *Sovremennaia rossiiskaia politika* [Contemporary Russian Politics]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.

Amirov, V. M. (2023). Transformatsiia ideologemy "Russkii mir" v materialakh SMI: ot etnoreligioznoi k kul'turno-politicheskoi obshchnosti [Transformation of the Ideologem "Russian World" in Media Materials: From Ethno-Religious to Cultural-Political Identity]. *Politicheskaia lingvistika*, 1(97), 12–18. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_01_01

Balabanova, E. S. (2010). Osobennosti rossiiskoi ekonomicheskoi mental'nosti [Peculiarities of Russian Economic Mentality]. *Mir Rossii*, 10(3), 67–77. Retrieved from https://mirros.hse.ru/article/view/5340

Baranov, N. (2024). Social Development Trends in the Context of a Turbulent World. In R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb, S. Pogodin, & A. Znamenski (Eds.), *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography* (pp. 125–134). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_10

Belosludtsev, A. N., & Dziuba, E. V. (2022). Obraz Arktiki v sovremennykh russkoiazychnykh SMI [The Image of the Arctic in the Modern Russian Mass Media]. *Rossiia v global'nom mire*, *25*(48), 23–41. https://doi.org/10.48612/RG/RGW.25.2

Belosludtsev, A., Dziuba, E., Solopov, D., & Solopova, O. (2024). The Term "Relocation": Meaning, Form, and Function in Russian and English (Corpus-Based Research). In R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb, S. Pogodin, & A. Znamenski (Eds.), *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography* (pp. 275–285). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_22

Connors, E. C. (2020). The Social Dimension of Political Values. *Political Behavior*, *42*(3), 961–982. https://doi.org/10.1007/s11109-019-09530-3

Dziuba, E. V. (2024). Kliuchevye slova politicheskogo momenta v slovare, korpuse, diskurse [Keywords of the Political Moment in the Dictionary, Corpus, and Discourse]. In L. G. Babenko (Ed.), *Lingvisticheskaia semantika v prostranstvennom izmerenii: Slovar'. Diskurs. Korpus*

[Linguistic Semantics in the Spatial Dimension: Dictionary. Discourse. Corpus] (pp. 342–359). Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi.

Dziuba, E. V., & Eremina, S. A. (2023). "Arkhitektura mnogopoliarnogo mira": stroitel'naia metafora v predstavlenii politicheskogo obraza mira ["Architecture of the Multipolar World": Construction Metaphor in the Representation of the Political Image of the World]. *Politicheskaia lingvistika*, 1(102), 77–87.

Evans, G., & Neundorf, A. (2020). Core Political Values and the Long-term Shaping of Partisanship. *British Journal of Political Science, 50*(4), 1263–1281. https://doi.org/10.1017/S0007123418000339

Frolova, T. I. (2017). Gumanitarnye tsennosti kak osnovanie dlia priniatiia aktual'nykh reshenii: teoreticheskie istoki obshchestvennoi povestki dnia [Humanitarian Values as a Basis for Making Relevant Decisions: Theoretical Origins of the Public Agenda]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 8, 42–54.

Gromyko, A. A. (2020). Koronavirus kak faktor mirovoi politiki [Coronavirus as a Factor of World Politics]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN, 2*(14), 5–13. https://doi.org/10.15211/vestnikieran22020413

Likhachev D. S. (1992). "Iazyk ukazov mne gluboko chuzhd...": Iz vystupleniia D. S. Likhacheva na Prezidiume Rossiiskogo Fonda kul'tury [The Language of Edicts is Deeply Alien to Me: From D. S. Likhachev's Speech at the Presidium of the Russian Cultural Foundation]. *Ploshchad' Likhacheva* [Likhachev Square]. Retrieved from https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pamjat_istorii_svjashhenna_2001.pdf

Likhachev, D. S. (2000). *Russkaia kul'tura* [Russian Culture]. Moscow: Iskusstvo.

Maslov, A. A., & Suslov, D. V. (2022). Vozvrashchenie v Afriku: kak sdelat' ego rossiiskim prioritetom [Return to Africa: How to Make it a Russian Priority]. *Rossiia v global'noi politike, 20*(1), 130–148. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148

Morozov, Yu. V., & Batiuk, V. I. (2022). *Strategicheskii treugol'nik SShA — KNR — RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii* [Strategic Triangle USA-China-RF: Challenges and Prospects of Russia's Security]. Moscow: IKSA RAN. https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.41.26.010

Neelova, O. I. (2018). Lingvokognitivnoe modelirovanie obraza Kryma [Linguocognitive Modelling of the Image of Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 4*(2), 113–121.

Petrova, T. V. (2023). Tsennosti prava i pravovye tsennosti [Values of Law and Legal Values]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 4(104), 131–140. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.131-140

Pil'gun, E. V. (2023). Strategii formirovaniia kommunikativnogo prostranstva mnogopoliarnogo mira [Strategies of Formation of Communicative Space of the Multipolar World]. *Politicheskaia lingvistika,* 6, 122–130.

Selezneva, A. V. (2019). Kontseptual'no-metodologicheskie osnovaniia politiko-psikhologicheskogo analiza politicheskikh tsennostei [Conceptual and Methodological Foundations of Political and Psychological Analysis of Political Values]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia,* 49, 177–192. https://doi.org/10.17223/1998863Kh/49/18

Selezneva, A. V. (2022). Politicheskaia moral' sovremennoi rossiiskoi molodezhi: tsennosti, predstavleniia, ustanovki [Political Morality of Modern Russian Youth: Values, Perceptions, Attitudes]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiia i upravlenie, 8*(3), 47–60. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4

Shaibakova, D. D. (2023). Leksicheskaia ob"ektivatsiia poniatiia "peremeshchaiushchiesia litsa": Slovar' D. N. Ushakova i sovremennaia leksikograficheskaia praktika [Lexical

Objectification of the Concept of 'Moving Persons': D. N. Ushakov's Dictionary and Modern Lexicographic Practice]. *Filologicheskii klass, 28*(4), 349–366. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-349-366

Soluyanov, V. S. (2021). Kontseptsiia mnogopoliarnosti: mnogoobrazie podkhodov i interpretatsii [The Concept of Multipolarity: A Variety of Approaches and Interpretations]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiia, 23*(3), 424–445. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Vasil'ev, V. I. (2021). Iskazhenie istorii vtoroi mirovoi voiny — ugroza bezopasnosti Evropy [Distortion of the History of the Second World War — a Threat to the Security of Europe]. *Obozrevatel'*, 5(376), 5–28. https://doi.org/10.48137/2074–2975_2021_5_5

Vusatiuk, O. A. (2020). Voina za istoricheskuiu pamiat'. Kak presech' "obnulenie" Velikoi Otechestvennoi voiny [War for Historical Memory. How to Stop the 'Nullification' of the Great Patriotic War]. *Svobodnaia mysl'*, 3(1681), 145–158.

Yakovleva, E. V. (2022). Kul'turnye aktsenty ekonomiki v kontekste sovremennosti [Cultural Accents of Economy in the Context of Modernity]. *Epomen*, 28, 103–113.

Дзюба Елена Вячеславовна
доктор филологических наук, профессор
Высшей школы международных отношений
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
195251, Санкт-Петербург,
ул. Политехническая, 20, лит. Б
E-mail: elenacz@mail.ru

Dziuba, Elena Vyacheslavovna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Higher School of International Relations
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University
29 Polytekhnicheskaya St.,
195251 St Petersburg, Russia
Email: elenacz@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3833-516X
Scopus AuthorID: 56998786000
WoS ResearcherID: AAJ-5882-2021

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.006
УДК 81-11 + 81’322.3 + 81.167 + 070.3 + + 003.01

А. В. Дымова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

А. И. Золотайко
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, Россия

ДВОЕТОЧИЕ В ЗАГОЛОВКЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ ФЛУКТУАЦИЯ?

В статье исследуется вопрос количественной представленности синтаксической сегментации заголовков статей в научном дискурсе. Проанализировано свыше 6 100 включающих двоеточие заглавий научных статей, опубликованных в 20 отечественных лингвистических журналах с 2008 по 2023 г. В результате получила подтверждение гипотеза о том, что за этот период количество статей с данным видом текстовой экспрессии увеличилось на 12 %. Отмечается, что, несмотря на флуктуации общего количества статей в год, количество статей с двоеточием в заглавии стабильно возрастает — от 230 статей в 2008 г. до 493 статей в 2023 г. Авторы полагают, что возможные причины такого увеличения кроются в необходимости обеспечения упорядоченности, более легкой считываемости, логичности и содержательной полноты заглавия статьи. Утверждается, что двоеточие не только обладает способностью превратить заглавие в некую доступную и понятную формулу, но и позволяет грамотно расставить акценты в формулировке. Посредством ряда примеров иллюстрируются девять наиболее частотных подтипов заголовков, встречающихся в отечественной лингвистической периодике. Авторы отмечают ряд особенностей в номинациях статей, встретившихся в ходе анализа: неравномерность распределения заголовков с двоеточием в ряде журналов; преимущественно теоретический характер исследований; акцентуацию определенных фрагментов или аспектов изучаемых объектов или явлений; инверсию компонентов заголовка; употребление цитат из каких-либо произведений; введение иноязычных терминов в оригинальном написании. Сделанные наблюдения представляются перспективными с точки зрения дальнейшего изучения лингвопрагматического воздействия синтаксических средств текстовой экспрессии на реципиента.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научный дискурс; заголовки статей; парцелляция; двоеточие; научный журнал; лингвистика; пунктуация

Ц и т и р о в а н и е: *Дымова А. В., Золотайко А. И.* Двоеточие в заголовке научного текста: лингвистическая тенденция или флуктуация? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 92–107. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.006

Поступила в редакцию: 04.06.2024
Принята к печати: 12.11.2024

© Дымова А. В., Золотайко А. И., 2026
CC BY-NC

Alyona V. Dymova
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Anastasia I. Zolotaiko
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Ekaterinburg, Russia

COLON IN THE TITLE OF AN ACADEMIC TEXT: A LINGUISTIC TREND OR A FLUCTUATION?

This article examines the quantitative prevalence of syntactic segmentation in the titles of academic articles within scholarly discourse referring to over 6,100 titles of academic articles containing colons, published in 20 Russian linguistic journals between 2008 and 2023. The results confirm the hypothesis that, over this period, the number of articles featuring this type of textual expression increased by 12%. It is noted that, despite fluctuations in the total number of articles per year, the number of articles with a colon in the title was steadily increasing, from 230 articles in 2008 to 493 articles in 2023. The authors believe that the possible reasons for this increase lie in the need to ensure orderliness, easier readability, logical coherence, and substantive completeness in the article title. It is argued that the colon can not only transform a title into an accessible and comprehensible formula but also allows for the skilful placement of emphasis within the wording. Through a series of examples, the authors illustrate the nine most frequent subtypes of titles found in Russian linguistic periodicals. Additionally, they single out a number of features in the article titles encountered during the analysis, i.e. the uneven distribution of titles with colons across a number of journals; the predominantly theoretical nature of the research; the emphasis on specific fragments or aspects of the objects or phenomena under study; the inversion of title components; the use of quotations from various works; and the inclusion of foreign-language terms in their original spelling. These observations appear promising for further study of the linguopragmatic impact of syntactic means of textual expression on the recipient.

K e y w o r d s: scholarly discourse; article titles; parcellation; colon; scholarly journal; linguistics; punctuation

F o r c i t a t i o n: Dymova, A. V., & Zolotaiko, A. I. (2026). Dvoetochie v zagolovke nauchnogo teksta: lingvisticheskaia tendentsiia ili fluktuatsiia? [Colon in the Title of an Academic Text: A Linguistic Trend or a Fluctuation?]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 92–107. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.006

Submitted: 04.06.2024
Accepted: 12.11.2024

Научному миру не чужды своего рода «модные тенденции», среди которых выделяется одна тенденция синтаксического характера — частое использование двоеточий в заголовках всевозможных научных трудов, и особенно статей научных периодических лингвистических изданий. В связи с этим у авторов возникла гипотеза о том, что в последнее время употребление данного знака препинания стало неким трендом, имеющим определенную когнитивную подоплеку и прагматический смысл. Гипотезу исследования сформировали первичные эмпирические данные, а также наблюдения коллег-исследователей, схожие наблюдениям авторов, в отношении русскоязычных заглавий научных статей [см., например: Куликова, Салмина, с. 43; Петров, Филатова, с. 7; Рябцева, с. 39; Ушакова, с. 343; Чеботарева, с. 47; и пр.], согласно которым процент заглавий, содержащих двоеточие, в отечественных лингвистических статьях вырос в последние несколько лет. Цель настоящей статьи — установить наличие увеличения доли названий статей с двоеточием на основе анализа научной периодики с 2008 по 2023 г., проанализировав внушительный массив статей, и получить достаточные данные для подтверждения или опровержения сложившейся гипотезы.

Актуальность исследования обусловлена не только внедрением более «объективных и точных способов описания разнообразных форм современной коммуникации» [Норман, Мухин, с. 34], но и тем, что сам по себе научный дискурс в контексте средств текстовой экспрессии чуть более редко попадает в разряд часто изучаемых. Более того, понимание наиболее эффективных способов формулирования и структурирования заглавия научной работы, очевидно, может поспособствовать изучению механизмов большей просматриваемости и читаемости этой работы. Так, утверждается [Hyland, Zou], что поскольку основной поиск работ в настоящее время происходит не по журналам, а по заглавиям и ключевым словам, успешность публикации более чем когда-либо зависит от информативности и привлекательности заглавия. Наконец, научная новизна данного исследования напрямую связана с глубокой погруженностью в конкретную научную сферу — лингвистику, а также со значительностью объема проанализированных контекстов в этой сфере (заглавия 33 629 статей).

Заголовок — это и компонент текста, и самостоятельная единица, а поэтому он должен быть точным, кратким, а также, что особенно важно, экспрессивным. Одним из способов насыщения заголовка экспрессивными возможностями является пунктуация [Чернобривец, с. 113]. М. В. Калинина отмечает, что «в этой связи особую актуальность приобретает изучение современных журналистских приемов употребления пунктуационных знаков, вызванных как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, среди которых можно назвать естественное развитие системы знаков препинания, расшатывание пунктуационных норм, расширение текстовых функций знаков препинания, усиление экспрессии газетных текстов, влияние электронной коммуникации» [Калинина, с. 257].

Дж. Хартли [Hartley] приходит к интересным выводам о том, что двоеточия используются в заглавии куда чаще в статьях гуманитарной направленности,

а также о том, что двоеточия в заглавии никак не влияют на цитируемость статьи. При этом иные исследования, напротив, заявляют о более высокой цитируемости статей с двоеточием в заглавии [см., например: Buter, van Raan; Hudson; Heard, Cull, White; и пр.]. В целом двоеточие определяется как самый частотный пунктуационный знак, используемый в заглавиях научных статей [Milojević; Appiah, Ankomah, Osei, Hattoh] и диссертаций [Morales, Perdomo, Cassany, Tovar, Izarra], а также прессы [Ли, Кубик].

Материалом исследования послужили заголовки научных статей российских лингвистических журналов, отобранных методом сплошной выборки. Выборку составили 33 629 статей, опубликованных с 2008 по 2023 г. Были просмотрены архивы 20 отечественных лингвистических журналов: «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики», «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание», «Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки», «Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики», «Вестник СПбГУ. Язык и литература», «Вестник ТГУ. Филология», «Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Вопросы ономастики», «Вопросы языкознания», «Жанры речи», «Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки», «Когнитивные исследования языка», «Политическая лингвистика», «Сибирский филологический журнал», «Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки», «Юрислингвистика», «Acta Linguistica Petropolitana», «Russian Journal of Linguistics».

6 126 просмотренных статей (18,2 % от общего количества) содержат двоеточие в заглавии. Динамика использования двоеточия в заглавиях статей в рассматриваемый период отражена на графике (см. ил. 1). Количество статей, попавших в выборку каждого года, колеблется от 1 894 до 2 587. Подсчет процентного соотношения проводился по следующей схеме: количество всех статей с двоеточием в заглавии делилось на общее количество статей, опубликованных в этом году.

Согласно данным, представленным на ил. 1, зафиксирован стабильный рост на протяжении исследуемого периода — от 11,8 % в 2008 г. до 24,3 % в 2023 г. Таким образом, разница между первым и последним из рассматриваемых годов составляет 12,5 %.

Дважды отмечается незначительное отклонение от восходящего тренда в 2011 г. (–0,9 %) и в 2013 г. (–0,3 %) в сравнении с предшествующим годом — 2010 и 2012 гг. соответственно. Однако в последующий год тенденция роста восстанавливалась, превышая показатель года, предшествующего отклонениям от роста, т. е. в 2012 г. +0,4 % относительно 2010 г., а в 2014 г. +1,7 % относительно 2012 г. Два года подряд (2015 и 2016 гг.) отмечены идентичным показателем — 17,2 %, после которого следует прирост сразу практически на +3 %.

Более детальная расшифровка соотношения всех рассмотренных статей за конкретный год и количества статей, содержащих двоеточие в заглавии, представлена в таблице.

Количественное соотношение статей с двоеточием в заглавии ко всем рассмотренным статьям за год

Год	Количество статей с двоеточием в заглавии	Общее количество рассмотренных статей	Доля статей с двоеточием в заглавии, %
2008	230	1 935	11,8
2009	236	1 952	12,0
2010	288	1 969	14,6
2011	297	2 154	13,7
2012	332	2 110	15,0
2013	306	2 072	14,7
2014	382	2 282	16,7
2015	446	2 587	17,2
2016	407	2 363	17,2
2017	423	2 104	20,1
2018	473	2 269	20,8
2019	406	1 924	21,1
2020	458	1 963	23,3
2021	452	1 894	23,8
2022	497	2 028	24,5
2023	493	2 023	24,3
Итого	6 126	33 629	18,2

Несмотря на то, что основной показатель, на который мы опираемся для подтверждения или опровержения ранее сформулированной гипотезы исследования, — это именно процентное соотношение (см. ил. 1), поскольку количество статей, выпущенное изданиями и обозреваемое за один год, не является постоянной величиной, данные из таблицы выше позволяют отметить некоторые интересные статистические особенности, например:

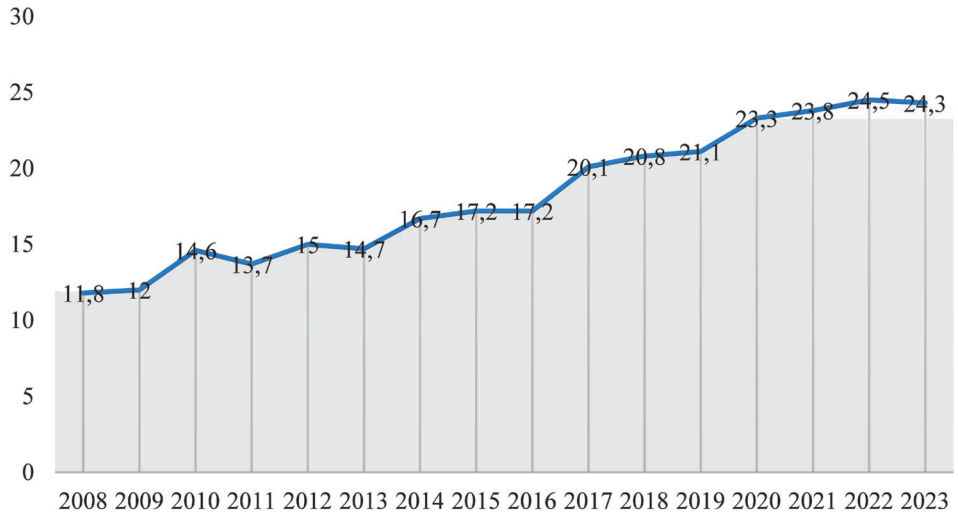
• в среднем, с небольшими отклонениями, в каждый год рассматривалось примерно по 2 000 статей;

• наименьшее количество статей за год было зафиксировано в 2021 г. — 1 894 статьи, что на 41 статью меньше, чем в 2008 г. При этом статей с двоеточием в заглавии в 2021 г. практически в два раза больше, чем в 2008 г.;

• наибольшее количество статей было проанализировано в 2015 г. — 2 587 статей. Примечательно, что в этом и следующем году процентное соотношение статей с двоеточием в заглавии было одинаковым — 17,2 %;

• несмотря на флуктуации общего количества статей в год, количество статей с двоеточием в заглавии стабильно возрастает — от 230 статей в 2008 г.

до 493 в 2023 г., увеличившись, таким образом, по сравнению с изначальным показателем более чем в два раза.



Ил. 1. Динамика роста доли статей с двоеточием в заглавии относительно всех вошедших в выборку за год (2008–2023)

Fig. 1. Trends in the proportion of articles with a colon in the title relative to all articles included in the sample over the period (2008–2023)

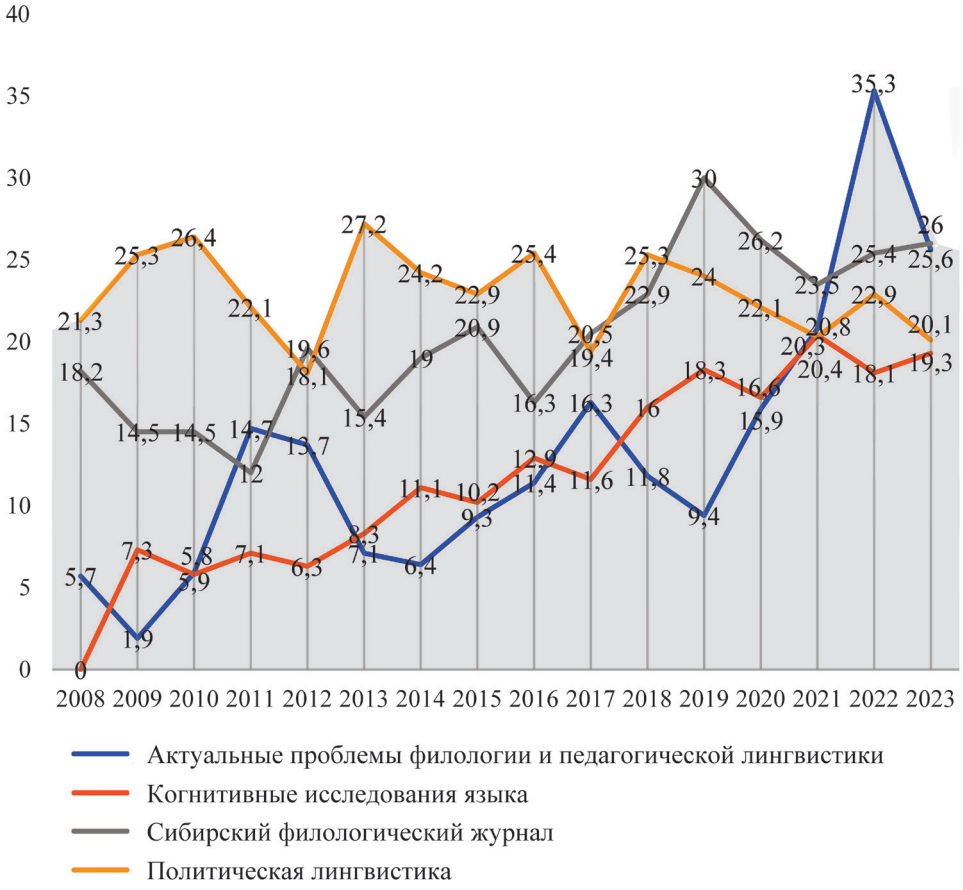
Было бы ложным утверждать, что каждый из проанализированных журналов демонстрировал стабильный рост согласно общему графику, представленному на ил. 1. Некоторые частные примеры показаны на ил. 2.

В вестнике «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» авторами отмечается одна из наиболее показательных кривых увеличения количества статей с двоеточиями: так, в начале рассматриваемого периода (2008) в год встречалось около 4 заголовков, но к концу исследуемого периода их насчитывалось уже порядка 29, т. е. частота употребления двоеточий выросла в 7 раз. В процентном соотношении разница еще более репрезентативна — от 5,7 % (2008) до 35,3 % (2022).

Также показателен пример журнала «Когнитивные исследования языка», в котором количественная представленность статей с двоеточием росла год от года. То же самое можно сказать и о процентном соотношении — от практически 0 % (2008) до 20,4 % (2021) и 19,3 % (2023).

Тем не менее, встречаются журналы, в которых кривая количества заголовков не имела каких-либо особых подъемов или спадов, демонстрируя относительную стабильность. Например, доля заглавий с двоеточием в «Сибирском филологическом журнале» в период с 2008 по 2017 г. колеблется в районе стартового показателя — 18 % с периодическим снижением (максимально –6,2 %) или

повышением (максимально +2,7 %). Существенный рост же отмечается только в период с 2018 по 2023 г.



Ил. 2. Динамика использования двоеточия в заглавиях
на примере отдельных изданий (процентное соотношение)

Fig. 2. Trends in the use of colons in titles,
as illustrated by selected publications (percentage)

Стартовый и показатель за 2022 г. «Политической лингвистики», к примеру, представлен разницей в 1,6 %. Кривая на протяжении всего исследуемого периода колеблется в районе стартового показателя — 21,3 % с периодическим снижением (максимально –3,2 %) или повышением (максимально +5,9 %).

Несмотря на ранее упомянутые выводы исследователей о положительном влиянии двоеточия в заглавии на цитируемость статьи и возможное знание и понимание этого фактора авторами, спровоцировавшее рост доли статей с двоеточием в заглавии, вероятными самостоятельными и вспомогательными этому причинами могут быть и иные факторы.

Одной из возможных причин может быть участившееся в последнее время калькирование типичной англоязычной двусоставной структуры научного заголовка, состоящего из «тематического (основного, “широкого”, “исходного” и т. п.) компонента, стоящего вначале, и его рематических характеристик (дополнительных, “уточняющих”, “производных” и т. п.), часто следующих за двоеточием» [Рябцева, с. 36]. Всё это, в свою очередь, обеспечивает упорядоченность, более легкую считываемость, логичность и содержательную полноту заглавия статьи. Вместе с этим, исследователи указывают в качестве весомой причины функцию парцелляции, поскольку такая конструкция «возвращает внимание слушателя к логически значимой детали и содержательно определяет ее» [Иноземцева, с. 116]. Так, можно сделать вывод, что двоеточие обладает способностью не только превратить заглавие в некую доступную и понятную формулу вроде <Генерализированная тема>: <Частная тема>, но и позволяет грамотно расставить акценты в формулировке.

Действительно, изучая статьи, вошедшие в выборку данного исследования, авторы отметили следующие частотные соответствующие вышеприведенной формуле подтипы:

1. Объект / Предмет: аспект. В данной группе представлены заголовки, благодаря которым можно ознакомиться с объектом или предметом исследования и с тем конкретным аспектом, который освещается автором работы, до непосредственного обращения к тексту статьи:

(1) Передача пейоративных значений в художественном переводе: исторический и межкультурный аспекты [Таунзенд, Бонадык]

(2) Коммеморативные практики в дискурсивном пространстве города: историко-политический аспект [Разливинская, Тивьяева]

2. Объект: предмет. В заголовках этой категории авторы статей сперва знакомят читателя с объектом их исследования, а после двоеточия уточняют предмет:

(3) Фэндом в массовой культуре и политической коммуникации: воздействующий потенциал трансмедиасторителлинга [Плотникова]

(4) Языковая игра: анализ немецких рекламных текстов, содержащих отклонения от языковой нормы [Баранов]

3. Предмет: объект. Примечательно, что данная категория похожа на предыдущую, но только с инверсией компонентов, что, вероятно, связано с подразумеваемой большей значимостью предметной составляющей заголовка для эффективного ознакомления читателя с потенциальным содержанием:

(5) Комическое как модус художественности: сценарий Гр. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» [Химич]

(6) Вавилонская башня и смешение языков: библейский сюжет в русской сибирской записи [Кузнецова]

4. Объект / Предмет: материал. К данной категории относятся заглавия, в которых до двоеточия называется объект или предмет исследования, а затем уже уточняется материал исследования. Примечательно, что часто материал приводится через конструкцию «на материале»:

(7) Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» [Масяйкина, Владимирова]

(8) Языковое и социальное конструирование идентичности национального университета: на материале миссий российских и казахстанских университетов [Чернявская, Жаркынбекова]

5. Материал: объект / предмет. В эту категорию относятся заглавия с двоеточием, которые представляют собой инверсию предыдущей категории. Так, если приведенные ниже заглавия инверсировать по подобию предыдущей категории, то с большой вероятностью во второй части появится конструкция «на материале»:

(9) Аналитические и новостные статьи: американская, британская и испанская репрезентация образа государства в сопоставлении [Парамонова]

(10) Русский анекдот: диалог «парных» персонажей [Шмелева]

6. Объект / Предмет: структура статьи. В заглавиях этой категории авторы предпринимают попытку ознакомить читателя с объектом или предметом исследования, а затем охарактеризовать примерную структуру собственно статьи:

(11) Дискурсивная компетенция: содержание, структура и основы формирования [Волкова]

(12) Жестовый язык как предмет концептуальных исследований: проблемы, возможности, перспективы [Привалихина]

7. Объект / Предмет: временной отрезок исследования. Здесь авторы статей стремятся вынести в заглавия с двоеточием объект или предмет, а затем определить хронологию его исследования:

(13) Английский язык: от истоков до современности [Минасян]

(14) Становление целевых союзов в болгарском языке: от древнеболгарского до современного состояния [Мосинец]

8. Объект / Предмет: метод исследования. В заглавия рассматриваемой категории выносится объект или предмет, далее уточняется основной метод, которым руководствовались авторы при проведении исследования:

(15) О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа [Сатюкова]

(16) Факторы успешной интерпретации кореферентных непрямых номинаций: когнитивный анализ — статистика — эксперимент [Киосе]

9. Объект / Предмет: функция. Эта категория представлена заглавиями, которые вновь указывают объект или предмет исследования, а затем называют его возможную функцию. Примечательно, что нередко функция формулируется в форме противопоставления со знаком вопроса:

(17) Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? [Горностаева]

(18) Язык произведений «фантастического реализма»: жанрово обусловленная имплицитность [Ермакова]

(19) Субстантивные биномы английского языка и их предложные перифразы: вариативность или различная языковая функция? [Матченко]

Рассмотрим иные причины употребления двоеточия в заглавиях научных статей отечественных периодических лингвистических изданий, не отмеченные в рассмотренных предшествующих исследованиях на смежную тему, например:

1. Часть имени собственного. В данном подтипе в состав парцеллированного заголовка включается нескольких двоеточий, одно из которых относится к наименованию чего-либо:

(20) «Лица своего не отвращал я...»: к проблеме происхождения чтения *hsyrwty* в кумранском свитке Исайи (Ис 50:6b) [Битнер]

(21) Многоречие: проблема изучения: межвузовский научный семинар [Гаспаров]

2. Часть библиографического описания. Объединяющим для этой группы заголовков является наличие парцелляции с двоеточием в оформлении официальной рецензии на научный труд, публикуемый в том или ином периодическом издании. При этом заголовки могут как начинаться с вводного «рецензия на...», так и носить какое-то определенное, передающее смысл и содержание работы авторское именование:

(22) Рецензия на: *Горпинич В. А.* Антропонимия древнегреческого языка. — Днепропетровск : ДПУ, 2006. — 333 с. [Летова]

(23) Франция в межвоенный период: истоки катастрофы [Рец. на кн.: *Вершинин А. А., Наумова Н. Н.* От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. — СПб. : Алетейя, 2022] [Шмелев]

(24) Совокупность жанров как система: Рецензия на монографию М. А. Кантуровой, Т. И. Стексовой «Производность и вариативность речевых жанров» (Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.) [Орлова]

3. Иноязычный термин в оригинальном написании. Данный подтип, вероятно, можно было бы отнести к первой из указанных выше групп, однако представляется целесообразным отделить подобные заголовки от остальных ввиду наличия определенного прагматического потенциала воздействия на реципиента посредством употребления иноязычных слов или интригующей

формулировки, что позволяет привлечь внимание и расширить или обновить терминологический аппарат аудитории:

(25) *Сокыртага* «слепой баран» и *шорыкйол* «овечья нога»: к этимологии названия марийской игры и праздника [Ключева]

(26) *Understatement* как манипуляция: создание положительного политического имиджа [Мальцева]

(27) *Speed Dating*: новый формат речевого жанра знакомство (на материале английского языка) [Фенина]

Объем рассмотренного материала позволяет говорить о росте доли научных статей с двоеточием в заголовках, публикуемых лингвистическими журналами: от 230 статей в 2008 г. до 493 в 2023 г., таким образом, по сравнению с изначальным показатель увеличился более чем в два раза. Разница в процентном соотношении заглавий с двоеточием к общему числу заглавий между первым и последним из рассматриваемых годов составляет 12,5 %.

При этом отмечается разнообразие употребляемых тема-рематических вариантов передачи содержания и его максимально емкой «инвентаризации». Так, в рамках формулы <Генерализированная тема>: <Частная тема> было выделено девять подтипов наиболее частотно представленных заголовков с двоеточиями. Следует отметить, что в дальнейшем список может быть расширен. Более того, перспективным представляется не только изучение дальнейшей динамики использования двоеточия в заглавиях отечественных лингвистических статей, но и анализ как иных научных сфер, так и сопоставление с динамикой, например, в англоязычном научном дискурсе.

Наиболее распространены статьи, отражающие некий аспект изучаемой темы, и зачастую он преподносится инверсивно. Также было замечено, что чаще подобного рода парцелляции встречаются в статьях теоретического характера.

Не все журналы демонстрировали количественный рост заголовков: наблюдались такие, что содержали значимое число статей с двоеточием как в начале рассматриваемого периода, так и в конце.

Приведенные примеры заголовков позволяют заключить, что двоеточие дает исследователю возможность в легкой для восприятия форме не только грамотно инвентаризировать область изучения, сферу применения, аспект рассмотрения и само содержание статьи, но и привлечь к ней внимание реципиента, а также упростить поисковые действия благодаря включению прецедентных имен или иноязычных терминов в оригинальном написании.

Источники

Баранов К. С. Языковая игра: анализ немецких рекламных текстов, содержащих отклонения от языковой нормы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 540. С. 168–177.

Битнер К. А. «Лица своего не отвращал я...»: к проблеме происхождения чтения *hsyrwty* в кумранском свитке Исайи (Ис 50:6b) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2014. № 1. С. 5–13.

Волкова Л. Б. Дискурсивная компетенция: содержание, структура и основы формирования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 5–11.

Гаспаров Б. Многоречие: проблема изучения: межвузовский научный семинар // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 117. С. 292–293.

Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Russian Journal of Linguistics. 2014. № 3. С. 64–74.

Ермакова Е. В. Язык произведений «фантастического реализма»: жанрово обусловленная имплицитность // Жанры речи. 2009. № 6. С. 375–380.

Киосе М. И. Факторы успешной интерпретации кореферентных непрямых номинаций: когнитивный анализ — статистика — эксперимент // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 3. С. 16–26.

Ключева М. А. Сокыртага «слепой баран» и *шорыкйол* «овечья нога»: к этимологии названия марийской игры и праздника // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 104–113.

Кузнецова В. С. Вавилонская башня и смешение языков: библейский сюжет в русской сибирской записи // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 9–17.

Летова И. А. Рецензия на: *Горпинич В. А.* Антропонимия древнегреческого языка. — Днепропетровск : ДПУ, 2006. — 333 с. // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 117–122.

Мальцева Н. Б. Understatement как манипуляция: создание положительного политического имиджа // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 529–532.

Масяйкина Е. В., Владимирова С. Б. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» // Юрислингвистика. 2022. № 37. С. 90–95. https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2615

Матченко Г. В. Субстантивные биномы английского языка и их предложные перифразы: вариативность или различная языковая функция? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 88–90.

Минасян А. А. Английский язык: от истоков до современности // Russian Journal of Linguistics. 2010. № 4. С. 64–69.

Мосинец А. Г. Становление целевых союзов в болгарском языке: от древнеболгарского до современного состояния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. № 3. С. 407–419. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.309

Орлова Н. В. Совокупность жанров как система: Рецензия на монографию М. А. Кантуровой, Т. И. Стексовой «Производность и вариативность речевых жанров» (Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.) // Жанры речи. 2020. № 25. С. 79–83. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-79-83

Парамонова Д. В. Аналитические и новостные статьи: американская, британская и испанская репрезентация образа государства в сопоставлении // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 3. С. 142–153.

Плотникова М. В. Фэндом в массовой культуре и политической коммуникации: воздействующий потенциал трансмедиасторителлинга // Политическая лингвистика. 2022. № 92. С. 138–150.

Привалихина Е. С. Жестовый язык как предмет концептуальных исследований: проблемы, возможности, перспективы // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 293–297.

Разливинская Н. А., Тивьяева И. В. Коммеморативные практики в дискурсивном пространстве города: историко-политический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 104–113.

Сатюкова Д. Н. О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. № 1. С. 469–512.

Таунзенд К. И., Бонадык Н. А. Передача пейоративных значений в художественном переводе: исторический и межкультурный аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 73–80. https://doi.org/10.17308/lic.2021.4/3813

Фенина В. В. Speed dating: новый формат речевого жанра знакомство (на материале английского языка) // Жанры речи. 2011. № 7. С. 287–301.

Химич В. В. Комическое как модус художественности: сценарий Гр. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 99. С. 70–80.

Чернявская В. Е., Жаркынбекова Ш. К. Языковое и социальное конструирование идентичности национального университета: на материале миссий российских и казахстанских университетов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 2. С. 304–319. https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.210

Шмелев Д. В. Франция в межвоенный период: истоки катастрофы [Рец. на кн.: *Вершинин А. А., Наумова Н. Н.* От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. — СПб. : Алетейя, 2022] // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, № 3. С. 251–256. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.3.251-256

Шмелева Е. Я. Русский анекдот: диалог «парных» персонажей // Жанры речи. 2011. № 7. С. 218–224.

Исследования

Иноземцева Н. В. Парцелляция как основная синтаксическая модель заголовков англоязычных статей по методической проблематике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 130. С. 114–118.

Калинина М. В. Пунктуационные приемы выражения экспрессии (на материале современных сетевых заголовков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 257–261. https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-257

Куликова И. С., Салмина Д. В. Заголовок научной статьи как речевой жанр // Educatio. 2015. № 10. С. 41–44.

Ли Е. В., Кубик В. Е. Особенности газетных заголовков: корейско-русские параллели // Современные наука и образование: достижения и перспективы развития : материалы Национальной науч.-практ. конф. Керчь, 15 мая 2021 г. / [редкол.: Е. П. Масюткин (отв. ред.), Т. Н. Попова и др.]. Керчь : ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2021. С. 65–69.

Норман Б. Ю., Мухин М. Ю. Междисциплинарные тренды современной лингвистики // Филологический класс. 2021. № 2. С. 34–38.

Петров В. Б., Филатова О. В. Как назвать свою статью? // История, политика и философия в эпоху глобализации : материалы VIII научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 26 мая 2017 г. / [редкол.: В. Б. Петров, О. В. Филатова, В. А. Цвык]. М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 6–12.

Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018. № 6. С. 32–42. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-6-32-42

Ушакова И. Б. Название научной статьи на русском и английском языках: современные тенденции // Актуальные проблемы науки и практики : сб. науч. тр. по итогам научно-представительских мероприятий. Хабаровск, 27 марта 2020 г. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 342–346.

Чеботарева Е. Э. Наукометрия через призму дискурсивного анализа М. Фуко // Мысль : журнал Петербургского философского общества. 2015. № 19. С. 42–51.

Чернобривец С. Г. Газетные заголовки как средство достижения коммуникативно-прагматических целей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. № 67. С. 110–116.

Appiah K. R., Ankomah C., Osei H. Y., Hattoh-Ahiaduvor T. Structural organisation of research article titles: A comparative study of titles of business, gynaecology and law // Advances in Language and Literary Studies. 2019. No. 3. P. 145–154. https://doi.org/10.7575/aiac.alls.v.10n.3p.145

Buter R. K., van Raan A. F. J. Non-alphanumeric Characters in Titles of Scientific Publications: An Analysis of their Occurrence and Correlation with Citation Impact // Journal of Informetrics. 2011. No. 5. P. 608–617.

Hartley J. Planning that Title: Practices and Preferences for Titles with Colons in Academic Articles // Library & Information Science Research. 2007. No. 4. P. 553–568. https://doi.org/10.1016/j.lisr.2007.05.002

Heard S. B., Cull C. A., White E. R. If this Title is Funny, Will You Cite Me? Citation Impacts of Humour and Other Features of Article Titles in Ecology and Evolution // FACETS. 2023. No. 8. P. 1–15. https://doi.org/10.1139/facets-2022-0079

Hudson J. An Analysis of the Titles of Papers Submitted to the UK REF in 2014: Authors, Disciplines, and Stylistic Details // Scientometrics. 2016. No. 109. P. 871–889.

Hyland K., Zou H. Titles in Research Articles // Journal of English for Academic Purposes. 2022. No. 56. P. 1–13. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2022.101094

Milojević S. The Length and Semantic Structure of Article Titles — Evolving Disciplinary Practices and Correlations with Impact // Frontiers in Research Metrics and Analytics. 2017. No. 2. P. 1–10. https://doi.org/10.3389/frma.2017.00002

Morales O. A., Perdomo B., Cassany D., Tovar R. M., Izarra É. Linguistic Structures and Functions of Thesis and Dissertation Titles in Dentistry // Lebende Sprachen. 2020. No. 65. P. 49–73. https://doi.org/10.1515/les-2020-0003

References

Appiah, K. R., Ankomah, C., Osei, H. Y., & Hattoh-Ahiaduvor, T. (2019). Structural Organisation of Research Article Titles: A Comparative Study of Titles of Business, Gynaecology and Law. *Advances in Language and Literary Studies*, 3, 145–154. https://doi.org/10.7575/aiac.alls.v.10n.3p.145

Buter, R. K., & van Raan, A. F. J. (2011). Non-alphanumeric Characters in Titles of Scientific Publications: An Analysis of Their Occurrence and Correlation with Citation Impact. *Journal of Informetrics*, 5, 608–617.

Chebotareva, E. E. (2015). Naukometriia cherez prizmu diskursivnogo analiza M. Fuko [Scientometrics in the Light of M. Foucault's Discourse Analysis]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshhestva*, 19, 42–51.

Chernobrivets, S. G. (2015). Gazetnye zagolovki kak sredstvo dostizheniia kommunikativno-pragmaticheskikh tselei [Newspaper Headlines as a Means of Achieving Communicative and Pragmatic Goals]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 67, 110–116.

Hartley, J. (2007). Planning That Title: Practices and Preferences for Titles with Colons in Academic Articles. *Library & Information Science Research*, 4, 553–568. https://doi.org/10.1016/j.lisr.2007.05.002

Heard, S. B., Cull, C. A., & White, E. R. (2023). If This Title is Funny, Will You Cite Me? Citation Impacts of Humour and Other Features of Article Titles in Ecology and Evolution. *FACETS*, 8, 1–15. https://doi.org/10.1139/facets-2022-0079

Hudson, J. (2016). An Analysis of the Titles of Papers Submitted to the UK REF in 2014: Authors, Disciplines, and Stylistic Details. *Scientometrics*, 109, 871–889.

Hyland, K., & Zou, H. (2022). Titles in Research Articles. *Journal of English for Academic Purposes*, 56, 1–13. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2022.101094

Inozemtseva, N. V. (2011). Partselliatsiia kak osnovnaia sintaksicheskaia model' zagolovkov angloiazychnykh statei po metodicheskoi problematike [Parcelling as the Main Syntactical Model in the Titles of the English-language Articles Dealing with Problems of Teaching Methods]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 130, 114–118.

Kalinina, M. V. (2020). Punktuatsionnye priemy vyrazheniia ekspressii (na materiale sovremennykh setevykh zagolovkov) [Punctuation Techniques of Conveying Expressiveness (Based on Modern Internet Headlines)]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaja seriia. Seriia Filologija. Zhurnalistika*, 3, 257–261. https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-257

Kulikova, I. S., & Salmina, D. V. (2015). Zagolovok nauchnoi stat'i kak rechevoi zhanr [The Title of a Research Article as a Speech Genre]. *Educatio, 10*, 41–44.

Li, E. V., & Kubik, V. E. (2021). Osobennosti gazetnykh zagolovkov: koreisko-russkie paralleli [Features of Newspaper Headlines: Korean-Russian Parallels]. In E. P. Masiutkin, T. N. Popova et al. (Eds.), *Sovremennye nauka i obrazovanie: dostizheniia i perspektivy razvitiia: materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kerch, 15 maia 2021 g.* [Modern Scholarship and Education: Achievements and Development Prospects: Materials of the National Scholarly and Practical Conference. Kerch, May 15, 2021] (pp. 65–69). Kerch: Kerch State Maritime Technological University.

Milojević, S. (2017). The Length and Semantic Structure of Article Titles — Evolving Disciplinary Practices and Correlations with Impact. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*, 2, 1–10. https://doi.org/10.3389/frma.2017.00002

Morales, O. A., Perdomo, B., Cassany, D., Tovar, R. M., & Izarra, É. (2020). Linguistic Structures and Functions of Thesis and Dissertation Titles in Dentistry. *Lebende Sprachen*, 65, 49–73. https://doi.org/10.1515/les-2020-0003

Norman, B. Yu., & Mukhin, M. Yu. (2021). Mezhdistsiplinarnye trendy sovremennoi lingvistiki [Interdisciplinary Trends of Modern Linguistics]. *Filologicheskii klass*, 2, 34–38.

Petrov, V. B., & Filatova, O. V. (2017). Kak nazvat' svoiu stat'iu? [What to Name Your Article?]. In V. B. Petrov, O. V. Filatova, & V. A. Tsvyk (Eds.), *Istoriia, politika i filosofiia v jepokhu globalizatsii: materialy VIII nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Moskva, 26 maia 2017 g.* [History, Politics, and Philosophy in the Era of Globalization: Materials of the VIII Scholarly Conference of Students, Graduate Students, and Young Scholars. Moscow, May 26, 2017] (pp. 6–12). Moscow: RUDN University.

Ryabtseva, N. K. (2018). Osobennosti nazvanii nauchnykh statei na russkom i angliiskom iazyke: kontrastivnyi aspekt [Titles of Academic Papers: A Russian — English Perspective]. *Nauchnyi dialog*, 6, 32–42. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-6-32-42

Ushakova, I. B. (2020). Nazvanie nauchnoi stat'i na russkom i angliiskom iazykakh: sovremennye tendentsii [Academic Paper Titles in Russian and English: New Trends]. In *Aktual'nye problemy nauki i praktiki: sbornik nauchnykh trudov po itogam nauchno-predstavitel'skikh meropriiatii. Khabarovsk, 27 marta 2020 g.* [Current Problems of Scholarship and Practice: A Collection of Scholarly Papers Based on the Results of Scholarly and Representative Events. Khabarovsk, March 27, 2020] (pp. 342–346). Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Дымова Алена Вячеславовна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и перевода
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: dym.alyona@yandex.ru

Золотайко Анастасия Игоревна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков
Уральский юридический институт МВД России
620017, Екатеринбург, ул. Корепина, 66
E-mail: liani@list.ru

Dymova, Alyona Vyacheslavovna
PhD (Philology), Associate Professor
Department of Foreign Languages and Translation
Ural Federal University
19, Mira St., 620002 Ekaterinburg, Russia
Email: dym.alyona@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-2931-5199

Zolotaiko, Anastasia Igorevna
PhD (Philology), Associate Professor
Department of Foreign Languages
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
66, Korepin St., 620017 Ekaterinburg, Russia
Email: liani@list.ru
https://orcid.org/0000-0002-9513-7987

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.007
УДК 811.161.1'37 + 811.111'33 + 81'42 +
+ 81'371 + 81:070 + 81-114.4 + 81-115

К. В. Калинина
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Саратов, Россия

ИНДЕКСЫ ОЦЕНОЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ

Исследование посвящено разработке и применению индексов оценочности для анализа оценочного дискурса. В ходе исследования были предложены индекс плотности оценок и индекс интенсивности оценок. В основе каждого индекса лежит математическая формула, которая позволяет определить: 1) среднее количество оценок на 100 слов текста; 2) среднюю интенсивность оценок (какой тип оценки превалирует в тексте: эксплицитные прямые, эксплицитные косвенные, имплицитные оценки). Гипотеза об эффективности использования предложенных индексов при анализе оценочного дискурса проверяется на материале некоторых наиболее оценочных, на наш взгляд, речевых жанров: 1) спортивного медиадискурса (жанр спортивного комментария); 2) политического медиадискурса (жанр политического интервью); 3) блогового дискурса (жанр треш-обзора, жанр видеореакции). Индекс плотности оценок эффективен при анализе уровня оценочности текстов, принадлежащих разным речевым жанрам и дискурсам. Тем не менее, при обилии имплицитных оценочных высказываний в тексте одного индекса плотности оценок для комплексного анализа уровня оценочности может быть недостаточно, что в первую очередь связано со способами выражения различных типов оценок. Так, эксплицитная прямая оценка может быть выражена одной или двумя лексемами, эксплицитная косвенная оценка — несколькими лексемами или фразой, тогда как имплицитные оценочные смыслы могут транслироваться на уровне всего текста. В связи с этим, помимо индекса плотности оценок, был введен индекс интенсивности оценок, отражающий соотношение оценок различного типа. Следовательно, определить реальный уровень оценочности текста возможно при исчислении обоих индексов. Разработанный количественный метод анализа оценочности текста может применяться для оценки степени потенциального речевого воздействия текстов оценочного дискурса, а также стать релевантным инструментом анализа функционирования оценки в различных речевых жанрах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: оценочный дискурс; оценочные речевые жанры; индекс плотности оценок; индекс интенсивности оценок; косвенная оценка; имплицитная оценка

Ц и т и р о в а н и е: *Калинина К. В.* Индексы оценочности как инструмент анализа функционирования оценки в дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 108–123. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.007

© Калинина К. В., 2026
CC BY-NC

Поступила в редакцию: 06.06.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Ksenia V. Kalinina
Saratov State University
Saratov, Russia

EVALUATIVENESS INDICES AS A TOOL FOR ANALYSING THE FUNCTIONING OF EVALUATION IN DISCOURSE

This study focuses on the development and application of evaluativeness indices for the analysis of evaluative discourse. During the study, the author proposes an evaluative density index and an evaluative intensity index. Each index is based on a mathematical formula that makes it possible to determine: 1) the average number of evaluations per 100 words of text; 2) the average intensity of evaluations (which type of evaluation prevails in the text: explicit direct, explicit indirect, or implicit evaluations). The hypothesis regarding the effectiveness of the proposed indices in the analysis of evaluative discourse is tested using material from what the author considers to be some of the most evaluative speech genres: 1) sports media discourse (the genre of sports commentary); 2) political media discourse (the genre of political interviews); 3) blog discourse (the genre of trash reviews, the genre of video reactions). The evaluation density index is effective in analysing the evaluative nature of texts belonging to different speech genres and discourses. Nevertheless, given the abundance of implicit evaluative statements in a text, a single evaluation density index may be insufficient for a comprehensive analysis of the evaluative nature, primarily due to the ways in which different types of evaluations are expressed. Thus, an explicit direct evaluation may be expressed by one or two lexemes, an explicit indirect evaluation by several lexemes or a phrase, whereas implicit evaluative meanings may be conveyed at the level of the text. In this regard, in addition to the evaluation density index, an evaluation intensity index has been introduced, reflecting the ratio of different types of evaluations. Consequently, it is possible to determine the actual level of evaluativeness of a text by calculating both indices. The quantitative method of text evaluativeness analysis developed here can be applied to assess the degree of potential linguistic impact of evaluative discourse texts and may also serve as a relevant tool for analysing the functioning of evaluation across various linguistic genres.

K e y w o r d s: evaluative discourse; evaluative speech genres; evaluation density index; evaluation intensity index; indirect evaluation; implicit evaluation

F o r c i t a t i o n: Kalinina, K. V. (2026). Indeksy otsenochnosti kak instrument analiza funktsionirovaniia otsenki v diskurse [Evaluativeness Indices as a Tool for Analysing the Functioning of Evaluation in Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 108–123. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.007

Submitted: 06.06.2024
Accepted: 27.02.2026

Введение

На протяжении многих десятилетий лингвистическая оценка остается в фокусе отечественных [Арутюнова; Васильев; Вольф; Дубровская; Кошман; Телия; Трипольская; Шилихина] и зарубежных исследований [Bednarek; Brown, Levinson; Bullo; Martin, White; Silvestri; Wilson]. Однако если в классических работах Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Дж. Мартина и П. Р. Уайта были сформулированы постулаты о структуре оценки и ее типологии, исследования последних лет в большей степени посвящены прагматическому аспекту функционирования оценочных смыслов в дискурсе [Вепрева, Мустайоки, Магсар; Дементьев; Кошкарова; Купина; Марьянчик; Щипицына; Lehnert, Krolak-Schwerdt, Hörstermann; Thompson]. Тем не менее, отметим, что при всем разнообразии работ, выполненных в русле аксиологической лингвистики, инструментарий исследования оценки в тексте и дискурсе развит слабо.

Так, исследование оценки сложно представить без анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, анализа контекста, но, думается, что в ряде случаев вышеперечисленных методов может быть недостаточно. Каким, например, образом измерить уровень общей оценочности текста? Каким образом верифицировать утверждение, что текст характеризуется высокой степенью оценочности или, наоборот, лишен оценочного компонента? Ответы на эти вопросы могут быть получены с помощью индексов оценочности. В ходе исследования были предложены два индекса оценочности: индекс плотности оценок и индекс интенсивности оценок. Индекс плотности оценок определяет среднее количество оценок в анализируемом тексте, тогда как индекс интенсивности оценок характеризует текст с точки зрения превалирующего в нем типа оценок (имплицитных, эксплицитных косвенных, эксплицитных прямых).

Апробация предложенных индексов оценочности была проведена на основе русско- и англоязычных текстов политического медиадискурса (жанр политического интервью), блогового дискурса (жанр треш-обзора и жанр видеореакции) и спортивного медиадискурса (жанр спортивного комментария). Выбор эмпирической базы обусловлен высокой степенью оценочности вышеперечисленных речевых жанров.

Методологические основы исследования

Субъективная природа оценки во многом усложняет процесс исследования функционирования оценки в дискурсе. Так, не всегда понятно на каком основании выделяется то или иное оценочное высказывание. Разнятся и подходы к типологизации оценки. Поэтому представляется важным уточнить ряд методологических аспектов данной работы:

1. В рамках исследования признается релевантным разграничение прямых и косвенных, эксплицитных и имплицитных оценок. Эксплицитные

и имплицитные оценки выделяются в зависимости от отсутствия или наличия в высказывании скрытых смыслов, тогда как прямые и косвенные — в зависимости от способа выражения этих смыслов. Следовательно, если рассматривать типы оценки в рамках категорий эксплицитности / имплицитности и прямоты / косвенности, можно выделить три основные группы оценок: 1) эксплицитные прямые (оценки, характеризующиеся высокой степенью эксплицитности, выраженные, например, оценочной лексикой); 2) эксплицитные косвенные (оценки, смысл которых также легко интерпретируется, однако оценочные смыслы реализуются с помощью оценочных коннотаций, сравнений, вопросов в сочетании с ответами и др.); 3) имплицитные (оценки, содержащие имплицитную информацию и всегда реализуемые косвенно: через узкий и широкий контекст, метафоры и др.). Отметим, что эксплицитные косвенные оценки занимают промежуточное положение между очевидно явными оценками (эксплицитными прямыми) и скрытыми (имплицитными) [Пантеева, 2020б].

2. Под *оценочным высказыванием* понимается отрезок текста, содержащий оценку того или иного типа. Соответственно, границы оценочного высказывания могут варьироваться в зависимости от типа оценки. Так, эксплицитные прямые оценки, как правило, выражены одной-двумя оценочными лексемами. Эксплицитные косвенные оценки могут быть выражены как потенциально оценочной лексикой (в терминологии К. В. Пантеевой) и, как следствие, не выходить за рамки словосочетания, так и с помощью ряда стилистических и грамматических средств (в таком случае границы косвенного оценочного высказывания могут соответствовать одному-двум предложениям текста). По сравнению с эксплицитными оценками, спектр способов выражения имплицитных оценок еще шире, и в случаях, когда оценка «разлита» в тексте, например, границы имплицитного оценочного высказывания будут максимально размыты.

3. Как упоминалось выше, под эксплицитными прямыми оценками в данной работе понимается оценка, выраженная оценочной лексикой, т. е. лексемами, в денотативное значение которых входят оценочные семы, и поэтому идентифицировать в тексте эксплицитные прямые оценки довольно просто. Процесс вычленения эксплицитных косвенных и имплицитных оценок гораздо сложнее. В ходе ранее проведенных исследований нами была разработана модель идентификации косвенной оценки в тексте [Пантеева, 2020а]. В основу разработанной модели были положены обязательные компоненты оценки: субъект оценки, объект оценки, основание оценки, оценочная шкала, авторская позиция. Так, высказывание может считаться оценочным, если удается подтвердить наличие всех обязательных компонентов оценки в высказывании с помощью следующих вопросов: 1. Возможно ли определить субъект и объект оценки данного высказывания? (При отсутствии субъекта и объекта оценки дальнейшая верификация не имеет смысла.) 2. Что и на каком основании оценивается в высказывании? (т. е. определяется, что именно подвергается оценке: внешние характеристики, действия, профессиональные качества объекта и т. п.) 3. Соотносится ли

высказывание с категориями «хорошо» и «плохо»? (Данный вопрос позволяет определить наличие шкалы оценки.) 4. Содержит ли высказывание авторскую эмоциональную реакцию на что-либо? (Высказывание, в котором не идентифицируется хотя бы минимальная эмоциональная вовлеченность автора, по нашему мнению, не может считаться собственно оценочным. Подобное высказывание является скорее констатацией фактов или передачей чужого мнения без выражения собственной точки зрения.) В ходе данного исследования все анализируемые косвенные оценочные высказывания были выделены с помощью описанной модели идентификации косвенной оценки.

Индекс плотности оценок

В лингвистике существует немало различных индексов, среди которых, например, индекс лексической плотности [Halliday; Johansson] и индекс плотности метафор [De Landtsheer]. Так, в основе всех подобных индексов лежит одна и та же математическая формула, где индекс плотности *X* равен количеству *X* в тексте, умноженному на 100 и разделенному на общее количество слов в исследуемом тексте. Нам видится возможным адаптировать эту формулу для подсчета индекса плотности оценок. Так, в данной работе предлагается ввести индекс плотности оценок, в основе которого лежит следующая формула:

$$EvDI = nev*100/nwords,$$

где *EvDI* (*Evaluation Density Index*) — индекс плотности оценок, *nev* — количество оценок, а *nwords* — количество слов в тексте. Такой показатель отражает среднее количество оценок на 100 слов текста. Отметим, что при подсчете слов в анализируемых текстах как на русском, так и на английском языках учитываются и самостоятельные, и служебные части речи (предлоги, вспомогательные глаголы, артикли, частицы). При этом аббревиатура считается одним словом; числительные, написанные словами, а не цифрами, считаются как слова; сложные слова, которые пишутся через дефис, считаются одним словом; инициалы и фамилия также считаются одним словом.

Сравним уровень оценочности двух текстов — отрывков из политических интервью. Первый отрывок взят из интервью премьер-министра Канады Джастина Трюдо агентству CBC 19 сентября 2023 г.:

> (1) I am worried any time Canadians are angry and pessimistic about the future and not about politics, I'm worried for the well-being of our country because Canadians being positive, hopeful, optimistic, confident that they're able to tackle and succeed. Any big challenges thrown at us is what has made this country unbelievably successful. It's made us the best country in the world, but we need to work to make it even better. And I don't think talking down Canadians, talking down the economy, even if people are feeling down right now, is the solution to how we're going to meet and surpass the challenges that the world is throwing at every country around the world right now. But Canada is

uniquely and spectacularly positioned to solve, whether it's with our resources, whether it's just our resourcefulness, whether it's with immigration, whether it's with our trade deals with two thirds of the global economy at a time where other people are turning inwards[1] [Trudeau].

Проанализируем данный отрывок с точки зрения транслируемых оценочных смыслов. Так, прежде всего, отрывок изобилует эксплицитными прямыми оценками: Джастин Трюдо положительно оценивает канадцев (*positive*; *hopeful*; *optimistic*; *confident*; *able to tackle and succeed*), Канаду в целом (*unbelievably successful*; *the* ***best*** *country*), ресурсы Канады (***uniquely*** *and* ***spectacularly positioned***). В то же время Трюдо выражает обеспокоенность пессимистичным настроем канадцев относительно будущего Канады: *I am worried any time Canadians are angry and pessimistic about the future and not about politics*. В данной фразе помимо двух отрицательных эксплицитных прямых оценок (*angry*; *pessimistic*) видим отрицательную эксплицитную косвенную оценку подобного отношения, реализуемую с помощью дискурсивного маркера *I'm worried*. Помимо вышеперечисленных оценок, отметим положительную имплицитную оценку потенциала Канады и ее перспектив, причем данная имплицитная оценка реализуется в контексте всего отрывка. Таким образом, в тексте объемом 162 слова было идентифицировано 13 оценочных высказываний. Предложенная ранее математическая формула (13*100 / 162) позволяет определить, что индекс плотности оценок данного отрывка равен 8,02.

Для сравнения рассмотрим отрывок из другого англоязычного интервью — интервью премьер-министра Великобритании Риши Сунака агентству Bloomberg News 26 ноября 2023 г.:

(2) The story of the UK is an economy that has got real momentum. So I've been Prime Minister for just over a year. During that time, we've halved inflation, as I said we would do... and now the UK economy has recovered faster from the pandemic than pretty much any other major European economy, and over the long term we're still forecasting to outperform major European economies. But crucially, business investment has grown faster than any other G7 economy over the last few years. And I think ultimately if you want to drive growth and productivity in an economy, you need businesses to be investing.

[1] «Я переживаю всякий раз, когда канадцы пессимистично настроены в отношении будущего страны, а не политики. Я переживаю за благополучие нашей страны, потому что канадцы полны надежд, оптимизма, уверенности, что они со всем справятся и во всем преуспеют. Трудности, выпавшие на долю нашей страны, сделали нас невероятно успешными, сделали нас лучшей страной в мире, но мы должны стремиться сделать ее еще лучше. Я не думаю, что сейчас время терять веру в канадцев, терять веру в канадскую экономику, даже если кажется, что все плохо — это не выход. Все страны мира испытывают сейчас эти трудности, но Канада уникальна тем, что в ее распоряжении есть все, чтобы их преодолеть: наши ресурсы, наша находчивость, уровень иммиграции, внешнеторговые связи с двумя третями мирового рынка — и это тогда, когда другие страны пренебрегают внешней торговлей» (*здесь и далее — переводы выполнены автором статьи*).

We have more momentum for business investment here than anywhere else. So look, I feel actually very positive about the long term growth outlook for the UK[2] [Sunak].

Риши Сунак положительно оценивает как настоящее положение дел в экономике Великобритании (*an economy that* ***has got real momentum***), так и ее дальнейшие перспективы (*we're still forecasting* ***to outperform major European economies***; ***I feel*** *actually very* ***positive about the long term growth outlook for the UK***). Риши Сунак акцентирует внимание на положительных тенденциях в экономике Великобритании, одновременно подчеркивая менее значительные успехи других крупных европейских держав: *now the UK economy* ***has recovered faster*** *from the pandemic* ***than*** *pretty much* ***any other major European economy***; *business investment* ***has grown faster than any other G7 economy*** *over the last few years*; ***We have more momentum*** *for business investment here* ***than anywhere else***. Кроме того, Сунак положительно оценивает роль своей команды в успехах страны: *During that time,* ***we've halved inflation, as I said we would do.***

Как в интервью канадского политика, так и в интервью его британского коллеги наблюдается значительное количество оценочных высказываний. Однако индекс плотности оценок второго отрывка (7 оценочных высказываний на 132 слова) равен 5,3, что характеризует отрывок интервью Риши Сунака как менее оценочно-насыщенный. Действительно, речь Джастина Трюдо кажется несколько более эмоциональной и в то же время более убедительной, чем речь Риши Сунака.

Индекс плотности оценок также позволяет сравнивать оценочность текстов разных дискурсов и разных речевых жанров. Так, жанр политического интервью характеризуется повышенной оценочностью [Орлова], но каковы индексы плотности оценок у других оценочных жанров? В интернет-пространстве сформировался ряд новых оценочных речевых жанров, таких как жанр треш-обзора, жанр видеореакции, жанр ностальгического обзора. Проанализируем, например, какой индекс плотности оценок у отрывка из одного англоязычного треш-обзора[3]:

(3) We've gone over a lot of *bad* films and TV shows on this channel but *rarely* do we have something *this bad*. A film that *will go down into annals of history* is not only the *worst* movie of 2024, it is the *worst* comic book film ever made. Madame Web *makes Catwoman look*

[2] «Экономика Великобритании стремительно набирает обороты. Я занимаю пост премьер-министра всего лишь чуть больше года, и за это время, как и было обещано, мы вдвое снизили уровень инфляции. Поэтому экономика Соединенного Королевства восстановилась от последствий пандемии значительно быстрее, чем другие крупные экономики Европы, и по нашим прогнозам в долгосрочной перспективе британская экономика выйдет на первое место. Что особенно важно, за последние несколько лет наблюдается более интенсивный рост бизнес-инвестиций по сравнению с другими странами Большой семерки. Я уверен, что рост и продуктивность экономики невозможны без бизнес-инвестиций, и у нас есть для этого все необходимое. Как видите, я нисколько не сомневаюсь в долгосрочных перспективах развития Соединенного Королевства».

[3] Треш-обзор — обзор на что-то заведомо плохое или некачественное: фильм, сериал, ресторан и пр.

like Lawrence of Arabia, Madame Web *makes Morbius look like Citizen Kane*. Madame Web *makes the Marvels OK*... Let's not go crazy, *it's as bad as the Marvels*, yet it is also *the single best unintentional comedy* of the Year. Madame Web is directed by *one* S. J. Clarkson who was *most famous* for directing a Game of Thrones prequel named Bloodmoon that cost $30 million that *will never see the light of day*. After watching this *monstrosity* I understand why. *She shouldn't be allowed within 100 yards of a camera for the rest of her life*, as a matter of fact, *all cameras and phones should take out a restraining order against her*. This is some of *the worst* directing I've seen in decades...[4] [The Critical Drinker]

В этом отрывке из треш-обзора на недавно вышедший фильм «Мадам Паутина» практически каждая фраза содержит оценочные смыслы, эксплицитные или имплицитные. Индекс плотности оценок анализируемого отрывка равен 10,61 (19 оценок на 179 слов), что значительно выше индексов плотности оценок обоих отрывков из политических интервью. Несомненно, для того, чтобы сделать выводы о том, что оценочные речевые жанры блогового дискурса всегда характеризуются более высоким уровнем оценочности по сравнению с оценочными жанрами политического медиадискурса, например, необходим анализ более обширного материала. Тем не менее, на нашем материале отрывки из интернет-обзоров значительно более оценочны, чем отрывки из политических интервью.

Рассмотрим еще один текст блогового дискурса — отрывок из русскоязычной видеореакции на телешоу «Порча» (отметим, что жанр видеореакции также является разновидностью обзора, в котором блогер оценивает материал в режиме реального времени):

(4) Должен так сказать: пока что один из *лучших* заделов «Порчи», один из *лучших*, клянусь вам. Прям *интересно*. Ребятам, которые пишут сценарии к «Порчатинам», честно говоря, *большое уважение*, потому что я понимаю ваши сложности, господа: вам в двадцать минут нужно уложить сюжета вот столько [широко разводит руками], и сделать так, чтобы это было *интересно* и *цепляюще*. Короче, очень *классно* [Люсик].

Индекс плотности оценок этого небольшого отрывка еще выше, чем у отрывка из треш-обзора, — 13,79. Тем не менее, при сравнении отрывков из двух

[4] «На этом канале мы обсудили много плохих фильмов и сериалов, но такой ужас попадался нам нечасто. Фильм, который войдет в анналы истории — не только худший фильм 2024 г.: это худшая киноадаптация комикса. По сравнению с "Мадам Паутиной" "Женщина-кошка" — шедевр на уровне "Лоуренса Аравийского", а "Морбиус" смотрится не хуже "Гражданина Кейна". После просмотра "Мадам Паутины" оказалось, что фильмы студии Marvel очень даже ничего. Хотя здесь я переборщил: "Мадам Паутина" и фильмы Marvel одинаково плохи, но "Мадам Паутина" — единственная в своем роде незапланированная комедия года. Режиссером "Мадам Паутины" выступила некая С. Дж. Кларксон, наиболее известная своей работой над приквелом к "Игре Престолов» — "Кровавой луной", фильмом, бюджет которого составил 30 миллионов долларов и который никогда не увидит свет. После просмотра этого чудовища я понял, почему: Кларксон нельзя подпускать к видеокамерам ближе чем на 100 ярдов до конца ее дней. Собственно говоря, нужно запретить ей пользоваться любыми камерами и телефонами. Худшей режиссуры я еще не видел...»

интернет-обзоров возникает ощущение, что разница в уровне оценочности двух текстов не столь значительна. Вероятно, это связано с типом оценок: эксплицитная прямая оценка может быть выражена одной-двумя лексемами, эксплицитная косвенная оценка — одной-двумя лексемами или фразой. Имплицитная же оценка может быть «разлита» во всем тексте. Соответственно, при обилии имплицитных оценок, технически представленных целыми фразами, индекс плотности оценок может не в полной мере отражать реальный уровень оценочности текста. Таким образом, видится, что для более комплексного анализа оценочных текстов одного индекса плотности оценок недостаточно. Поэтому предлагается ввести еще один индекс оценочности — индекс интенсивности оценок.

Индекс интенсивности оценок

Говоря об индексе интенсивности оценок, нельзя не упомянуть об индексе интенсивности метафор, в основе которого лежит сходная математическая формула. Индекс интенсивности метафор был также разработан К. де Ландтсхеер [De Landtsheer] и иллюстрировал соотношение стертых и новых метафор в анализируемом тексте. Индекс интенсивности оценок, в свою очередь, характеризует соотношение имплицитных, эксплицитных косвенных и эксплицитных прямых оценок и рассчитывается по следующей формуле:

$$EvII = (1*impl + 2*expl_ind + 3*expl_d)/nev,$$

где *EvII* (*Evaluation Intensity Index*) — индекс интенсивности оценок, *impl* — количество имплицитных оценок, *expl_ind* — количество эксплицитных косвенных оценок, *expl_d* — количество эксплицитных прямых оценок, *nev* — количество оценок.

Значения индекса интенсивности оценок всегда колеблются в интервале от 1 до 3: если индекс стремится к 1, значит, имплицитные оценки превалируют, тогда как значения индекса, близкие к 3, иллюстрируют наличие преимущественно эксплицитных прямых оценок. Значения около 2 говорят о том, что соотношение имплицитных и эксплицитных значений относительно сбалансированно.

Вернемся к примерам (3) и (4) — отрывкам из треш-обзора и видеореакции. В примере (3) легко идентифицируются эксплицитные прямые оценки, реализуемые посредством оценочной лексики: ***bad*** *films*; ***rarely*** *do we have something* ***this bad***; *the* ***worst*** *movie of 2024*; *it is the* ***worst*** *comic book film ever made*; *it's as* ***bad*** *as the Marvels*; *was* ***most famous*** *for*; *monstrosity*; *some of* ***the worst*** *directing I've seen in decades*. Помимо этого, в тексте выявлена одна эксплицитная косвенная оценка, выраженная с помощью числительного *one* в сочетании с именем собственным: ***one*** *S. J. Clarkson*. Подчеркнем, что в данном случае эксплицитная косвенная оценка реализуется с помощью потенциально оценочной лексики: в денотат лексемы *one* не входят оценочные семы, однако в контексте всего высказывания значение данной лексемы приобретает отрицательный оттенок.

В анализируемом отрывке были выделены и имплицитные оценки, причем среди способов реализации имплицитных оценок можно отметить использование идиом (*a film that* ***will go down into annals of history***; *a Game of Thrones prequel named Bloodmoon that cost $30 million that* ***will never see the light of day***), иронию (*yet it is also* ***the single best unintentional comedy*** *of the Year*); сарказм (*she shouldn't be allowed within 100 yards of a camera for the rest of her life*; *all cameras and phones should take out a restraining order against her*). Ряд имплицитных оценок реализуется исключительно посредством экстралингвистического контекста: *Madame Web* ***makes Catwoman look like Lawrence of Arabia***; *Madame Web* ***makes Morbius look like Citizen Kane***. Для корректной интерпретации этих имплицитных оценок необходимо понимать, что фильмы «Лоуренс Аравийский» (1962) и «Гражданин Кейн» (1941) входят в список «100 лучших американских фильмов за 100 лет» Американского института кино, тогда как фильмы «Женщина-кошка» (2004) и «Морбиус» (2022) шедеврами отнюдь не считаются. Тем не менее, по мнению блогера, по сравнению с фильмом «Мадам Паутина» даже не самые удачные и критикуемые фильмы выглядят вполне достойно. Адекватная интерпретация имплицитных оценок в отрывке *Madame Web* ***makes the Marvels OK****... Let's not go crazy,* ***it's as bad as the Marvels*** также невозможна без экстралингвистического контекста, однако данный пример примечателен еще и тем, что в одной фразе — *it's as bad as the Marvels* — реализуются две отрицательные имплицитные оценки: негативно оценивается не только фильм «Мадам Паутина», но и фильмы киностудии *Marvel*.

Таким образом, в первом отрывке было идентифицировано 10 имплицитных оценок, 1 эксплицитная косвенная оценка и 8 эксплицитных прямых оценок. Согласно предложенной ранее формуле, индекс интенсивности оценок данного отрывка равен (10*1 + 1*2 + 8*3)/19 = 1,89.

Рассмотрим подробнее пример (4). В тексте идентифицированы 7 эксплицитных прямых оценок (*один из* ***лучших*** *заделов «Порчи»*; *один из* ***лучших****, клянусь вам*; *интересно*; *ребятам <...>* ***большое уважение***; *сделать так, чтобы это было* ***интересно*** *и* ***цепляюще***; *очень* ***классно***). Безусловно, блогер положительно отзывается о сюжете нового выпуска телешоу, однако в данном отрывке возможно идентифицировать и отрицательную имплицитную оценку, реализуемую через широкий контекст: автор видеореакции неоднократно отрицательно отзывается о непродуманности сюжета телешоу, о попытках создателей передачи уместить много сюжетных линий в небольшой хронометраж. Внезапная похвала началу очередного выпуска, упоминание того, что блогер понимает сложности, вызванные необходимостью в 20 минут «уложить сюжета вот столько», имплицируют отрицательную оценку всего телешоу.

Как мы видим, во втором отрывке выявлена 1 имплицитная оценка и 7 эксплицитных прямых оценок, поэтому индекс интенсивности оценок текста (4) равен (1*1 + 0*2 + 7*3)/8 = 2,75. Как мы видим, разница в плотности оценок двух текстов объясняется прежде всего преобладанием эксплицитных прямых оценок во втором отрывке. Количественные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение индексов оценок в текстах (3) и (4)

Индекс оценок	Треш-обзор (3)	Видеореакция (4)
Индекс плотности оценок	10,61	13,79
Индекс интенсивности оценок	1,89	2,75

То, что имплицитные оценки (а их больше в первом отрывке), как правило, выражены бóльшим количеством словоформ, объясняет более значительную разницу между полученными индексами плотности оценок, хотя фактическая разница не столь велика.

Проанализируем еще два текста с точки зрения индексов оценочности. Оба текста представляют собой спортивные комментарии во время трансляции международных соревнований по фигурному катанию:

(5) Я думаю, это будет ***самый обсуждаемый*** момент сегодняшней короткой программы, здесь, в финале Гран-при, то, что мы сейчас только что увидели. Фигурист *сделал то, что можно было и не делать*. <...> Это был, конечно, *абсолютно легко исполненный* четверной аксель... Давайте еще раз в повторах *насладимся этим великолепием короля квадов*, как уже давно прозвали Илью Малинина... *Четыре с половиной: чистейший, докрученный* прыжок. *Вопрос «Зачем?»* Затем делается *прекрасный* каскад, четверной лутц, тройной тулуп. Здесь все *тоже очень и очень докручено* [Финал Гран-при по фигурному катанию 2023/24].

(6) This is a *fiery* short program, very *easy to understand choreographically and artistically*... shows off his lines... *It's the jumps that people come to see when they watch Ilia Malinin*. Here's his opening quad toe loop. His quads truly *look like triple jumps*. The *tight positioning* he has in the air, the way that his *body moves the rhythm into the jump* is what makes it so *spectacular*. The quad lutz triple toe loop, a teeny wiggle between those two jumps but has *such good* knees and ankles he *was able to reach back and get the triple toe loop done*[5] [Ilia Malinin's FIERY Short Program at World Figure Skating Championships].

Оба комментария были сделаны во время выступления американского фигуриста, Ильи Малинина, но первый комментарий — во время русскоязычной трансляции короткой программы в финале Гран-при 2023 г. в Пекине (платформа Okko), а второй — во время англоязычной трансляции на чемпионате мира по фигурному катанию 2024 г. в Монреале (канал NBC). Результаты исчисления индексов оценочности этих двух отрывков представлены в табл. 2.

[5] «Это пламенная короткая программа, с понятной идеей и хореографией... выписывает линии... Прежде всего, зрители, приходя на выступление Ильи Малинина, ждут прыжков. Итак, его первый четверной тулуп. Его четверные выглядят будто тройные. То, как он вращается в воздухе, как задает импульс для прыжка, делает их такими зрелищными. Четверной лутц — тройной тулуп: между прыжками было небольшое покачивание, но за счет сильных коленей и голеней он удержался и приземлил тройной тулуп».

Таблица 2

Сравнение индексов оценок в текстах (5) и (6)

Индекс оценок	Русскоязычный спортивный комментарий (5)	Англоязычный спортивный комментарий (6)
Индекс плотности оценок	12,99	8,91
Индекс интенсивности оценок	1,80	1,78

Согласно полученным результатам, в обоих текстах соотношение эксплицитных и имплицитных оценок приблизительно равно. Что касается индекса плотности оценок, то данный показатель выше у русскоязычного спортивного комментария, т. е. этот отрывок в большей степени наполнен оценочными смыслами, хотя на первый взгляд может показаться, что уровень оценочности в обоих текстах приблизительно одинаков. Значения индексов оценочности, тем не менее, доказывают обратное.

Заключение

Субъективная природа оценки значительно усложняет процесс анализа ее функционирования в дискурсе. Не умаляя значимости таких методов, как анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, анализ контекста, дискурс-анализ, отметим, что в ряде случаев исследование оценки невозможно без квантитативных методов. Так, измерить уровень общей оценочности текста, верифицировать утверждение, что текст является оценочно-окрашенным или, наоборот, лишен оценочного компонента, вероятно, не представляется возможным вне математического подхода. Более того, различные виды индексов активно используются при изучении метафоры, в идиостилистике, в лингвистике детской речи. Тем не менее, роль количественных показателей текста в области аксиологической лингвистики недооценена.

Разработанные в рамках данного исследования индексы оценочности — индекс плотности оценок и индекс интенсивности оценок — могут служить важным инструментом анализа функционирования оценки в текстах разных дискурсов и разных речевых жанров, причем индексы оценочности позволяют сравнивать уровень оценочности текстов на разных языках. Безусловно, представленные индексы оценочности не должны использоваться вне семантики текста: они скорее дополнительный инструмент анализа, поддерживающий исследователя в попытках исчислить то, что исчислению не поддается, — оценку. Помимо этого, предложенные индексы могут стать значимым инструментом анализа взаимосвязи уровня оценочности текста и степени речевого воздействия: во многих научных работах постулируется влияние оценочности текста на степень оказываемого им речевого воздействия, однако в большинстве случаев подобные утверждения точными данными не подкрепляются. Думается, индексы оценочности — маленький шаг на пути решения этих задач.

Несомненно, для дополнительной верификации полученных результатов необходимо проведение психологического эксперимента, но это уже тема для дальнейших исследований.

Источники

Люсик. Самый КРИНЖОВЫЙ сериал на ТВ? (Порча) : [видео] // YouTube. 2023. 20 окт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=D-P_Wp_7oUo

Финал Гран-при по фигурному катанию 2023/24. Мужчины. Короткая программа : [видео] / коммент. А. Гришин, М. Траньков // Первый канал. 2023. 7 дек. URL: https://www.1tv.ru/sport/figurnoe-katanie-na-pervom/gran-pri-po-figurnomu-kataniyu-2023-24/korotkaya-programma-muzhchiny-pervye-v-mire-4-5-oborota-v-korotkoy-ot-ili-malinina-final-gran-pri-po-figurnomu-kataniyu-2023-24

Ilia Malinin's FIERY Short Program at World Figure Skating Championships : [video] / NBC Sports ; analyst T. Lipinski // YouTube. 2024. 21 March. URL: https://www.youtube.com/watch?v=S216K_Uu_L8

Sunak R. Rishi Sunak interviewed by Bloomberg News : [video] / R. Sunak ; interviewer F. Lacqua // Bloomberg Television. 2023. 26 Nov. URL: https://www.bloomberg.com/news/videos/2023-11-26/sunak-says-claims-of-uk-austerity-are-simply-unfounded-video&ved=2ahUKEwi8lKmslMqTAxVT-QIHHY_BAysQy_kOegYIAQgCEAE&opi=89978449&cd&psig=AOvVaw0z7UtubPlsvSWDR-haALWc&ust=1775047226341000

The Critical Drinker. Madame Web — The Hilarious Death Of A Franchise : [video] // YouTube. 2024. 15 Feb. URL: https://www.youtube.com/watch?v=H7oAatY_mX8

Trudeau J. An interview with Justin Trudeau : [audio podcast] / J. Trudeau ; host J. Poisson // Front Burner : CBC Radio. 2023. 19 Sept. URL: https://www.cbc.ca/radio/frontburner/an-interview-with-justin-trudeau-1.6970769&ved=2ahUKEwjGgPm-k8qTAxXa5QIHHSZcABkQy_kOegYIAQgEEAE&opi=89978449&cd&psig=AOvVaw30m8GGx83Qa49t49JPJx7e&ust=1775046996981000

Исследования

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988.

Васильев Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке : сб. науч. ст. / [редкол.: Р. М. Гайсина (отв. ред.) и др.]. Уфа : БГУ, 1996. С. 55–62.

Вепрева И. Т., *Мустайоки А.*, *Магсар Ц*. Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2(187). С. 241–257. https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.2.038

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2006.

Дементьев В. В. Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «Оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

Дубровская Т. В. Субъект отрицательной оценки в дискурсе печатных масс-медиа // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 248–256.

Кошкарова Н. Н. Колоративы в масс-медийном политическом дискурсе: когнитивно-дискурсивные и лингвоаксиологические характеристики // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2(105). С. 491–493.

Кошман Ю. И. Прагматическое содержание прямых и косвенных оценочных высказываний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4(46). Ч. 2. С. 111–113.

Купина Н. А. Карнавализация русского языка в эпоху пандемии коронавируса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 280–292. https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.019

Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 100–103.

Орлова О. Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. 2020. № 7. С. 56–73. https://doi.org/10.17223/26188422/7/4

Пантеева К. В. Критерии выделения косвенных оценочных высказываний (на материале британского спортивного дискурса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020а. № 1(94). С. 91–100. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-1-94-8

Пантеева К. В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020б. Т. 26, № 1. С. 125–133. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-125-133

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск : НГПУ, 1999.

Шилихина К. М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2013. № 1(43). С. 121–127.

Щипицына А. А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 2(22). С. 93–98.

Bednarek M. Dimensions of Evaluation: Cognitive and Linguistic Perspectives // Pragmatics & Cognition. 2009. No. 17(1). P. 146–175.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987.

Bullo S. Evaluation in Advertising Reception: A Social-Cognitive and Linguistic Perspective. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014.

De Landtsheer C. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor // Metaphor and Discourse / ed. by A. Musolff, J. Zinken. London : Palgrave Macmillan UK, 2009. P. 59–78.

Halliday M. A. K. Spoken and Written Language. Geelong Victoria : Deakin Univ. Press, 1985.

Johansson V. Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective // Working Papers. 2008. Vol. 53. P. 61–79.

Lehnert T., Krolak-Schwerdt S., Hörstermann T. Explicit and Implicit Speaker Evaluations and Their Differential Attitudinal Determinants // Language Sciences. Sept. 2018. Vol. 69. P. 68–79. http://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.06.005

Martin J. R., White P. R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005.

Silvestri D. Implicit and Explicit Linguistics // Diogenes. 2015. Vol. 60(2). P. 53–59.

Thompson G. AFFECT and Emotion, Target-Value Mismatches, and Russian dolls: Refining the APPRAISAL Model // Evaluation in Context / ed. by G. Thompson, L. Alba-Juez. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 47–66.

Wilson R. Appraisal Theory as a Linguistic Tool for the Analysis of Market Research Interview Data : PhD Dissertation. Centre for Translation Studies, University of Leeds, 2011.

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.

Bednarek, M. (2009). Dimensions of Evaluation: Cognitive and Linguistic Perspectives. *Pragmatics & Cognition, 17*(1), 146–175.

Brown, P., & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bullo, S. (2014). *Evaluation in Advertising Reception: A Social-Cognitive and Linguistic Perspective*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

De Landtsheer, C. (2009). Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In A. Musolff, & J. Zinken (Eds.), *Metaphor and Discourse* (pp. 59–78). London: Palgrave Macmillan UK.

Dement'ev, V. V. (2016). Aksiologicheskaia genristika: aspekty problemy "Otsenka i zhanr" [Axiological Speech Genre Studies: Aspects of the "Evaluation and Genre" Issue]. *Zhanry rechi*, 2, 9–24. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

Dubrovskaya, T. V. (2013). Sub"ekt otritsatel'noi otsenki v diskurse pechatnykh mass-media [The Subject of Negative Evaluation in the Discourse of the Print Media]. *Iazyk. Tekst. Diskurs*, 11, 248–256.

Halliday, M. A. K. (1985). *Spoken and Written Language*. Geelong Victoria: Deakin University Press.

Johansson, V. (2008). Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective. *Working Papers, 53*, 61–79.

Koshkarova, N. N. (2024). Kolorativy v mass-mediinom politicheskom diskurse: kognitivno-diskursivnye i lingvoaksiologicheskie kharakteristiki [Colour Terms in Mass-media Political Discourse: Cognitive, Discursive, Linguistic, and Axiological Characteristics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2(105), 491–493.

Koshman, Yu. I. (2015). Pragmaticheskoe soderzhanie priamykh i kosvennykh otsenochnykh vyskazyvanii [Pragmatic Content of Direct and Indirect Evaluative Statements]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 4(46), Pt. 2, 111–113.

Kupina, N. A. (2021). Karnavalizatsiia russkogo iazyka v epokhu pandemii koronavirusa [Carnivalisation of the Russian Language in the Era of the Coronavirus Pandemic]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 23*(1), 280–292. https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.019

Lehnert, T., Krolak-Schwerdt, S., & Hörstermann, T. (2018, September). Explicit and Implicit Speaker Evaluations and Their Differential Attitudinal Determinants. *Language Sciences, 69*, 68–79. http://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.06.005

Mar'ianchik, V. A. (2011). Otsenka kak kategoriia teksta [Evaluation as a Text Category]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1, 100–103.

Martin, J. R., & White, P. R. (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Orlova, O. G. (2020). Zhanry politicheskogo mediadiskursa [Genres of Political Media Discourse]. *Voprosy zhurnalistiki*, 7, 56–73. https://doi.org/10.17223/26188422/7/4

Panteeva, K. V. (2020a). Kriterii vydeleniia kosvennykh otsenochnykh vyskazyvanii (na materiale britanskogo sportivnogo diskursa) [Criteria for Identification of Indirect Evaluative Statements (Based on British Sports Discourse)]. *Cherepovets State University Bulletin*, 1(94), 91–100. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-1-94-8

Panteeva, K. V. (2020b). Poniatiia eksplitsitnosti i implitsitnosti v kontekste kategorii otsenochnosti (na materiale britanskogo sportivnogo diskursa) [Explicitness and Implicitness in the Context of the Category of Evaluativeness (Based on British Sports Discourse)]. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 1, 125–133. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-125-133

Shchipitsyna, A. A. (2007). Sootnoshenie deskriptivnykh i otsenochnykh prilagatel'nykh v britanskom politicheskom media-diskurse [The Proportion of Descriptive and Evaluative Adjectives in British Political Media Discourse]. *Politicheskaia lingvistika*, 2(22), 93–98.

Shilikhina, K. M. (2013). Ironicheskoe vyrazhenie deonticheskoi otsenki v obshchestvenno-politicheskom diskurse [Ironic Expression of Deontic Evaluation in Social and Political Discourse]. *Politicheskaia lingvistika*, 1(43), 121–127.

Silvestri, D. (2015). Implicit and Explicit Linguistics. *Diogenes, 60*(2), 53–59.

Teliia, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotation Aspect of Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka.

Thompson, G. (2014). AFFECT and Emotion, Target-Value Mismatches, and Russian Dolls: Refining the APPRAISAL Model. In G. Thompson, & L. Alba-Juez (Eds.), *Evaluation in Context* (pp. 47–66). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Tripol'skaya, T. A. (1999). *Emotivno-otsenochnyi diskurs: kognitivnyi i pragmaticheskii aspekty* [Emotive-evaluative Discourse: Cognitive and Pragmatic Aspect]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Vasil'ev, L. M. (1996). Semanticheskaia kategoriia otsenki i otsenochnye predikaty [Semantic Category of Evaluation and Evaluative Predicates]. In R. M. Gaisina et al. (Eds.), *Issledovaniia po semantike: Semanticheskie kategorii v russkom iazyke: sbornik nauchnykh statei* [Research on Semantics: Semantic Categories in the Russian Language: Collection of Scholarly Articles] (pp. 55–62). Ufa: Bashkir State University.

Vepreva, I. T., Mustajoki, A., & Magsar, Ts. (2019). Chto variat na politicheskoi kukhne: aksiologicheskii potentsial kulinarno-gastronomicheskoi metafory v publitsisticheskom diskurse [What is Cooked in the Political Kitchen: The Axiological Potential of the Culinary and Gastronomic Metaphor in Journalistic Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 21*(2), 241–257. https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.2.038

Wilson, R. (2011). *Appraisal Theory as a Linguistic Tool for the Analysis of Market Research Interview Data* (doctoral dissertation). Centre for Translation Studies, University of Leeds.

Wolf, E. M. (2006). *Funktsional'naia semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Editorial URSS.

Калинина Ксения Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германской филологии
и переводоведения
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: kse-panteeva@yandex.ru

Kalinina, Ksenia Vladimirovna
PhD (Philology), Associate Professor
Department of Romance and Germanic
Languages and Translation Studies
Saratov State University
83, Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, Russia
Email: kse-panteeva@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-6422-4906
Scopus AuthorID: 58186979000

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.008
УДК 81’37 + 81’276.6 + 801.4 + 025.43 +
+ 81’23 + 316.2 + 811.161.1’27 + 81’33

Т. В. Романова
О. Н. Колчина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

АССОЦИАТИВНЫЙ ТЕЗАУРУС ТЕРМИНОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена проблеме исследования терминосистемы когнитивной лингвистики и ее усвоения студентами-лингвистами. Терминосистема когнитивной лингвистики, являясь междисциплинарной по сути, в настоящее время находится в процессе формирования, устанавливаются разнообразные парадигматические и синтагматические связи между терминами. Наиболее актуальным способом представления терминосистемы оказывается словарь тезаурусного типа. Целью создания «Проектного словаря-справочника когнитивных терминов» (2022) Т. В. Романовой, О. Н. Колчиной, В. А. Куликовой и А. Ю. Хоменко было представление терминов как фрагмента тезауруса в совокупности всех парадигматических связей. Анализ научной литературы по когнитивной лингвистике проводился с помощью корпусного метода. Был создан специализированный научный корпус, который позволяет выявить коллокаты термина и его *n*-граммы. Данные корпусного анализа показывают синтагматику терминов, возможные последовательности терминов в тексте. В настоящей статье представлен анализ нескольких взаимосвязанных терминов: *антропоцентризм*, *ассоциация*, *ассоциативный тезаурус*, *концептуализация*, *концептуальная интеграция*. В словаре-справочнике приведены также сведения об ассоциативном эксперименте. Данные научных источников в статье сопоставлены с данными, полученными в ходе эксперимента. Результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов программы бакалавриата «Фундаментальная и прикладная лингвистика» Высшей школы экономики (Нижний Новгород), подтверждают выводы контекстуального и сопоставительного анализа терминов когнитивной лингвистики, употребленных в соответствующей научной литературе, и позволяют представить ассоциативный тезаурус студентов-лингвистов. Результаты корпусного и контекстуального анализа, ассоциативного эксперимента показывают формат знаний, репрезентирующий структуру тезауруса когнитивных терминов в сознании студентов-лингвистов. Каждый термин образует синонимические, иногда — антонимические, гиперо-гипонимические связи с другими лексемами терминологического характера, претерпевает процессы расширения или сужения значения, имеет оценочную интерпретацию. В статье также сравниваются способы интерпретации и представления термина в научной литературе и в ассоциативном эксперименте. Таким образом, содержание работы связано с выявлением специфики восприятия и усвоения когнитивной терминосистемы студентами-лингвистами путем сопоставления результатов ассоциативного эксперимента с данными научного дискурса.

© Романова Т. В., Колчина О. Н., 2026
CC BY-NC

Ключевые слова: термин; терминосистема; тезаурус; ассоциативный эксперимент; корпусный метод; когнитивная лингвистика; формат знания

Благодарности
Публикация подготовлена в рамках проведения исследования по Программе Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2026 г., проект 26-00-025 «Термины когнитивистики по данным российских СМИ XXI века: дискурсивный словарь-справочник».

Цитирование: *Романова Т. В., Колчина О. Н.* Ассоциативный тезаурус терминов когнитивной лингвистики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 124–139. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.008

Поступила в редакцию: 15.04.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Tatiana V. Romanova
Olga N. Kolchina
National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russia

ASSOCIATIVE THESAURUS OF COGNITIVE LINGUISTICS TERMS

This article examines the study of the terminological system of cognitive linguistics and its acquisition by linguistics students. Being interdisciplinary in nature, the terminological system of cognitive linguistics is currently developing, with various paradigmatic and syntagmatic relationships between terms being established. A thesaurus-type dictionary proves to be the most effective way of presenting a terminology system. The objective of creating the *Project Dictionary-Reference Book of Cognitive Terms* (2022) by T. V. Romanova, O. N. Kolchina, V. A. Kulikova, and A. Yu. Khomenko was to present terms as fragments of a thesaurus within the totality of all paradigmatic relationships. In this study, an analysis of scholarly literature on cognitive linguistics is conducted using a corpus-based approach. The authors create a specialised scholarly corpus, which allows the identification of the collocations of a term and its *n*-grams. The corpus analysis data reveal the syntagmatics of terms and possible sequences of terms within the text. This article presents an analysis of several interrelated terms, such as *антропоцентризм*, *ассоциация*, *ассоциативный тезаурус*, *концептуализация*, *концептуальная интеграция* (Eng. anthropocentrism, association, associative thesaurus, conceptualisation, conceptual integration). The reference dictionary also contains information on the associative experiment. Data from academic sources in the article are compared with data obtained during the experiment. The results of a free associative experiment conducted among students on the bachelor's programme in Fundamental and Applied Linguistics at the Higher School of Economics (Nizhny Novgorod), confirm the conclusions of the contextual

and comparative analysis of cognitive linguistics terms used in the relevant academic literature, and enable the presentation of an associative thesaurus of linguistics students. The results of corpus and contextual analysis, as well as the associative experiment, reveal a knowledge framework that represents the structure of the thesaurus of cognitive terms in the minds of linguistics students. Each term forms synonymous, and sometimes antonymous, hyper- and hyponymic links with other terminological lexemes, undergoes processes of semantic expansion or narrowing, and has an evaluative interpretation. The article also compares the ways in which a term is interpreted and represented in academic literature and in an associative experiment. Thus, the content of the study is concerned with identifying the specifics of how linguistics students perceive and assimilate a cognitive terminological system by comparing the results of an associative experiment with data from academic discourse.

K e y w o r d s : term; terminological system; thesaurus; associative experiment; corpus-based method; cognitive linguistics; knowledge format

Acknowledgements
The publication was prepared as part of the research under the Scientific Foundation Programme of the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2026, project 26-00-025 “Terms of Cognitive Studies Based on the Russian Media of the 21st Century: A Discursive Dictionary-Reference Book”.

F o r c i t a t i o n: Romanova, T. V., & Kolchina, O. N. (2026). Assotsiativnyi tezaurus terminov kognitivnoi lingvistiki [Associative Thesaurus of Cognitive Linguistics Terms]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 124–139. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.008

Submitted: 15.04.2024
Accepted: 27.02.2026

Введение

Когнитивная терминология находится в стадии формирования. Положение осложняется тем, что, с одной стороны, часть терминов заимствуется, а с другой — у русских лексем развивается соответствующее терминологическое значение. Соответственно терминосистема переживает этап поиска наиболее актуальных терминов среди достаточного набора синонимичных лексем, устанавливает разнообразные связи между ними. В данной публикации представлен фрагмент исследования тезауруса терминов когнитивной лингвистики на актуальном материале современного российского научного дискурса. Результатом стал «Проектный словарь-справочник когнитивных терминов» (2022) Т. В. Романовой, О. Н. Колчиной, В. А. Куликовой и А. Ю. Хоменко.

Методология

Созданию словаря тезаурусного типа предшествовал сбор современных данных для специализированного научного корпуса и его разметка.

Сбор и анализ материала для словаря осуществлен с привлечением современных технологий создания корпусов текста. Одним из элементов тезаурусного представления терминов является фиксирование их коллокатов в соответствии с мерой ассоциативности.

Данные, собранные автоматически, верифицированы через сведения, полученные в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента. Результаты эксперимента в виде ассоциативных статей размещены на странице проекта [Научно-учебная группа...].

Один из способов организации знаний в человеческой памяти представляет собой ассоциативно связанные структуры, поэтому для выявления актуальности когнитивных терминов, уровня их освоенности респондентами (студенты направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» НИУ ВШЭ — НН) был выбран свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось реагировать на слово-стимул одной или несколькими ассоциациями. Подобные реакции позволяют лексикографу прояснить актуальность значений полисеманта, в том числе терминологического, сферы его употребления; благодаря обнаруженным связям наиболее точно реконструируется семантическая структура лексемы. Кроме того, анализ слов-реакций может выявить культурологическую информацию: актуальные метафоры, прецедентные феномены; паралингвистическую информацию о тех жестах, мимике, интонации, которые сопровождают употребление данного слова в речи. Таким образом, ассоциативная статья, сопровождающая описание термина, имеет наряду со структурно-лексикографическим еще и онтологический статус.

Цель статьи заключается в том, чтобы репрезентировать тот формат знаний, который соотносится со структурой понятийного тезауруса студентов-лингвистов, отражающего восприятие и усвоение семантики терминов когнитивной лингвистики, и сопоставить его с данными научных публикаций.

Для ассоциативного эксперимента была создана анкета из 60 стимулов, реакции на которые должны были дать респонденты (144 человека).

Ассоциативные реакции показали особенности представления содержания терминов и связей между ними в сознании респондентов. Эти сведения коррелируют с данными, полученными при автоматической обработке научных текстов.

Обсуждение

Приведем несколько примеров организации терминов когнитивной лингвистики в специализированных научных исследованиях и сознании реципиентов-лингвистов.

Например, тезаурус термина *антропоцентризм*, по данным нашего научного корпуса, выглядит следующим образом. Абсолютная частота встречаемости термина в корпусе — 111/IPM, относительная частота встречаемости термина на миллион словоупотреблений — 13.65. С когнитивной точки зрения, *антропоцентризм* — принцип исследования объектов по их отношению к человеку.

По данным научных публикаций журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» и периодического издания «Когнитивные исследования языка», синонимами для этого термина являются номинации *деятельностная / человекоориентированная / коммуникативно-когнитивная научная парадигма*, а антонимом — термин *системоцентризм*; в качестве гиперонимов выступают термины *методологические установки*, *направления когнитивной лингвистики*, *научные парадигмы*, *парадигма*, *подход*, *принципы исследования языкового материала*, в качестве гипонимов — *антропоцентрическая картина мира*, *антропоцентрическая языковая картина мира*, *интеллект-картирование*, *когнитивный подход*. Спецификаторами, сужающими понятие, являются определения *когнитологический (когнитивный) антропоцентризм*, *лингвистический антропоцентризм*. Научные публикации фиксируют следующие деривационно-эпидигматические связи термина: от лексемы *антропоцентризм* последовательно образуются прилагательные *антропоцентричный*, *антропоцентрический* и существительные *антропоцентричность*, *антропоцентрист*. Выделены следующие частотные коллокаты и показатели их ассоциирования с термином: *функционализм* (1.41), *осмысливать*, *пронизывать*, *взаимосвязаны*, *прозвучать*, *оправданный*, *манифестация*, *бинарный*, *эгоцентрический*, *когниция*, *неприятный*, *полноценный*, *ведущий*, *принцип*, *ориентироваться, принцип* (0.99); *n*-граммы: *язык* (5), *принцип* (4), *являться*, *принцип*, *языковой* (3), *сознание*, *проявляться*, *позиция*, *термин*, *представлять*, *проявление*, *когнитологический*, *ядро* (2) — и нечастотные коллокаты: *когнитологический антропоцентризм* [ПССКТ, с. 22]. Наиболее частотные способы интерпретации содержания термина *антропоцентризм* в научных работах — предикация и цитация.

Полученные в результате опроса ассоциации подтверждают связь в тезаурусе испытуемых термина *антропоцентризм* с понятием *человек* (76 реакций из 199), гуманитарными науками (реакции: *антропология*, *история*, *философия*, *наука*, *мировоззрение*, *человечество*), отражают понимание реципиентами лингвистики как науки о человеке (реакции: *лингвистика*, *человек в центре всего*), противопоставленность содержания термина понятию *системоцентризм*. Полученные реакции позволяют утверждать, что в профессиональном сознании будущего лингвиста сформировано представление о содержании термина и о его связи с концептуальными областями, зафиксированными в других терминах.

Распространенным термином в когнитивных исследованиях является *ассоциативный тезаурус*. В англоязычной лингвистической традиции под ассоциативным тезаурусом понимают словарь, который организует лексемы на основании смысловых и синтаксических связей между ними [Deese].

Термин *ассоциативный тезаурус* взаимодействует с однословным термином *тезаурус* по принципу сужения содержания, что иллюстрирует процесс концептуальной интеграции. Концептуальная интеграция рассматривается как интенциональный семантический сдвиг, новое значение создается путем концептуального сжатия, смешения, пересечения [Цветаева, Куликова, с. 479]. Ср.: «*тезаурус* [от гр. *thesauros* — ‘запас’] — это идеографический словарь, показывающий

разнообразные семантические отношения (синонимические, антонимические, родо-видовые и др.) между лексическими единицами» [Захаренко, Комарова, Нечаева]. Определение *ассоциативный* «[от лат. *associare* — 'присоединять'] — относящийся к *ассоциации*, основанный на ассоциации» [Там же].

По данным собранного нами научного подкорпуса, синонимами этого термина являются лексические единицы: *ассоциативный словарь*, *ассоциативно-вербальная сеть*, *лексикон*, *модель образа мира*, *модель сознания человека*; гиперонимами — термины *идеографический словарь*, *тезаурус*. Сужение терминологического значения наблюдается в следующих случаях: *ассоциативный тезаурус вежливости*, *ассоциативный тезаурус молодежи*, *ассоциативный тезаурус ребенка*, *русский ассоциативный тезаурус*.

По данным «Проектного словаря-справочника когнитивных терминов», коллокатами термина *ассоциативный тезаурус* являются следующие: *материал* (1.40), *эксперимент*, *прямой*, *ребенок*, *современный* (0.99), *время* (0.98), *слово* (0.97); *n*-граммами: *прямой*, *современный*, *ребенок* (1) [ПССКТ, с. 25].

Среди частотных способов интерпретации содержания термина *ассоциативный тезаурус* и его синонимичных замен нами зафиксированы дефиниция и свернутая предикация.

Примеры дефиниции: в работе Е. И. Горошко «Проблемы ассоциативной лексикографии» ассоциативный тезаурус (ассоциативный словарь) — это «*некоторая совокупность ассоциативных норм, полученная путем проведения ассоциативного эксперимента по определенному списку стимульных слов. Иными словами, модель ассоциативного словаря представляет некую упорядоченную последовательность (совокупность) ассоциативных полей, полученных в результате проведения САЭ*» [Горошко]. В данном определении ассоциативный тезаурус связывается с ассоциативным экспериментом, что подкрепляет идею верификации тезауруса когнитивных терминов с помощью данных подобного эксперимента, полученных от реципиентов, которыми стали студенты-лингвисты.

Е. Ф. Тарасов дает следующую дефиницию ассоциативного тезауруса: «*В трактовке Московской психолингвистической школы под языковым сознанием (далее ЯС) принято понимать совокупность образов сознания, овнешняемых языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей*» [Тарасов, с. 3–4]. Можно обозначить данный способ как обратную дефиницию, так как здесь дается в первую очередь определение языкового сознания, ассоциативный тезаурус — это один из способов представления этого сознания с помощью языковых средств.

Интерпретация термина может содержать оценочные компоненты: «...ассоциативный тезаурус как один из способов описания "коллективного обыденного" языкового сознания "наивных" носителей языка *более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии*» [Уфимцева, Черкасова, с. 197]. Положительная оценка выражена с помощью сравнительной степени наречия.

В. Е. Гольдин и А. П. Сдобнова отмечают в качестве специфики ассоциативного тезауруса возможность быть «*научным источником первичного характера*», так как тезаурусы «*предоставляют материал, практически не подвергавшийся обработке составителей словаря*», и настаивают на частой недооцененности подобного вида словарей [Гольдин, Сдобнова, с. 89].

Проведенный ассоциативный эксперимент показал следующие реакции на термин-стимул *ассоциативный тезаурус*: *словарь* (66); *ассоциация* (15); *книга* (9); *связь* (6); *лингвистика*, *слово* (по 4 реакции); *словарь ассоциаций* (3); *Караулов*, *семантическое поле*, *сеть*, *справочник*, *тезис* (по 2 реакции).

В ядре семантики этого термина находится сема ‘система слов’, поэтому количественно преобладает реакция *словарь*. Тезаурус — вид организации лексики, в том числе с помощью ассоциативных связей (*ассоциация*; *связь*; *слово*; *семантическое поле*; *сеть*). Часть реакций соотносится с материальным воплощением тезауруса (*книга*; *словарь ассоциаций*; *справочник*). Реакция *Караулов* связана с фамилией автора одного из первых ассоциативных словарей и теории языковой личности, в которой понятие и термин *тезаурус* занимает ключевое место.

Таким образом, результаты ассоциативного эксперимента по восприятию студентами-лингвистами когнитивного термина *ассоциативный тезаурус* позволяют выявить важные компоненты в семантике данного термина. Самыми актуальными оказываются гиперо-гипонимические отношения (*ассоциативный тезаурус — словарь*), также важными являются деривационные связи (*ассоциация*, *ассоциаций*), предметно-тематические отношения (*словарь*, *книга*, *лингвистика*, *слово*, *справочник*), связь с персоналиями (*Караулов*), синонимичность (*словарь ассоциаций*, *семантическое поле*, *сеть*). Есть случай ложной связи, паронимической аттракции (*тезис*). Данные реакции позволяют сделать вывод о сформированности профессиональных компетенций студентов-лингвистов и ответить на вопрос, почему именно эти семантические признаки заняли ведущее место при ассоциативном эксперименте.

Термин *ассоциативный*, в свою очередь, связан отношениями производности с термином *ассоциация*, которую определяют как связь между ощущениями, восприятиями, идеями, представлениями и другими психическими образованиями, основанную на смежности, сходстве или контрасте [Азимов, Щукин, с. 21]. Лексема произошла от лат. *associare* — ‘присоединять’ [Захаренко, Комарова, Нечаева]. В проанализированном научном дискурсе в качестве синонимичных употребляются термины *аллюзия*, *аналогия*, *коннотация*, *импликация*.

Научные статьи дают следующие примеры употребления: «*Картина природного мира выстраивается как цепь ассоциаций (аллюзий, аналогий), которые вызывают конкретные образы восприятия (зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, тактильные)*» [Каминский, с. 153]; «*имя импликация используется для обозначения общепринятых, стандартных ассоциаций, связанных с определенным словом*» [Антошина, с. 53].

Термин *ассоциация* является гипонимом к целому ряду терминов-гиперонимов: *ассоциативное поле*, *ассоциативная плотность*, *представления*, *поле реакций*,

спектр ассоциаций, *связка ассоциаций*, *реакция*, *семантическая транспозиция*, *смысловая линия*, *когнитивная метафора*, *цепь ассоциаций*, — и в свою очередь само является гиперонимом. Гипонимами для него выступают термины *ассоциативная реакция*, *образ-ассоциация*, *слово-ассоциация*. Отношения сужения связывают термин *ассоциация* со следующими терминами, конкретизирующими разные виды ассоциаций: *парадигматические и синтагматические ассоциации*; *фонетические*, *звуковые ассоциации*; *тематические*, *цитатные*; *словообразующие*, *деривационные ассоциации*, *стандартная (общепринятая) и нестандартная ассоциации*, *личностные ассоциации*. От термина *ассоциация* образован глагол *ассоциировать*, также лексема становится ядром фрагмента словообразовательной цепочки, в которую входят последовательно образованные лексемы: *ассоциативный — ассоциативно* — ряд терминов с первой частью *ассоциативно-*: *ассоциативно-вербальный*; *ассоциативно-языковая*, *ассоциативно-смысловая*. От термина также образованы его гипонимы: *слово-ассоциация*, *образ-ассоциация*.

Выявлены коллокаты: *связать* (4.27), *вызывать* (3.82), *цветовой* (3.72), *вызывать* (3.69), *международный* (3.56), *создавать* (3.43), *российский* (3.20), *лингвистический* (3.15), *метафора* (2.99), *набор* (2.95), *смысл* (2.88), *когнитивный* (2.88), *смежность* (2.82), *слово* (2.71), *синтагматический* (2.63); *n*-граммы: *связать* (14), *цветовой* (13), *когнитивный*, *лингвистический* (11), *вызывать*, *создаваться*, *метафора*, *смысл* (10) [ПССКТ, с. 25].

Исследование научного дискурса также показало следующие частотные способы интерпретации содержания термина: 1) перифраз и предикация, например, в статье К. А. Тлегенова, И. Р. Байтемирова «Использование метода референции для получения выводного знания из фитонимических сравнений» совмещаются пояснительный оборот и определение-сказуемое: *ассоциация* поясняется с помощью субстантивного оборота *образные представления человека* и предиката «*обусловлены глубиной познания предмета, накопленным жизненным опытом этноса, его мировоззрением и ценностными ориентациями*» [Тлегенова, Байтемирова, с. 141]; 2) для объяснения сущности ассоциации может использоваться гипоним: «*новые значения получили возможность возникать <...> по разнообразным связям, существующим на практике между разными предметами и разными действиями, — по ассоциациям*» [Шэнь, с. 137], в последнем примере ассоциации сводятся к связи между предметами или действиями в реальности.

В результате ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-лингвистов, на термин-стимул *ассоциация* получены следующие реакции: *связь* (25); *слово* (12); *мысль* / *мысли* (11); *образ* (7); *игра*, *синоним* (5); *мозг*, *мышление*, *представление*, *картинка* (4); *воображение*, *идея*, *похожее* (*похоже*, *похожесть*), *реакция*, *воспоминание* (3); *аналогия*, *имаджинариум*, *объединение*, *организация*, *союз*, *тест*, *чувство*, *эксперимент* (2).

В данном примере ядром семантики термина *ассоциация* становится реакция *связь*, некоторое отношение между элементами и сами элементы (*связь*; *объединение*; *организация*; *союз*; *слово*). Ассоциации рассматриваются как установление

особого вида отношения — схожести (*синоним*; *похожее* / *похоже* / *похожесть*; *аналогия*). Связи устанавливаются в сознании человека, это показывают реакции, так или иначе называющие работу сознания (*мысль* / *мысли*; *образ*; *мозг*; *мышление*; *представление*; *картинка*; *воображение*; *идея*; *воспоминание*). Менее значимой оказывается реакция, связанная с проведением самого ассоциативного эксперимента (*эксперимент*; *тест*). Интересна реакция, называющая настольную игру, основанную на ассоциации (*игра*; *имаджинариум*).

Проведенный анализ полученных реакций помогает увидеть связи термина с другими понятиями. На первом месте в сознании студентов находится понимание сущности *ассоциации — связь*. Ассоциации относят к лексическому уровню языка — *слово*, для студентов-лингвистов важна психическая природа ассоциации — *мысль* / *мысли*, *образ*, *мышление*, *аналогия* и т. п. Важными оказались синонимические отношения: *связь*, *синоним*, *реакция*, *воспоминание*; указание на способ / форму / единицу реализации: *слово*, *мысль*, *мысли*, *образ*, *игра*, *представление*, *картинка*, *воображение*, *идея*; основание / механизм для определения: *похожее*, *похоже*, *похожесть*, *объединение*, *организация*, *союз*.

Одним из центральных в когнитивной лингвистике также является термин *концептуализация*.

Концептуализация в «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е. С. Кубряковой определяется как «один из процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, с. 93]

В качестве синонимов данного термина в научной литературе выступают *когнитивная модель*, *значение*, *ментальный опыт*, *семиотизация*, *представление мира*. Например, в цитате: «*Когнитивная семантика постулирует менталистическую теорию значения, идентифицируя его с концептуализацией, с ментальным опытом...*» [Нагель, с. 52] — термин *концептуализация* отождествляется одновременно и со значением, и с ментальным опытом. Термин вступает в гиперо-гипонимические отношения, а также в отношения сужения и расширения. Среди гиперонимов можно выделить следующие: *классификационная деятельность*, *ментальный процесс*, *модификация информации*, *способы хранения и представления знания о мире*. Гипонимические отношения связывают термин *концептуализация* и термины *концепт*, *метафора*, *миф*, *проекция*. В научной литературе слово включается в ряд терминов с более широким значением: *интерпретация знания*, *когниция*, *номинативная и речевая деятельность*, *речемыслительная деятельность*, *познание*, *сознание*. Спецификация значения термина наблюдается в случае его конкретизации относительными прилагательными: *лексическая концептуализация*, *оценочная* / *интерпретативная концептуализация*, *первичная* / *вторичная концептуализация*, *пространственная* / *топологическая концептуализация*, *профессиональная концептуализация*.

Сама лексема *концептуализация* образована от глагола *концептуализировать*, производных слов от термина не обнаружено.

Благодаря собранному научному корпусу были выявлены следующие коллокаты: *категоризация* (12.35), *процесс* (9.76), *мир* (6.77), *способ* (6.35), *вторичный* (5.96), *проблема* (5.83), *действительность* (5.31), *языковой* (4.97), *особенность* (4.91), *метафорический* (4.59), *событие* (3.90), *понятие* (3.73); *n*-граммы: *категоризация* (171), *процесс* (54), *мир* (49), *действительность* (27), *языковой* (25), *способ* (24), *вторичный* (22), *проблема* (19), *метафорический*, *событие* (17), *понятие* (16), *количество* (15) [ПССКТ, с.99].

Содержание термина в научных текстах интерпретируется разными способами: с помощью предикации, цитаты, перифразы, гиперонима, пояснения и дескрипции. Например, в следующей статье используется перифраз: «Таким образом, в рамках данной теории *значение возникает в результате динамического процесса построения значения, которое называется концептуализацией*» [Шиляев, Ершова, с. 69]. Концептуализацией описательно называется протекающий в сознании процесс создания значения, это позволяет объяснить сущность *концептуализации*.

В рамках опроса на стимул *концептуализация* студентами-респондентами были выданы следующие ассоциаты: *процесс* (17); *категоризация*, *концепт* (5); *обобщение*, *создание концепта* (4); *идея*, *представление* (3); *выделение концептов*, *информация*, *искусство*, *осмысление*, *разум*, *создание*, *уточнение*, *формирование концепта* (2).

Студенты воспринимают *концептуализацию* как некоторый *процесс*, связанный с возникновением концептов (*концепт*; *создание концепта*; *выделение концептов*; *формирование концепта*). Процесс конкретизируется как протекающий в сознании (*категоризация*; *обобщение*; *осмысление*; *создание*, *уточнение*, *разум*). Реакция *искусство* представляется «информационным шумом», результатом общенародного осмысления концептуализации, отражающим выход термина за пределы терминосистемы.

Наиболее частотным ассоциатом является лексема *процесс*, что соответствует словарной дефиниции, в которой *концептуализация* рассматривается как процесс познания. Стимул и реакции связывают отношения словообразования: *концепт — концептуализация*; отношения сходства: *концептуализация — категоризация*, *создание концепта*, *обобщение*. Синонимический ряд среди ассоциатов составляют слова и словосочетания, которые могут являться составной частью определения термина *концептуализация*, так как совпадают семантически с базовыми компонентами дефиниции (*создание концепта* / *выделение концептов* / *формирование концептов*, *представление* и *представление мира*, *когнитивная модель*, *значение*, *ментальный опыт*, *семиотизация*). Также можно выделить наличие согипонимов (*категоризация*) и гиперонимов (*идея*, *представление*; *информация*, *разум*, *осмысление*).

Таким образом, результаты ассоциативного эксперимента стали источником сведений о структуре термина *концептуализация* в сознании студентов-лингвистов,

которые уже усвоили некоторые знания в области когнитивной лингвистики. Сеть ассоциатов повторяет связи термина *концептуализация*, обнаруженные в ходе анализа текстов научного, научно-популярного дискурса.

С термином *концептуализация* связана определенная совокупность однокоренных терминов. Одним из таких терминов можно считать *концептуальную интеграцию*. Е. Н. Цветаева и В. А. Куликова приводят следующее определение термина *концептуальная интеграция*: это «*умственная операция, которая создает новое значение при концептуальном сжатии*» [Цветаева, Куликова, с. 479]. Термин соотносится с лексемой *интеграция*, которая означает «объединение в целое каких-л. частей, элементов, а также процесс сближения, взаимодействия...» [Захаренко, Комарова, Нечаева].

Синонимами в научной литературе являются термины: *блендинг*, *интенциональный семантический сдвиг*, *концептуальное пересечение*. Например, такие синонимы (*концептуальная интеграция — концептуальное пересечение*) приводит Е. А. Нежура: «В рамках изучения функционирования КТ как особого контекста для реализации проксимации представляет интерес *теория концептуальной интеграции (conceptual integration), также называемой концептуальным пересечением или смешением (conceptual blending)*» [Нежура, с. 67].

Анализ научных текстов показал, что термин *концептуальная интеграция* вступает в гиперо-гипонимические отношения. К гиперонимам относятся термины *когнитивная операция*, *когнитивный механизм*, *ментальный процесс*, *умственная операция*. Данный термин является гиперонимом для термина *концептуальная метафоризация*, также родо-видовые связи устанавливаются с лексемами *соединение*, *достраивание и развитие*, употребляемыми в литературе по когнитивной лингвистике. Это подтверждается, например, следующей цитатой: «Мы рассмотрим *процессы концептуальной метафоризации как частный случай более общего процесса концептуальной интеграции*» [Бережных, с. 276]. Также термин *концептуальная интеграция* связан отношениями расширения с термином *ментальное пространство*.

Лексема *интеграция* вступает в деривационно-эпидигматические отношения с глаголом *интегрировать* и прилагательным *интегративный*, словообразовательная цепочка оканчивается существительным *интегративность*.

В научном дискурсе используются разные способы интерпретации термина: гипероним, предикация, которая может дополнительно сопровождаться другими способами, например, дескрипцией. В статье Х. М. Кадачиевой, Х. А. Билаловой «Когнитивные основания формирования субстантивированных прилагательных (на материале английского и лезгинского языков)» читаем: «*Когнитивной основой образования субстантиватов в сопоставляемых языках является механизм концептуальной интеграции, в ходе которой создается новая интегрированная концептуальная структура* (здесь — предикация. — *О. К., Т. Р.*), *представленная в языке субстантивированным прилагательным*» (в целом дефиниция является дескрипцией с включением предикации) [Кадачиева, Билалова, с. 84].

Термин *концептуальная интеграция* в научной литературе нередко сопровождается оценочной интерпретацией. В ряде статей подчеркивается важность, перспективность понятия, обозначенного данным термином.

Специализированный корпус текстов когнитивной лингвистики показывает следующие коллокаты: *теория* (4.10), *процесс* (4.06), *механизм* (3.98), *результат* (2.93), *профилирование* (2.64), *концептуальный* (2.59), *результат* (2.57), *схема* (2.43), *ментальный* (1.97), *позволять* (1.93), *Fauconnier* (1.73), *служить* (1.70), *частность* (1.69), *стратегия* (1.68); *n*-граммы: *процесс* (13), *механизм* (9), *теория* (8), *результат, схема* (6), *концептуальный* (5), *ментальный*, *профилирование* (4) [ПССКТ, с. 107].

На основе ассоциативного эксперимента для стимула *концептуальная интеграция* было выявлено 140 реакций, которые ранжируются по частоте: *внедрение* (12); *объединение* (11); *смешение* (9); *включение*, *соединение* (8); *смешение идей / концептов / смыслов* (5); *взаимодействие* (4); *взаимодействие концептов*, *интеграция* (3); *общение*, *объединение концептов*, *разум*, *совмещение*. Наиболее частотными словами-реакциями являются *внедрение*, *объединение* и *смешение*, что пересекается со значением термина — ‘объединение частей’, семантика данного значения включает семы, названные ассоциатами.

Ассоциативный эксперимент дал интересные результаты: идея пересечения, а именно семантического пересечения, реализуется с помощью ассоциатов-синонимов (*объединение*, *смешение*, *включение*, *соединение*, *взаимодействие*, *смешение*, *совмещение*). Ассоциат *внедрение* попадает в этот ряд случайно под влиянием терминосистемы компьютерных наук, которые студенты направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» изучают. О том, что процесс интеграции связан с концептами, свидетельствуют реакции-словосочетания с зависимыми словами *концепт*, *идея*, *смысл*.

Рассмотрим отношения между словом-стимулом и словами-реакциями, полученными в результате ассоциативного эксперимента. Нужно отметить синонимические связи: *смешение* и *смешение идей / концептов / смыслов*. Гиперонимия: в качестве гиперонима можно рассмотреть реакцию *разум* (*умственная операция / ментальный процесс — разум*). Также среди ассоциатов встречается гипоним термина — *соединение*. Частично представлены отношения расширения значения: реакции *смешение идей / концептов / смыслов* соотносятся с термином *ментальное пространство*, вступающим в расширительные отношения с термином *концептуальная интеграция*.

Анализ ассоциативных связей и лексических соответствий между словом-стимулом *концептуальная интеграция* и его реакциями позволил отметить разнообразие ассоциативных типов и связей, частично сходных с данными научного дискурса.

Заключение

Словник проектного словаря когнитивных терминов составляет 60 терминологических единиц. В статье были рассмотрены лексико-семантические связи отдельных терминов когнитивной лингвистики: синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, деривационно-эпидигматические, отношения расширения и сужения, а также способы интерпретации и особенности употребления термина (оценочная интерпретация). Перечисленные типы связей реализуются в тезаурусе всех терминов, представленных в словаре. Верификация понятийного тезауруса посредством ассоциативного эксперимента выявила значительную часть совпадений в связях компонентов терминосистемы в сознании студентов-лингвистов и научном дискурсе. В реакциях студентов наиболее частотно представлены синонимические и гиперо-гипонимические отношения, отношения спецификации между терминами когнитивной лингвистики. Эти же отношения являются основными способами интерпретации термина в реакциях студентов. Также среди реакций представлены дериваты терминов, соответствующие употреблению в научном дискурсе. Более проблемным является усвоение антонимических связей. Кроме того, ассоциативный эксперимент не дает возможности проверки усвоения таких способов интерпретации терминов, как цитирование, дефиниция, полупредикация. Таким образом, результаты эксперимента показали, что тезаурусный тип словаря терминов когнитивной лингвистики является в наибольшей степени актуальным способом представления терминосистемы для студентов с целью усвоения ими не только содержания, но и всех связей термина в полном объеме.

Источники

Научно-учебная группа «Проект учебного словаря-справочника терминов когнитивной лингвистики» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде : [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/human/english/slovar/ (дата обращения: 14.04.2024).

Исследования

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Издательство ИКАР, 2009.

Антошина Д. В. Опыт систематизации терминов в лексической семантике, связанных с понятием импликации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 4. С. 49–66.

Бережных Н. Ю. Концептуальная интеграция как основа переосмысления значения слова // Подготовка кадров для силовых структур: Современные направления и образовательные технологии : сб. материалов 23-й всерос. науч.-метод. конф. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 2018. С. 275–277.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Ассоциативный словарь как особый источник данных о внутренней семантической сети // Вопросы искусственного интеллекта (Вестник НСМИИ РАН). 2010. № 2. С. 89–97.

Горошко Е. И. Проблемы ассоциативной лексикографии // Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента : монография. М. : Ин-т языкознания РАН, 2001. URL: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=93 (дата обращения: 19.02.2022).

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов : 25 000 слов и словосочетаний. М. : Азбуковник, 2003. URL: https://www.slovari.ru/default.aspx?p=232 (дата обращения: 12.01.2020).

Кадачиева Х. М., Билалова Х. А. Когнитивные основания формирования субстантивированных прилагательных (на материале английского и лезгинского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 77–84.

Каминский П. П. Природа в публицистических очерках Виктора Астафьева 1960–1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1(27). С. 150–158.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак. МГУ, 1996.

Нагель О. В. Функциональная специфика производных имен синкретичной зоны русского словообразования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6(44). С. 50–67. https://doi.org/10.17223/19986645/44/4

Нежура Е. А. Концептуальная интеграция в креолизованном тексте как особая среда для реализации проксимации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2, № 3. С. 66–70.

ПССКТ — *Романова Т. В., Колчина О. Н., Куликова В. А., Хоменко А. Ю.* Проектный словарь-справочник когнитивных терминов : учеб. пособие / под общ. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2022.

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл., 1–3 июня 2000 г., Москва / гл. ред. Е. Ф. Тарасов. М. : Ин-т языкознания РАН : МГЛУ, 2000. С. 3–4.

Тлегенова К. А., Байтемирова И. Р. Использование метода референции для получения выводного знания из фитонимических сравнений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 139–143.

Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. 2014. № 4. С. 193–199.

Цветаева Е. Н., Куликова В. А. Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. Т. 18. С. 474–489 .

Шэнь Я. Иероглиф «чинарей» и китайский иероглиф // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 131–140.

Шиляев К. С., Ершова Е. Ю. Когнитивная функция дейксиса в рассказе Х. Кортасара «Остров в полдень» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 67–82. https://doi.org/10.17223/19986645/49/5

Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1965.

References

Antoshina, D. V. (2018). Opyt sistematizatsii terminov v leksicheskoi semantike, sviazannykh s poniatiem implikatsii [An Attempt at the Systematization of Terms in Lexical Semantics Related to the Concept of Implication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia*, 4, 49–66.

Azimov, E. G., & Shchukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow: IKAR.

Berezhnykh, N. Yu. (2018). Kontseptual'naia integratsiia kak osnova pereosmysleniia znacheniia slova [Conceptual Integration as a Basis for Rethinking the Meaning of a Word]. In *Podgotovka kadrov dlia silovykh struktur: Sovremennye napravleniia i obrazovatel'nye tekhnologii: sbornik materialov 23-i vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Personnel Training for Law Enforcement Agencies: Modern Trends and Educational Technologies Collection of Materials from the 23rd All-Russian Scholarly and Methodological Conference] (pp. 275–277). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deese, J. (1965). *The Structure of Associations in Language and Thought*. Baltimore: The Johns Hopkins Press.

Gol'din, V. E., & Sdobnova, A. P. (2010). Assotsiativnyi slovar' kak osobyi istochnik dannykh o vnutrennei semanticheskoi seti [Associative Dictionary as a Special Source of Data on the Internal Semantic Network]. *Voprosy iskusstvennogo intellekta (Vestnik NSMII RAN)*, 2, 89–97.

Goroshko, E. I. (2001). Problemy assotsiativnoi leksikografii [Problems of Associative Lexicography]. In E. I. Goroshko, *Integrativnaia model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta: monografiia* [An Integrative Model of Free Association Experiments: Monograph] (pp. 246–187). Moscow: Institute of Linguistics of the RAS. Retrieved from http://www.textology.ru/article.aspx?aId=93

Kadachieva, Kh. M., & Bilalova, Kh. A. (2011). Kognitivnye osnovaniia formirovaniia substantivirovannykh prilagatel'nykh (na materiale angliiskogo i lezginskogo iazykov) [Cognitive Bases for the Formation of Substantivized Adjectives (Based on the English and Lezgin Languages)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 3, 77–84.

Kaminsky, P. P. (2014). Priroda v publitsisticheskikh ocherkakh Viktora Astaf'eva 1960–1990-kh gg. [Nature in the Journalistic Essays of Victor Astafiev from the 1960s–1990s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, 1 (27), 150–158.

Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankratz, Yu. G., & Luzina, L. G. (1996). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Filological Department of Moscow State University.

Nagel, O. V. (2016). Funktsional'naia spetsifika proizvodnykh imen sinkretichnoi zony russkogo slovoobrazovaniia [Functional Specificity of Russian Nominative Derivatives Referring to a Syncretic Zone of the Russian Language Word-Building System]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, 6(44), 50–67. https://doi.org/10.17223/19986645/44/4

Nezhura, E. A. (2011). Kontseptual'naia integratsiia v kreolizovannom tekste kak osobaia sreda dlia realizatsii proksimatsii [Conceptual Integration in Creolized Text as a Special Environment for the Implementation of Proximation]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 2*(3), 66–70.

Romanova, T. V., Kolchina, O. N., Kulikova, V. A., & Khomenko, A. Yu. (2022). *Proektnyi slovar'-spravochnik kognitivnykh terminov: uchebnoe posobie* [Project Dictionary-Reference Book of Cognitive Terms: A Handbook]. Nizhny Novgorod: DEKOM.

Shen', Ya. (2018). Ieroglif "chinarei" i kitaiskii ieroglif [The Hieroglyph "Chinarey" and the Chinese Hieroglyph]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia*, 6, 131–140.

Shiliaev, K. S., & Ershova, E. Yu. (2017). Kognitivnaia funktsiia deiksisa v rasskaze Kh. Kortasara "Ostrov v polden'" [Cognitive Poetics of Deixis in J. Cortázar's *La isla al mediodía*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, 49, 67–82. https://doi.org/10.17223/19986645/49/5

Tarasov, E. F. (2000). Iazykovoe soznanie — perspektivy issledovaniia (predislovie) [Linguistic Consciousness — Research Prospects (Preface)]. In E. F. Tarasov (Ed.), *Iazykovoe soznanie: soderzhanie i funktsionirovanie: XIII Mezhdunarodnyi simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii: tezisy dokladov, 1–3 iiunia 2000 g., Moskva* [Linguistic Consciousness: Content and Functioning: XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory: Abstracts of Reports, June 1–3, 2000, Moscow] (pp. 3–4). Moscow: Institut iazykoznaniia RAN; MGLU.

Tlegenova, K. A., & Baitemirova, I. R. (2015). Ispol'zovanie metoda referentsii dlia polucheniia vyvodnogo znaniia iz fitonimicheskikh sravnenii [Using the Method of Reference to Obtain Inferential Knowledge from Phytonymic Comparisons]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2, 139–143.

Tsvetayeva, E. N., & Kulikova, V. A. (2021). Kontseptual'naia integratsiia: antroponimy v antonomasicheskom sravnenii [Conceptual Integration: Anthroponyms in Antonomasia]. *Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists, 18*, 474–489.

Ufimtseva, N. V., & Cherkasova, G. A. (2014). Assotsiativnaia leksikografiia i issledovaniia iazykovogo soznaniia [Associative Lexicography and Studies of Linguistic Consciousness]. *Filologiia i kul'tura*, 4, 193–199.

Zakharenko, E. N., Komarova, L. N., & Nechaeva, I. V. (2003). *Novyi slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i slovosochetanii* [New Dictionary of Foreign Words: 25,000 Words and Phrases]. Moscow: Azbukovnik. Retrieved from https://www.slovari.ru/default.aspx?p=232

Романова Татьяна Владимировна
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ (Нижний Новгород)
603157, Нижний Новгород,
Сормовское ш., 30
E-mail: tvromanova@mail.ru

Romanova, Tatiana Vladimirovna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Leading Researcher
Faculty of the Humanities
National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod Branch)
30, Sormovskoe Shosse,
603157 Nizhny Novgorod, Russia
Email: tvromanova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1833-2711
WoS ResearcherID: L-6068-2015

Колчина Ольга Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
департамента фундаментальной
и прикладной лингвистики
НИУ ВШЭ (Нижний Новгород)
603157, Нижний Новгород,
Сормовское ш., 30
E-mail: on-kolchina@yandex.ru

Kolchina, Olga Nikolaevna
PhD (Philology), Associate Professor
Department of Fundamental and Applied Linguistics
National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod Branch)
30, Sormovskoe Shosse,
603157 Nizhny Novgorod, Russia
Email: on-kolchina@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-5206-5103
WoS ResearcherID: AAC-2133-2022

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.009
УДК 004.65 + 614.252.2(470.54) +
+ 94(470.54)“18/19” +
+ 614.253(470.54)“1879/1914” + 930.3

Д. Э. Черноухов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Э. А. Черноухов
[1]*Уральский государственный педагогический университет*
[2]*Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1879–1914 гг.: ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья представляет собой первое просопографическое исследование о женщинах-врачах, служивших в Пермской губернии в 1879–1914 гг. Оно основано на созданной авторами базе данных, в которой систематизирована информация по основным вехам жизни, месте и времени получения образования, профессиональной деятельности этих специалистов. В рассматриваемый период времени в Пермской губернии служили не менее 83 женщин-врачей. Процент их представительства во врачебной корпорации региона в целом соответствовал общероссийским показателям. По хронологическому принципу и месту получения образования можно условно выделить два поколения женщин-врачей. Первое, за единственным исключением, составили выпускницы Высших женских врачебных курсов (1878–1887). Большинство из них служили в Пермской губернии в последней трети XIX в. Среди женщин-врачей второго поколения преобладали выпускницы Санкт-Петербургского женского медицинского института. Они начали работать в регионе уже в первые полтора десятилетия XX в. Кроме общей alma mater большинство женщин-врачей Пермской губернии объединяла служба в земствах и терапевтическая деятельность. Это во многом предопределялось их ограниченными правами, сложностями с повышением квалификации в специализированных клиниках и малыми возможностями для частной практики. Поэтому женщинам с высшим медицинским образованием в Пермской губернии зачастую

© Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А., 2026
CC BY-NC

приходилось начинать свою службу в земских сельских участках (первоначально с пониженным жалованием) или эпидемическими врачами (с постоянными опасными командировками). Между тем для большинства из них был характерен прагматичный характер службы — они, как и коллеги-мужчины, последовательно стремились к самореализации в городах или крупных заводских поселках.

Ключевые слова: база данных; губернское и уездные земства; женщины-врачи; просопография; Пермская губерния

Цитирование: *Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А.* Женщины-врачи в Пермской губернии в 1879–1914 гг.: опыт просопографического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 140–155. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.009

Поступила в редакцию: 26.07.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Dmitry E. Chernoukhov
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Eduard A. Chernoukhov
[1]*Ural State Pedagogical University*
[2]*Ural Federal University*
Ekaterinburg, Russia

WOMEN DOCTORS IN PERM PROVINCE IN 1879–1914: AN ATTEMPT AT PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS

This article is the first prosopographical study of female doctors who practised in Perm Province between 1879 and 1914. It is based on a database created by the authors, which systematises information on the milestones in the lives of these specialists, as well as the place and time of their education and professional activities. During the period under consideration, at least 83 female doctors practised in Perm Province. Their share among the medical personnel of the region corresponded to the all-Russian figures. Based on chronological order and place of education, the authors distinguish two generations of female doctors. The first, with a single exception, consisted of graduates of the Higher Women's Medical Courses (1878–1887). Most of them served in Perm Province in the last third of the nineteenth century. Among the second generation of female doctors, graduates of the St Petersburg Women's Medical Institute predominated. They began working in the region as early as the first decade and a half of the twentieth century. Apart from their shared alma mater, most female doctors in Perm Province were united by their service in the zemstvos and their work in general practice. This was largely determined by their limited rights, difficulties in furthering their qualifications in specialist clinics, and few opportunities for private practice. Consequently, women with higher medical education in Perm Province often had to begin their service in zemstvo rural districts (initially on reduced pay) or as

epidemic doctors (with constant dangerous assignments). Meanwhile, for most of them, the nature of their service was characterised by pragmatism: like their male colleagues, they consistently sought self-fulfilment in towns or large factory settlements.

K e y w o r d s: database; provincial and district zemstvos; female doctors; prosopography; Perm Province

F o r c i t a t i o n: Chernoukhov, D. E., & Chernoukhov, E. A. (2026). Zhenshchiny-vrachi v Permskoi gubernii v 1879–1914 gg.: opyt prosopograficheskogo analiza [Women Doctors in Perm Province in 1879–1914: An Attempt at Prosopographic Analysis]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 140–155. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.009

Submitted: 26.07.2024
Accepted: 27.02.2026

Появление первых женщин-врачей в России сразу же привлекло внимание отечественных исследователей. Первоначально они сосредоточились на проблемах становления заведений высшего женского медицинского образования и выборе мест службы их выпускницами. В работах советского периода обращалось особое внимание на пониженный правовой статус первых женщин-врачей в дореволюционное время, а также их активное включение в общественно-политическую деятельность. Современные отечественные исследователи рассматривают проблемы организации высшего женского медицинского образования [Зимин, Журавлев; Иванов], а также обобщают материалы по женщинам-врачам в различных регионах в позднеимперский период. В западной историографии выделяется гендерный аспект в модернизации медицинской сферы России в последней трети XIX — начале XX в. При этом во всех исследованиях с общероссийской проблематикой практически отсутствуют сведения о женщинах-врачах, служивших в Пермской губернии.

В региональной историографии их роль традиционно рассматривается на примере отдельных представительниц. В дореволюционный период выделялась деятельность Е. П. Серебренниковой, после смерти которой был издан памятный сборник с кратким биографическим очерком [Удинцев]. Врач в трех участках Пермского уездного земства в 1908–1916 гг. Елена Ивановна Карнаухова (1878–1969) ввела в научный оборот первичные материалы о своих шести коллегах [Карнаухова]. Отдельные сведения о нескольких женщинах-врачах, служивших в Пермской губернии до 1914 г., приведены и в работах современных исследователей [Артемьева; Лядова; Островкин, Черноухов Э.; Шестова].

Однако в целом в историографии систематизированы материалы о жизни и деятельности только десяти женщин-врачей (т. е. 12 % от всех служивших в Пермской губернии). К тому же в большинстве работ создан во многом идеализированный «типичный образ» дореволюционных врачей, особенно земских. По мнению их авторов, для этих специалистов, включая женщин, было характерным превалирование «общественного» над «личным» с сознательным отказом

от «благ цивилизации» [Лядова, Невоструев, с. 20]. Такие представления выделенного нами «романтического» историографического подхода представляются во многом приукрашенными. Уже современники, а затем и ряд исследователей обоснованно отмечали перманентную миграцию многих врачей, включая женщин, на более привлекательные в материальном и бытовом плане места службы. Постепенно в отечественной историографии утверждается «прагматический» подход в оценках врачебной корпорации дореволюционного периода [Черноухов Д., Черноухов Э., с. 89–90].

До сих пор не проанализирована и роль женщин-врачей в модернизации российского общества в позднеимперский период, важной составляющей которой стала существенная корректировка их жизненных стратегий. Для этого необходимо переходить от рассмотрения жизни и деятельности отдельных представительниц к просопографическому анализу. Под ним обычно понимают исследование, предполагающее изучение массовых источников с целью создания динамических коллективных биографий. Ключевым критерием просопографического анализа обоснованно считается наличие проблемно ориентированной репрезентативной базы данных [Юмашева, с. 97].

Создание такого информационного ресурса по врачам, служившим в Пермской губернии, осложнено незавидным состоянием сохранившейся источниковой базы. «Российские медицинские списки» и «Адрес-календари» содержат отрывочные и не всегда точные сведения. В периодических изданиях и архивных фондах как органов местного самоуправления, так и отдельных ведомств отложился относительно небольшой объем документации по личному составу [Черноухов Э., 2020, с. 192–193].

Для проведения просопографического анализа авторами был создан новый вторичный «метаисточник» с сохранением всех исходных данных. Это находящаяся на стадии подготовки к регистрации база данных по врачам, служившим в Пермской губернии в конце XVIII — начале XX в., включающая более тысячи специалистов. В ней, кроме основополагающих персональных сведений (даты жизни, социальное происхождение, место и время получения образования, семейное положение), систематизирована информация по их профессиональной и общественной деятельности. Для создания базы данных был проведен фронтальный анализ делопроизводственной документации губернского и всех 12 уездных земств Пермской губернии, их периодических изданий (Врачебно-санитарная хроника, Ежегодники), фондов губернской администрации, горнозаводских округов и органов местного самоуправления в Государственных архивах Пермского края и Свердловской области, источников личного происхождения. Ее материалы позволяют решить ряд важных задач: проанализировать изменения в численности, составе, месте и времени получения образования, а также особенностях службы женщин-врачей в Пермской губернии на протяжении трех с половиной десятилетий.

Хронологические рамки анализа этой статьи ограничены поступлением на службу первых представительниц в 1879 г. (М. И. Торопова, О. И. Скворцова)

и началом Первой мировой войны. Война, а также существенный рост доступности высшего женского образования с 1910-х гг. привели к кардинальному увеличению численности женщин-врачей в Пермской губернии со значительным изменением гендерного состава медиков. Поэтому дальнейший просопографический анализ по 1914–1919 гг. может стать темой отдельной обширной статьи.

Нами выявлено 83 женщины с высшим медицинским образованием, служивших в регионе до 1914 г. За рамками анализа остались обычно не имевшие его в тот период времени врачи-стоматологи. Следует особо отметить, что при указании у женщины-врача двойной фамилии используется принцип, принятый именно в рассматриваемый период времени. Тогда первой указывалась фамилия, полученная после замужества, а второй через дефис — девичья (сейчас традиционно делается наоборот).

Первые два поколения женщин-врачей в Пермской губернии

Пореформенный период в истории России стал временем модернизации страны, одним из ключевых направлений которой стала эмансипация женщин. Они все активнее стремились к профессиональной деятельности в различных сферах. Современники в качестве главной причины получения женщинами высшего медицинского образования обоснованно называли стремление повысить свой социальный статус и материальное благополучие, но также указывали и на «идеи призвания и служения обществу». С этим солидарны и современные исследователи [Зимин, Журавлев..., с. 196, 199].

Всех женщин-врачей, служивших в Пермской губернии до 1914 г., по хронологическом принципу и месту получения высшего медицинского образования можно условно подразделить на два поколения. Первое из них (12 женщин), за единственным исключением, включает выпускниц Высших женских врачебных курсов (далее — ВЖВК) в Санкт-Петербурге (1877–1886). Только Ида Осиповна Калашникова (1856 г. р.) окончила Высшие женские курсы в Берлинском университете, воспользовавшись стипендией от Екатеринбургского уездного земства. Она получила ее как вдова врача, умершего от тифа во время службы [Доклады..., 1904, с. 209].

Представительницы второго поколения (71 женщина) были в основном выпускницами Санкт-Петербургского женского медицинского института (далее СПЖМИ), начавшего свою деятельность в 1897 г. Только пять из них получили образование в иностранных университетах: Нина Михайловна Гавриленко (1883 г. р.) и Лия (Соня) Иосифовна Искакина-Хаймович (1890 г. р.) — в Университете Монпелье, Руфина Григорьевна Гуляева (1867 г. р.) — в Парижском, Мария Александровна Загурская-Ионина (1882 г. р.) — в Женевском, Клавдия Васильевна Бажанова-Серебрякова (1879–1959) — в Бернском. После окончания обучения им пришлось подтвердить свою квалификацию, сдав экзамены на звание лекаря в одном из российских высших учебных заведений. Сразу

не сделавшая это Хаймович несколько лет служила фельдшерицей, что разрешал циркуляр МВД от 15 марта 1907 г. [ГАСО, ф. 18, оп. 2, д. 204, л. 3, 13]. Выбор Загурской Женевского университета был вызван «переполненностью» СПЖМИ, и она сохранила выделенную ей стипендию от Пермского губернского земства [Доклады..., 1906, с. 185]. Все они поступили на службу в Пермской губернии уже в начале XX в.

Только незначительная часть девушек региона, стремившихся стать врачами, были из обеспеченных семей (в частности, Е. П. Серебренникова была дочерью горного инженера, Е. Д. Павлинова — дочерью нотариуса), способных оплатить их обучение. Большинство остальных ориентировались на получение земской стипендии. Ее наличие имело значение и как преимущество при зачислении в высшие женские медицинские заведения в условиях высокого конкурса. Но при перманентном росте количества заявлений на получение стипендии части девушек приходилось начинать служить в самих земствах [Черноухов Э., 2025, с. 9, 11].

Это также объяснялось нижним возрастным цензом в 20 лет, установленным для поступления и в ВЖВК, и в СПЖМИ. Поэтому после окончания гимназии часть девушек продолжала обучение в Училище лекарских помощниц и фельдшериц или на фельдшерских курсах, а другие поступали на службу в земские школы и больницы, в том числе для повышения перспектив получения стипендии. В частности, в Пермской губернии не менее 9 будущих женщин-врачей (11 % от всех) начинали свою трудовую деятельность земскими учительницами: Н. В. Земляницына, В. В. Ильина, В. Д. Кальченко-Истомина, Е. С. Мальцева, А. Д. Маргаритова, З. В. Новикова, А. П. Овчинникова, А. П. Попова, О. И. Скворцова.

При этом Пермская губернская земская управа поступала весьма прагматично, определяя своим учительницам стипендии только для получения высшего, но не среднего медицинского образования. В качестве обоснования отмечалось отсутствие «расчета», так как должность учительницы «ничуть не ниже, если не выше должности фельдшерицы, и в материальном отношении та и другая вознаграждается почти одинаково» [Доклады..., 1891, с. 12–13].

Последние также нередко обращались за стипендией для продолжения обучения. В частности, ее получила Елизавета Дмитриевна Садовникова (1869–1943) после службы фельдшерицей в Красноуфимской земской больнице (1895–1898). Окончив СПЖМИ в 1904 г., она продолжила работать в ней уже врачом с принципиально другим уровнем жалования [Артемьева, с. 77–78].

Служба женщин-врачей первого поколения

Правовой статус первых женщин-врачей был существенно ограничен. Так, выпускницы ВЖВК не имели права заведовать больницами. Поэтому они вынужденно соглашались на пониженный оклад. Также выбор женщинами-врачами сферы профессиональной деятельности продолжал во многом определяться

и особенностями региона. В целом по Российской империи из 959 выпускниц ВЖВК треть пошли служить в земства, другая треть — в клиники, а четверть занялись частной практикой [Женщина-врач..., с. 16–17]. В Пермской губернии эти показатели существенно отличались.

В ее единственной клинике (Александровской губернской земской больнице) не были особо заинтересованы в женщинах-врачах. Только в 1879–1900 гг. здесь служила ординатором женского отделения Олимпиада Ивановна Скворцова (1846–1912), уволившаяся по состоянию здоровья [Карнаухова, с. 190]. После этим реорганизованным отделением (ставшим гинекологическим) до 1914 г. вновь заведовали врачи-мужчины. Второй женщиной-ординатором Александровской больницы стала выпускница ВЖВК 1880 г. Евгения Павловна Серебренникова-Солонинина (1854–1897). После двухлетней стажировки в специализированных клиниках Санкт-Петербурга она стала заведующей созданного в 1886 г. глазного отделения и служила здесь до скоропостижной кончины [Удинцев, с. 8–11].

Похожим было положение и в Пермском приюте душевнобольных, в 1902 г. преобразованном в психиатрическую больницу. За весь рассматриваемый нами период здесь служила единственная женщина-врач — выпускница ВЖВК 1884 г. Виктория Иосифовна Антушевич (1858 г. р.). Она получила ставку в 1900 г. после 14 лет работы в Вятском земстве и стажировки в Военно-медицинской академии [Шестова, с. 317], но вскоре переехала в Новгородскую губернию.

Для семи женщин-врачей первого поколения в Пермской губернии местом службы стали уездные земства. Они были более заинтересованы в этой новой категории медиков, в том числе в их ограниченности в правах. Выпускницы ВЖВК соглашались получить место в отдаленных сельских участках или ставку второго-третьего врача земской больницы в уездном центре. В обоих случаях они получали существенно меньший оклад, чем их коллеги-мужчины.

В Пермской губернии первым участковым врачом-женщиной стала выпускница ВЖВК 1879 г. Мария Ивановна Торопова (1854 г. р.). Эта стипендиатка Соликамского уездного земства была определена на службу в Нердвинский участок с пониженным окладом в 1,2 тыс. руб. (при стандартном в 1,8 тыс. руб.). В 1880 г. ее перевели в Усольский участок, также не имевший собственной больницы. Торопова прослужила в Соликамском земстве до 1908 г., а после продолжила работать городовым врачом в Соликамске [Карнаухова, с. 189].

Двум первым женщинам-врачам, причем стипендиатам Пермского губернского земства, не сразу нашлось место службы в регионе. Выпускнице ВЖВК 1883 г. дочери купца Елене Васильевне Кротовой первоначально не помогли и обращения Пермской губернской земской управы, заинтересованной в возврате этих средств. Из всех уездных земств губернии поступили ответы об отсутствии вакансии для женщины-врача [Доклады..., 1885, с. 109]. Только в 1885 г. Кротова получила место в новом Черемисском «подпункте» Екатеринбургского уездного земства с жалованием в 1 тыс. руб. (в полтора раза ниже, чем

на обычном участке). В том же году она вышла замуж за врача И. А. Александрова (1858–1891) и стала служить акушеркой в его Режевском участке, получая 500 руб. [Журналы..., 1885, с. 275].

В 1890 г. Кротова-Александрова переехала с мужем в Пермь, где он стал тюремным врачом и заведующим медико-статистическим бюро. Но после его скоропостижной смерти пришлось провести своеобразную рокировку: она была определена в Пригородный участок Камышловского земства без собственной больницы, а в Перми продолжил службу местный земский врач Д. А. Булдаков. В 1893 г. Кротова-Александрова умерла от тифа, не выплатив долг за стипендию (вернула только 120 руб. из 600) [Островкин, Черноухов Э., с. 47–48].

Еще одна стипендиатка Пермского губернского земства выпускница ВЖВК 1882 г. Анна Ивановна Веретенникова (1855–1888) начала службу в Уфимской губернии. Только в 1887 г. она получила ставку второго врача в Осинской земской больнице [Omnis vita..., с. 33–34]. Ее согласовали именно для женщин с пониженным годовым жалованием в 600 руб. (при стандартном в уезде окладе в 1,5 тыс. руб.). Но все женщины прослужили здесь недолго: А. И. Веретенникова в 1887–1888 гг. (умерла), Ольга Порфирьевна Сигова-Левашова в 1889–1890 гг. (переехала с мужем) и Анна Андреевна Мейер в 1890 г. Найти новую женщину-врача на ставку с таким окладом больше не смогли [Черноухов Д., Черноухов Э., с. 92].

Похожей была практика и в других уездных земствах Пермской губернии. Характерным примером является служба упоминавшейся выше Калашниковой-Фракман. Она несколько месяцев прослужила в Черемисском подпункте Екатеринбургского земства (с жалованием в 1 тыс. руб.), а затем полтора года в Пригородном участке Камышловского земства (1,2 тыс. руб.). Это было в полтора раза меньше стандартного оклада для коллег-мужчин. В 1890 г. Калашникова-Фракман получила ставку третьего врача в Шадринской земской больнице с более комфортными условиями жизни, но с жалованием всего в 1 тыс. руб. В 1895 г. она предпочла стать частнопрактикующим специалистом, но вскоре вернулась на службу в земство: теперь в Белебеевский уезд Уфимской губернии вновь с пониженным окладом в 1,2 тыс. руб. [Доклады..., 1904, с. 209].

В Пермской губернии выбор исключительно частной практики для женщин-врачей был редким явлением из-за ограниченного спроса на такие услуги. Ей занялись только Мария Яковлевна Бруштейн (1859–1941) и Софья Ильинична Креницкая-Нейвидель (1862 г. р.) в Перми, а также Анна Ивановна Никольская-Щечкина, но уже после переезда с мужем в Санкт-Петербург. Последняя до этого в 1884–1886 гг. служила на Уфалейских горных заводах [Журналы..., 1885, с. 72; 1887, с. 237].

В целом в Пермской губернии в 1880–1890-х гг. доля женщин-врачей составляла 5–6 % от их общей численности, что коррелируется с общероссийскими показателями того периода [Черноухов Д., с. 143]. Но к началу XX в. она существенно сократилась, в том числе из-за закрытия ВЖВК. Продолжали работать только Бруштейн, Креницкая и Торопова, т. е. менее 2 % от общей численности

врачей Пермской губернии. Причинами оставления службы у остальных десяти представительниц первого поколения женщин-врачей стали смерть (Кротова, Веретенникова, Серебреникова), проблемы со здоровьем (Скворцова), переезд в другие регионы по семейным обстоятельствам (Антушевич, Калашникова, Никольская, Сигова) и непривлекательные условия (Апполинария Ивановна Колчина в Оханском земстве в 1888 г., Мейер).

Служба женщин-врачей второго поколения

С началом выпусков СПЖМИ (1902) процент женщин среди врачей Пермской губернии стал стабильно повышаться. В 1908 г. он составил 5 %, в 1910 г. — 9 % [Санитарный обзор... 1908, с. 7; 1910, с. 12], а к 1914 г. вырос до 16 % [Невоструев, Лядова, с. 130]. Такое соотношение коррелируется с общероссийскими показателями [Отчет..., с. 50].

По Положению о СПЖМИ 1895 г. его выпускницы могли заведовать больницами, но только в сельских участках, а в городах — лишь женскими и детскими лечебницами [Положение..., с. 366–367]. В 1904 г. институт был приравнен к медицинским факультетам университетов по программам преподавания. Поэтому новое «Положение» 1904 г. практически полностью уравнивало его выпускниц в правах с коллегами-мужчинами, лишь не предоставив им право на чинопроизводство [Иванов, с. 37–38].

При этом получение ставки в медицинском заведении Перми для женщины-врача и в начале XX в. оставалось крайне редким явлением. В Александровской губернской земской больнице служила только одна из них. Апполинария Петровна Неволина-Делеурова (1877 г. р.)., пройдя переподготовку по офтальмологии и получив опыт в «окулистическом отряде» в Чердынском уезде [Врачебно-санитарная хроника, 1908, № 2, с. 32–33], в 1911–1915 гг. занимала ставку ординатора-окулиста [Попов, с. 36].

При наличии в Александровской больнице в 1870–1914 гг. 36 штатных врачей, три вышеназванных женщины составляли здесь всего 8 %. Такое гендерное соотношение кардинально изменилось с началом Первой мировой войны. На конец 1915 г. из 13 врачей больницы 7 были женщинами [Доклады..., 1917, с. 1–2].

Для $^{4}/_{5}$ женщин-врачей второго выделенного нами поколения (56 из 71) местом службы в Пермской губернии стали уездные земства. Именно здесь продолжали открываться большинство вакансий для недавних выпускников-медиков, в основном в сельских участках. Женщины-врачи служили в каждом из 12 ее уездов (больше всего в Оханском — 11 человек). Выявленной спецификой Соликамского уезда стало большое представительство женщин-врачей еврейского происхождения: здесь в начале 1910-х гг. по несколько лет служили Роза Абрамовна Авербух, Сара Яковлевна Голляндерская, Малка Мордоковна Фишмер и Хася-Перля Ельевна Мунвед-Эльштейн.

Карьерным ростом обоснованно считался перевод на ставку второго-третьего врача в земскую больницу в уездном центре с более комфортными условиями

жизни. Местное население все активнее требовало иметь в них в том числе женщину-врача для пациенток, стеснявшихся обращаться за помощью к мужчинам. Александра Ильинична Вележева-Селиванова (1880–1963) получила ставку в Кунгурской земской больнице после четырех лет службы участковым врачом [Врачебно-санитарная хроника, 1911, № 3–5, с. 74], Анна Петровна Овчинникова (1872 г. р.) — в Оханской после пяти лет службы [ГАПК, ф. 44, оп. 1, д. 184], Александра Дмитриевна Маргаритова (1871–1942) — в Осинской после девяти лет службы [Omnis vita..., с. 28].

В 1908 г. во всех уездных земствах Пермской губернии появилась ставка санитарно-эпидемического (с 1910 г. — санитарного) врача. Ее занимали три женщины: Раиса Александровна Егоровская в Шадринском (1911–1914), Анна Матвеевна Шанц в Оханском (1912–1914), Любовь Даниловна Пекур в Камышловском уездном земстве (1913–1914). Самая известная из них выпускница СПЖМИ 1904 г. Егоровская (1878–1943) получила ставку после службы земским и заводским врачом, а также стажировки в лаборатории известного профессора-гигиениста Г. В. Хлопина [Лядова, с. 81–82].

Кроме того, женщины-врачи поступали на службу и в Пермское губернское земство. С 1905 г. здесь стали нанимать постоянных и временных эпидемических врачей. Это была непопулярная должность с тяжелыми условиями труда (регулярные командировки в отдаленные местности, где нередко приходилось самостоятельно создавать временные лечебницы) и большим риском для жизни. Эпидемическими врачами в Пермской губернии до 1914 г. были девять женщин: Н. И. Белоусова, А. А. Брюханова, Е. А. Дерябина, Г. И. Дулина, Л. Д. Пекур, С. В. Малиновская, Е. С. Мальцева, Х.-П. Е. Мунвер-Эльштейн, В. Л. Ольшевская. Две из них умерли в первый год службы: Евдокия Самуиловна Мальцева (1882–1910), заразившись холерой в командировке в Соликамском уезде [Врачебно-санитарная хроника, 1910, № 8, с. 31], и Анна Алексеевна Самойлова (1880–1912) — тифом в Екатеринбургском [Врачебно-санитарная хроника, 1912, № 10–12, с. 3–6].

На горных заводах Пермской губернии служило не более десяти женщин-врачей второго поколения. Выделим польку Янину-Фелицию Сломовскую (1877–1952), переиначенную на русский манер в Янину Леонардовну. Выпускница СПЖМИ 1910 г., она стала вторым врачом Верх-Исетского горного госпиталя, а после его преобразования в 1911 г. — земской больницы. Впоследствии она получила два ордена за самоотверженную деятельность во фронтовых госпиталях (1915), а после окончательного утверждения Советской власти в Екатеринбурге (1919) возглавила хирургическое отделение в городской больнице [ГАСО, ф. 18, оп. 25, д. 200].

Англичанка Иоанна Джановна Барбер (1882–1915), ставшая в России Ольгой Ивановной, в 1911 г. приехала из Москвы на должность второго врача Нижнетагильского горного госпиталя. Здесь она стала первой женщиной с высшим медицинским образованием, но уже в следующем году уволилась из-за нездоровой обстановки в этом заведении [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 2185, л. 22, 212].

Затем Барбер служила участковым врачом в Шадринском и Камышловском уездных земствах [Врачебно-санитарная хроника, 1913, № 4, с. 106].

После повышения правового статуса женщины-врачи второго поколения появились и в других ведомствах и общественных организациях, действовавших на территории Пермской губернии. Так, вышеназванная Креницкая поступила служить на Пермскую железную дорогу, М. В. Кокорина-Турицина — в Верхотурскую переселенческую больницу, Р. Г. Гуляева — в епархиальное женское училище и Румянцевскую гимназию Екатеринбурга [Чумакова, с. 91].

Еще одной сферой деятельности для женщин-врачей в Пермской губернии в начале XX в. оставалась частная практика. Ее, в частности, выбирали те из них, для кого просто не было врачебных ставок по месту службы мужа. Так, выпускница СПЖМИ Александра Захаровна Комлева-Сенкевич (1874 г. р.) с 1909 г. занималась частной практикой в Красноуфимске. Периодически она безвозмездно становилась ассистентом при операциях своего мужа-хирурга в Красноуфимской земской больнице [Врачебно-санитарная хроника, 1913, № 11–12, с. 27]. Заведовавшая в 1910–1911 гг. Петрокаменским участком Верхотурского уездного земства Анастасия Петровна Ларионова-Жовинская (1881–1976) после выхода замуж за врача Нижнетагильской земской больницы А. Н. Бенедиктова занялась частной практикой. Она также ассистировала своему второму мужу при хирургических операциях [Приложение..., с. 21].

К частной практике обращались и после получения определенного практического опыта. Выпускница СПЖМИ 1904 г. Елизавета Дмитриевна Павлинова (1875–1940) начала профессиональную деятельность вторым врачом Екатеринбургского земско-городского роддома. В 1906 г. она перешла в частную женскую лечебницу В. М. Онуфриева, где по документам Свердловского областного музея медицины, прослужила до 1919 г.

В завершение отметим, что несколько женщин-врачей региона, как и их коллеги-мужчины, приняли участие в антиправительственном движении начала XX в. Как минимум четыре из них подверглись за это административной высылке: А. И. Вележева и Елена Александровна Рогова-Аносова (1877 г. р.) еще в период учебы в СПЖМИ, а М. Я. Бруштейн и А. И. Веретенникова уже во время службы.

Таким образом, роль выделенных первых двух поколений женщин-врачей, служивших в Пермской губернии, последовательно возрастала на всем протяжении последней четверти XIX — начала XX в. В их коллективной биографии (83 представительницы) можно выделить многие общие черты: большинство объединяла общая alma mater (ВЖВК для первого поколения и СПЖМИ для второго), получение стипендии на обучение от губернского или уездного земства, сохранявшиеся ограничения в правовом статусе и деятельность преимущественно в качестве специалиста общей практики (терапевта). Клиническая специализация для женщин оставалась редким исключением, причем только в сфере акушерства и офтальмологии.

Большинство женщин-врачей начали свою профессиональную деятельность в уездных земствах (первое поколение с пониженным жалованием).

Здесь в отдаленных сельских участках средний срок их службы не превышал одного-двух лет, а пределом карьерного роста была ставка второго-третьего врача в больнице уездного центра или должность санитарного врача. Между тем для подавляющего большинства женщин, как и коллег-мужчин, был характерен в целом прагматичный характер получения образования и последующей службы. Женщины-врачи обоснованно стремились к самореализации в городах или крупных заводских поселках. Здесь в рассматриваемый период времени высшее медицинское образование предоставляло им редкую возможность получения работы с достойной оплатой труда и относительно комфортные условия жизни. Но количество таких мест службы, как и рынок частной практики в Пермской губернии оставались весьма ограниченными.

В то же время в женскую часть врачебной корпорации, которая постепенно становилась всё более сложной по сословному и национальному составу, входили весьма разные по своим жизненным судьбам представительницы. Среди женщин-врачей, служивших в Пермской губернии, встречаются отдельные яркие примеры многолетней деятельности в сельской местности (М. И. Торопова) и самопожертвования (А. И. Веретенникова, Е. С. Мальцева).

Источники

Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1908. № 2; 1910. № 8; 1911. № 3–5; 1912. № 10–12; 1913. № 4, 11–12.

ГАПК — Государственный архив Пермского края. Ф. 44. Оп. 1. Д. 184.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2185; Ф. 18. Оп. 2. Д. 200, 204.

Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XV очередной сессии. Пермь : тип. губ. земства, 1885.

Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXI очередной сессии. Пермь : тип. губ. земства, 1891.

Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXXIV очередной сессии. Пермь : тип. губ. земства, 1904.

Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXXVI очередной сессии. Пермь : тип. губ. земства, 1906.

Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47-й очередной сессии. Пермь : тип. губ. земства, 1917. Отд. 2. Медицинская часть и общественное призрение.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XV очередной сессии (1884 г.). Екатеринбург : тип. Мерной, 1885.

Журналы XVII очередного Екатеринбургского уездного земского собрания 1886 г. и доклады уездной земской управы. Екатеринбург : тип. Мерной, 1887.

Отчет о состоянии народного здравия и оказании врачебной помощи в России за 1914 год. Петроград : тип. МВД, 1916.

Положение о С.-Петербургском Женском Медицинском Институте 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. № 11760.

Приложение к журналам очередного Верхотурского уездного земского собрания 43 очередной сессии 1912 г. Н. Тагил : тип. Кузнецовой, 1913.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь : тип. губ. земства, 1911.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь : тип. губ. земства, 1913.

Исследования

Артемьева А. И. Первые женщины-окулисты на Урале (Е. П. Серебренникова, Е. Д. Садовникова) // Материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений / под ред. В. В. Тхоржевской. Екатеринбург : Лифт, 2015. С. 73–82.

Женщина-врач в России : Очерк десятилетия женских врачебных курсов / сост. В. П. Сущинский. СПб. : тип. Н. А. Лебедева, 1883.

Зимин И. В., Журавлев А. А. ПСПбГМУ имени академика И. П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII — начало XX вв.). 2-е изд. СПб. : РИЦ ПСПбГМУ, 2020.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М. : [б. и.], 1991.

Карнаухова Е. И. Первые женщины-врачи в Пермской губернии // На Западном Урале. Вып. 4. Пермь : кн. изд-во, 1964. С. 185–191.

Лядова В. В. Егоровская Раиса Александровна (1878–1943 гг.) — одна из первых женщин — санитарных врачей на Урале // Научная сессия Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера. Пермь : ПНИПУ, 2015. С. 80–83.

Лядова В. В., Невоструев Н. А. Земский врач: попытка исторической реконструкции (на примере Пермской губернии второй половины XIX — начала XX века) // Технологос. 2022. № 2. С. 5–24. https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.2.01

Невоструев Н. А., Лядова В. В. Исторический опыт деятельности женщин в российской медицине // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 8(62). Ч. 1. Август. С. 127–134. https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.62.039

Островкин Д. Л., Черноухов Э. А. Первые женщины-врачи на земской службе в Пермской губернии // Гендерные аспекты социогуманитарного знания — III : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. Д. Б. Вершинина. Пермь : ПГНИУ, 2013. С. 45–49.

Попов А. Н. Краткий исторический очерк Пермской губернской земской Александровской больницы. Пермь : тип. губ. земства, 1914.

Удинцев С. Евгения Павловна Серебренникова, биографический очерк // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой : литературный сборник : с портретом Е. П. Серебренниковой. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. С. 1–12.

Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2021.

Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А. Земские врачи Осинского уезда Пермской губернии в 1870–1919 гг. (к дискуссии о типичном образе этих специалистов) // Технологос. 2023. № 4. С. 88–96. https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2023.4.07

Черноухов Э. А. База данных по врачам Пермской губернии конца XVIII — начала XX вв.: источники для создания и перспективы рефлексии // Документальное наследие и историческая наука : материалы Уральского историко-архивного форума / под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 192–195.

Черноухов Э. А. Стипендиальные программы подготовки врачей в земствах Пермской губернии: противоречивые результаты // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2(87). С. 7–15. https://doi.org/10.37724/RSU.2025.87.2.001

Чумакова Э. А. Екатеринбургское епархиальное училище. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Шестова Т. Ю. Первые женщины-врачи Пермской и Вятской губерний во второй половине XIX — начале XX в. // «Женская история» и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем / под ред. Н. Л. Пушкаревой. Череповец ; М. : ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 315–320.

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. Сер. 2, Гуманитарные науки. № 39. Вып. 10. С. 95–127.

Omnis vita... Вся жизнь... История здравоохранения в Осинском районе / сост. А. Стаценко. СПб. : Маматов, 2016.

References

Artemeva, A. I. (2015). Pervye zhenshhiny-okulisty na Urale (E. P. Serebrennikova, E. D. Sadovnikova) [The First Female Ophthalmologists in the Urals (E. P. Serebrennikova, E. D. Sadovnikova)]. In V. V. Thorzhevskaya (Ed.), *Materialy V Mizerovskikh istoriko-kraevedcheskikh chtenii* [Proceedings of the V Mizerov Historical and Local History Readings] (pp. 73–82). Ekaterinburg: Lift.

Chernoukhov, D. E. (2021). *Zemskaia meditsina Permskoi gubernii v poslednei treti XIX — nachale XX vv.* [Zemstvo Medicine in Perm Province in the Last Third of the 19th — Early 20th Centuries] (PhD dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.

Chernoukhov, D. E., & Chernouhov, E. A. (2023). Zemskie vrachi Osinskogo uezda Permskoi gubernii v 1870–1919 gg. (k diskussii o tipichnom obraze etikh spetsialistov) [Zemstvo Doctors of Osinsky District of Perm Province in 1870–1919 (On the Discussion about These Specialists' Typical Image)]. *Technologos*, 4, 88–96. https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2023.4.07

Chernoukhov, E. A. (2020). Baza dannykh po vracham Permskoi gubernii kontsa XVIII — nachala XX vv.: istochniki dlia sozdaniia i perspektivy refleksii [Database on Doctors of Perm Province of the Late 18th — Early 20th Centuries: Sources for the Creation and Prospects of Reflection]. In L. N. Mazur (Ed.), *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaia nauka: materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma* [Documentary Heritage and Historical Science: Materials of the Ural Historical and Archival Forum] (pp. 192–195). Ekaterinburg: Ural University Press.

Chernoukhov, E. A. (2025). Stipendial'nye programmy podgotovki vrachei v zemstvakh Permskoi gubernii: protivorechivye rezul'taty [Scholarship Programs for Training Medical Doctors in the Zemstvos of Perm Province: Contradictory Results]. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2(87), 7–15. https://doi.org/10.37724/RSU.2025.87.2.001

Chumakova, Je. A. (2010). *Ekaterinburgskoe eparkhial'noe uchilishche* [Ekaterinburg Diocesan College]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Ivanov, A. Ye. (1991). *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Higher School in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. Moscow: [s. n.].

Karnaukhova, E. I. (1964). Pervye zhenshchiny-vrachi v Permskoi gubernii [The First Female Doctors in Perm Province]. In *Na Zapadnom Urale* [On the Western Urals] (Iss. 4, pp. 185–191). Perm: Perm Book Publishing.

Lyadova, V. V. (2015). Egorovskaya Raisa Aleksandrovna (1878–1943 gg.) — odna iz pervykh zhenshchin — sanitarnykh vrachei na Urale [Raisa Alexandrovna Egorovskaya (1878–1943), One of the First Female Sanitary Doctors in the Urals]. In *Nauchnaia sessiia Permskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta imeni akademika E. A. Vagnera* [Scientific Session

of the Perm State Medical University Named after Academician E. A. Wagner] (pp. 80–83). Perm: PNIPU.

Lyadova, V. V., & Nevostruev, N. A. (2022). Zemskii vrach: popytka istoricheskoi rekonstruktsii (na primere Permskoi gubernii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka) [Zemstvo Doctor: An Attempt at Historical Reconstruction (with Reference to Perm Province of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. *Technologos*, 2, 5–24. https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.2.01

Nevostruev, N. A., & Lyadova, V. V. (2017). Istoricheskii opyt deiatel'nosti zhenshchin v rossiiskoi meditsine [Historical Experience of Female Activity in Russian Medicine]. *International Research Journal*, 8(62), 127–134. https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.62.039

Ostrovkin, D. L., & Chernoukhov, E. A. (2013). Pervye zhenshchiny-vrachi na zemskoi sluzhbe v Permskoi gubernii [The First Female Doctors in the Zemstvo Service in Perm Province]. In D. B. Vershinin (Ed.), *Gendernye aspekty sotsiogumanitarnogo znaniia — III: materialy Vserossiskoi nauchnoi konferentsii* [Gender Aspects of Socio-humanitarian Knowledge — III: Proceedings of the All-Russian Scholarly Conference] (pp. 45–49). Perm: PGNIU.

Popov, A. N. (1914). *Kratkii istoricheskii ocherk Permskoi gubernskoi zemskoi Aleksandrovskoi bolnitsy* [A Brief Historical Overview of the Perm Provincial Zemstvo Alexandrovsky Hospital]. Perm: Tipografiia gubernskogo zemstva.

Shestova, T. Ju. (2010). Pervye zhenshchiny-vrachi Permskoi i Viatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The First Female Doctors of Perm and Vyatka Provinces in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. In N. L. Pushkareva (Ed.), *"Zhenskaia istoriia" i sovremennye gendernye roli: pereosmyslivaia proshloe, zadumyvaias' o budushchem* ["Women's History" and Modern Gender Roles: Rethinking the Past, Thinking about the Future] (pp. 315–320). Cherepovets; Moscow: IEA RAN.

Statsenko, A. (Comp.). (2016). *Omnis vita... Vsia zhizn'... Istoriia zdravookhraneniia v Osinskom raione* [Omnis vita... All Life... The History of Health Care in Osinsky District]. St Petersburg: Mamatov.

Sushchinsky, V. P. (Ed.). (1883). *Zhenshchina-vrach v Rossii: Ocherk desiatiletiia zhenskikh vrachebnykh kursov* [A Female Doctor in Russia: An Essay on the Decade of Women's Medical Courses]. St Petersburg: Tip. N. A. Lebedeva.

Udintsev, S. (1914). Evgenia Pavlovna Serebrennikova, biograficheskii ocherk [Evgenia Pavlovna Serebrennikova, Biographical Sketch]. In *V pamiat' zhenshchiny-vracha Evgenii Pavlovny Serebrennikovoi: literaturnyi sbornik: s portretom E. P. Serebrennikovoi* [In Memory of the Female Doctor Evgenia Pavlovna Serebrennikova: Literary Collection: With a Portrait of E. P. Serebrennikova] (pp. 1–12). St Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha.

Yumasheva, Yu. Yu. (2005). Istoriografiia prosopografii [Historiography of Prosopography]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 39, 95–127.

Zimin, I. V., & Zhuravlev, A. A. (2020). *PSPbGMU imeni akademika I. P. Pavlova: etapy bol'shogo puti. Vozniknovenie zhenskogo meditsinskogo obrazovaniia v Rossii i sozdanie Zhenskogo meditsinskogo instituta (XVIII — nachalo XX vv.)* [Pavlov First Saint Petersburg State Medical University: Stages of a Long Journey. The Emergence of Women's Medical Education in Russia and the Creation of the Women's Medical Institute (18th — Early 20th Centuries]. St Petersburg: RITS PSPbGMU.

Черноухов Дмитрий Эдуардович
кандидат исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620075, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: dmitry.chernoukhov@urfu.ru

Черноухов Эдуард Анатольевич
доктор исторических наук, профессор
[1] Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26
[2] Уральский федеральный университет
620075, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: echernoukhov@yandex.ru

Chernoukhov, Dmitry Eduardovich
PhD (History), Associate Professor
Ural Federal University
19, Mira St., 620075 Ekaterinburg, Russia
Email: dmitry.chernoukhov@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0002-6973-5078

Chernoukhov, Eduard Anatolyevich
Dr. Hab. (History), Professor
[1] Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017 Ekaterinburg,
Russia
[2] Ural Federal University
19, Mira St., 620075 Ekaterinburg, Russia
Email: echernoukhov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-4640-4575
Scopus AuthorID: 57197717379

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.010
УДК 94(470)“17/19” +
+ 94:342.5(470)“1858/1918” +
+ 070:655.5(479.25) + 355.405.7 +
+ 27-75 + 811.19:070.1

Т. Р. Даниелян
[1]*Ванадзорский государственный университет*
Ванадзор, Армения
[2]*Ереванский государственный университет*
Ереван, Армения

Э. Р. Бабурян
Т. С. Айвазян
Ванадзорский государственный университет
Ванадзор, Армения

РЕКЛАМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ В АРМЯНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТИФЛИСА (1858–1918)

В статье рассмотрены особенности развития рекламы образовательной сферы в тифлисско-армянской прессе, которая сыграла большую роль в становлении армянской образовательной системы. Методологическая база настоящего исследования включает методы сравнения, группировки и контент-анализа. Показано, что в тифлисско-армянской прессе регулярно обсуждались вопросы развития армянских учебных заведений как в Российской империи, так и за ее пределами. Пресса выступала в качестве основной площадки для обсуждения, рекламирования и пропаганды учебных заведений и педагогических методов. Установлено, что в информационных и публицистических материалах явно или косвенно присутствовали элементы рекламы и антирекламы различных образовательных учреждений. В первые годы становления армянской периодической печати реклама образовательных услуг печаталась на безвозмездной основе, что воспринималось как патриотический жест. В дальнейшем рекламные объявления армянских учебных заведений размещались с большими скидками. Редакции армянских изданий также выполняли функцию посредников между учителями, ищущими работу, и потенциальными работодателями. В армянских газетах реклама образовательных услуг печаталась преимущественно на армянском языке, и лишь изредка объявления такого рода были двуязычными. Отмечено, что адресанты образовательной рекламы предпочитали публиковать свои объявления в универсальных газетах и журналах, поскольку специализированная педагогическая пресса не была востребована. Сделан также вывод о том, что тексты рекламы образовательной сферы в своем развитии имели тенденцию к стандартизации, а затем наблюдалась тенденция к сокращению информационного компонента. При этом их публикация в течение года зависела от адресанта и его целей, что приводило к сезонным колебаниям числа объявлений. В период пика (август) объявления образовательной сферы количественно превосходили рекламу товаров и услуг. Кризисный период для рекламы в образовательной сфере пришелся на 1890–1907 гг., что было связано с жесткой политикой властей

© Даниелян Т. Р., Бабурян Э. Р., Айвазян Т. С., 2026
CC BY-NC

в отношении армянского населения и запретом армянской автономной образовательной системы.

Ключевые слова: Российская империя; Кавказское наместничество; цензура; армянская пресса; журналистика; церковная школа; семинария

Цитирование: *Даниелян Т. Р., Бабурян Э. Р., Айвазян Т. С.* Реклама образовательной сферы в армянской периодической печати Тифлиса (1858–1918) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 156–173. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.010

Поступила в редакцию: 07.02.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Taron R. Danielyan
[1]*Vanadzor State University*
Vanadzor, Armenia
[2]*Yerevan State University*
Yerevan, Armenia

Hermine R. Baburyan
Tina S. Ayvazyan
Vanadzor State University
Vanadzor, Armenia

ADVERTISING IN THE EDUCATION SECTOR IN THE ARMENIAN PERIODICAL PRESS OF TIFLIS (1858–1918)

This article examines the characteristics of the development of advertising in the education sector within the Tiflis-Armenian press, which played a significant role in the formation of the Armenian education system. The methodological framework of this study includes comparative analysis, categorisation, and content analysis. It is shown that the Tiflis-Armenian press regularly discussed issues relating to the development of Armenian educational institutions both within the Russian Empire and beyond its borders. The press served as the main platform for discussing, advertising and promoting educational institutions, and teaching methods. The authors demonstrate that elements of advertising and anti-advertising for various educational institutions were present, either explicitly or implicitly, in news and feature content. In the early years of the Armenian periodical press, advertisements for educational services were published free of charge, which was perceived as a patriotic gesture. Subsequently, advertisements for Armenian educational institutions were placed at significantly reduced rates. The editorial offices of Armenian publications also acted as intermediaries between teachers seeking employment and potential employers. In Armenian newspapers, advertisements for educational services were printed predominantly in Armenian, and only occasionally were such advertisements bilingual. It is noted that advertisers in the education sector preferred to publish their advertisements in general-interest newspapers and magazines, as there was no demand

for specialised educational publications. Additionally, the authors conclude that the texts of advertisements in the education sector tended towards standardisation as they developed, followed by a trend towards a reduction in the informational content. At the same time, their publication throughout the year depended on the advertiser and their objectives, leading to seasonal fluctuations in the number of advertisements. During the peak period (August), advertisements in the education sector outnumbered those for goods and services. The crisis period for advertising in the education sector occurred between 1890 and 1907, which was linked to the authorities' harsh policy towards the Armenian population and the ban on the Armenian autonomous education system.

K e y w o r d s: Russian Empire; Caucasus Governorate; censorship; Armenian press; journalism; church school; seminary

F o r c i t a t i o n: Danielyan, T. R., Baburyan, H. R., & Ayvazyan, T. S. (2026). Reklama obrazovatel'noi sfery v armyanskoi periodicheskoi pechati Tiflisa (1858–1918) [Advertising in the Education Sector in the Armenian Periodical Press of Tiflis (1858–1918)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 156–173. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.010

Submitted: 07.02.2024
Accepted: 27.02.2026

Введение

В дореволюционной России реклама образовательных услуг была одним из распространенных видов рекламы. Этот вид рекламы изучался с позиций различных научных дисциплин. Многие российские исследователи сходятся на следующем определении: реклама образовательных услуг относится к сфере интеллектуальных услуг, так как для «их оказания необходимо наличие людей, обладающих системой специальных знаний и умений» [Галанин, с. 256; Лещуков, с. 136].

С. Ф. Галанин отмечает, что реклама в газетах является источником, добавляющим «представления о развитии образования» [Галанин, с. 256]. А. А. Миронова рассматривает образовательную рекламу как разновидность прагматических рекламных текстов, подчеркивая, что «все тексты объявлений выполняют перформативную функцию, то есть фиксируют некое действие, соответствующее речевым актам перформативов» [Миронова, с. 221]. Д. В. Николаева изучает объявления репетиторов [Николаева, с. 80]. Н. В. Жилякова обращает внимание на сезонность публикации рекламных объявлений образовательной сферы: «перед началом учебного года, в сентябре, увеличивается количество объявлений о приеме в учебные заведения, о продаже книг и учебных принадлежностей, о сдаче квартир ученикам» [Жилякова, с. 101].

В армянской науке реклама образовательной сферы до сих пор не становилась предметом исследования. Работы, посвященные истории развития армянской системы образования и учебных заведений, не рассматривают рекламу как

один из основных каналов распространения информации об образовательных учреждениях и услугах. Именно этот пробел и определяет актуальность нашего исследования.

Целью нашего исследования является выявление особенностей развития рекламы образовательной сферы в армянской прессе Российской империи. Основные задачи включают: изучение правовых норм, регулирующих рекламу образовательной сферы; анализ роли тифлисско-армянской прессы в пропаганде и рекламировании образовательной системы; проведение количественного и качественного анализа рекламных объявлений в данной сфере.

Методология исследования основывается на методах сравнения, группировки и контент-анализа.

Хронология настоящего исследования охватывает период с 1858 по 1918 г. В первых армянских еженедельниках «Кавказ» (1846–1847) и «Арарат» (1850–1851) объявления на данную тематику отсутствовали. Отправной точкой исследования выбран 1858 г. — год выхода газеты «Меху Айастани» («Пчела Армении»). Завершением исследуемого периода является 1918 год, когда, с обретением независимости Республики Армения, культурный центр армян из столицы Грузии — Тбилиси — переместился в столицу Армении.

При анализе данной темы учитывалось, что на рубеже XIX–XX вв. «реклама представляла собой переходный жанр, располагавшийся между информационным объявлением и рекламой в ее современном состоянии» [Рожкова].

До 1920-х гг. в армянской прессе не существовало четкого жанрового разграничения между рекламным текстом и объявлением. Обращаясь к рекламодателям с условиями публикации информации о продаже товаров и услуг, армянские издатели и редакторы в основном использовали следующие слова: ազդ [azd] ‘сообщение, весть’ (от др.-перс. *azdā* ‘новость’; примечательно, что армянский глагол ազդել [azdel] ‘воздействовать’, ‘влиять’ также происходит от этого корня), հայտարարություն [haytararutyun] ‘объявление’, ծանուցում [tcanucum] ‘извещение’. Эти термины также использовались в значении ‘реклама’. Только одна газета — «Нор-Дар», которая вышла в свет в 1883 г., оповещала, что реклама будет печататься по двойному тарифу относительно объявлений. При этом в самой газете рекламные блоки и блоки объявлений не разграничивались, и иногда трудно понять, что редакция имела в виду под рекламой: только поликодовые тексты или же их стилистическое оформление? В публицистических материалах, в которых критиковалась недобросовестная рекламная деятельность отдельных лиц и учреждений, эти слова также использовались как синонимы: ռեկլամ [reklam] ‘реклама’, ազդ [azd], հայտարարություն [haytararutyun], ծանուցում [tsanucum]. В современном армянском языке используется слово գովազդ [govazd] ‘реклама’, производное от корней գով [gov] и ազդ [azd], что дословно переводится как «оказывать влияние с похвалой».

Правовые нормы регулирования рекламы образовательной сферы в Российской империи

В Российской империи развитие образовательной системы и ее освещение в прессе всегда были под постоянным контролем властей. Такое внимание было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, правительство стремилось обеспечить широкое распространение грамотности и создать качественную систему образования, что соответствовало его интересам. С другой стороны, царские власти опасались плюрализма мнений и систем знаний, которые могли бы дестабилизировать политическую ситуацию в стране. Уже в 1830-х гг. правительство сделало негласный вывод о том, что многие образовательные учреждения преследовали не столько цели служения Отечеству, сколько собственные интересы, стремясь к обогащению за счет общества, которое нередко вводилось в заблуждение торжественными программами и многословными объявлениями [О мерах против умножения пансионов..., с. 335].

Реклама образовательных услуг также находилась в сфере внимания соответствующих органов, и ее распространение регулировалось как общими законами, так и особыми циркулярами.

Архивные документы цензурных ведомств показывают, что правовые и юридические нормы в данной сфере не всегда соблюдались как представителями прессы, так и рекламодателями.

Так, например, в 1860-х гг. в газетах размещались объявления студентов, предлагавших свои услуги по обучению детей и подготовке их к поступлению в различные учебные заведения. Однако согласно закону, студентам не разрешалось заниматься преподавательской деятельностью, и размещение студентами таких объявлений являлось прямым нарушением закона [РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 364, л. 1]. Лишь с 1872 г. начали действовать новые правила, согласно которым воспитанникам казенных высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения предоставлялось право вести преподавательскую деятельность в частных домах [Фадеева].

Иногда частные учебные заведения публиковали в прессе объявления, в которых указывались права, не распространявшиеся на такие учебные заведения. Например, содержатель училища 3-го разряда В. Певницкий опубликовал объявление в различных регионах империи, в котором, «очевидно рассчитывая на обман родителей, назвал свое училище реальным» [РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 391, л. 4–5]. В числе других газет армянская газета «Мшак» в конце своего приложения «Календарь на полугодие» также разослала это объявление всем своим подписчикам. В рекламном тексте сообщалось, что многие родители, отправляя своих детей в одну из столиц России, не знают, к кому обратиться для подготовки ребенка к поступлению в ту или иную школу. Редакция рекомендовала обратиться в школу В. Певницкого, которая позиционировалась как лучшая для получения политехнического образования [Мшак, 1878, № 95].

9 октября 1879 г. особым циркуляром цензурного комитета было обнародовано, что объявления, касающиеся образования, должны получить предварительное одобрение от соответствующего учебного начальства [РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 391, л. 4–5]. Это означало, что публикация рекламных объявлений образовательных услуг предполагала для получения разрешения согласование двух инстанций.

В прессе также размещались объявления иностранных граждан, желавших преподавать различные дисциплины, заниматься воспитанием детей и обучать их иностранным языкам. Такие объявления допускались к печати Оберполицмейстером на основании представленных объявителями свидетельств надлежащего училищного начальства [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 5491, л. 1].

Таким образом, несмотря на то, что разрешение на публикацию рекламы в прессе в Российской империи выдавалось местным полицейским начальством (кроме библиографических, медицинских рекламных сообщений и реклам иностранной лотереи), местные органы, отвечающие за надзор за учебным процессом, также играли важную роль в этом процессе.

Особенности становления армянской новой школы в Российской империи и роль тифлисско-армянской прессы в ее пропаганде

До XIX в. в церковно-монастырских школах армянских колоний в разных странах мира существовала средневековая схоластическая система обучения со строго ограниченным кругом приобретаемых знаний. Также была распространена частная форма обучения, инициируемая духовенством и не подлежащая надзору. «Объем и содержание передаваемых знаний зависели от совести и способностей учителей» [Ерканян, с. 32]. В таких условиях рекламная коммуникация носила межличностный характер и выполняла в основном социальную функцию, ориентированную на обучение чтению и основам религии.

Со вступлением восточноармянских школ в Российскую империю начался новый этап их развития. Армянские учебные заведения, такие как Духовная академия при Эчмиадзинском монастыре, духовные семинарии российских армяно-григорианских епархий и церковно-приходские школы, имели широкую автономию и официально находились под управлением Армянской апостольской церкви[1]. Однако российские власти заметили, что под видом конфессионального обучения «означенные учебные заведения избегали правительственного надзора» [РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 369, л. 11 об.]. Большинство учителей армянских церковно-приходских школ обучались в академии или семинариях и не имели правительственного учебного ценза, что вызывало обеспокоенность у правительства. По их мнению, Эчмиадзинская академия и армянские духовные

[1] В дореволюционных источниках Армянская апостольская церковь именовалась Армяно-григорианской.

семинарии служили «рассадниками педагогов для армянских школ — педагогов, проникнутых притом идеями национальной автономии» [РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 369, л. 14 об.], и к тому же на работу охотно принимали сотрудников, прошедших обучение в Германии и Швейцарии, хотя немецкая политика на Востоке не соответствовала ожиданиям российских властей, а Швейцария для армян была «очагом революционных авантюр» [Там же, л. 15 об.].

Из-за этих опасений в разные годы предпринимались попытки упразднить автономию армянских школ, установить надзор за ними (начиная с учебных программ и кончая кадровым составом), вплоть до закрытия школ и конфискации церковного имущества в 1903 г. Однако все эти реформы со стороны армянского общества встречали сопротивление и неповиновение, так как автономия гарантировала развитие национального языка и давала «возможность сказать свое собственное слово в деле воспитания подрастающего поколения» [Там же, л. 43].

Нельзя не отметить и внутреннюю борьбу, которая выражалась в публицистических текстах. Издатели первых армянских газет и журналов в Российской империи по роду своей деятельности были учителями или представителями духовенства. Исключением был издатель либеральной газеты «Мшак» Григор Арцруни, который призывал к радикальным школьным реформам, так как армянам нужна была педагогическая школа, а не Академия Богословия, были «нужны учителя, а не ученые-теологи» [Г. А., 1876]. Эти факторы воздействовали на журналистско-публицистический контент изданий. В армянской прессе очень часто публиковались материалы об армянских школах, проблемах образования и воспитания подрастающего поколения. Велись также дискуссии по поводу образовательной системы, которые периодически перерастали в словесную перепалку и становились причиной межличностных конфликтов. До 1880-х гг. пресса стала основной площадкой для обсуждения, рекламирования и пропаганды тех или иных школ и педагогических концепций.

В публицистических материалах одновременно существовали элементы рекламы и антирекламы разных образовательных учреждений. В рамках этой конкуренции можно выделить несколько основных типов:

1) ***внутриконфессиональный***: выражался в подходах к педагогическим методам, организационным вопросам и кадровому составу учебных заведений. Так, в публикациях сообщалось, что епархиальные школы, несмотря на их обязанность следовать уставу, принятому Высшей духовной иерархией Армянской апостольской церкви, не признавали данные правила и действовали самоуправно [Наши епархиальные школы...];

2) ***межконфессиональный***: проявлялся в жесткой конкуренции между разными конфессиями (Армянской апостольской, Католической, Евангелистской церквями). Так, например, в Тегеране факт обучения армянских детей в протестантских и католических школах вызывал общественное негодование из-за опасений утраты национальной идентичности [Казарян];

3) ***внутриимперский***: отражался на локальном, региональном и общероссийском уровнях между представителями разных армянских учебных

заведений империи. Основной акцент ставился на концепциях педагогики, организационно-кадровой политики учебных заведений. Например, конфликт в армянском обществе Одессы из-за состава преподавателей школы обсуждался на уровне епархиального руководства [Е. В. Т. Р.];

4) ***межимперский***: проявлялся в сравнительной критике идеологических установок и организационных вопросов учебных заведений Российской империи и других стран (в основном Османской империи и Персии). Так, критиковались позерство и снобизм армянских учебных заведений Константинополя, которые для рекламирования своих учреждений и их состава организовывали разные конкурсы и церемонии награждения [М. Нав]. Также выражалась тревога по поводу закрытия армянских школ в Западной Армении под османским правлением [Школьное дело...] и т. д.

В некоторых изданиях пристальное внимание уделялось публикациям статистических данных о выпускниках тифлисской мужской гимназии и реальной школы. Так, еженедельник «Тараз» несколько лет публиковал информацию о количестве выпускников в вышеназванных школах, отмечал численность армян и указывал фамилии. Для выпускников данное событие было знаковым явлением, так как в обществе возрастал их социальный статус.

Принципы сотрудничества редакций армянской прессы и адресантов образовательных услуг

Процесс образовательных реформ в Кавказском регионе был довольно сложным. Полиэтническое население края, социально-культурные традиции и политические устремления коренных народов диктовали местным властям разные способы принятия решений по ряду вопросов. На начальном этапе сфера образования, как и издательское дело, получала косвенную поддержку со стороны властей, а филантропия частных лиц поощрялась кавказскими чиновниками: благотворительные вложения компенсировались разными наградами, а также повышали социальный статус спонсоров в обществе [Даниелян, 2022].

До 1880-х гг. армянское население региона было одним из самых лояльных по отношению к российской власти. Тифлис с 1820-х гг. стал главным армянским культурным центром в Российской империи, чему способствовало открытие главой епархии Армянской апостольской церкви Грузии и Имеретии Нерсесом Аштаракеци первой армянской школы на Кавказе, известной как «семинария Нерсисяна». Это учебное заведение с собственной типографией стало центром армянской творческой и научной мысли. Семинария (школа) Нерсисяна на всем протяжении своей деятельности, несмотря на некоторые кризисные периоды, сохраняла очень высокий статус в армянском обществе.

Армянская пресса уделяла большое место публикациям о деятельности Нерсисяновской школы в информационных и публицистических материалах. На протяжении тридцати лет (1858–1887) объявления (например, о сроках и условиях приема в школу) и справочная информация (например, списки

экзаменов) Нерсисяновской школы печатались в основном в рекламном разделе газеты «Меху Айастани», так как большинство сотрудников издания в тот период были представителями (учителями и учениками) именно этой школы. Личные предпочтения и межличностные связи оказывали заметное влияние на выбор публикаций рекламных объявлений в тех или иных газетах или журналах.

В первые годы становления системы армянской прессы на Кавказе бесплатные публикации объявлений армянских школ воспринимались как акт патриотизма. Начиная с 1880-х гг., с развитием как образовательной, так и рекламной сфер, подход к размещению объявлений начал постепенно меняться. Особенное сопротивление против бесплатных публикаций объявлений выражал Спандар Спандарян — издатель и редактор газеты «Нор-Дар» («Новый Век»). Он отмечал, что армянская церковь, благотворительные общества и школьная администрация считают армянскую прессу национальной организацией и не хотят платить за свои объявления, забывая, что «пресса хоть и национальная, но все же финансируется пожертвованиями частных лиц, а не за счет национального фонда» [С. С.].

Такая ситуация оставалась актуальной и в последующие годы. Газета продолжала сообщать о многочисленных письмах от различных учебных заведений, в которых авторы просили бесплатно разместить их объявления о наборе учеников или приглашении на работу учителей. Редакция, однако, неизменно напоминала: «объявления подобного рода не печатаются бесплатно. За это необходимо платить» [Объявление].

Сегодня архивные данные не дают возможности полностью проследить, в какой мере редакциям удавалось удерживать платные условия для образовательной рекламы, но некоторые факты свидетельствуют, что рекламные сообщения о предложениях образовательных услуг, а также от армянских духовных, благотворительных и творческих организаций нередко публиковались либо бесплатно, либо с существенной скидкой, достигавшей 50 % [НАА, ф. 227, оп. 1, д. 752, л. 17].

Армянские редакции также выполняли функцию посредников между учителями, ищущими работу, и потенциальными работодателями. Периодически в газетах печатались объявления об образовательных услугах, в которых в качестве контактного адреса указывалась редакция издания. Например: «Из Тифлиса и других городов наместничества армянские семьи просят редакцию найти для них домашних учителей, бонн, которые могли бы воспитывать детей и говорить с ними на армянском языке» [Г. А., 1887]. Подобные посреднические услуги предоставляли также армянские книжные магазины, а иногда и армянская церковь.

География рекламодателей образовательных услуг охватывала, в первую очередь, города и деревни Кавказского наместничества, а также соседние регионы и столицы. Однако встречались и случаи, когда объявления на приглашение учителей поступали и из других стран, где были армянские колонии (например, в Персии, в городе Тебризе, требовались учителя русского языка и математики

[Мшак, 1876]). Основная часть образовательных объявлений в армянских газетах печаталась на армянском языке. Лишь в редких случаях они появлялись сразу на армянском и русском или французском языках.

За исследуемый период в Тифлисе было выпущено пять изданий педагогического направления: журнал «Гарун» («Весна», 1866), вышло в свет 8 номеров; «Педагогическая газета» (1878–1879), вышло в свет 12 номеров; «Варжаран» («Гимназия», 1882–1884), вышло в свет 15 выпусков; «Манкаваржаноц» («Педагогика», 1884 и 1886 гг.), вышло в свет 7 выпусков; «Нор дпроц» («Новая школа», 1908–1917) — орган Союза учителей армянских школ Кавказа, вышел в свет 71 выпуск.

Очевидно, что первые педагогические издания отличались непродолжительным сроком существования. Например, газета «Ардзаганк» комментировала ситуацию с журналом «Варжаран», отмечая, что хотя в России насчитывалось 400 армянских учебных заведений, журнал «Варжаран» «...имеет лишь 165 подписчиков во второй год издания. В Тифлисе журнал получают 2 подписчика, а в Эривани — 0. Как говорил Гёте: "Числа не правят миром, но они показывают, как им управляют"» [Прекращение издания...].

Во всех этих изданиях обычно публиковались библиографические объявления, а рекламные объявления образовательных услуг печатались лишь в журнале «Варжаран», причем крайне редко — всего три раза. В «Педагогической газете» косвенную рекламу образовательных услуг можно увидеть в новостных блоках и разделе «Письма в редакцию», где сообщалось об открытии новых школ, их классах, дисциплинах, учителях и др. [Письмо Т. Аракелянца...].

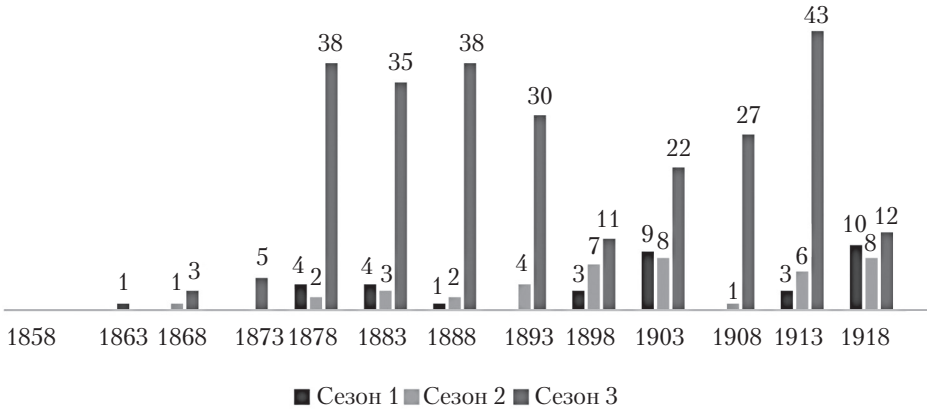
Можно сказать, что адресанты предпочитали публиковать свои объявления в универсальных газетах и журналах с более крупным тиражом. Нельзя не отметить, что по отношению к педагогическим периодическим изданиям наблюдался определенный пессимизм, так как они часто не соблюдали график выхода, имели малочисленную аудиторию и, соответственно, непродолжительный срок существования.

Контент-анализ рекламных объявлений

В исследуемый период в армянской прессе реклама образовательных услуг и книжная реклама (в том числе и реклама учебных изданий) часто была основным, а в некоторых номерах единственным контентом рекламного блока. Например, в выпуске газеты «Меху Айастани» от 16 августа 1880 г. из 14 объявлений 12 были от предъявителей образовательных услуг, а 2 объявления носили библиографический характер [Меху Айастани, 1880]. В тот же день в газете «Мшак» в рекламном блоке было опубликовано 16 объявлений, из которых 6 относились к сфере образования, 3 — библиографического характера, а остальные 7 имели разное тематическое направление [Мшак, 1880].

За период с 1858 по 1918 г. тифлисско-армянская пресса показала определенную динамику публикации рекламных объявлений образовательных услуг

по трем основным сезонам, что свидетельствует о развитии этой сферы (см. ил. 1)[2].



Ил. 1. Динамика развития публикаций рекламных объявлений образовательной сферы

Fig. 1. Trends in the publication of advertisements in the education sector

Как видно из ил. 1, публикация рекламных объявлений образовательной сферы приходилась преимущественно на сезон 3. За первые 25 лет рассматриваемого периода реклама в данной области носила дискретный и эпизодический характер, что обусловлено процессами становления армянской прессы и образовательной системы Кавказа, а также формированием рекламной коммуникации.

В последующие 15 лет наблюдается определенная стабильность в количестве публикаций рекламных объявлений, что связано с либерализацией социально-политической обстановки в империи, активным развитием газетно-журнального рынка и расширением образовательных услуг, включая специализированные

[2] Анализ данных проведен на основании рекламных публикаций, которые печатались в тифлисско-армянских газетах. За период с 1858 по 1868 г., ввиду отсутствия конкуренции на рынке прессы и неустойчивости издательского рынка, рассматривались каждые 4 номера еженедельника «Меху Айастани» за февраль, апрель (сезон 1), июнь, август (сезон 2), октябрь, декабрь (сезон 3) (всего 24 номера в год), а также номера 2–3, 4–5 (сезон 1), 6–7, 8 (сезон 2), 9, 10, 11 (сезон 3) ежемесячника «Айакакан ашхар» («Армянский мир») за 1868 г. С 1872 г., в связи с расширением рынка прессы, мы рассмотрели по две газеты за следующие промежутки времени: для ежедневных газет — 1, 7, 13, 19 февраля (сезон 1), 3, 9, 15, 21 мая (сезон 2), 2, 8, 14, 20 августа (сезон 3), для газет периодичностью два или три раза в неделю в перечисленные или ближайшие дни, если в указанное время выпусков не было. В качестве объекта исследования нами были привлечены рекламные блоки следующих газет: 1873 г., 1878 г., 1883 г. — «Мшак», «Меху Айастани»; 1888 г. — «Мшак», «Нор-Дар»; 1893 г. — «Ардзаганк» («Эхо»), «Нор-Дар»; 1898 г., 1903 г. — «Мшак», «Нор-Дар»; 1908 г. — «Мшак», «Хатабала»; 1913 г., 1918 г. — «Мшак», «Оризон».

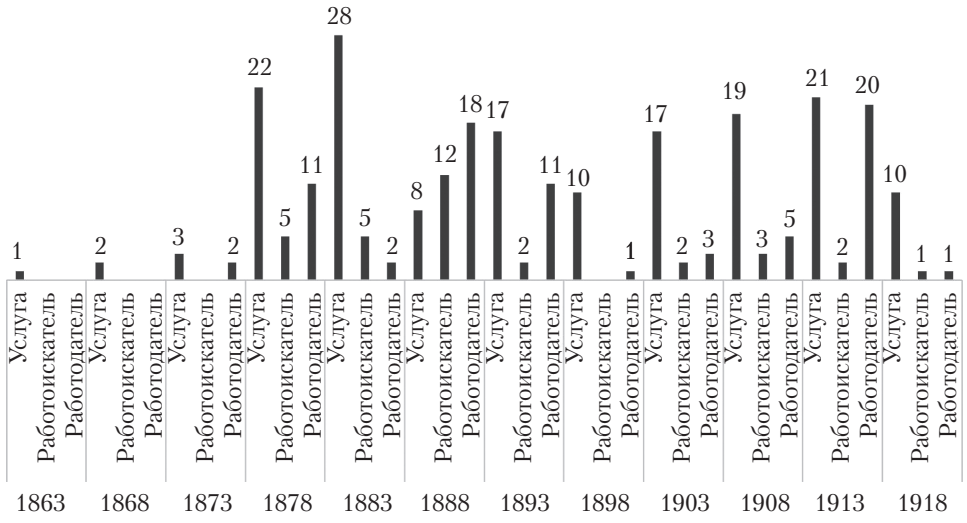
направления (такие как коммерческие и бухгалтерские курсы, уроки музыки и искусства и т. д.).

Контрреформы Александра III и усиление надзора за народно-освободительными движениями и революционной идеологией на Кавказе [Даниелян, 2023], закрытие армянских школ, а также Первая русская революция и межнациональные конфликты на Кавказе в начале XX в. оказали негативное влияние на рекламную коммуникацию и издательский рынок. Однако с 1908 г. эта негативная тенденция развития меняется: ситуация на газетном рынке стабилизируется и намечается рост количества рекламных объявлений в образовательной сфере.

Количественный спад 1918 г. обусловлен крупномасштабными мировыми политическими изменениями, в частности, образованием трех независимых закавказских республик. Армянские общеобразовательные учебные заведения Тифлиса в августовских объявлениях прежде всего сообщали о закрытии или перемещении из Тифлиса в Эривань.

Отметим, что в начале Первой мировой войны был заметен небольшой спад в количестве рекламных объявлений, однако данные за 1917 г. показывают, что образовательная реклама оставалась доминирующим содержательным контентом в рекламном блоке газет за август. Так, в № 171, 176, 180 газеты «Мшак» из 51 рекламных текстов 33 были из сферы образования.

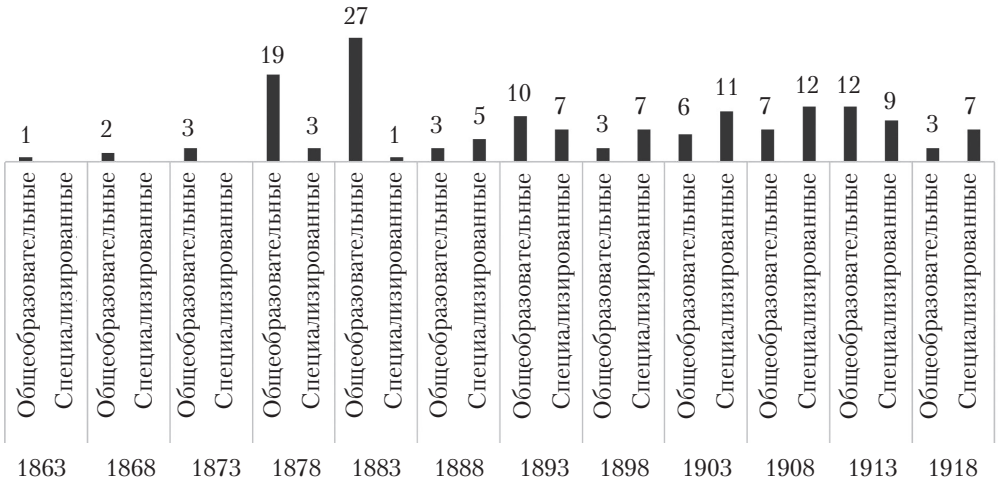
На ил. 2 проанализировано содержание рекламы за сезон 3, классифицированной по целям информации рекламодателей: образовательные учреждения, предлагающие интеллектуальные услуги; лица, ищущие работу в школах или на дому; работодатели (образовательные учреждения или семьи, предлагавшие работу).



Ил. 2. Содержание рекламы по адресанту и цели его информации

Fig. 2. The content of the advertisement by addressee and the purpose of their information

Заметим, что за исключением 1888 г., основными рекламодателями в августовских номерах армянских газет являлись образовательные учреждения. На ил. 3 представлены количественные данные о видах интеллектуальных услуг — общеобразовательных и специализированных.



Ил. 3. Виды интеллектуальных услуг. Сезон 3

Fig. 3. Types of intellectual services. Season 3

Если в первые 25 лет адресантами интеллектуальных услуг были общеобразовательные учреждения, то впоследствии начали появляться объявления от адресантов, предлагающих специализированные интеллектуальные услуги. Отметим, что объявления о таких услугах, а также о поиске учителей или приглашении их на работу публиковались на протяжении всего года. Наряду с данными видами объявлений в сезоне 1, в основном, печатались объявления о подготовительных курсах для детей, поступающих в разные учебные заведения.

В сезоне 2 публиковались объявления о предстоящих экзаменах с указанием даты и времени, а также предложения об организации учебных услуг за пределами Тифлиса, например, на курортах и дачах.

Некоторые учебные заведения в разделе объявлений публиковали свои отчеты, приглашения на тендерные сделки, торги и т. д., но данный контент не входит в поле зрения нашего исследования.

Таким образом, можно отметить, что в рекламных объявлениях образовательной сферы наряду с информацией о предоставлении интеллектуальных услуг от учебных заведений, свои предложения размещали частные лица — специалисты разных профессий, которые предоставляли педагогические услуги по разным направлениям (например, бухгалтеры, учителя музыки, пения, танцев и т. д.). Значительное количество объявлений было посвящено поиску педагогов для школ и семей.

Начиная с 1850–1860-х гг. в аристократических домах Тифлиса было принято приглашать на дом иностранных учителей. Данное явление отрицательно воспринималось многими деятелями армянской прессы. Можно привести точку зрения Х. Степанэ, который отмечал, что дети аристократов отдаляются от своих этнических корней, им стремятся подражать негоцианты и представители среднего класса, но их стремления часто оказываются неудачными, поэтому в итоге они становятся полуграмотными, а бедняки и ремесленники остаются вовсе безграмотными и погрязшими в суеверии [Багратуни]. Несмотря на неприятие данного явления, рекламный блок многих армянских изданий содержал информацию об образовательных услугах, где особо отмечался факт наличия учителя-иностранца, поскольку концепт «европейское образование» в тифлисском обществе в большинстве случаев воспринимался как нечто утонченное и идеальное.

В рекламных объявлениях учителей на дому в основном отмечалось этническое происхождение, возраст (молодость), социальное положение, образовательный ценз (знание предметов, место учебы) адресантов.

Отметим, что предложение услуг учителей на дому не всегда воспринималось положительно. Богатые тифлисские предприниматели зачастую недостойно обращались со своими домашними учителями, которые нередко являлись бедными учениками гимназий или реальных школ: им иногда не платили за работу или отстраняли от работы [Внутренние новости...].

Наблюдение за изменениями рекламных текстов учебных заведений показывает, что с годами наблюдается тенденция к стандартизации и минимизации информации в объявлениях. В данном случае под стандартизацией текстов мы понимаем основной набор информации, которым оперируют адресанты.

До начала XX в. основными элементами рекламной информации были списки обязательных дисциплин (например, Закон Божий, русский язык, история) и дисциплин по выбору (например, европейские и грузинский языки, танцы, музыка и т. д.), цены на учебный год и/или на отдельные предметы по выбору, фамилии и имена учителей, сроки поступления. В качестве дополнительной информации отмечались некоторые условия учебы и проживания, как, например, информация о том, что «все дети должны идти в школу в одинаковой форме» [Айкакан ашхар, 1868]. Особо отмечалось, что изучение армянского языка не требует дополнительной платы и обязательно для армян, а для грузин — изучение грузинского языка [Айкакан ашхар, 1867]. В рекламных объявлениях учебных заведений учитывалась также гендерная модель учебных заведений (мужские, женские или для обоих полов), а учителя, которые пытались найти работу, информировали, что готовы преподавать, например, в объединенных классах для мальчиков и девочек [Меху Айастани, 1880, 18 июня; 4 авг.]. Объявления частных лиц сообщали также, что учителя предоставляют ночлег ученикам, с которыми они ведут репетиторские занятия [Мшак, 1882]. В рекламных объявлениях учитывалась и информация социального характера: так, в газете «Меху Айастани» сообщалось, что дети из бедных семей могут учиться бесплатно [Меху Айастани, 1869, 19 июля].

С начала XX в. рекламные тексты начинают сокращаться. В них в основном указывались сроки поступления, начало учебного курса и годового цикла, а также информация о вакансиях, почасовой занятости и годовой зарплате. Это свидетельствует о минимизации информационного набора и адаптации рекламы к новому экономическому и социальному контексту.

Выводы

Тифлисско-армянская пресса сыграла большую роль в становлении армянской школы и образовательной системы. Ее бурное развитие приходится на последнюю четверть XIX в., что было связано с формированием газетно-журнального и рекламного рынка тифлисской прессы. Реклама образовательной сферы выполняла социальную и интегрирующую роль как на локальном (тифлисском) и региональном (Кавказское наместничество), так и на всероссийском и мировом уровнях. Объявления образовательной сферы в рекламных блоках довольно часто доминировали в количественном отношении над рекламой товаров и услуг, уступая лишь, как правило, библиографическим объявлениям. Основным кризисным периодом для рекламы общеобразовательной сферы можно считать 1890–1907 гг., что было обусловлено строгим отношением местной и столичной администрации к армянскому населению и запрещением армянской автономной образовательной системы. Тексты рекламы образовательной сферы в своем развитии имели тенденцию к сокращению информационного компонента. В то же время их публикация зависела от адресанта и его целей, что проявлялось в сезонности объявлений.

Источники

Айкакан ашхар (Հայկական աշխարհ = Армянский мир). 1867. Январь; 1868. Февраль — март, апрель — май, июнь — июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь (на арм. яз.).

Ардзаганк (Արձագանք = Эхо). 1893. 3, 7, 14, 19 февр., 5, 9, 16, 21 мая, 4, 8, 15, 20 авг. (на арм. яз.).

Багратуни И. О заведениях Тифлиса, распространяющих образование и просветительство // Айкакан ашхар. 1865. № 12 (на арм. яз.).

Варжаран (Վարժարան = Гимназия).1882–1884 гг. (на арм. яз.).

Внутренние новости // Мшак. 1880. 19 июля (на арм. яз.).

Г. А. Гувернантки // Мшак. 1887. 16 апр. (на арм. яз.).

Г. А. Учителей нет // Мшак. 1876. 10 июня (на арм. яз.).

Гарун (Գարուն = Весна). 1866 (на арм. яз.).

Е. В. Т. Р. Вопрос армянской школы Одессы // Тараз (Տարազ = Мода). 1893. 7 марта (на арм. яз.).

Казарян А. Маленькие армяне Тегерана // Тараз. 1893. 24 янв. (на арм. яз.).

М. Нав. Показуха в педагогике // Тараз. 1893. 22 авг. (на арм. яз.).

Манкаваржакан терт (Մանկավարժական թերթ = Педагогическая газета). 1878–1879 (на арм. яз.).

Манкаваржаноц (Մանկավարժանոց = Педагогика). 1884; 1886 (на арм. яз.).

Меху Айастани (Մեղու Հայաստանի = Пчела Армении). 1858. 1, 8, 15, 22 февр., 5, 12, 19, 26 апр., 7, 14, 21, 28 июня, 2, 9, 16, 23 авг., 4, 11, 18, 25 окт., 6, 13, 20, 27 дек.; 1863. 10, 20, 28 февр., 10 марта, 10, 20, 30 апр., 13 мая, 1, 8, 15, 22 июня, 3, 10, 17, 24 авг., 5, 12, 19, 26 окт., 71 14, 21, 28 дек.; 1868. 3, 10, 17, 24 февр., 13, 20, 27 апр., 1 мая, 1, 8, 15, 22 июня, 3, 10, 17, 24 авг., 5, 12, 19, 26 окт., 7, 14, 21, 28 дек.; 1869. 19 июля, 2 авг.; 1873. 3, 10, 17, 24 февр., 5, 12, 19, 26 мая, 4, 11, 18, 25 авг.; 1878. 4, 11, 18, 25 февр., 6, 13, 20, 27 мая, 5, 12, 19, 26 авг.; 1880. 18 июня, 4, 16 авг.; 1883. 2, 9, 13, 20 февр., 4, 11, 15, 22 мая, 4, 11, 14, 21 авг. (на арм. яз.).

Мшак (Մշակ = Труженик). 1873. 1, 8, 15, 22 февр., 3, 10, 17, 24 мая, 2, 9, 16, 23 авг.; 1876. 3 июня; 1878. 1, 8, 14, 21 февр., 3, 9, 16, 23 мая, 13 июня, 2, 8, 16, 22 авг.; 1880. 16 авг.; 1882. 21 июля; 1883. 1, 8, 15, 19 февр., 10, 12, 15, 21 мая, 2, 9, 6, 20 авг.; 1888. 2, 9, 13, 20 февр., 3, 10, 17, 21 мая, 4, 9, 16, 20 авг.; 1898. 4, 7, 13, 19 февр., 5, 9, 16, 21 мая, 4, 8, 14, 20 авг.; 1903. 1, 7, 13, 19 февр., 3, 9, 15, 21 мая, 2, 8, 14, 20 авг.; 1908. 1, 7, 13, 19 февр., 3, 9, 15, 21 мая, 2, 8, 14, 21 авг.; 1913. 1, 7, 13, 19 февр., 3, 9, 15, 21 мая, 2, 8, 14, 21 авг.; 1917. 16, 22, 26 авг.; 1918. 1, 7, 13, 20 февр., 3, 10, 15 мая, 4 июня, 2, 8, 14, 20 авг. (на арм. яз.).

НАА — Национальный архив Армении. Ф. 227. Оп. 1. Д. 752.

Наши епархиальные школы и их руководители // Тараз. 1893. 15 авг. (на арм. яз.).

Нор дпроц (Նոր դպրոց = Новая школа). 1908–1917 (на арм. яз.).

Нор-Дар (Նոր-Դար = Новый век). 1888. 3, 11, 13, 19 февр., 3, 10, 17, 21 мая, 3, 9, 17, 20 авг.; 1893. 2, 10, 13, 19 февр., 4, 9, 15, 21 мая, 3, 10, 14, 20 авг.; 1898. 3, 7, 13, 19 февр., 5, 9, 16, 21 мая, 4, 8, 14, 20 авг.; 1903. 1, 7, 13, 19 февр., 3, 9, 17, 21 мая, 2, 8, 14, 20 авг. (на арм. яз.).

О мерах против умноженія пансіонов и частных учебных заведеній // Российское законодательство об образовании XIX — начала XX века : сб. документов : в 3 т. / ред.-сост., ст., коммент. Э. Д. Днепров. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. I. С. 333–337.

Объявление // Нор-Дар. 1890. 12 июля (на арм. яз.).

Оризон (Հորիզոն = Горизонт). 1913. 1, 7, 14, 19 февр., 3, 9, 15, 21 мая, 2, 8, 14, 21 авг.; 1918. 2, 7, 13, 20 февр., 5, 9, 15, 21 мая, 3, 8, 15, 20 авг. (на арм. яз.).

Письмо Т. Аракелянца к К. Ованяну // Манкаваржакан терт. 1879. Июнь (на арм. яз.).

Прекращение издания «Варжаран» // Ардзаганк. 1884. 12 авг. (на арм. яз.).

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5491; Ф. 776. Оп. 3. Д. 364; Оп. 6. Д. 391; Ф. 821. Оп. 7. Д. 369.

С. С. Отношение прессы с национальными организациями // Нор-Дар. 1884. 6 июня (на арм. яз.).

Хатабала (Խաթաբալա = Кутерьма). 1908. 2, 9, 16, 23 февр., 3, 10, 17, 24 мая, 2, 9, 16, 23 авг. (на арм. яз.).

Школьное дело в Турецкой Армении // Мшак. 1894. 21 июня (на арм. яз.).

Исследования

Галанин С. Ф. Газетная реклама как исторический источник (по материалам казанских газет второй половины XIX века) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Казань, 1999.

Данielян Т. Р. Особенности развития рекламы армянской книги в Тифлисе (1801–1865 гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 92–109. https://doi.org/10.17223/23062061/28/6

Даниелян Т. Р. Деятельность цензора С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете (1872–1890 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 164–187. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.164187

Ерканян В. С. Армянская школа 1800–1870 гг. // Вестник общественных наук. 1970. № 10. С. 31–45.

Жилякова Н. В. Рекламная политика томских изданий конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 1(2). С. 96–110.

Лещуков А. Г. Социокультурная детерминация развития рекламы в 1861–1900 гг. : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Челябинск, 2015.

Миронова А. А. Русская реклама в аспекте диахронической стилистики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Челябинск, 2011.

Николаева Д. В. Газетная реклама в России на рубеже веков (1894–1905) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. М., 2002.

Рожкова П. А. Особенности репрезентации категории «качество» в рекламном тексте рубежа XIX–XX вв. (на материале уральской прессы) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 211–225. https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.033

Фадеева М. В. Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 84–91. https://doi.org/10.17223/19988613/79/10

References

Danielyan, T. R. (2022). Osobennosti razvitiia reklamy armianskoi knigi v Tiflise (1801–1865 gg.) [The Peculiarities of the Development of Advertising of Armenian Books in Tiflis (1801–1865)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 28, 92–109. https://doi.org/10.17223/23062061/28/

Danielyan, T. R. (2023). Deiatel'nost' tsenzora S. Melik-Megrabova v Kavkazskom tsenzurnom komitete (1872–1890 gg.) [The Activities of Censor S. Melik-Mehrabov in the Caucasus Censorship Committee (1872–1890)]. *Vestnik Moskovskogo unuversiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, 164–187. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.164187

Erkanyan, V. S. (1970). Armianskaia shkola 1800–1870 gg. [The Armenian School of 1800–1870]. *Bulletin of Social Sciences*, 10, 31–45.

Fadeeva, M. V. (2022). Student uchitel'stvuiushchii: studenty Imperatorskogo Moskovskogo universiteta v poiskakh sredstv k sushchestvovaniiu [Students Giving Classes: Students of Imperial Moscow University Seeking Resources for Survival]. *Tomsk State University Journal of History*, 79, 84–91. https://doi.org/10.17223/19988613/79/10

Galanin, S. F. (1999). *Gazetnaia reklama kak istoricheskii istochnik (po materialam kazanskikh gazet vtoroi poloviny XIX veka)* [Newspaper Advertising as a Historical Source (Based on the Materials of Kazan Newspapers of the Second Half of the 19th Century)] (doctoral dissertation). Kazan.

Leshchukov, A. G. (2015). *Sotsiokul'turnaia determinatsiia razvitiia reklamy v 1861–1900 gg.* [Socio-cultural Determination of the Development of Advertising in 1861–1900] (doctoral dissertation). Chelyabinsk.

Mironova, A. A. (2011). *Russkaia reklama v aspekte diakhronicheskoi stilistiki* [Russian Advertising in the Diachronic Stylistics Aspect] (doctoral dissertation). Chelyabinsk.

Nikolaeva, D. V. (2002). *Gazetnaia reklama v Rossii na rubezhe vekov (1894–1905)* [Newspaper Advertising in Russia at the Turn of the Century (1894 to 1905)] (doctoral dissertation). Moscow.

Rozhkova, P. A. (2023). Osobennosti reprezentatsii kategorii "kachestvo" v reklamnom tekste rubezha XIX–XX vv. (na materiale ural'skoi pressy) [Representation of the "Quality" Category in the Advertising Text of the Turn of the 20th Century (Based on Ural Press)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 25*(2), 211–225. https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.033

Zhilyakova, N. V. (2008). Reklamnaia politika tomskikh izdanii kontsa XIX v. [Advertising Politics of Tomsk Editions at the End of the 19th Century]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 1 (2), 96–110.

Даниелян Тарон Рудольфович
кандидат филологических наук,
[1] доцент
кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет
2001, Армения, Ванадзор, пр. Тигран Мец, 36
[2] преподаватель кафедры истории, теории и практики журналистики
Ереванский государственный университет
0025, Армения, Ереван, ул. А. Манукян, 1
E-mail: tarondanileyan@ysu.am, t5plus@yandex.ru

Danielyan, Taron Rudolfovich
PhD (Philology)
[1] Associate Professor
Department of the Armenian Language and Literature
Vanadzor State University
36, Tigran Metc Ave., 2001, Vanadzor, Armenia
[2] Lecturer
Department of History, Theory, and Practice of Journalism
Yerevan State University
1, A. Manukyan St., 0025 Yerevan, Armenia
Email: tarondanileyan@ysu.am, t5plus@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-5006-0293
Scopus AuthorID: 57225138278
WoS ResearcherID: HNR-3292-2023

Бабурян Эрмине Рудиковна
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет
2001, Армения, Ванадзор, пр. Тигран Мец, 36
E-mail: herminebaburyan@yandex.ru

Baburyan, Hermine Rudikovna
PhD (Philology), Head of the Department of the Armenian Language and Literature
Vanadzor State University
36, Tigran Metc Ave., 2001 Vanadzor, Armenia
Email: herminebaburyan@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0009-6793-1284

Айвазян Тина Сейрановна
аспирант
кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет
2001, Армения, Ванадзор, пр. Тигран Мец, 36
E-mail: aaa.tina@list.ru

Ayvazyan, Tina Seyranovna
PhD Student
Department of the Armenian Language and Literature
Vanadzor State University
36, Tigran Metc Ave., 2001 Vanadzor, Armenia
Email: aaa.tina@list.ru
https://orcid.org/0009-0008-7994-830X

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.011
УДК 329(470)КП + 94:338.2(470)“1933” + + 338.03(470) + 321(470) + 141.82 + + 17.018.22

М. А. Фельдман
Уральский институт управления — филиал РАНХиГС
Екатеринбург, Россия

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦК И ЦКК ВКП(б) В ЯНВАРЕ 1933 г. В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена выявлению роли Пленума ВКП(б) как института политической жизни СССР в ходе осмысления итогов первой пятилетки в СССР. Масштаб кризисных явлений, вызванный «Великим переломом» в период осени 1929 — 1930 г., поставил страну на грань экономической, финансовой и социальной катастрофы. Устранение прямой оппозиции позволяло Сталину надеяться на абсолютную поддержку своего курса, и объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. должен был стать подходящей трибуной для выражения такой поддержки. В какой мере это удалось Сталину? Был ли связан поворот внутренней политики в СССР с решениями объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г.? Предлагаемая статья анализирует ход обсуждения насущных проблем на Пленуме. Впервые проводимый анализ событий на заседаниях Пленума дает возможность реконструировать драматический ход противоречивой эволюции взглядов представителей партийно-советской и хозяйственной элиты СССР. Сопоставительный анализ текстов выступлений участников Пленума позволяет автору сделать вывод о том, что совокупность критических замечаний в выступлениях докладчиков и в сообщениях принявших участие в прениях создавала картину состояния экономики СССР. Установлено, что материалы Пленума ЦК ВКП(б) января 1933 г. показывают признание пагубности курса «бешеных темпов». Однако осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики».

Ключевые слова: пленум; пятилетка; план; СССР; партия; экономика; индустриализация; мифология; идеология; социализм

Цитирование: *Фельдман М. А.* Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. в политической жизни советского общества // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 174–188. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.011

Поступила в редакцию: 05.02.2025
Принята к печати: 01.09.2025

© Фельдман М. А., 2026

CC BY-NC

Mikhail A. Feldman
Ural Institute of Management — Branch of RANEPA
Ekaterinburg, Russia

JOINT PLENUM OF THE CENTRAL COMMITTEE AND THE CENTRAL CONTROL COMMISSION OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) IN JANUARY 1933 IN THE POLITICAL LIFE OF SOVIET SOCIETY

This article examines the role of the Plenum of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as an institution of political life in the USSR during the assessment of the results of the first Five-Year Plan. The scale of the crisis triggered by the "Great Turn" in the autumn of 1929 — 1930 brought the country to the brink of economic, financial, and social catastrophe. The elimination of direct opposition allowed Stalin to hope for absolute support for his course, and the joint Plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on 7–12 January 1933 was intended to serve as a suitable platform for expressing such support. To what extent did Stalin succeed in this? Was the shift in domestic policy in the USSR linked to the decisions of the joint Plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in January 1933? This article analyses the course of the discussion of pressing issues at the Plenum. This first-ever analysis of the events at the Plenum sessions makes it possible to reconstruct the dramatic course of the contradictory evolution of the views held by representatives of the Soviet party and economic elite. A comparative analysis of the speeches delivered by Plenum participants suggests that the critical remarks made in the speakers' addresses and, in the debate, contributions collectively reflected the state of the USSR economy. It has been established that the materials of the January 1933 Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) indicate recognition of the harmful nature of the policy of "rampant tempos". However, an understanding of the events of the first Five-Year Plan was hampered by a constructed mythological framework, which included ideological constructs such as the "creation of the foundations of the socialist economy".

K e y w o r d s: plenum; five-year plan; plan; USSR; party; economy; industrialisation; mythology; ideology; socialism

F o r c i t a t i o n: Feldman, M. A. (2026). Ob"edinennyi Plenum TsK i TsKK VKP(b) v ianvare 1933 g. v politicheskoi zhizni sovetskogo obshchestva [Joint Plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in January 1933 in the Political Life of Soviet Society]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 174–188. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.011

Submitted: 05.02.2025
Accepted: 01.09.2025

В условиях господства коммунистической партии в Советском Союзе съезды и пленумы Центрального комитета правящей партии превращались в форумы правящей элиты. Решения съездов, касавшиеся, как правило, вопросов стратегического характера, и пленумов, обсуждавших вопросы тактического уровня, передавались официальным государственным законодательным структурам (в период до декабря 1936 г. к ним относились съезды Советов и сессии Центрального исполнительного комитета) для последующего утверждения.

Поскольку номенклатурная организация управления присуща не только советскому государству, но и любой многоуровневой структуре [Болдовский, с. 47], исследование роли Пленума ЦК ВКП(б) не утратило своей актуальности. В силу той роли, которую в годы первых пятилеток играли мобилизационные механизмы и технологии, позволявшие властным структурам «концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнении провозглашенных целей» [Красильников, с. 6], работа Пленума ЦК рассматривается нами в рамках феномена социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х — начало 1930-х гг.). Важно отметить: исследование институциональных основ, механизмов и форм осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия партийных, государственных и хозяйственных структур, власти и советского общества должно сверяться не только с достижениями экономической модернизации, но и с ее ценой.

Можно ли говорить о значительной роли Пленума ЦК ВКП(б) как института политической жизни СССР на протяжении 1930-х гг.? Ведь на пленумах ЦК уже не решались, как это было в конце 1920-х гг., важнейшие вопросы развития страны. Эти вопросы, как правило, являлись прерогативой узкого круга членов высшего руководства, входившего в Политбюро ЦК. После апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. сплоченность этого круга вокруг вождя — И. В. Сталина не вызывает сомнения [Хлевнюк, 1996]. Вместе с тем, существовал и предел этой сплоченности — степень персональной ответственности за провалы генеральной линии партии. История ряда пленумов ЦК этого периода свидетельствует о скрытом противостоянии управленцев, отвечавших за конкретные участки работы, частым, зачастую хаотичным, переменам «генеральной линии» партии.

Обращение к периоду начала 1930-х гг. позволяет проследить роль пленумов ЦК ВКП(б) в критический период истории Советского государства, вызванный последствиями «Великого перелома». Зададимся вопросом: эти партийные форумы лишь выполняли поручения и указания Сталина, или же, сохранив способность адекватно передавать запросы общественного мнения (партийных масс, активной части научного сообщества, рабочего социума), могли проявлять определенную самостоятельность и влиять на изменение базовых принципов и норм взаимодействия политического курса? Например, упоминание Пленума ЦК ВКП(б) января 1933 г. в советской историографии, от специальных исследований до школьных учебников, неизменно сочеталось с утверждением о досрочном выполнении первого пятилетнего плана [Лельчук, с. 178]. В постсоветский

период оценки Пленума изменились кардинально, заявление Сталина на Пленуме о «построении экономического фундамента социализма в СССР» стали сопоставлять с катастрофическими последствиями форсированной индустриализации и коллективизации [Такер, с. 260–261]. Р. Дэвису принадлежит меткое наблюдение о том, что итоги 1932 г., а с ним и первой пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчета требовали иных, существенно бóльших сроков [Davies, p. 317]. Однако детальный анализ происходившего на Пленуме в исторических работах отсутствует.

Для обсуждения наиболее важных вопросов в критических ситуациях созывались объединенные пленумы ЦК и ЦКК ВКП(б). В центре предлагаемой статьи — работа объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. Устранение не только прямой, но и потенциальной оппозиции позволяло Сталину рассчитывать на абсолютную поддержку своего курса, и объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) должен был стать подходящей трибуной для выражения такой поддержки. В какой мере это удалось Сталину? Был ли связан поворот внутренней политики в СССР [Хлевнюк, 2010, с. 116–117] с решениями объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г.? Насколько глубоким был указанный поворот? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена предлагаемая статья.

В преддверии Пленума (к вопросу об изменениях внутренней политики в СССР в начале 1930-х гг.)

Осознание пагубности социально-экономического курса в годы первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики. К такому выводу пришли как отечественные исследователи [Хлевнюк, 2010, с. 116–117], так и зарубежные историки [Такер, с. 140–141]. Р. Дэвис описывает эволюционные меры советского руководства как «минireформы», которые предполагали использование не только административных методов, но и различных форм стимулирования заработной платы, применение ограниченных рыночных рычагов. Возникшая в результате «минireформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в “командно-административной” модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а “экономический учет” ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы» [Davies, p. XV]. Таким образом, в научной литературе появился новый объект исследования — командная система, но со стихийно действующими на всех уровнях производства и распределения рыночными и квазирыночными особенностями.

Отсчет времени «минireформ» Дэвис начинает с проведения Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности

(30 января — 4 февраля 1931 г.), собравшей представителей ВСНХ, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных контрольных структур [Davies, p. 11]. Наше исследование [Фельдман] позволяет высказать иную точку зрения: именно с Совещания хозяйственников в ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931 г. следует отсчитывать реальное начало периода более рационального социально-экономического курса, получившего название «минириформ», тогда как Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. и Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности были лишь предпосылками к этому.

Только после указанного Совещания власть продемонстрировала готовность осуществить намеченные ранее меры. Так, 10 июля 1931 г. Политбюро одобрило два постановления, которые существенно меняли положение специалистов и в какой-то мере ограничивали права ОГПУ. Первое из них лишило ОГПУ права на аресты специалистов (инженерно-технический персонал, военные, агрономы, врачи и т. п.) без согласия соответствующего наркома (союзного или республиканского). Второе постановление под названием «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения» содержало развернутую программу юридической и политической реабилитации специалистов [Хлевнюк, 2010, с. 88]. О реализации указанных документов можно судить по справке ОГПУ, представленной Сталину в конце 1931 г. и сообщавшей об освобождении 1 200 осужденных специалистов и прикреплении их к конкретным предприятиям [Сорокин, с. 709].

Составной частью изменения внутриполитического курса стала перестройка системы оплаты труда рабочих, предполагавшая активизацию материальных стимулов и отказ от уравнительных форм заработной платы в пользу сдельщины. Проводимая с 1932 г. новая тарифная реформа устанавливала значительную разницу между высшими и низшими квалификационными разрядами; вводила премиально-прогрессивную систему оплаты. Упор делался на материальные стимулы, которые должны были обеспечить рост производительности труда [Ильюхов, с. 217, 224–225]. Впрочем, эти стимулы во многом нивелировались преобладанием малоквалифицированных рабочих и неудовлетворительными жилищными условиями [Постников, Фельдман, с. 134].

В центре внимания Сталина в 1931–1932 гг. оказался дефицит внешнеторгового баланса. Если в 1930 г. импорт лишь незначительно превышал экспорт, то в первые шесть месяцев 1931 г. импорт составил 517 млн золотых рублей, а экспорт — только 366 млн. Обеспокоенное этим Политбюро 20 июля 1931 г. создало комиссию для поиска путей сокращения внешнего долга. Основным требованием Сталина стало сокращение закупок по импорту. В условиях мирового экономического кризиса это была довольно реалистическая политика. Показательным можно считать решение Политбюро от 25 октября 1931 г. о максимальном сокращении закупок импортного оборудования [Сталин и Каганович, с. 30–31, 117].

В письме членам Политбюро (Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову, Г. К. Орджоникидзе) от 24 июня 1932 г. Сталин отмечал, что «культ нового строительства»

может угрожать способности хозяйственников «рационально использовать уже готовые предприятия», и сетовал на отсутствие «культа рационального использования готовых заводов (что очень плохо и крайне опасно)» [Сталин и Каганович, с. 190]. Отход от курса на постоянное увеличение числа новых строек и ставка на рациональное использование уже имеющихся производственных объектов в целом отвечали реальным потребностям экономики, соответствовали оригинальным установкам первого пятилетнего плана. Как видно, в документах 1931–1932 гг. звучал не просто отказ от ряда инструментов управления периода «Великого перелома», но и их осуждение, правда, без указания на личную ответственность инициатора «рывка к социализму».

В январе 1933 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б) должен был изложить свою позицию; щитом теоретических конструкций прикрыть трагические последствия форсированного рывка в период осени 1929 — 1930 г. Придать большее значение, больший вес подведению «нужных» итогов «Великого перелома», убеждающих в правильности форсированных радикальных преобразований, должен был объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) — формат партийного форума, собираемый для обсуждения наиболее важных решений в жизни партии и государства между съездами партии.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г.

Доклад Сталина «Итоги первой пятилетки и народно-хозяйственный план 1933 г. — первого года второй пятилетки» на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем с 7 по 12 января 1933 г. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 1186, л. 7–13 об.], — один из самых важных и показательных исторических источников советской эпохи. Перед советским вождем стояла сложная задача. Формально ему предстояло подвести итоги первой пятилетки, а по сути — сказать правду о далеко не однозначных результатах периода в жизни страны, получившего название «Великого перелома». Объяснить срыв и невыполнение заданий пятилетних планов в промышленности и в строительстве; трагические последствия коллективизации в сельском хозяйстве, голода, унесшего миллионы жизней; резкое снижение уровня жизни у большинства населения СССР — всё это, на языке статистики, для Сталина означало признание собственной вины и ответственности за социальную и экономическую катастрофу 1930 г.; признание справедливости доводов тех, кого по его же инициативе заклеймили как «правых оппортунистов».

Поскольку язык статистики не подходил для подведения итогов первой пятилетки, следовало затруднить использование такого языка вообще. Заявление Сталина о выполнении плановых заданий пятилетки за четыре года и три месяца означало, во-первых, разрыв с традицией подведения итогов развития экономики и социальной сферы в статистических документах предшествующего периода в формате «народно-хозяйственного года». Во-вторых, это максимально затрудняло саму возможность выявления подлинных итогов выполнения

плановых заданий. В-третьих, сообщения о результатах отраслевого развития были закреплены за другими докладчиками по данному вопросу — Молотовым и Куйбышевым. На них же фактически возлагалась ответственность за полноту и достоверность информации для высшего руководства, а равным образом и за должную идеологическую «упаковку» материалов для участников Пленума.

Как известно, утвержденный в мае 1929 г. V съездом Советов первый пятилетний план развития народного хозяйства декларировал стремление, с одной стороны, сохранить многоукладную экономику, а с другой — совершить рывок в промышленности, особенно в металлургии и машиностроении, осуществить крупномасштабное строительство новых и реконструкцию старых предприятий на основе сбалансированного развития народного хозяйства и повышения уровня жизни населения СССР. Между тем доклад Сталина 7 января 1933 г. демонстрировал приоритет иных задач, иных критериев. Выделив в качестве основной задачи «превращение страны из аграрной и зависимой от капризов капитализма в страну индустриальную и вполне самостоятельную», Сталин, опираясь на единственный показатель — удельный вес промышленности в общей стоимости продукции народного хозяйства (он, по его словам, повысился с 48 % до 70 %) — сделал вывод о переходе СССР в разряд индустриальных держав. Точность приведенных показателей вызывает сомнение: например, в промышленности значительная часть производственных объектов не была завершена постройкой. В начале 1933 г. об этом уже говорилось открыто: издававшийся Госпланом СССР журнал «Плановое хозяйство» отметил, что за четыре года и три месяца первой пятилетки ввод новых производственных мощностей оценивался в 11,2 млрд руб., а также указывал на объем незавершенного строительства примерно в 8 млрд руб. [Князьков, с. 55, 57].

В докладе Сталина можно выделить несколько основных разделов. Первый из них касался подведения итогов пятилетки в промышленности. Знаменитый сталинский рефрен «у нас не было — есть теперь» стал основой для многочисленных пропагандистских материалов. Реальность была совсем иной: например, «отсутствовавшая» в дореволюционной России авиационная промышленность выпустила (данные за 1916 г.) 1 287 самолетов и 639 моторов [Мухин, с. 99]. По производству черных металлов и угля дореволюционная Россия лишь немногим уступала Франции. И уж совсем никакой критики не выдерживало утверждение Сталина о том, что «Россия до 1917 г. по производству нефтяных продуктов и угля стояла на последнем месте» — на рубеже XIX–XX вв. страна добывала нефти больше всех в мире, уступая только США по производству керосина [Дьяконова, с. 130]. Тем не менее, словесные хитрости вождя должны были задать нужный вектор осмыслению перемен и скрыть отсутствие вдумчивого анализа выполнения отраслевых заданий пятилетнего плана.

Второй раздел был посвящен итогам пятилетки в сфере сельского хозяйства. Главный довод Сталина в защиту обоснованности коллективизации касался необходимости обеспечения потребностей индустриализации. Но известна была и цифра потерь животноводства за первые месяцы коллективизации, озвученная

С. И. Сырцовым на XVI съезде ВКП(б) в июле 1930 г.: «перегибы и ошибки» в ходе коллективизации обернулись только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд руб.» [XVI съезд, с. 400–403]. В ряду основных задач было названо «вытеснение капиталистических элементов из экономики, расширение социалистического сектора». Аргументируя выполнение этой задачи, Сталин отметил тот факт, что «социалистический сектор объединил 60 % крестьянских хозяйств и 70 % пашни только в колхозах». Однако масштаб бегства крестьян из колхозов и колхозной деревни в 1930–1932 гг. остался вне поля зрения генерального секретаря ЦК. Между тем, миграция сельского населения в города только в РСФСР и УССР составила в период 1929–1932 гг. 6,87 млн человек [Кондрашин, 2014а, с. 78]. Весьма произвольно были поданы и данные по государственным заготовкам зерна: «До коллективизации заготовляли 500–600 млн пудов, сейчас 1200 млн пудов». Заметим, что современные исследования дают иные сведения: в 1929 г. (при минимальном участии колхозов — 12 %) было заготовлено 864 млн пудов, в 1932 г. — 1 115,9 млн пудов [Кондрашин, 2014б, с. 371–377]. Своеобразно прозвучал сталинский ответ на оценку колхозов как нерентабельных предприятий: «Так говорят люди, ничего не понимающие в народном хозяйстве, в экономике». Впрочем, почти тут же генеральный секретарь ЦК непроизвольно дезавуировал свой тезис, сообщив в качестве контрдовода: «У нас и ряд отраслей нерентабелен». Таким образом, нерентабельность колхозов оказывалась лишь частным случаем состояния большинства предприятий советской экономики в годы первой пятилетки.

Очевидно, осознавая натянутость своих выводов, 11 января 1933 г. Сталин выступил с еще одним (незапланированным и не указанным в повестке Пленума) докладом «О работе в деревне», опубликованным в газете «Правда» 17 января 1933 г. Признав, что в 1932 г. «хлебозаготовки прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году», Сталин дал происходящему развернутое объяснение. Виноватыми у него оказались работники колхозов и совхозов, не увидавшие «отрицательных сторон» разрешения колхозной торговли. Легализация колхозной торговли означала и легализацию рыночной цены на зерно, а значит, появление выбора у крестьян. Отдельный раздел доклада был посвящен улучшению материально-бытового и культурного положения рабочих и крестьян. Краткость этого раздела — одна страница — была закономерна: декларативные заявления генсека об отсутствии безработицы в СССР, прекращении обнищания крестьян, обеспечении населения деревни техническими средствами и т. п. были полностью лишены анализа конкретных показателей уровня жизни граждан советской страны.

Завершающий раздел этого доклада был посвящен изменению курса экономической политики в годы второй пятилетки. Целый комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос экономических связей, финансовый кризис и рост внешней задолженности) не позволял далее, как выразился Сталин на Пленуме ЦК в январе 1933 г., «подхлестывать и подгонять страну». По существу, это было тихое и официально не признанное отрицание (а в ряде

пунктов — даже осуждение) курса «Великого перелома». В годы второй пятилетки, по словам Сталина, на первый план выходило освоение техники старых или обновленных заводов и фабрик, что требовало повышения квалификации рабочих и инженерно-технического персонала.

Примечательна была и оговорка генсека о том, что меры эти особенно необходимы «в первые два-три года второй пятилетки». Редкий случай: Сталин на Пленуме обозначил сроки рациональной политики! Это означало, что на стабилизацию положения в экономике (в том числе за счет отступления от приоритета насильственных мер) отводились 1933–1935 гг. Таким образом, готовность вождя к переменам носила весьма условный и временный характер. Трудно сказать, было ли это глубоко продуманным шагом, или партийный лидер опасался ослабления жесткого контроля за ситуацией в экономике.

Показательно, что выступавший на следующий день, 8 января 1933 г., председатель СНК СССР В. М. Молотов свой доклад [РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 1186, л. 14–19 об.] начал с заявления: «Докладом товарища Сталина исчерпывается вопрос об итогах первой пятилетки». Для большего подтверждения слов Молотова номер газеты «Правда» за 12 января 1933 г., где была опубликована его речь, сопровождался не обсуждением сталинского доклада, а страницей тщательно подобранных одобрительных выступлений трудящихся под общим заголовком: «Новой волной энтузиазма, инициативы и трудового подъема встретили массы доклад вождя партии тов. Сталина». Сам же доклад Молотова «О задачах первого года второй пятилетки», прозвучавший на Пленуме ЦК 8 января 1933 г., фактически только уточнял отдельные параметры сталинского выступления, воспроизводя даже структуру речи генсека. Относительным отличием выступления Молотова можно считать указания (впрочем, лишенные конкретики) на масштаб брака, низкую степень загрузки станков, значительное количество установленного, но не работающего оборудования. Общий вывод доклада — узел задач промышленности лежит в плоскости повышения производительности труда, упор должен быть сделан не на количественные показатели, а на качество продукции — был в русле поворота экономического курса, согласованного в руководстве ВКП(б). Вместе с тем, указание на пути достижения поставленных целей копировало язык постановлений ЦК и СНК времен «бешеных темпов».

В докладе заместителя председателя Госплана СССР В. В. Куйбышева [Там же, л. 19 об.–26] содержались заявления о создании в СССР современного машиностроения, о ведущем месте страны в мире по соотношению электростали и стали, о завершении технической реконструкции в нефтяной промышленности... Однако внимательный читатель не мог не обратить внимания на подтекст выступления. Лишь в одной отрасли (нефтяной промышленности) за годы первой пятилетки завершилась техническая реконструкция. Сооружение новых заводов-гигантов либо не было завершено, либо на них только начиналось освоение производственных мощностей. По производству электростали СССР в абсолютных величинах сильно отставал от США и Германии. Ответ на вопрос «В какой же степени выполнены задания пятилетнего

плана по технической реконструкции в народном хозяйстве?» у Куйбышева не прозвучал.

Следует заметить, что прения по основному вопросу Пленума — об итогах первой пятилетки, представленных в докладах Сталина, Молотова, Куйбышева [РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 1186, л. 26–69], отличались рядом общих черт: краткость выступлений, демонстративная поддержка сталинских оценок «победоносных итогов первой пятилетки», агрессивная критика лидеров «правого уклона», высокая оценка личного вклада Сталина в успехи «социалистического строительства». Однако после всех этих заявлений ряд выступавших сообщил и о серьезных недостатках. Так, И. С. Уншлихт говорил о неудовлетворительном планировании железнодорожных перевозок, низком качестве ухода за путями и ремонта техники, значительных потерях при доставке грузов [Там же, л. 31 об.–32]. Я. Э. Рудзутак рассуждал о скверном качестве производимого металла, в «большинстве случаев без маркировки и химического анализа», что порождало «громадный процент брака», а также о высокой текучести кадров [Там же, л. 32 об.–34]. На текучесть жаловался и Ю. А. Жданов [Там же, л. 53]. Показательно, что призыв заместителя председателя ВСНХ СССР В. В. Осинского к тщательному анализу итогов первой пятилетки [Там же, л. 38 об.] не нашел у руководства ВКП(б) никакого отклика, как и предложение заменить показатель «валовой продукции» на показатель «чистой продукции» [Там же, л. 39].

Характерная черта: Пленум, проходивший 7–12 января 1933 г., в советских газетах за 8–13 января 1933 г. был представлен только докладами Сталина, Молотова и Куйбышева. 13 января «Правда» опубликовала резолюции по докладам на Пленуме, что подразумевало окончание дискуссии, которую массовый советский читатель так и не увидел на страницах газет. Недосказанность превратилась в составную часть информационной среды советского общества. Вместе с тем, в резолюциях был зафиксирован приоритет освоения новых производственных мощностей и повышения квалификации рабочих; усиление роли инженерно-технического персонала; укрепление хозрасчета и хозрасчетных отношений.

Незыблемой установкой Пленума стало неразглашение итогов первой пятилетки. Исключением из этого правила стала публикация выступления заместителя председателя Госплана СССР Г. И. Ломова 8 января 1933 г. Его своеобразное изложение появилось в печати только 21 января, через 12 дней после выступления на Пленуме. Однако на страницах «Правды» не нашлось места для единственного конкретного фрагмента критики: «Ряд шахт, которые мы считаем пущенными, на самом деле дают всего 20–60 % их проектной мощности, и почти ни одна из крупных пущенных шахт в Донбассе и Кузбассе не дает добычи, близкой к проектной мощности» [Там же, л. 27–27 об.]. Это уже был преимущественно панегирик развитию топливной промышленности в годы первой пятилетки, с небольшим вкраплением абстрактных замечаний. Но публикация панегирика не избавила Ломова от сталинского гнева: в 1933 г. он был освобожден от работы в Госплане, а в феврале 1934 г. выведен из состава членов ЦК ВКП(б).

Ненапечатанным осталось выступление на Пленуме наркома легкой промышленности И. В. Любимова 10 января 1933 г., в котором говорилось: «В Америке, например, при производстве обуви в 4,5 раза больше, чем у нас, натурального кожевенного подошвенного сырья употребляется всего лишь в полтора раза больше, чем у нас» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 1186, л. 63 об.–65]. Аналогичным образом, сдержанные критические замечания, содержавшиеся в выступлении Орджоникидзе [Там же, л. 57 об.–61], привели к тому, что его речь была опубликована в «Правде» только 22 января 1933 г. Фразу Орджоникидзе «Мы немного разучились считать деньги» можно было рассматривать как пример критики экономического курса, если бы это не было продолжением весьма жестких его замечаний по поводу забвения хозрасчета и хозрасчетных отношений в СССР, прозвучавших еще на XVII Всесоюзной партийной конференции. Орджоникидзе говорил о пренебрежении хозяйственников к вопросам стоимости продукции как характерной черте советской индустриализации. Не был опубликован и доклад «Об антипартийной группе Смирнова, Эйсмонта, Толмачева и других» [Там же, л. 96–98 об.], зачитанный Я. Э. Рудзутаком 12 января 1933 г. Можно предполагать, что Сталин опасался открытого обсуждения критических замечаний оппозиции.

В целом, последний день Пленума прошел по сталинскому сценарию: критические замечания в адрес Сталина приравнивались к антипартийной деятельности; обсуждение итогов первой пятилетки допускалось только в рамках официальной регламентации; обличение инакомыслящих вышло на новый, еще более жесткий уровень. Однако фактические итоги первой пятилетки требовали оперативной адекватной реакции правящей партии, а курс «минireформ» нуждался в развитии. Резолюции Пленума по основному вопросу — итогам первой пятилетки — повторяли все сталинские формулировки, намечая иные подходы к дальнейшему развитию. Утверждалось, что «вторая пятилетка будет по преимуществу пятилеткой освоения новых заводов», а приоритетной задачей провозглашалось повышение квалификации рабочих и инженерно-технических работников. Указанные тенденции наглядно проявились в работе по составлению второго пятилетнего плана.

Январский Пленум: итоги и последствия

Пленум ЦК ВКП(б) января 1933 г. выводил изощренность сталинской управленческой деятельности на новый уровень: даже уже произнесенное слово подвергалось цензуре, и в печатном виде представало в ином обличии. Мифологическое поле «страны социализма» пыталось блокировать реалистическую информацию. Однако анализ материалов партийных пленумов свидетельствует о способности представителей партийно-государственной и хозяйственной элит СССР отказаться от наиболее одиозных постулатов радикального курса — «штурмовых» методов работы, гонений на специалистов. В январе 1933 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) определил вектор изменений курса

экономической политики в годы второй пятилетки. Фактическое, пусть и скрытое, признание Сталиным допущенных волюнтаристских ошибок способствовало поддержке курса «миниреформ» со стороны высшего руководства страны. При возраставшей зависимости судьбы конкретных управленцев от власти Сталина, анализ материалов партийных форумов начала 1930-х гг., и в данном случае Пленума ЦК января 1933 г., свидетельствует о поддержке «цекистами» рационального курса регулирования экономики, что не позволяет рассматривать съезды, конференции, пленумы ЦК ВКП(б) как чисто формальные институты.

Критика существенных недостатков экономического развития СССР носила дозированный характер. Она не затрагивала конкретных виновников такого положения, не анализировала объективные характеристики советской экономической системы. Однако совокупность критических замечаний (реже в докладах, чаще в выступлениях в прениях) создавала поразительную картину состояния экономики СССР начала 1930-х гг.: строительство промышленных комбинатов и индустриальных узлов при отсутствии должного уровня механизации и необходимого числа специалистов и квалифицированных рабочих; масштабный разрыв между строительством новых предприятий и оснащением их оборудованием — разрыв как в планировании, так и в самой реконструкции отраслей промышленности и транспорта; отсутствие сбалансированной финансовой системы; высокая текучесть рабочих кадров в промышленности и строительстве.

Допуская подобное обсуждение, авторитарный режим начала 1930-х гг., с одной стороны, способствовал некоторому изменению базовых принципов и норм взаимодействия. С другой стороны, подобный процесс угрожал самому существованию авторитарного режима. Курс «миниреформ», направленный на применение экономических законов, включал использование качественных показателей и некоторое улучшение уровня жизни населения, при сохранении ставки на количественные показатели и преобладания административных методов, при милитаризации экономики и нарастающей идеологизации всех форм жизни общества.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. утвердил изменения экономического курса Советского государства, носящие рациональный характер, ставшие основой для стабилизации и модернизации народного хозяйства. Одновременно были скрыты и фальсифицированы итоги первой пятилетки, провозглашенные «победоносными». Доклад Сталина на Пленуме завершался словами о том, что «экономический фундамент социализма уже построен в СССР», а резолюция Пленума фиксировала создание в СССР «передовой технической базы для технической реконструкции всего народного хозяйства» [Материалы..., с. 169]. После Пленума в январе 1933 г. доклады Молотова и Куйбышева были практически без обсуждения одобрены Третьей сессией ЦИК XV созыва (23–30 января 1933 г.): советская власть копировала партийные решения.

Если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства, то для Сталина

и его наиболее догматичных сторонников курс «минireформ», воплотивший в себе несколько важных черт, отсутствовавших в командно-административной модели (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» труда, легализация рыночной торговли), потенциально грозил потерей абсолютного господства в партии, в обществе и в государстве. Это объяснялось тем, что даже при сохранении командно-административной системы нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма; рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей.

Как и любое действие, носящее вынужденный характер, сталинский маневр имел временный характер, свою логику развития, зависел от успехов индустриализации и коллективизации, от отсутствия барьеров на пути к установлению единоличной власти. Тем не менее, импульс к рациональным действиям в период 1933–1936 гг. был дан. Успехи индустриального проекта в годы второй пятилетки в СССР во многом были связаны с этим импульсом.

В то же время появление оппозиционных групп среди партийных работников говорило о растущем недовольстве Сталиным на посту генсека в управленческом эшелоне. Ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес — общепартийную «чистку» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 1186, л. 115].

Мифологическое пространство только в сочетании с насильственными административными рычагами могло наполнять политические конструкты авторитарного государства. В этом смысле объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. только частично реализовал замысел Сталина. Формально на Пленуме была продемонстрирована поддержка «генеральной линии» партии и лично Сталина. Однако прозвучавшие критические замечания в определенной степени дезавуировали эту поддержку. Знание реальных статистических данных по отраслям либо регионам, понимание масштабов социальных бедствий, вызванных «Великим переломом», превращало участников Пленума в свидетелей ошибок и просчетов Сталина, претендовавшего на абсолютную власть. Большинству участников Пленума довелось внести свою лепту в процесс стабилизации экономической и социальной сферы в СССР в 1933–1936 гг., но лишь немногие из них пережили 1937 г.

Источники

Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Янв. 1933 г. Л. : Ленпартиздат, 1933.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 2. Д. 1186 (Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г.).

Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 / сост.: О. В. Хлевнюк [и др.]. М. : РОССПЭН, 2001.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии 26 июня — 13 июля 1930 г. М. : Партиздат, 1935. Т. 1.

Исследования

Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского» дела. СПб. : Нестор-История, 2018.

Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М. : РОССПЭН, 1999.

Илюхов А. А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2010.

Князьков Г. Капитальное строительство в тяжелой промышленности в первой пятилетке // Плановое хозяйство. 1933. № 1–2. С. 50–61.

Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1934 гг.). М. : РОССПЭН, 2014а.

Кондрашин В. В. Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014б. С. 369–382.

Красильников С. А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: история для теории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4(61). С. 38–45. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-38-45

Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М. : Политиздат, 1984.

Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М. : Новый хронограф, 2006.

Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург : УрО РАН, 2004.

Сорокин А. К. Сталин. История одного правления, 1917–1953 : в 2 т. Т. 1. М. : Полит. энциклопедия, 2023.

Такер Р. Сталин. Диктатор у власти. 1928–1941 гг. М. : Центрполиграф, 2013.

Фельдман М. А. Секретное Совещание в ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931 г. — поиск нового экономического курса // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 4. С. 197–214. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М. : РОССПЭН, 1996.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010.

Davies R. W. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4 : Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke ; London : Macmillan Press, 1996.

References

Boldovsky, K. A. (2018). *Padenie "blokadnykh sekretarei". Partapparat Leningrada do i posle "leningradskogo" dela* [The Fall of the "Blockade Secretaries". The Leningrad Party Committee before and after the "Leningrad" Case]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Davies, R. W. (1996). *The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933.* Basingstoke; London: Macmillan Press.

Diakonova, I. A. (1999). *Neft' i ugol' v energetike tsarskoi Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniiakh* [Oil and Coal in the Energy Sector of Tsarist Russia in International Comparisons]. Moscow: ROSSPEN.

Feldman, M. A. (2024). Sekretnoe Soveshchanie v TsK BKP(b) 22–23 iiunia 1931 g. — poisk novogo ekonomicheskogo kursa [Secret Meeting in the Central Committee of the CPSU(b) on June 22–23, 1931 — Search the New Economic Course]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 4, 197–214. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214

Ilyukhov, A. A. (2010). *Kak platili bol'sheviki: politika sovetskoi vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid: The Policy of the Soviet Government in the Field of Wages in 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN.

Khlevnyuk, O. V. (1996). *Politbiuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e* [The Politburo. Mechanisms of Political Power in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN

Khlevnyuk, O. V. (2010). *Hoziain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [The Owner. Stalin and the Establishment of Stalinist Dictatorship]. Moscow: ROSSPEN.

Knyaz'kov, G. (1933). Kapital'noe stroitel'stvo v tiazheloi promyshlennosti v pervoi piatiletke [Capital Construction in Heavy Industry in the First Five-year Plan]. *Planovoe hoziaistvo*, 1–2, 50–61.

Kondrashin, V. V. (2014a). *Khlebozagotovitel'naia politika v gody pervoi piatiletki i ee rezul'taty (1929–1934 gg.)* [Grain Procurement Policy during the First Five-year Plan and its Results (1929–1934)]. Moscow: ROSSPEN.

Kondrashin, V. V. (2014b). Khlebozagotovki v SSSR v gody pervoi piatiletki [Grain Procurements in the USSR during the First Five-year Plan]. *The Agrarian History of Eastern Europe Yearbook*, 369–382.

Krasilnikov, S. A. (2018). Rannesovetskii opyt sotsial'noi mobilizatsii: istoriia dlia teorii [Early Soviet Experience of Social Mobilisation: History for Theory]. *Ural Historical Journal*, 4(61), 38–45. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-38-45

Lelchuk, V. S. (1984). *Industrializatsiia SSSR: istoriia, opyt, problemy* [Industrialisation of the USSR: History, Experience, Problems]. Moscow: Politizdat.

Mukhin, M. Yu. (2006). *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 godakh* [The Aviation Industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow: Novyi khronograf.

Postnikov, S. P., & Feldman, M. A. (2004). *Gosudarstvo i professional'naia podgotovka rabochikh kadrov promyshlennosti Urala v 1900–1940 gg* [The State and Professional Training of Industrial Workers in the Urals in 1900–1940]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Sorokin, A. K. (2023). *Stalin. Istoriia odnogo pravleniia, 1917–1953* [Stalin. The History of One Tenure, 1917–1953] (Vol. 1). Moscow: Politicheskaia entsiklopediia.

Tucker, R. C. (2013). *Stalin — diktator. U vlasti. 1928–1941* [Stalin in Power. The Revolution from above 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Фельдман Михаил Аркадьевич
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного управления
и политических технологий
Уральский институт управления — филиал
РАНХиГС
620144, Екатеринбург, ул. 8 марта, 66
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Feldman, Mikhail Arkadievich
Dr. Hab. (History), Professor
Department of State Administration
and Political Technologies
Ural Institute of Management — Branch
of RANEPA
66, 8 Marta St., 620144 Ekaterinburg, Russia
Email: feldman-mih@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9825-6650
Scopus AuthorID: 36349821300
WoS ResearcherID: AAE-3287-2020

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.012
УДК 94(510):325.2(470) + 94(571.6)“18/19” + + 353 + 323.7 + 94(510.8):82 + 913(510) + + 81’27

С. В. Смирнов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА КИТАЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ В ТРУДАХ РУССКИХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОРИЕНТАЛИСТОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье анализируются особенности презентации российскими дальневосточными востоковедами китайской колонизации Северной Маньчжурии в контексте национальной политики («русского дела») Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. Содержание концепта «русское дело», появившегося в риторике российской дальневосточной администрации и сознании общественных кругов в конце XIX в., трансформировалось в рамках смены внешнеполитического курса России в начале XX в. от «наступательного», имперско-экспансионистского, к национально-оборонительному. Большую роль в изучении китайской колонизации Северной Маньчжурии, занимавшей важное место в сфере обеспечения национальной безопасности России, играла дальневосточная ориенталистика, вызванная к жизни потребностями имперской политики и выступавшая в роли своеобразного экспертного сообщества, стремившегося сохранить известную автономию в отношениях с государством. Для выявления характеристик, дававшихся российскими ориенталистами китайской колонизации, были использованы востоковедческие труды, издававшиеся в Харбине, Владивостоке и Хабаровске. На основании дискурс-анализа материалов востоковедческих публикаций, посвященных китайской колонизации Северной Маньчжурии, было выделено два варианта презентации этого процесса, обозначенных нами как антиимперский и национально-охранительный. Антиимперский дискурс был сосредоточен почти исключительно на критике экспансии России в Китае и переселенческой политики российской администрации на собственном Дальнем Востоке. Сторонники национально-охранительного

© Смирнов С. В., 2026
CC BY-NC

дискурса, реалистично оценивая степень угрозы, которую несла китайская колонизация, предлагали ряд мер, направленных на укрепление национальной безопасности России, ведущее место среди которых в годы Синьхайской революции заняла поддержка автономизации северных некитайских районов бывшей Цинской империи.

Ключевые слова: китайская колонизация; «русское дело»; «желтая опасность»; российские ориенталисты; дискурс; общества востоковедов; Северная Маньчжурия; КВЖД; Харбин

Цитирование: *Смирнов С. В.* Проблема китайской колонизации Северной Маньчжурии в трудах русских дальневосточных ориенталистов конца XIX — начала XX века // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 189–204. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.012

Поступила в редакцию: 07.11.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Sergei V. Smirnov
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

PROBLEM OF CHINESE COLONISATION OF NORTHERN MANCHURIA IN THE WORKS OF RUSSIAN FAR EASTERN ORIENTALISTS OF THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES

This article analyses how Russian Far Eastern scholars portrayed the Chinese colonisation of Northern Manchuria in the context of the Russian Empire's national policy ("the Russian cause") in the Far East in the late nineteenth and early twentieth centuries. The content of the concept of the "Russian cause", which emerged in the rhetoric of the Russian Far Eastern administration and in the consciousness of public circles in the late nineteenth century, underwent a transformation as part of the shift in Russia's foreign policy course in the early twentieth century from an "offensive", imperial-expansionist stance to a national-defensive one.

Brought into being by the needs of imperial policy and acting as a kind of expert community seeking to maintain a certain degree of autonomy in its relations with the state, Far Eastern Oriental studies played a major role in the study of Chinese colonisation of Northern Manchuria, which occupied an important place in the sphere of Russia's national security. To identify the characteristics attributed by Russian Orientalists to Chinese colonisation, the author refers to Orientalist works published in Harbin, Vladivostok, and Khabarovsk. Based on a discourse analysis of Orientalist publications devoted to the Chinese colonisation of Northern Manchuria, two variants of the presentation of this process are identified, which the author designates as anti-imperial and national conservative.

The anti-imperial discourse focused almost exclusively on criticising Russia's expansion into China and the Russian administration's resettlement policy in its own Far East. Realistically assessing the extent of the threat posed by Chinese colonisation, proponents of the national-conservative discourse proposed a series of measures aimed at strengthening Russia's national security, foremost among which, during the years of the Xinhai Revolution, was support for the autonomisation of the northern non-Chinese regions of the former Qing Empire.

K e y w o r d s: Chinese colonisation; "Russian cause"; "Yellow Peril"; Russian Orientalists; discourse; societies of Orientalists; Northern Manchuria; Chinese Eastern Railway; Harbin

F o r c i t a t i o n: Smirnov, S. V. (2026). Problema kitaiskoi kolonizatsii Severnoi Man'chzhurii v trudah russkikh dal'nevostochnykh orientalistov kontsa XIX — nachala XX veka [Problem of Chinese Colonisation of Northern Manchuria in the Works of Russian Far Eastern Orientalists of the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 189–204. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.012

Submitted: 07.11.2024
Accepted: 27.02.2026

Экспансионистская политика Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. обусловила появление в российских политических кругах и русском образованном обществе разнородного комплекса презентаций процесса освоения Россией Дальневосточного региона, включая территорию Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), ведущее место в рамках которого занял имперский дискурс. К важнейшим концептуальным элементам этих презентаций можно отнести концепты «русского дела» и «желтой опасности», получившие достаточно широкое освещение в современной историографии [Баранникова; Гузей; Дятлов, 2000; 2014].

Принимая во внимание большой вклад отечественных и зарубежных ученых в изучение дискурсивных практик российского имперского освоения Дальнего Востока [Ремнев; Схиммельпеннинк ван дер Ойе], мы обращаемся к проблеме, остающейся до сих пор недостаточно исследованной, а именно: как понимали «русское дело» представители российского «экспертного сообщества» — востоковеды, призванные реализовать имперские задачи на Дальнем Востоке, в контексте презентации ими процесса китайской колонизации Северной Маньчжурии, устойчиво воспринимавшегося в российском общественном сознании как одно из проявлений «желтой опасности». В ходе исследования были проанализированы все периодические востоковедческие издания российского Дальнего Востока начала XX в., а также отдельные специальные труды, подготовленные по распоряжению Министерства финансов, Военного министерства и администрации КВЖД в 1890–1910-е гг.

«Русское дело» в имперском дискурсе дальневосточной политики России

Концепт «русское дело» появился в административно-политических кругах Российской империи в конце XIX в. на фоне наступательно-экспансионистской политики России на Дальнем Востоке. После неудачной для китайцев войны с Японией (1894–1895) российское правительство, следуя озвученной С. Ю. Витте стратегии «мирного завоевания» Китая, добилось у Цинской администрации концессии на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) на севере Маньчжурии (1896), вскоре дополненной арендой юга Ляодунского полуострова и концессией на сооружение южной ветки КВЖД (1898). В годы восстания ихэтуаней (1900–1901) русские войска временно оккупировали всю Маньчжурию, что заметно активизировало начавшуюся несколькими годами ранее в политических и военных кругах империи дискуссию о возможном присоединении этой территории к России, так называемый проект «Желтороссии» [Ходяков], потерпевший крушение в результате войны с Японией.

Первоначально содержательное поле «русского дела» определялось набором неразрывно связанных между собой имперских и национальных задач. С одной стороны, империя стремилась достичь своих «естественных границ»; утвердиться на берегах Тихого океана, будущего центра мира; обеспечить продвижение в «отсталые» азиатские страны модерных идей прогресса и цивилизации и православной веры; с другой — добиться полной экономической самостоятельности России перед лицом европейских индустриальных держав и превращения ее в метрополию, а также путем крестьянской колонизации российского Дальнего Востока обеспечить национальную безопасность государства в условиях будущего неминуемого противостояния желтой расе [Ремнев, гл. 4.1].

В контексте российского имперского дискурса формировался ориенталистский образ Китая[1], наделенный такими характеристиками, как деспотическая природа китайского государства; преклонение китайской массы перед властью, обусловленное обычаем почитания авторитета старших; консерватизм и невежество китайцев, цементируемые традиционной системой образования; слабость патриотизма и развития «национально-религиозного духа». Начавшееся в конце XIX в. «пробуждение» многомиллионного «варварского» Китая несло для европейской цивилизации угрозу, нередко воспринимавшуюся в апокалиптических тонах будущего противостояния христианского мира, щитом которого является Россия, и антихристовых «желтых» орд Востока.

Переход России к «оборонительной политике» на Дальнем Востоке после катастрофы русско-японской войны, способствовавшей падению интереса русского общества к этому региону, ограничил трактовку «русского дела» преимущественно национальными задачами в пределах российской дальневосточной

[1] Большой вклад в формирование ориенталистского образа Китая в сознании российского общества на рубеже XIX–XX вв. вносили массовые периодические издания — «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Русский вестник» и др.

окраины. Маньчжурская политика С. Ю. Витте и КВЖД, которая, по словам противников дальневосточных имперских «авантюр», обогатила не Россию, а Маньчжурию, оказалась под градом критики. Сторонники «русского дела», понимаемого в рамках национальных задач, призывали к укреплению вооруженных сил российской дальневосточной окраины, быстрому завершению строительства Амурской железной дороги и активному заселению Приамурья и Приморья русскими колонистами [Баранникова; Макуха]. Особенную активность здесь проявили представители русских предпринимательских кругов Дальнего Востока, заинтересованные в ограничении конкуренции со стороны маньчжурского бизнеса. Так, владивостокский юрист и предприниматель С. Д. Меркулов в докладе, направленном великому князю Александру Михайловичу (1912), указывал на быстрое «окитаивание» русского Приамурья, выражавшееся не только в китайском заселении края, но и в его экономическом подчинении китайцам, чему активно способствовала построенная на русские деньги и управляемая русской администрацией КВЖД [Меркулов].

Усиление националистической тенденции в характеристике «русского дела» сопровождалось ростом антисемитских настроений, в целом мало присущих дальневосточному фронтиру. В частности, делались намеки, что большой ущерб, наносимый «русскому делу» полосой отчуждения, связан с тем, что «русское» население этой зоны на 75 % является еврейским [Давидов, с. 152].

Демократически настроенная часть дальневосточной общественности, особенно в годы революции 1905–1907 гг., видела упрочение «русского дела» на путях предоставления местному обществу более широких прав, требуя «реорганизовать административный строй Приамурского края», «покончить со всякими запретами и хищнической вакханалией в эксплуатации местных богатств», «ослабить канцелярскую опеку Петербурга, расширив полномочия местной администрации и общеземского управления» [Ремнев, с. 446]. Эту же позицию занимала значительная часть русской интеллигентной общественности Харбина.

Сторонники сохранения российского присутствия в Маньчжурии, среди которых особое место занимал публицист-востоковед, участник ряда ориенталистских объединений на Дальнем Востоке, хотя и не имевший востоковедческого образования, Н. П. Штейнфельд, прибегали к имперской риторике в оценке «русского дела».

Штейнфельд, защищая интересы российского предпринимательства в полосе отчуждения, указывал, что Харбин, главный центр «русского дела» в крае, выступает живой рекламой и своеобразной торгово-промышленной выставкой России в Китае, тем самым выполняя важную национальную задачу. Для успешного развития «русского дела» необходимо было коммерциализировать деятельность главного русского предприятия края — КВЖД, предоставив его маньчжурской администрации большую самостоятельность и обеспечив поддержку со стороны дипломатического корпуса. Уход России из Маньчжурии, которая стала регионом-донором для российских районов Дальнего Востока, означал бы и потерю русскими Приамурья и Приморья. Штейнфельд призывал

отказаться от «опасного гипноза исторической традиции, повелевающей России дружить с Китаем», изменить отношение к Японии, забыв прошлые обиды, установить взаимовыгодное сотрудничество и совместно разделить Маньчжурию и Монголию на сферы влияния [Штейнфельд, 1910, с. 80, 133, 162, 166, 184, 185].

При всех расхождениях в трактовке «русского дела» на Дальнем Востоке общим местом для «националистов» и «империалистов» выступал мотив нарастающей «желтой опасности», выражавшейся в миграционном движении китайцев и росте китайского национализма.

Российское востоковедение на Дальнем Востоке

В период «наступательной политики» в Китае одним из насущных вопросов для российской власти стал вопрос подготовки кадров профессиональных востоковедов, призванных развивать «русское дело» на Дальнем Востоке. Эта задача была возложена на открытый в 1899 г. во Владивостоке Восточный институт. Именно выпускники Восточного института, несмотря на их относительную немногочисленность[2], заняли важное место в российской «колониальной» администрации полосы отчуждения КВЖД и общественных научных объединениях. Среди дальневосточных ориенталистов, активно работавших в составе востоковедческих обществ и публиковавшихся в востоковедческой периодике, издававшейся на Дальнем Востоке, можно назвать служащих различных отделов Управления КВЖД А. П. Болобана, Н. П. Мацокина, П. Н. Меньшикова, П. В. Шкуркина; офицеров Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) М. А. Полумордвинова, Е. В. Грегори; сотрудников российских официальных изданий в Харбине А. В. Спицина, А. И. Доброловского, П. С. Тишенко; и др. Другой важной когортой исследователей Китая являлись преподаватели Восточного института, также входившие в число участников востоковедческих обществ.

Что влияло на формирование взглядов дальневосточных ориенталистов на содержание и способы осуществления «русского дела»? По нашему мнению, можно выделить два основных момента. Во-первых, установка востоковедческого сообщества России на более значимую роль, нежели та, которая ему отводилась властью. Роль эксперта, формирующего для широких кругов российского общества «правильные», т. е. соответствующие современному состоянию научных знаний и в то же время культуртрегерским устремлениям, представления о его азиатских соседях. Эта установка была четко обозначена в речи организатора и первого директора Восточного института, профессора А. М. Позднеева, произнесенной по случаю его открытия. Подчеркивая стоявшую перед Россией великую культурную задачу обеспечить посредством железной дороги связь между Западом и Востоком и ввести в «сферу деятельности образованных наций

[2] За 1902–1915 гг. Восточный институт подготовил 162 гражданских выпускника и 104 офицера, обучавшихся в вузе по особым квотам Военного министерства [Ланкина, с. 128].

громадные пространства с неисчислимыми запасами природных богатств», Позднеев указывал: «чтобы будущая деятельность России была действительно успешной, наши работники на Востоке должны быть не какими-либо второстепенными исполнителями, а просвещенными деятелями, способными не только споспешествовать развитию частной предприимчивости и вообще русского дела на Дальнем Востоке, но и распространить среди всего русского общества правильные понятия о нем» [Основание Восточного Института..., с. 69].

Во-вторых, обозначившееся уже в первые годы существования Восточного института расхождение в понимании задач, которые государство ставило перед дальневосточной ориенталистикой, в среде самих востоковедов. Важную роль здесь играла социально-культурная атмосфера дальневосточного фронтира, характеризовавшаяся высокой степенью отхода от традиционных ценностей, что выражалось в нарушении правовых норм, гибкости нравов, невероятной энергичности и предприимчивости [Потапова; Wolff], пространственной мобильности («народ проходимец») и отсутствии интереса к «корням» [Ремнев, с. 453].

Как показывают письма А. М. Позднеева, одной из главных причин его ухода с поста директора Восточного института в 1903 г. стало сильное разочарование от отсутствия должного признания со стороны студенчества и общественности Владивостока его огромных усилий «для пользы Правительства и родины» [Еланцева, 2012, с. 139]. Разработанная Позднеевым новаторская программа подготовки всесторонне развитого востоковеда подверглась нареканиям со стороны части студентов за чрезмерную перегруженность. Также критиковались «схоластические» методы обучения и административный произвол, превративший институт в бурсу. При этом достаточно рано проявился антагонизм между «гражданским» студенчеством, с его приоритетом материально-личностных установок, и «военным», в большей степени разделявшим идейно-государственный подход к подготовке востоковедческих кадров [Басханов, с. 248–251].

Открытый конфликт между администрацией института, которую после ухода А. М. Позднеева возглавил его брат Дмитрий, и студентами (офицеры в этом практически не участвовали) произошел в 1905 г. на фоне разворачивающейся революции, когда институт был эвакуирован в Верхнеудинск [Еланцева, 2013, с. 32]. Только сменивший Д. М. Позднеева на посту директора института в конце 1905 г. профессор А. В. Рудаков, приверженец либеральных взглядов, нормализовал обстановку в вузе, но скрытый антагонизм между «гражданскими» и «военными» студентами сохранился. Администрация Рудакова, рассматривавшая обучавшихся в институте офицеров как «балласт» и элемент контроля со стороны властей, неоднократно подвергалась критике со стороны «военных» студентов за превращение института в «заведение космополитическое по тому индифферентизму, с каким оно относится к идеалам государственным», не способное воспитать специалиста-востоковеда, «увлеченного патриотической идеей служить русскому национальному делу на этой отдаленной нашей окраине» [Басханов, с. 258–259].

После русско-японской войны на российском Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД появились общественные организации, объединявшие как

профессиональных, так и непрофессиональных востоковедов, занимавшихся изучением сопредельных с Россией азиатских стран и населявших их народов. К ним относились созданные в 1908 г. Приамурский (Хабаровск) и Харбинский отделы Императорского общества востоковедения (ИОВ), и Общество русских ориенталистов (ОРО) в Харбине.

Численность членов востоковедческих обществ была достаточно высока. Так, к началу 1914 г. в состав Приамурского отдела ИОВ входило 80 действительных членов и 40 корреспондентов [Отчет о деятельности..., с. 3]. Харбинское Общество ориенталистов на пике своей численности в 1911–1912 гг. включало в свой состав 144 человека [Каневская, Павловская, с. 74]. По изданию востоковедческой периодики Дальний Восток в это время вышел едва ли не на первое место в России. Наряду с «Известиями Восточного института», издававшимися с 1900 г., стали выходить «Вестник Азии» (ОРО) и «Записки» дальневосточных отделов ИОВ.

По мнению Д. Вульфа, востоковедческие общества, в частности Харбинское ОРО, являлись полуофициальными организациями, преследовавшими имперские цели распространения русского влияния в китайской среде [Wolff, p. 159]. Можно согласиться, что объективно исследовательская деятельность российских востоковедов в области географии, экономики, этнографии Северо-Восточного Китая способствовала его имперскому освоению Россией, однако идейное содержание их публикаций, ориентированных согласно задачам востоковедческих обществ на содействие сближению России с народами Азии, выходило за пределы имперского дискурса и даже нередко принимало антиимперский характер.

Основное внимание авторов, особенно в преддверии Синьхайской революции, было приковано к процессу «пробуждения» Китая, начавшемуся в результате проводимых Цинской администрацией реформ в рамках «новой политики» (1901–1911). Указывалось, что благодаря заимствованию европейских нововведений Китай в скором времени сможет занять место среди великих держав мира и сделаться конкурентом многих культурных наций, поэтому для России было бы непростительной ошибкой остаться равнодушной к своему соседу. Перспективы изменения характера отношений с «обновляющимся» Китаем придали особую значимость вопросу о дальнейшем развитии «русского дела» на Дальнем Востоке и факторам, угрожавшим этому.

Китайская колонизация в оценках дальневосточных ориенталистов

Китайское миграционное движение к югу и северу от бассейна реки Амур, заметно активизировавшееся с утверждением России в Приамурском и Уссурийском краях, стало предметом особого внимания российских исследователей сразу после установления новой российско-китайской границы. Свидетельства исследователей Маньчжурии были обобщены в изданном в 1897 г. сводном труде «Описание Маньчжурии», составленном по заданию Министерства финансов коллективом востоковедов под руководством Д. М. Позднеева. «Описание

Маньчжурии» явилось своеобразным научным вкладом в реализацию «наступательной политики» России в Северо-Восточном Китае.

Авторы труда подчеркивали, что бассейн Амура был временно подчинен китайцами в конце XVII в. и долгое время оставался территорией неосвоенной и населенной «различным темным китайским людом». Эти «подонки китайского общества» объединялись в банды, получившие название «хунхузы», «наводившие ужас на мирное население и державшие в осадном положении иногда целые области». Несмотря на запрет для китайцев селиться в северной части Маньчжурии, эта территория стала объектом стихийной китайской колонизации, которую власти сдержать не могли. Китайская колонизация края способствовала тому, что сами маньчжуры, наиболее крупное по численности среди аборигенных тунгусских племен, в значительной степени ассимилировались («окитаились») [Описание Маньчжурии, с. 18, 218–223].

После отмены в 1878 г. запрета для китайцев селиться в Северной Маньчжурии и учреждения на северо-востоке Китая гражданского управления начался новый этап китайской колонизации края. Колонизация стала важным государственным мероприятием, нацеленным на «тесное сближение Маньчжурии с Собственным Китаем», в условиях роста опасений Пекинского правительства в отношении агрессивной политики России. Оценивая результаты китайской колонизации Маньчжурии, авторы указывали, что в скором будущем «благодаря водворению китайской народности до недавнего времени пустынный и дикий край покроется цветущими нивами и бойким обильным населением», а маньчжурские аборигены, попав под влияние мощной китайской цивилизации, совершенно «окитаятся» [Там же, с. 235–249].

Для понимания современной экономической жизни Маньчжурии, а также перспектив ее будущего развития именно фактор китайской колонизации края указывался в качестве важнейшего. Намеченные в «Описании Маньчжурии» направления дальнейшего изучения китайской колонизации — численность и районы размещения новопоселенцев, особенно вдоль границы с Россией, порядок водворения колонистов, открытие новых административных центров в переселенческих районах [Там же, с. 596–597] — во многом и стали определяющими в рамках изысканий, осуществлявшихся после русско-японской войны усилиями исследовательских структур КВЖД, Главного штаба Российской армии, Восточного института и востоковедческих обществ. Эта работа проводилась параллельно с масштабными исследованиями территории российского Дальнего Востока.

При описании причин и основных характеристик китайской колонизации Северной Маньчжурии практически все исследователи были единодушны в том, что она явилась результатом русской экспансии на Дальнем Востоке, начавшейся еще в XVII в. На рубеже 1870–1880-х гг. прежде стихийная колонизация переросла в государственную политику, осуществление которой было возложено на специально созданные структуры: переселенческое управление при генерал-губернаторе Трех Восточных провинций (с 1908 г.), имевшее в подчинении три

провинциальные переселенческие конторы с отделениями в колонизируемых районах [Болобан, 1910, с. 103–104]. Китайские власти прибегали к различным методам колонизации: заселение новых земель вольными колонистами; колонизация при помощи так называемых рабочих батальонов; колонизация на акционерных началах; военные поселения; система пограничных караулов [Дальний Восток, с. 230]. Выделялось несколько магистральных путей и территориальных баз осуществления колонизации, ориентированных на Владивосток, Хабаровск и Благовещенск [Болобан, 1910, с. 93–94; Гребенщиков, 1911, с. 44–45].

Указывалось, что численность новопоселенцев увеличивалась большими темпами — ежегодно за период с 1880-х по 1908 г. примерно на 463 тыс. душ [Болобан, 1911, с. 86]. Местное население Северной Маньчжурии в ходе колонизации подверглось быстрой культурной ассимиляции, практически не встречавшей противодействия, за исключением района Барги (северо-западная часть Маньчжурии), заселенного преимущественно монголами.

Процесс китайской колонизации края, несмотря на наличие отдельных проблем, рассматривался русскими исследователями как успешный. По этому поводу в 1911 г. даже разгорелась полемика между харбинскими ориенталистами и российским официозом в полосе отчуждения КВЖД — газетой «Харбинский вестник», оценивавшей результаты китайской переселенческой политики как неудовлетворительные и потому не создающие опасности для российских владений [К вопросу о колонизации..., с. 136].

Несмотря на схожесть описания китайской колонизации Северной Маньчжурии у разных авторов, дискурс-анализ содержания посвященных данному вопросу статей позволяет выделить две различные, но в то же время не антагонистичные системы презентации этого процесса. Одна из них носила преимущественно антиимперский, а другая — национально-охранительный характер. Антиимперский дискурс, в немалой степени сформированный демократичной атмосферой Восточного института, был сосредоточен почти исключительно на критике российской имперской политики в Китае, спровоцировавшей стремительный рост китайской колонизации, в то время как в национально-охранительном дискурсе основной акцент делался на проблемах обеспечения национальной безопасности России.

«Антиимпериалисты» позиционировали Китай как миролюбивую страну, жертву колониальной агрессии со стороны Европы и России. Именно агрессия иностранцев заставила Цинское правительство в середине XIX в. начать реализацию «европейского курса», т. е. модернизацию страны, что привело к «пробуждению» азиатского гиганта, грозящему перерасти «в любой момент в стихийную бурю» [Давидов, с. 18, 37–39]. Результатом «пробуждения» Китая стал подъем национального самосознания китайцев («появившееся в массе населения сознание собственного достоинства, как представителей нации» [Гребенщиков, 1909, с. 193]) и стремление «возвратить и утвердить свое влияние на всех окраинах, издавна политически связанных с империей, через закрепление границ» [Давидов, с. 19].

Принцип «возвращения и утверждения своего влияния» и был положен в основу китайской колонизации Северной Маньчжурии, которая с начала 1880-х гг. приобрела форму государственной политики. Тем самым правящая маньчжурская династия показала, что готова пожертвовать собственной родиной, т. е. территорией Маньчжурии, в государственных интересах [Давидов, с. 26].

Авторы-«антиимпериалисты» в целом позитивно оценивали колонизационные мероприятия китайского правительства, указывая появление элементов «научной колонизации» (например, учреждение в Пекине специальной школы по изучению колонизации окраин — Чжибянь сюэтан) и побуждение переселенцев администрацией использовать западную технику [Гребенщиков, 1911, с. 42–44].

Упоминания о том, что в ходе китайской колонизации страдают русские интересы в Северной Маньчжурии и создается угроза национальной безопасности России практически отсутствуют, как и сами термины «русское дело» и «желтая опасность». Более того, позитивный характер китайской колонизационной политики, в частности, развиваемые китайской администрацией институты самоуправления в переселенческих районах, использовались авторами в качестве элемента критики переселенческой политики российских властей на Дальнем Востоке. Так, профессор Восточного института Гребенщиков утверждал, что «естественным и рациональным ответом со стороны русских на интенсивное самоустройство китайцев было бы введение на широких началах земского самоуправления, с которым только и возможен культурно-экономический подъем русского Приамурья». Только таким путем население Приамурья может создать себе прочный фундамент и «выдержать возможный стихийный наплыв мирных сынов Срединной Империи» [Там же, с. 46].

Авторы, придерживавшиеся национально-охранительной позиции, делали акцент на некитайском характере окраин Цинской империи — Маньчжурии, Монголии, Синьцзяна и Тибета. Поэтому китайская колонизация Маньчжурии и Монголии, заметно ускоренная российской экспансией на Дальнем Востоке и стремлением Цинов укрепить границы империи, рассматривалась как процесс целенаправленной китаизации этих территорий, сопровождавшийся постепенным сокращением прежних привилегий тунгусских и монгольских племен в рамках знаменной системы, сужением самоуправления (особенно монгольских княжеств) и этнокультурной ассимиляцией аборигенного населения [Дальний Восток, с. 218–219; Отчет коммерческого агента..., с. 8–10]. Именно сопротивление процессу «окитаивания» подталкивало отдельные монгольские владения искать поддержки у российской стороны [Болобан, 1910, с. 117].

Непризнание «исконных прав» Китая на окраинные территории привело к тому, что часть дальневосточных востоковедов в годы Синьхайской революции поддержала идею автономии окраин бывшей Китайской империи после прекращения «договорных отношений» между ними и Цинской династией в результате ее падения, а также образования независимого монгольского государства под покровительством России [Полумордвинов, 1913, с. 16].

Сторонники национально-охранительной линии позиционировали китайскую колонизацию Северной Маньчжурии как экономический и военный вызов российским интересам на Дальнем Востоке, что нередко обозначалось термином «желтая опасность», не имевшим, однако, шовинистического содержания.

Авторы указывали, что планомерно осуществляемая китайским правительством переселенческая политика имела три основных направления («три живые ленты китайских поселений»), нацеленные на районы Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. Они «выводят не только китайских колонистов, но, в случае военных действий, и китайские войска, сосредоточенные в Средней Маньчжурии... на нашу растянутую на две тысячи верст фланговую позицию за Амуром». Те же пути выступали в качестве торговых артерий, «выводящих продукты земледелия и скотоводства с каждым днем все более развивающейся Маньчжурии на рынки нашего Приамурья» [Дальний Восток, с. 233–234]. По мнению отдельных исследователей, если движение китайцев к своим нынешним границам и далее в пределы России в то время носило характер защиты, то в будущем оно угрожало перерасти в поиск своих естественных границ, «каковыми могли явиться Уральские горы». Таким образом, все могло свестись к тому, кто скорее, Россия или Китай, достигнет своих естественных границ [Болобан, 1910, с. 92]. В годы Синьхайской революции дальневосточная ориенталистская периодика неоднократно высказывала опасения относительно возможной войны с Китаем из-за поддержки российской стороной стремлений монголов к независимости.

Какие меры предлагали авторы, разделявшие национально-охранительный дискурс, для защиты «русского дела» на Дальнем Востоке? По мнению А. П. Болобана, нужно было противостоять врагу, используя то же оружие, т. е. осуществляя более энергичную постановку и развитие переселенческого дела на российском Дальнем Востоке, открывая земства, обыкновенные и технические, средние и высшие школы. Только так можно было «бороться с надвигающейся экономической желтой опасностью и предупредить дальнейшее развитие у китайцев усердно внушаемой им со стороны идеи реванша и агрессивных мечтаний» [Там же, с. 126].

Часть востоковедов поддерживала идею дальнейшего развития русского экономического присутствия в полосе отчуждения КВЖД и превращения Харбина в «торгово-промышленную выставку» России в Китае. В. В. Солдатов, сторонник русской сельскохозяйственной колонизации Северной Маньчжурии, ратовал за организацию государственной агрономической помощи для развития русского сельского хозяйства в полосе отчуждения, от которого будет «зависеть все будущее русского дела в Маньчжурии» [Солдатов, с. 27].

Третьи видели средство ослабления китайской угрозы в поддержке автономизации окраин Китая после падения империи [Полумордвинов, 1913].

Рост напряженности в российско-китайских отношениях в период Синьхайской революции способствовал обострению ощущения усиливающейся угрозы российской национальной безопасности на Дальнем Востоке со стороны Китая. Это стало одной из причин, почему в годы Первой мировой войны на фоне

российско-японского сближения в востоковедческой периодике Дальнего Востока получили распространение имперские мотивы, а прочное место среди авторов заняли «империалисты», трактовавшие российско-японское сближение как «единственно правильный путь, который гарантировал бы правильное осуществление государственных задач», и указывавшие Россию и Японию в качестве «бесконтрольных распорядителей судеб Дальнего Востока» [Межак; Полумордвинов, 1914; Штейнфельд, 1914].

Выводы

Российское ориенталистское сообщество Дальнего Востока, формировавшееся в конце XIX — начале XX в. на переломе дальневосточной политики Российской империи, которую должно было обеспечивать кадровым потенциалом, отразило все противоречия переживавшего модернизационные трансформации российского социума, глубокий отпечаток на которые накладывала специфическая социально-культурная среда фронтира. Это способствовало появлению в востоковедческой среде различного понимания национальных задач («русского дела») государства на его дальневосточной окраине, в частности проблемы национальной безопасности, в качестве одной из важнейших угроз которой традиционно рассматривалось китайское миграционное движение. Из двух выделенных нами в публикациях дальневосточных востоковедов дискурсов китайской колонизации Северной Маньчжурии, где Россия имела свои концессионные владения, антиимперский дискурс, в немалой степени сформированный демократичной атмосферой «гнезда» дальневосточного востоковедения — Восточного института, был построен в основном на критике российской колониальной экспансии в Китае и переселенческой политики правительства на российской дальневосточной окраине. Антиимперский пафос многих востоковедческих публикаций, не только посвященных китайской колонизации, требовал отказа России от имперских практик и выстраивания отношений с обновляющимся Китаем на равноправной основе. В рамках национально-охранительного дискурса китайская колонизация Северной Маньчжурии позиционировалась как вызов национальной безопасности России. Для сохранения и укрепления «русского дела» наряду с усилением обороноспособности предлагалась активизация экономического развития дальневосточных окраин России при расширении здесь системы самоуправления и частного предпринимательства. Характерный для национально-охранительного дискурса тезис о некитайском характере окраин Цинской империи, связанных только договорными отношениями с правящей династией, после падения Цинов выразился в признании права коренных народов на автономию, что, казалось бы, должно было остановить китайскую колонизацию, особенно территорий, населенных монголами. Тупик, в который зашли российско-китайские отношения в годы Синьхайской революции, и начавшаяся вскоре мировая война способствовали распространению в дальневосточной ориенталистской периодике имперских настроений, выражавшихся в признании

особых интересов России и Японии в Маньчжурии и Монголии, в том числе права на раздел этих территорий на сферы влияния.

Источники

Болобан А. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127.

Болобан А. Будущее Маньчжурии (Экономические проблемы) // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 80–139.

Гребенщиков А. По Амуру и Сунгари // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 189–212.

Гребенщиков А. Очерк заселения китайского Приамурья // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 34–58.

Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии (области Тао-Нань-Фу) : С прил. свод. карты Чжерим. сейма, снятой с кит. ориг. карты колонизац. р-нов Хэй-Лун-Цзянской провинции и карты окр. Ми-Шань-Фу. Владивосток : Вост. ин-т, 1911. (Известия Восточного института : 12-й год изд. 1910/1911 акад. г. ; Т. 37, вып. 1)

Дальний Восток / Гл. упр. Ген. Штаба ; под общ. ред. Ген. штаба полк. Болховитинова. Т. 3 : Военно-статистический обзор. СПб. : Отд. ген.-квартирмейстера, 1911.

К вопросу о колонизации Северной Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 135–137.

Межак Л. Русско-японское согласие // Вестник Азии. 1916. № 38–39 (Кн. II–III). С. 10–15.

Меркулов С. Д. Русское дело на Дальнем Востоке: Докл. С. Д. Меркулова... вел. кн. Александру Михайловичу [и прения]. СПб. : тип. Ю. А. Мансфельд, 1912.

Описание Маньчжурии (С картой) / сост. в Канцелярии министра финансов под ред. Д. Позднеева. СПб. : М-во фин., 1897.

Основание Восточного Института в г. Владивостоке и торжественный акт его открытия // Известия Восточного института. Т. 1 : 1899–1900 академический год. Владивосток, 1900. С. 1–80.

Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги П. Н. Меньшикова по обследованию Хэйлунцзянской провинции и части Чжэримского сейма Внутренней Монголии: Издание Коммерческой части Кит. Вост. жел. дор. Харбин : Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1913.

Отчет о деятельности Приамурского отдела // Записки Приамурского отдела Императорского Общества Востоковедения. III-й год издания. Вып. III. Хабаровск, 1916. С. 1–12.

Полумордвинов М. А. 1912 год на Дальнем Востоке // Вестник Азии. 1913. № 14. С. 1–21.

Полумордвинов М. О влиянии современных мировых событий на положение дел на Дальнем Востоке // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 7–22.

Солдатов В. Организация агрономической помощи населению в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги // Вестник Азии. 1913. № 16–17. С. 21–27.

Штейнфельд Н. Русское дело в Маньчжурии. С XVII века до наших дней. Харбин : Русско-Китайско-Монгольская тип. газ. «Юань-дунъ-бао», 1910.

Штейнфельд Н. Новый фазис русско-японских отношений // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 57–63.

Исследования

Баранникова А. О. От «Амурского вопроса» до «Русского дела»: национальные интересы России на Дальнем Востоке // Власть. 2016. № 10. С. 144–148.

Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб. : Нестор-История, 2018.

Гузей Я. И. Категория «желтые» в контексте расового дискурса в Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение. 2013. № 2(11), ч. 2. С. 167–178.

Дятлов В. И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 63–89.

Дятлов В. И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 2(20). С. 23–41.

Еланцева О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2012. № 2(30). С. 132–142.

Еланцева О. П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 29–35.

Каневская Г. И., Павловская М. А. Деятельность выпускников Восточного института в Харбине // Известия Восточного института. 1994. № 1. С. 72–77.

Ланкина Ю. С. Повседневная жизнь населения городов юга Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 4(69). С. 123–130.

Макуха Н. А. Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX — начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 2(43). С. 80–85.

Потапова Н. В. Русская православная церковь и духовно-нравственные проблемы дальневосточного общества начала XX века // Интернет-журнал СахГУ. Наука, образование, общество. 2012. № 1(6). С. 9.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004.

Схиммелпеннинк ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 211–227.

Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.406

Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford : Stanford Univ. Press, 1999.

References

Barannikova, A. O. (2016). Ot “Amurskogo voprosa” do “Russkogo dela”: natsional’nye interesy Rossii na Dal’nem Vostoke [From the Amur Question to the “Russian Cause”: National Interests of Russia in the Far East]. *Vlast’*, 10, 144–148.

Baskhanov, M. K. (2018). *Istoriia izucheniia vostochnykh iazykov v russkoi imperatorskoi armii* [The History of the Study of the Oriental Languages in the Russian Imperial Army]. St Peterburg: Nestor-Istoriia.

Dyatlov, V. I. (2000). Migratsiia kitaitsev i diskussiia o “zheltoi opasnosti” v dorevolutsionnoi Rossii [Chinese Migration and the Discussion about the “Yellow Peril” in Pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii*, 1, 63–89.

Dyatlov, V. I. (2014). Ekzotizatsiia i “obraz vraga”: sindrom “zheltoi opasnosti” v dorevolutsionnoi Rossii [Exotisation and the “Image of the Enemy”: The “Yellow Peril” Syndrome in Pre-revolutionary Russia]. *Idei i ideally, 1*(2), 23–41.

Elantseva, O. P. (2012). “Sovershenno novoe uchrezhdenie i neizvedannoe delo”: k istorii stanovleniia Vostochnogo instituta vo Vladivostoke [“Absolutely New Institution and Unexplored Undertaking”: On Establishing Vladivostok Oriental Institute]. *Gumanitarnyi vektor*, 2(30), 132–142.

Elantseva, O. P. (2013). Vostochnyi institut v Verkhneudinske: stranitsy kratkogo prebyvaniia [Oriental Institute in Verkhneudinsk: Pages of a Short Stay]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7, 29–35.

Guzei, Ya. I. (2013). Kategoriia “zheltye“ v kontekste rasovogo diskursa v Rossiiskoi imperii v kontse XIX — nachale XX v. [The Category of the “Yellow” in the Context of Racial Discourse in the Russian Empire in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiia. Religiovedenie*, 2 (11), Pt. 2, 167–178.

Kanevskaya, G. I., & Pavlovskaya, M. A. (1994). Deiatel’nost’ vypusknikov Vostochnogo instituta v Harbine [The Activities of Graduates of the Oriental Institute in Harbin]. *Izvestiia Vostochnogo Instituta*, 1, 72–77.

Khodyakov, M. V. (2018). Zheltorossiia kontsa XIX — nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity [“Yellow Russia” of the Late 19th — Early 20th Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite]. *Noveishaia istoriia Rossii, 8*(4), 880–897. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.406

Lankina, Yu. S. (2014). Povsednevnaia zhizn’ naseleniia gorodov iuga Dal’nego Vostoka Rossii v kontse XIX — nachale XX vv. [The Daily Life of the Population of Cities in the South of the Russian Far East in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Vlast’ i upravlenie na Vostoke Rossii*, 4(69), 123–130.

Makukha, N. A. (2008). Otnoshenie dal’nevostochnoi administratsii k kitaiskoi kolonizatsii Severnoi Man’chzhurii v kontse XIX — nachale XX vv. [The Attitude of the Far Eastern Administration to the Chinese Colonisation of Northern Manchuria in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Vlast’ i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2(43), 80–85.

Potapova, N. V. (2012). Russkaia pravoslavnaia tserkov’ i dukhovno-nravstvennye problemy dal’nevostochnogo obschestva nachala XX veka [The Russian Orthodox Church and the Spiritual and Moral Problems of the Far Eastern Society of the Early 20th Century]. *Internet-zhurnal SakhGU: Nauka, obrazovanie, obschestvo*, 1(6), 9.

Remnev, A. V. (2004). *Rossiia Dal’nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX — nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th — Early 20th Centuries]. Omsk: Izdatel’stvo OmGU.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2001). Ideologii imperii v Rossii imperskogo perioda [Ideologies of Empire in Russia during the Imperial Period]. *Ab Imperio*, 1–2, 211–227.

Wolff, D. (1999). *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford: Stanford University Press.

Смирнов Сергей Викторович
доктор исторических наук, профессор
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Smirnov, Sergei Viktorovich
Dr. Hab. (History), Professor
Department of Modern and Contemporary History
Ural Federal University
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: s.v.smirnov@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0001-9283-8166

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.013
УДК 94(470):793 + 821.161.1-3 Бубеннов + + 82-94 + 82-845 + 130.2

И. В. Нарский
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

Н. В. Нарская
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске
Челябинск, Россия

ОБРАЗ «ФРОНТОВОЙ БЕРЕЗКИ» В КОНТЕКСТЕ ДВУХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ СССР: КАЗУС М. С. БУБЕННОВА

Статья посвящена роману М. С. Бубеннова «Белая береза» как важному артефакту, отражающему процесс формирования образа березы как маркера русской национальной идентичности. Казус Бубеннова, освещенный многими литераторами и литературоведами-современниками, среди которых — В. А. Катаев, К. И. Чуковский, Б. М. Сарнов, К. М. Симонов и др. — представляет интерес для историка российско-советских национальных идентичностей, но пока не оказывался объектом специального исторического исследования. Чтобы осветить роль Бубеннова и его романа в формировании образа «фронтовой березки», в статье предприняты следующие шаги. После описания основных вех жизни и деятельности Бубеннова предстоит кратко познакомиться с содержанием его романа «Белая береза», а также с реакцией профессиональных критиков и рядовых читателей на это литературное произведение. Затем «Белая береза» рассматривается в контексте двух советских литературных традиций, актуальных по сей день: с одной стороны — возвеличивания («фронтовой») березки как символа России, с другой — критики чрезмерной эксплуатации образа «русской березы» как проявления лжепатриотизма. Авторы приходят к выводу, что образ «фронтовой березки» в (литературном) творчестве и массовом сознании свидетелей войны, ее участников и современников оказался центральным, стягивающим различные патриотические коннотации — Родины в опасности, Родины, пострадавшей от жестокого врага; Родины, спасшей от смерти своего солдата, готового защитить ее ценой собственной жизни; Родины, скорбящей о павших героях. Вместе с тем, эпиграмму Э. Г. Казакевича и А. Т. Твардовского на «певца “Березы”» Бубеннова позволительно рассматривать как один из первых импульсов к формированию традиции критического отношения к злоупотреблению образами березы как навязчивого маркера русской национальной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: М. С. Бубеннов; «Белая береза»; Великая Отечественная война; «фронтовая березка»; русская национальная идентичность; патриотизм; эпиграмма

© Нарский И. В., Нарская Н. В., 2026
CC BY-NC

Благодарности
Проект поддержан субсидией ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», полученной в результате победы в конкурсе научных, образовательных, инновационных, внедренческих и просветительских проектов по направлению «Политика в области развития современного социально-гуманитарного знания» (№ 2025-306/2-3).

Цитирование: *Нарский И. В., Нарская Н. В.* Образ «фронтовой березки» в контексте двух литературных традиций СССР: казус М. С. Бубеннова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 205–218. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.013

Поступила в редакцию: 01.04.2025
Принята к печати: 27.02.2026

Igor V. Narskii
Perm State University
Perm, Russia

Natalya V. Narskaya
Branch of the Air Force Military Training and Research Centre 'Air Force Academy' in Chelyabinsk
Chelyabinsk, Russia

IMAGE OF THE "FRONT BIRCH" IN THE CONTEXT OF TWO LITERARY TRADITIONS OF THE USSR: THE CASE OF M. S. BUBENNOV

This article examines M. S. Bubennov's novel *The White Birch* as an important artefact reflecting the process by which the image of the birch tree came to be established as a marker of Russian national identity. Bubennov's case, which was discussed by many contemporary writers and literary scholars including V. A. Kataev, K. I. Chukovsky, B. M. Sarnov, K. M. Simonov, and others, is of interest to historians of Russian and Soviet national identities but has not yet been the subject of specific historical research. To shed light on the role of Bubennov and his novel in shaping the image of the "frontline birch", the authors take the following steps. After a description of the main milestones in Bubennov's life and work, there is a brief overview of the content of his *The White Birch*, as well as the reaction of professional critics and ordinary readers to this literary work. *The White Birch* is then examined in the context of two Soviet literary traditions that remain relevant to this day: on the one hand, the glorification of the ("frontline") birch as a symbol of Russia; on the other, the criticism of the excessive exploitation of the image of the "Russian birch" as a manifestation of false patriotism. The authors conclude that the image of the "frontline birch" in (literary) works and in the collective consciousness of war witnesses, participants, and contemporaries proved to be central, bringing together various patriotic connotations, such as the Motherland in danger, the Motherland suffering at the hands of a cruel enemy; the Motherland

saved from death by her soldier, ready to defend her at the cost of his own life; and, finally, the Motherland mourning her fallen heroes. At the same time, the epigram by E. G. Kazakevich and A. T. Tvardovsky on Bubennov, the "glorifier of the *Birch*", may be regarded as one of the first impulses towards the formation of a tradition of critical attitude towards the abuse of birch imagery as an intrusive marker of Russian national identity.

K e y w o r d s: M. S. Bubennov; *The White Birch*; Great Patriotic War; "frontline birch"; Russian national identity; patriotism; epigram

Acknowledgements
The project is supported by a grant from Perm State National Research University, received as a result of winning a competition for scientific, educational, innovative, implementation and educational projects in the field of "Policy in the Development of Modern Knowledge in Social Studies and the Humanities" (No. 2025-306/2-3).

F o r c i t a t i o n: Narskii, I. V., & Narskaya, N. V. (2026). Obraz "frontovoi berezki" v kontekste dvukh literaturnykh traditsii SSSR: kazus M. S. Bubennova [Image of the "Front Birch" in the Context of Two Literary Traditions of the USSR: The Case of M. S. Bubennov]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 205–218. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.013

Submitted: 01.04.2025
Accepted: 27.02.2026

Британский историк Э. Хобсбаум отмечал: «"Традиции", которые кажутся старыми или претендуют на принадлежность к древности, часто имеют совсем недавнее происхождение, а то и вовсе являются изобретенными» [Hobsbawm, p. 1]. Этот знаменитый тезис Э. Хобсбаума применим не только к ритуалам британской монархии и английских университетских корпораций, но и к образу русской березы. Вопреки широко распространенному убеждению, что береза испокон века была русским национальным символом, она начала приобретать такой статус лишь в 1940–1950-е гг., и центральную роль в процессе «русской прописки» березы, как будет показано ниже, сыграл опыт Великой Отечественной войны.

Начнем мы эту историю с конца — с анекдотического эпизода. Этот анекдот, в свою очередь, в соответствии с жанром, имеет несколько версий [Каверин, с. 329; Борев, с. 140; Сарнов, 2002, с. 185–187; 2009, с. 233–234]. В самом сжатом виде его можно рассказать следующим образом. В середине 1950-х гг. не то в ресторане, не то в старом доме писателей в Лаврушинском переулке во время застолья произошла драка. Ее участниками были драматург А. А . Суров и писатель М. С. Бубеннов. В послевоенные годы они входили в обойму официально признанных и обласканных государственной милостью литераторов, оба были лауреатами Сталинской премии. Оба были антисемитами и в атмосфере ксенофобии в позднесталинском СССР чувствовали себя как рыба в воде. Оба переживали после смерти Сталина не лучшие времена.

Доподлинно неизвестно, что именно послужило причиной конфликта. По одной из версий, Суров задирал застольного визави, утверждая, что писатель В. С. Гроссман талантливее Бубеннова. Завязалась драка. В ход были пущены мебель и столовые приборы. Бубеннов ударил Сурова вилкой в ягодицу. Случай получил огласку и разбирался парткомом писательской организации. Писатели Э. Г. Казакевич и А. Т. Твардовский отреагировали на это происшествие эпиграммой, начав с парафраза строки Пушкина «Суровый Дант не презирал сонета...». Эпиграмма имеет несколько вариантов. Вот один из них:

Суровый Суров не любил евреев,
Где только мог, их всюду обижал.
За что его не уважал Фадеев,
Который тоже их не обожал.
Но вышло так: сей главный из злодеев
Однажды в чем-то где-то не дожал,
М. Бубеннов, насилие содеяв,
За ним вдогонку с вилкой побежал.
Певец «Березы» в <...> драматургу,
Как будто иудею Эренбургу,
Фамильное вонзает серебро...
Но следуя традициям привычным,
Лишь как конфликт хорошего с отличным
Всё это расценило партбюро.

[Korob-kov]

Кто же он, этот «певец “Березы”»? О какой березе идет речь? Почему авторы эпиграммы характеризуют участников драки как «хорошего с отличным»? Какую роль эта эпиграмма сыграла в судьбе автора «Белой березы»? Какое отношение, в конце концов, упоминаемая в эпиграмме «Береза» и сама эпиграмма имеют к концептам русской национальной идентичности и березы как важного национального символа? Чтобы ответить на эти вопросы, в статье будут предприняты следующие шаги. После описания основных вех жизни и деятельности Бубеннова предстоит кратко познакомиться с содержанием его романа «Белая береза», а также с реакцией профессиональных критиков и рядовых читателей на это литературное произведение. Затем «Белая береза» рассматривается в контексте двух советских литературных традиций, актуальных и сегодня: с одной стороны — возвеличивания («фронтовой») березки как символа России, с другой — критики чрезмерной эксплуатации образа «русской березы» как проявления лжепатриотизма.

Штрихи к биографии

Михаил Семенович Бубеннов (1909–1983) происходил из семьи алтайских крестьян. По окончании в 1927 г. школы-девятилетки с педагогическим уклоном он учительствовал в сельской местности Сибири и Татарии, тогда же

начав литературную деятельность. В 1929 г. он принял участие в I Всесоюзном съезде крестьянских писателей, где его заметил А. С. Новиков-Прибой. В 1933 г. Бубеннов сменил учительство на журналистику, став корреспондентом газеты «Красная Татария». В 1930-е гг. он опубликовал несколько очерков и рассказов о Гражданской войне и колхозной деревне. В 1939 г. Бубеннов был принят в Союз писателей Татарии.

В 1941 г. Бубеннова направили в военное минометное училище в Воткинск. В марте 1942 г. его определили командиром роты в составе 88-й стрелковой дивизии. В том же году его командировали в дивизионную газету «За родину», затем в газету 10-й гвардейской армии «Боевое знамя». Первая газетная информация о подвиге А. М. Матросова принадлежит именно Бубеннову. Сведения о его фронтовом опыте разнятся. В 1946 г. Бубеннов был уволен в запас в звании гвардии старшего лейтенанта.

В 1947 и 1952 гг. Бубеннов издал военный роман «Белая береза». За первую часть романа в 1948 г. он получил Сталинскую премию первой степени. Основанием для награждения незавершенного литературного произведения послужило якобы тяжелое состояние здоровья автора. И. В. Сталин проявлял к Бубеннову не соответствующую его писательским кондициям благосклонность, заботился о его лечении и даже разрешил ему звонить себе. Присуждение первой части романа «Белая береза» высшей писательской награды СССР поставило Бубеннова, еще вчера никому не известного писателя-фронтовика, в один ряд с крупнейшими авторами.

Вторую часть романа ждал менее благожелательный прием. Выведенный на ее страницах слащавый образ генералиссимуса не понравился самому Сталину, и Бубеннов отказался от написания третьей части романа, первая часть которого принесла ему неожиданную громкую славу. После 1956 г. вторая часть романа подверглась критике как написанная в духе культа личности. Это заставило Бубеннова переделать роман, изъять славословия в адрес Сталина, местами переписать текст, завершить его новым эпилогом.

«Белая береза» была переведена на иностранные языки и издана не только в социалистических странах, но и во Франции, Великобритании и Японии. В СССР 1950-х гг. «Белая береза» входила в список обязательного школьного чтения. При жизни автора она выдержала около шестидесяти изданий. Но дальнейшего литературного успеха автор не снискал, хотя и написал в 1950–1970-е гг. несколько производственных романов. С 1965 по 1975 г. Бубеннов входил в правление Союза писателей РСФСР, однако его литературная слава рубежа 1940–1950-х гг. закатилась навсегда.

Бубеннов — литературный критик

В конце 1940-х гг. Бубеннов в составе группы писателей-фронтовиков стал влиятельной фигурой в Союзе писателей СССР [Цыганов, с. 41, 366, 374–375, 387, 438]. После головокружительного успеха «Белой березы» Михаил Бубеннов

попробовал себя в роли литературного критика. В качестве объектов критики он выбирал произведения о войне, написанные талантливыми писателями, заявившими о себе еще задолго до Великой Отечественной войны. Самыми известными его рецензиями 1950 и 1953 гг. стали разгромные разборы романов Валентина Катаева и Василия Гроссмана, выдвинутых на присуждение Сталинской премии.

В январе 1950 г. в двух номерах «Правды» вышла статья Бубеннова о романе Катаева «За власть Советов!» [Бубеннов, 1950]. Новая книга Катаева задумывалась как завершающая часть четырехтомной эпопеи о Гаврике Черноиваненко и Пете Бачее — полюбившихся читателю главных героях повести Катаева «Белеет парус одинокий» (1936) об Одессе во время революции 1905 г.[1] В новом романе Катаева действие происходило в оккупированной гитлеровскими войсками Одессе, ее герои — участники одесской подпольной борьбы с оккупантами.

Книга вызвала острую дискуссию. Бубеннов примкнул к непримиримым критикам, громившим книгу Катаева. Скорее всего, у Бубеннова была могущественная поддержка, поскольку редакция «Правды» в специальном комментарии заявила, что полностью разделяет оценку Бубеннова и считает ошибочной точку зрения, изложенную в напечатанной неделей раньше рецензии М. Крымова [От редакции]. Согласно гулявшей в писательских кругах полуапокрифической версии, Бубеннов отправил рукопись рецензии Сталину. Тот якобы прочитал ее и ночью позвонил Бубеннову, похвалил, разрешил по необходимости звонить себе, а затем распорядился напечатать рецензию в «Правде» [Рыбаков, с. 221; Цыганов, с. 438]. В результате роман Катаева был снят с участия в конкурсе на присуждение Сталинской премии и отправлен на доработку [Цыганов, с. 439].

В феврале 1951 г. Бубеннов вновь не без успеха вмешался в обсуждение номинантов на Сталинскую премию [Там же, с. 502–504], а также попытался дать взволновавший не только литературную общественность сигнал к идеологической кампании наподобие той, что была организована двумя годами ранее против «космополитов». Речь идет о знаменитой статье в «Комсомольской правде» о разоблачении литературных псевдонимов [Бубеннов, 1951], благодаря чему Бубеннов стал участником схватки, в которую оказались вовлечены литературные тяжеловесы К. М. Симонов и М. А. Шолохов [Симонов, 1951а; Шолохов, 1951; Симонов, 1951б]. В этой дискуссии последнее слово осталось за Симоновым, решительно выступившим против антисемитских заявлений Бубеннова и Шолохова. Современник этого события, в те годы студент Литературного института Б. М. Сарнов, позднее вспоминал: «Этот симоновский поступок казался тогда отчаянно смелым. И не только казался, но и был» [Сарнов, 2009, с. 241].

Спустя два года, в январе 1953 г., в «Правде» была опубликована разгромная рецензия Бубеннова на роман В. С. Гроссмана «За правое дело», одно из первых

[1] Вторая и третья части тетралогии будут написаны позже: «Хуторок в степи» — в 1956 г., «Зимний ветер» — в 1960–1961 гг.

художественных произведений о Сталинградской битве [Бубеннов, 1953]. Этот роман претендовал на Сталинскую премию, на соискание которой тогда же была подана и вторая часть «Белой березы» Бубеннова. В писательской среде подобные нападки на конкурента были восприняты как проявление нечистоплотности [Цыганов, с. 573]. Действительно, роман Гроссмана в результате разноса в «Правде» пылился в редакционном портфеле журнала «Новый мир» долгие три года.

Активность Бубеннова на поприще нечистоплотной, по мнению многих деятелей культуры, литературной критики позволяет понять одну из причин глухого забвения автора «Белой березы» позднесоветской и российской читающей публикой.

Почему «Белая береза»?

Чтобы оценить, насколько заслуженной была слава романа «Белая береза» на рубеже 1940–1950-х гг., полезно кратко ознакомиться с его содержанием и образами березы на его страницах. Роман посвящен событиям Великой Отечественной войны осени — зимы 1941 г. Автор описывает отступление Красной армии и контрнаступление под Москвой [Бубеннов, 1981]. Главным героем романа является солдат Андрей Лопухов, крестьянский паренек из деревни Ольховка, через которую он проходит с отступающей частью.

Образы березы играют в романе важную роль. Бубеннов предпослал тексту два эпиграфа — строки из народной песни «Во поле березонька стояла» и четыре первые строки из стихотворения А. К. Толстого «Острою секирой ранена береза». Всего в тексте существительное *береза* и производные от него (*березняк*, *березовый* и т. д.) упоминаются более сотни раз, причем в первой части примерно вдвое чаще, чем во второй. Березовые рощи и отдельные деревья то и дело встречаются героям романа на пути отступления, при подготовке к бою, в ходе сражения, на сельской улице, площади или за околицей. Предметы, изготовленные из березовой древесины, важны при описании персонажей и их действий. Из березы изготавливают отступающие красноармейцы слеги для переноски раненых товарищей, на березовую палку опирается пожилой колхозник Осип Михайлович, мужественно принявший смерть от нацистских палачей... Более прагматично, чем местные жители и бойцы Красной армии, обращаются с березой оккупанты. Они заставляют колхозников рубить березовую рощу близ Ольховки, чтобы огородить свою комендатуру и место постоя, соорудить виселицу для партизан, заготовить кресты на могилы немецких солдат.

Однако чаще образы берез выполняют символические функции. Они отражают общую атмосферу, настроение героев, трансформацию их характеров. Березы выступают живыми свидетелями и участниками событий. Наконец, образ березы в романе олицетворяет малую родину — родной, с детства до мелочей знакомый и обжитый сельский уголок, — и Родину большую — Россию и социалистическое отечество.

Автор в контексте ситуаций, в которых оказываются его персонажи, пишет о «любимых березах», «искалеченной березе», «неугасимом свете белых берез», «березах-сиротинках». В занятой немецкими войсками деревне «березы качали голыми ветвями устало и безнадежно» (с. 126)[2]. В роще, в которой остановились отступающие красноармейские части, «березки неторопливо раскладывали вокруг себя желтенькие листья-карты, будто гадали о своей судьбе» (с. 177). Во время отступления красноармейцы видели, как «березки да ольхи метались, ища защиты от смертного лесного сквозняка, — издали казалось, что они бегут долой с болота» (с. 188). Пленный немецкий офицер, выглядывая в окно, видит, что «молоденькая березка, стоявшая в палисаднике, точно на посту, замахала на него голыми ветками» (с. 200), а у советского монумента в берлинском Трептов-парке «березкам-сиротинкам уже никогда не поднять своих плакучих ветвей в небо, никогда не расти ввысь — им вечно печалиться вместе с людьми» (с. 539).

В романе есть несколько эпизодов, в которых береза олицетворяет Родину. Центральное место в романе занимает первое большое сражение под Москвой, в котором участвует Андрей Лопухов. В описании его подготовки, хода и результата береза играет ключевую роль. Березка посреди поля предстоящего боя представляется полезным ориентиром, но постепенно ее значение вырастает до символа Родины, опаленной войной, но выстоявшей в ней:

> Всюду по полю чернели груды металла, совсем недавно обладавшего могучей жизнью и силой, — от иных все еще струился желтоватый чад. И всюду на клочках поля, где остался снег, виднелись темные пятна трупов... А среди этого страшного поля, где целый день с неистовой силой бушевали огонь и железо, где все было попрано смертью, на небольшом голом пригорке, как и утром, стояла и тихо светилась в сумерках одинокая белая береза.
>
> – Стоит! — изумленно прошептал Андрей.
>
> И Андрею показалось необычайно значительным, полным глубокого смысла, что вот здесь, на открытом месте, в таком жестоком бою, как святая, выжила эта береза — красивое песенное дерево. Сама природа поставила ее здесь для украшения бедного в убранстве поля, и, значит, сама природа даровала ей бессмертие. И еще сильнее почувствовал Андрей то, что пришло к нему впервые в жизни. Но теперь он знал: это счастье победы. Он был счастлив, что стал солдатом, что вечером стоит на том же самом месте, где утром начал бой. Несколько секунд Андрей не отрывал от березы очарованного взгляда. Затем, тронув рукой край траншеи, будто клянясь самой земле, сказал с большим торжеством и ликованием в душе:
>
> – И будет стоять! (с. 275)

Через изменение восприятия Андреем одинокой березки в пространстве сражения писатель показывает перемену в главном герое, который не только видит в ней другую, большую Родину, но и учится ее любить и защищать.

---

[2] Здесь и далее цитаты из романа «Белая береза» даются по изданию [Бубеннов, 1981] с указанием номера страницы в круглых скобках.

В эпилоге романа березы приобретают новое символическое значение. Действие происходит в 1949 г. в Берлине, в Трептов-парке, куда приходит преждевременно поседевшая вдова Андрея с семилетним сыном, которого отец никогда не видел. В этой сцене березы становятся символом России не силой воображения автора книги, а замыслом скульптора, поместившего мемориал в «оправу» российских берез, и соучастием советских военнослужащих и колхозных крестьян, выбравших и доставивших саженцы с родины Андрея в столицу поверженной Германии (с. 539–541). «Всей деревней выбирали березки для кладбища в Трептов-парке и выбрали, по общему согласию, двух таких красавиц, какие встречаются только на русской земле! Крепкие, стройные, словно бы поющие о торжестве и величии жизни... Да, это правда, теперь они в Берлине» (с. 541). В конце книги читатель узнает, что главный герой, проделавший сложный путь становления в качестве русского патриота, погиб за Россию, которую символизируют высаженные вдали от родной земли русские березки.

Рецепция «Белой березы»

Каковы были реакции литературоведов на роман Бубеннова и на использование в нем образа березы? Критика благосклонно, если не восторженно приняла «Белую березу» [Альтман; Барсук, Ушков; Гринберг; Ковальчук; Луканов, Белик; Субоцкий; Шкерин]. Авторы рецензий и обзоров видели главную удачу Бубеннова в показе формирования на войне нового советского — по сути великорусского, хотя термин этот не использовался — патриотизма. По убеждению Л. М. Субоцкого, молодых колхозных крестьян, прошедших через полную тягот победоносную войну, уже не заманить «в душный "мирок" патриархальной ограниченности дореволюционной и доколхозной деревни» [Субоцкий, с. 114–115]. Широта и сознательность выкованного в огне войны патриотического чувства позволяют уже не видеть родину исключительно в «родимой сторонке», а осознавать, насколько «широка страна моя родная», в которой и традиционной крестьянской березке тоже находится новое место. В большинстве обзоров отмечается следование Бубеннова традициям народного творчества и талант в изображении пейзажа. В двух рецензиях роль березы в романе заслуживает специального упоминания. И. Л. Альтман дважды цитирует конец первой части романа с описанием одинокой березы в начале и конце боя [Альтман]. Большое внимание уделили определению роли березы в романе А. Барсук и Н. Ушков:

> Через всю книгу Бубеннова проходит поэтический образ белой березы, «красивого, песенного дерева, самого любимого в нашей стране»[3]. Он возникает всякий раз, когда автору нужно противопоставить мрачному, зловещему, разрушительному началу, началу распада и смерти, молодость, чистоту, стойкость и веру в победу.

[3] Характеристика березы как дерева, «самого любимого в нашей стране», вошла в первое издание романа и была изъята автором в годы оттепели.

> И это не случайно. Автор символизировал в образе белой березы нашу родину, вечно юную и чистую. И в горе, и в страданиях она стоит прекрасная и величественная. <...>
>
> Эта береза, стоящая как ориентир на поле боя, одинокая среди огня — советская Россия, страна, которая стоит на переднем крае, впереди всех народов, и служит ориентиром человечеству.
>
> Следует заметить, что автор проявляет здесь большую художественную смелость, в самых ответственных местах книги возвращаясь к этому, казалось бы, банальному образу. Он сумел найти средства, чтобы вернуть образу его первоначальную свежесть, наполнить его глубоким смыслом [Барсук, Ушков, с. 183].

Особо подчеркивается в рецензиях выраженная в романе Бубеннова связь природы и людей. Ландшафт без «жизненного драматизма» банален, как банален и традиционно опоэтизированный образ березки. «Большая художественная смелость» в регулярном обращении к этому образу состоит в возвращении ему «первоначальной свежести» и наполнении его «глубоким смыслом». Этот смысл — в олицетворении в березке не только родного (крестьянского) дома, а всей (Советской) России. Эта мысль звучит не только в рецензиях на «Белую березу», уделяющих внимание названию романа, но и в тех обзорах, которые не акцентируют внимание на роли березы в произведении Бубеннова.

Но если критики были единодушны в высокой оценке романа, то читатели встретили его по-разному. Актриса и художница О. Н . Гильдебрандт-Арбенина 25 августа 1952 г. записала в своем дневнике:

> ...Какая сейчас неинтересная жизнь, несмотря на похвальбу! Безобразная живопись; даже мои талантливые москвичи посерели и иссякли — от страха и отсутствия своб[одного] времени. И какая скучная литература! «Белая береза», «Далеко от Москвы» и пр. — просто неудобоваримое чтиво. А кому-то нравится. Неглупая Наташа А. уже плачет! Галя умиляется на кинокартинах...
>
> ...В такое время не хочется жить [Гильдебрандт-Арбенина]

А таксист, которому, согласно записи в дневнике К. И. Чуковского от 20 октября 1953 г., пьяный пассажир Бубеннов не только не заплатил за поездку, но и выбил зуб, не стал обращаться в милицию, потому что был поклонником его романа [Чуковский, с. 205]. «Белая береза» многими, видимо, действительно воспринималась как правдивый текст и увлекательное чтение.

«Белая береза» в двух традициях советской литературы

Каковы бы ни были различия в восприятии современниками романа «Белая береза», его следует рассматривать как веху в формировании образа «фронтовой березки», созданной фронтовым поколением. Бубеннов не был талантом, сказавшим новое слово в литературе, и награда ему была выдана в известной степени авансом, до публикации всего произведения. Но он был участником решительного этапа в утверждении березы в качестве «русского дерева», символа

России. О березе — ориентире на поле боя, выстоявшей посреди ожесточенного сражения, до Бубеннова, в 1942 и 1944 гг., повествовали М. А. Шолохов [1986] и И. А. Ефремов [1992]. Но значительно ярче образ березки «посреди огня» создавался советской поэзией военных и послевоенных лет. Формообразующая роль в этом процессе принадлежит отдельным стихотворениям К. М. Симонова [1979], Я. З. Шведова [1975], А. Прокофьева [1976].Образ «фронтовой березки» в стихах свидетелей войны, ее участников и современников оказался центральным, стягивающим различные коннотации — Родины в опасности; Родины, пострадавшей от жестокого врага; Родины, спасшей от смерти своего солдата, готового защитить ее ценой собственной жизни; Родины, скорбящей о павших героях [Нарский, Нарская, 2025б]. Не исключено, что в конечном счете акт спасения, преодоления, победы и осуществил работу по превращению березы в сознании фронтовиков — а затем и других поколений советско-российских граждан — в славный символ Родины, победившей смертельного и безжалостного врага.

Иногда избыточное увлечение поэтов березками становилось поводом для критики собратьями по перу как проявление дурновкусия, «национального чванства» и «квасного патриотизма». В критическом дискурсе о чрезмерной эксплуатации березы как русского национального символа принимали участие многие советские литераторы — М. В. Исаковский, Н. Наджми, В. К. Павлинов, А. И. Гельман, С. Д. Довлатов и ряд других [Нарский, Нарская, 2025а]. Однако мы предполагаем, что большой вклад в развитие критики березы как навязчивого, китчевого маркера русской национальной идентичности был заложен приведенной в начале статьи эпиграммой Казакевича и Твардовского на Сурова и Бубеннова.

Эта эпиграмма имела дюжину редакций, свидетельствующих о богатой устной традиции. В этом стихотворении почти каждая строка имеет варианты, включая подаренную Твардовским и лучшую, по мнению Б. М. Сарнова, строку «Столовое вонзает серебро». Лишь две строки не имеют альтернативных версий. Одна из них касается «конфликта хорошего с отличным». Здесь авторы эпиграммы тонко иронизируют по поводу «теории бесконфликтности», согласно которой в современном социалистическом обществе — и в отражающей его проблемы литературе — классический конфликт «хорошего с плохим» заменяется конфликтом «хорошего с лучшим» [Казак, с. 420]. Задним числом обвинение в следовании этой теории адресовалось литературе рубежа 1940–1950-х гг., в том числе роману Бубеннова «Белая береза».

Вторая строчка, оставшаяся неприкосновенной во всех версиях эпиграммы, посвящена певцу «Березы» Бубеннову и мягкому месту драматурга Сурова. Мы готовы поспорить с Б. М. Сарновым: по-видимому, именно она, а не сочиненная Твардовским, является лучшей в стихотворении Казакевича. Здесь самое грубое название ягодиц помещено между твардовским благородным «фамильным / семейным серебром» и поэтическим «певцом березы». Хлесткая строка эпиграммы смеховым эффектом снижает оба высоких образа, но в большей степени

стоящую совсем рядом «березу». Вряд ли Казакевич сознательно добивался снижающего эффекта и даже сомнительно, что он осознавал его, поскольку в те годы береза еще не завершила окончательного превращения в неоспоримый символ России. Процесс «русификации» березы достиг апогея лишь в 1960-е гг. [Нарский, Нарская, 2025б]. Но не исключено, что именно от этой строки эпиграммы позволительно отсчитывать стихийное начало традиции публичного критического дискурса в литературных текстах о березе как символе китча и фальшивого патриотизма.

Лично для Бубеннова эта эпиграмма стала, видимо, последним гвоздем, вколоченным в гроб его репутации. Если своими рецензиями и особенно статьей о псевдонимах он зарекомендовал себя как карьерист и грубиян, то после ославленной Казакевичем и Твардовским драки с Суровым он превратился в комического персонажа.

Итак, слава Бубеннова закатилась, а его военный роман оказался забыт. Но был ли тем самым снят с повестки образ березы как русского дерева и символа воюющей России, который пропагандировал Бубеннов? Конечно, нет. Мужчины-фронтовики, а также возмужавшие дети и подростки войны в поэзии и прозе, кино и живописи 1940–1980-х гг. создали и отшлифовали образ «фронтовой березки», в развитие которого большой вклад внес Бубеннов. Это был многомерный, многослойный символ Родины в ситуации смертельной опасности. В нем сочетались образы юной дрожащей девушки, вдохновляющей на подвиг своей чистотой и беззащитностью; заботливой медсестры, спасающей жизни; матери и любимой, ждущих бойцов домой. «Фронтовая березка» обрела функции места траура и памяти, символа испытаний, стойкости и надежды на счастливое возвращение.

Образ березы стараниями деятелей культуры из поколений участников и свидетелей войны стал подлинной кладовой смыслов. Именно фронтовики, из среды которых вышел М. С. Бубеннов, придали процессу превращения березы в «русское дерево» новый, небывалый импульс.

Источники

Альтман И. Поэзия правды // Правда. 1947. 25 авг. С. 3.

Барсук А., Ушков Н. Роман Михаила Бубеннова «Белая береза» // Знамя. 1948. № 5. С. 181–184.

Борев Ю. История государства советского в преданиях и анекдотах. М. : РИПОЛ, 1995.

Бубеннов М. О новом романе Валентина Катаева «За власть Советов!» // Правда. 1950. 16 янв. С. 2–4; 17 янв. С. 2–4.

Бубеннов М. Нужны ли сейчас литературные псевдонимы? // Комсомольская правда. 1951. 27 февр. С. 3.

Бубеннов М. О романе В. Гроссмана «За правое дело» // Правда. 1953. 13 февр. С. 3–4.

Бубеннов М. Белая береза // Бубеннов М. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М. : Современник, 1981.

Гильдебрандт-Арбенина О. Девочка, катящая серсо... Мемуарные записи. Дневники. М. : Молодая гвардия, 2007 // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.

com/read/nikolaevna_gildebrandtarbenina/devochka_katyashchaya_serso.html#860160 (дата обращения: 20.03.2025).

Гринберг И. Критика и новая проза // Новый мир. 1948. № 9. С. 267–282.

Ефремов И. А. Звездные корабли : повесть // Ефремов И. А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М. : Сов. писатель, 1992. С. 311–380.

Каверин В. А. Эпилог. М. : Моск. рабочий, 1989.

Ковальчук Е. Черты современной литературы // Новый мир. 1948. № 9. С. 225–248.

Луканов Г., Белик А. О творческом методе социалистической литературы // Октябрь. 1948. № 7. С. 177–191.

От редакции // Правда. 1950. 16 янв. С. 2.

Прокофьев А. А. Стоит березка фронтовая // Прокофьев А. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1976. С. 476.

Рыбаков А. Н. Роман-воспоминание. М. : Вагриус, 1997.

Симонов К. Об одной заметке // Литературная газета. 1951а. 6 марта. С. 3.

Симонов К. Еще об одной заметке // Литературная газета. 1951б. 10 марта. С. 2.

Симонов К. Родина // Симонов К. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1979. С. 90.

Субоцкий Л. Заметки о прозе 1947 года // Новый мир. 1948. № 2. С. 108–123.

Чуковский К. И. Дневник, 1930–1969. М. : Современ. писатель, 1994.

Шведов Я. Березка // Великая Отечественная : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1975. С. 461–462.

Шкерин М. Поэма о новом человеке // Октябрь. 1948. № 5. С. 164–175.

Шолохов М. С опущенным забралом... // Комсомольская правда. 1951. 8 марта. С. 4.

Шолохов М. А. Наука ненависти // Шолохов М. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 7. М. : Худож. лит., 1986. С. 512–527.

Korob-kov. Суровый Суров не любил евреев // Livejournal.com. URL: https://korob-kov.livejournal.com/19042.html (дата обращения: 30.03.2025).

Исследования

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М. : РИК «Культура», 1996.

Нарский И. В., Нарская Н. В. «Любить Родину — это не березки целовать!» За что Сергей Довлатов и Александр Гельман не любили славословий в адрес «русского дерева» в позднем СССР // Территория : журнал исторических исследований. 2025а. Т. 1, № 1. С. 212–243. https://doi.org/10.17323/tjhr.2025.26828

Нарский И. В., Нарская Н. В. Русская березка: Очерки культурной истории одного национального символа. М. : Новое литературное обозрение, 2025б.

Сарнов Б. М. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М. : Материк, 2002.

Сарнов Б. М. Сталин и писатели. Кн. 3. М. : Эксмо, 2009.

Цыганов Д. Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М. : Новое литературное обозрение, 2023.

Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. P. 1–14.

References

Hobasbawm, E. (1983). Introduction: Inventing Tradition. In E. Hobsbawm, & T. Ranger (Eds.), *The Invention of Tradition* (pp. 1–14). Cambridge: Cambridge University Press.

Kazak, V. (1996). *Leksikon russkoi literatury XX veka* [Lexicon of Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: RIK "Kul'tura".

Narskii, I. V., & Narskaya, N. V. (2025a). "Liubit' Rodinu — eto ne berezki tselovat'!" Za chto Sergei Dovlatov i Aleksandr Gel'man ne liubili slavoslovii v adres "russkogo dereva" v pozdnem SSSR ["Loving your Motherland does not mean kissing birches": Why Sergei Dovlatov and Alexander Gelman rejected the Glorification of the "Russian Tree" in the Late USSR]. *Territory: Journal of Historical Research, 1*(1), 212–243. https://doi.org/10.17323/tjhr.2025.26828

Narskii, I. V., & Narskaya, N. V. (2025b). *Russkaia bereza: Ocherki kul'turnoi istorii odnogo natsional'nogo simvola* [Russian Birch: Sketches of the Cultural History of One National Symbol]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Sarnov, B. M. (2002). *Nash sovetskii novoiaz. Malen'kaia entsiklopediia real'nogo sotsializma* [Our Soviet Newspeak. A Small Encyclopaedia of Real Socialism]. Moscow: Materik.

Sarnov, B. M. (2009). *Stalin i pisateli* [Stalin and Writers] (Book 3). Moscow: Eksmo.

Tsyganov, D. (2023). *Stalinskaia premiia po literature: Kul'turnaia politika i esteticheskii kanon stalinizma* [Stalin Prize for Literature: Cultural Policy and the Aesthetic Canon of Stalinism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Нарский Игорь Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: inarsky@mail.ru

Нарская Наталья Васильевна,
кандидат социологических наук
кафедра военно-политической работы
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия»
в г. Челябинске
454000, Челябинск, городок 11
E-mail: bredihina_natalya@mail.ru

Narskii, Igor Vladimirovich
Dr. Hab. (History), Professor
Perm State University
15, Bukirev St., 614068 Perm, Russia
Email: inarsky@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5144-5435
Scopus AuthorID: 36508910100

Narskaya, Natalya Vasilyevna
PhD (Sociology)
Department of Military and Political Work
Branch of the Air Force Military Training and Research Centre, "Air Force Academy" in Chelyabinsk
Gorodok 11, 454000 Chelyabinsk, Russia
Email: bredihina_natalya@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-1133-080X

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.014
УДК 929 Байер + 930.1(470) + 001.4 + + 001.814.2 + 025.45(470)

С. В. Соколов
Н. Д. Гилевич
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

«МАЛОРАЗВИТЫЙ, ВОИНСТВУЮЩИЙ НЕМЕЦ» ИЛИ «ИМЕВШИЙ СОЛИДНУЮ ПОДГОТОВКУ ОРИЕНТАЛИСТ»? Г. З. БАЙЕР В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В современных российских исторических исследованиях значительное внимание уделяется проблеме взаимодействия профессионального сообщества историков и власти в советский период. Цель статьи — выявить особенности и причины изменения подходов историков советского периода к оценке научной деятельности профессора Петербургской академии наук XVIII в. Г. З. Байера в связи с идеологическими кампаниями и тенденциями в развитии отечественной исторической науки. Личность Байера тесно связана с политизированным варяго-русским вопросом, что сделало изучение его историографического образа весьма показательным для истории исторической науки. Основными источниками для статьи стали публикации советских историков, также привлекались воспоминания, переписка, материалы публичных дискуссий. В статье показано, как изменялось отношение к Байеру на разных этапах истории советской исторической науки, демонстрируется зависимость оценок Байера от отношения к так называемой «норманской проблеме», дается периодизация изменения превалирующих оценок историков. Особое внимание уделяется оценкам Байера в дискуссиях вокруг книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», подробно рассматривается риторика ведущих советских историков 1940–1960-х гг. — М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, М. А. Алпатова. Отмечается, что в советской науке не было предпринято ни одного исследования биографии Байера, однако были опубликованы переводы отдельных фрагментов его переписки. Авторы статьи приходят к выводу о том, что манера говорить о Байере как о «норманисте», хотя и смягчившаяся от 1940-х к 1980-м гг., сформировала определенный исторический нарратив, который оказался весьма жизнеспособным и пережил советскую эпоху.

Ключевые слова: Г. З. Байер; советская историография; история исторической науки; идеологические кампании; Российская академия наук; Н. Л. Рубинштейн; Л. В. Черепнин; М. Н. Тихомиров; М. А. Алпатов

Благодарности
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01692, https://rscf.ru/project/23-28-01692/ («Народы Восточной Европы и начальная история Древней Руси в научном наследии Готлиба Байера»).

Цитирование: *Соколов С. В., Гилевич Н. Д.* «Малоразвитый, воинствующий немец» или «имевший солидную подготовку ориенталист»? Г. З. Байер в зеркале советской исторической науки // Известия Уральского федерального

© Соколов С. В., Гилевич Н. Д., 2026
BY-NC

университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 219–233. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.014

Поступила в редакцию: 07.12.2024
Принята к печати: 27.02.2026

Sergei V. Sokolov
Nikita D. Gilevich
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

"AN IGNORANT, BELLIGERENT GERMAN" OR "A SOLIDLY TRAINED ORIENTALIST"? G. S. BAYER IN THE MIRROR OF SOVIET ACADEMIC HISTORY

In contemporary Russian historical research, considerable attention is paid to the issue of interaction between the professional community of historians and the authorities during the Soviet period. The aim of this article is to identify the characteristics and reasons behind the shift in the approaches of Soviet-era historians to the assessment of the scholarly work of Professor G. S. Bayer of the St Petersburg Academy of Sciences of the eighteenth century in connection with ideological campaigns and trends in the development of Russian historical scholarship. Bayer's persona is closely linked to the politicised Varangian-Russian question, which has made the study of his historiographical image highly revealing for the history of historical science. The article draws upon publications by Soviet historians, as well as memoirs, correspondence, and materials from public debates. The authors demonstrate how attitudes towards Bayer changed at different stages in the history of Soviet historical science, the dependence of assessments of Bayer on attitudes towards the so-called "Norman question" and provide a periodisation of the changing prevailing assessments of historians. Particular attention is paid to assessments of Bayer in the debates surrounding N. L. Rubinstein's book *Russian Historiography*, and the rhetoric of leading Soviet historians of the 1940s–1960s, such as M. N. Tikhomirov, L. V. Cherepnin, and M. A. Alpatov. It is noted that no research into Bayer's biography was undertaken in Soviet academia, although translations of individual fragments of his correspondence were published. The authors of the article conclude that the practice of referring to Bayer as a "Normanist", although softened between the 1940s and the 1980s, shaped a specific historical narrative which proved highly resilient and survived the Soviet era.

K e y w o r d s: G. S. Bayer; Soviet historiography; history of historical science; ideological campaigns; Russian Academy of Sciences; N. L. Rubinstein; L. V. Cherepnin; M. N. Tikhomirov; M. A. Alpatov

Acknowledgements
The research is funded by the *Russian Science Foundation*, project 23-28-01692, https://rscf.ru/en/project/23-28-01692/ ("East European Peoples and Early History of Kievan Rus' in the Academic Legacy of Gottlieb Siegfried Bayer").

For citation: Sokolov, S. V., & Gilevich, N. D. (2026). "Malorazvityi, voinstvuiushchii nemets" ili "imevshii solidnuiu podgotovku orientalist"? G. Z. Baier v zerkale sovetskoi istoricheskoi nauki ["An Ignorant, Belligerent German" or "A Solidly Trained Orientalist"? G. S. Bayer in the Mirror of Soviet Academic History]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 219–233. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.014

Submitted: 07.12.2024
Accepted: 27.02.2026

В последние годы количество как научных, так и научно-популярных публикаций, посвященных советской исторической науке, растет стремительно. Лучшие из появляющихся работ [см., например: Киселев; Тихонов; Юрганов] в значительной мере объединены антропологическим подходом, глубоким исследованием взаимоотношений историков с властью, их существования в условиях идеологических кампаний. Главное внимание привлекает сталинский период, однако и позднесоветские сюжеты находят отражение в новейших публикациях. Парадоксально, но политизированность социогуманитарных наук, характерная для той эпохи, усиливает исследовательский интерес: в истории науки как в зеркале отражается извилистый путь советского общества.

Изучать историю исторической науки можно и через конкретные проблемы, что мы и предполагаем сделать в настоящей статье, рассмотрев вопрос об отношении советских историков к фигуре Готлиба Байера, профессора Петербургской академии наук XVIII в. Опора на накопленный за последние годы опыт исследований по истории советской исторической науки дает общую картину, на фоне которой возможно раскрыть причины и проследить этапность изменения оценок советских историков. Личность Байера представляется удачной для подобного подхода, ведь он был тесно связан с варяго-русским вопросом, одной из самых политизированных проблем в нашей историографии. Несомненно, что все тенденции, процессы и идеологические флуктуации должны были отразиться и на отношении к Байеру. Подробный разбор заявленной проблематики отсутствует в историографии; краткие историографические экскурсы можно найти, например, в работах М. Б. Свердлова и Т. В. Ерохиной [Ерохина, с. 129; Свердлов, с. 393–394][1].

К началу советского периода уже была проведена определенная работа по осмыслению научной деятельности Байера. Еще в XVIII в. она удостоилась как восторженных, так и крайне негативных оценок. Дискуссия о наследии Байера перешла и в XIX в. В 1830–1840-е гг. в славянофильских кругах Байера прочно ассоциировали с «немецкой партией» в Академии наук, выдвигая тезис о его предвзятом отношении к русским ученым и истории России. Биография

[1] Конечно, речь идет только о работах, где основное внимание уделяется Г. З. Байеру. О советской историографии варяго-русского вопроса в целом имеются и другие исследования [см., например: Хлевов, с. 43–73].

Байера стала хорошо известна благодаря публикации П. П. Пекарского, а историографические исследования таких крупных историков, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский или П. Н. Милюков, отвергли славянофильскую критику и отметили позитивный вклад немецкого ученого [Ерохина, с. 130–131].

На первый взгляд, новая марксистская историческая наука в 1920-е гг. должна была дистанцироваться от построений дореволюционной историографии. Но в случае с Г. З. Байером это не так. Характерны взгляды М. Н. Покровского. С одной стороны, он в «Русской истории» не давал подробной характеристики Байера, представляя его одним «из тех ученых немцев, которые уже с XVIII в. занимались изучением русского прошлого» [Покровский, с. 237]. С другой стороны, в первом издании Большой советской энциклопедии 1926 г., где Покровский был редактором статей по истории, Байер — «один из первых серьезных исследователей древнейшей русской истории», который «дал начало “норманской” школе». Эта в целом положительная характеристика дана со ссылкой на работу П. П. Пекарского [БСЭ, 1926, стб. 361–362].

Примечательно, что советская исследовательница Е. А. Рыдзевская в 1939 г., т. е. после шумного разгрома «школы Покровского», придерживалась подобного же мнения о Г. З. Байере: «научное изучение варяжского... вопроса как особой проблемы началось в XVIII в. в Академии наук... Г.-З. Байер... первый научно разработал норманскую теорию происхождения Руси и Русского государства» [Рыдзевская, с. 128].

С конца 1930-х гг. в советской науке нормой становится критика так называемой «норманской теории» [Клейн, с. 102]. При этом даже в антинорманистских работах В. А. Пархоменко, Б. Д. Грекова или учебнике для вузов по истории СССР конца 1930-х гг. отношение к Байеру почти нейтральное, особого внимания он не привлекает, хотя и отмечаются его «норманистские» ошибки [Пархоменко; Греков, с. 23; Стенограмма..., № 4, с. 85]. Негативное отношение к «норманизму» еще не переходило в последовательное разоблачение его сторонников (Греков даже берет под защиту Шлецера от критики славянофилов [Греков, с. 34]).

В «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна (1941), первом советском монографическом исследовании темы, получившем также статус учебного пособия, автор выступает против разделения русских историков XVIII в. по национальному признаку, когда «Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер были сброшены в одну кучу с разными немцами-карьеристами, псевдоучеными заправилами Академии наук» [Рубинштейн, с. 104]. Рубинштейн считал необходимым показать «органический процесс развития русской историографии» [Стенограмма..., № 3, с. 95], подчеркнуть позитивный вклад различных ученых, выстроить преемственность идей и подходов. Неудивительно, что, причисляя Байера к лучшим представителям исторической науки XVIII в., Рубинштейн фактически повторяет тезисы П. Н. Милюкова [Рубинштейн, с. 104].

Рубинштейн отмечает у Байера «строгость научной критики, точность доказательства», обширные лингвистические познания», говорит о высокой оценке

трудов Байера В. Н. Татищевым [Рубинштейн, с. 105–106]. Довольно изящно Рубинштейн преподносит читателю сведения о незнании Байером русского языка: «замкнутый круг источников определил и замкнутый круг его научной тематики и хронологические рамки его исследований, ограниченных древнейшим периодом, главным образом вопросами источников и этногенеза в тогдашнем его понимании» [Там же, с. 106]. Как особая заслуга подана «постановка варяго-русского вопроса на основе непосредственного изучения скандинавских материалов» [Там же].

Несмотря на то, что в момент выхода книга была встречена благожелательно, положительная оценка Байера у Н. Л. Рубинштейна вскоре станет одним из пунктов критики в ходе идеологических кампаний. Кампания против учебного пособия Рубинштейна довольно хорошо изучена в современной историографии [см., например: Шаханов]. Прологом стали критические выступления против книги Рубинштейна во время совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. В условиях Великой Отечественной войны, когда научная деятельность считалась «историческим фронтом», особый акцент делался на предполагаемом противостоянии «немецкой» и «русской партий» в Академии наук.

На совещании в ЦК особенно резко выступили историки С. К. Бушуев и Е. Н. Городецкий. Последний, неоднократно бывавший на фронте и знавший врага не понаслышке, утверждал, что Байер вместе с другими немецкими историками в Академии наук принес реакционные идеи прусского национализма, насаждал антинаучные взгляды на русскую государственность, пытался «расчистить путь для “Дранг нах Остен” и закабалить русскую науку» [Стенограмма..., № 4, с. 84]. Рубинштейн защищался: требование «о борьбе с засилием немцев в русской науке... встречается сейчас нередко... люди думают, что это звучит очень патриотично», но тезис этот вредный, означает «признание действительного... господства немцев...» [Стенограмма..., № 3, с. 95].

Если в 1944 г. объяснения Рубинштейна оказались достаточными, да и не ставило совещание историков задачу развенчать его «Русскую историографию», то спустя четыре года ситуация изменилась. Развернулась кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом», под которую попал Рубинштейн. В феврале 1948 г. выходит выпуск журнала «Вопросы истории» с резкой рецензией М. Н. Тихомирова, где он обрушивается прежде всего на Байера: «параграф, посвященный деятельности Байера в России, — самый неправильный по своим выводам во всей книге Н. Л. Рубинштейна... Какие же труды написал Байер за десяток с лишним лет, проведенных им в России?.. Все эти труды были проникнуты одной целью: доказать, что настоящими устроителями Русского государства были пришлые варяги... В чем же выразились великие достоинства Байера, о которых пишет Н. Л. Рубинштейн, на чем он показал “строгость научной критики, точность научного доказательства”, об этом автор русской историографии умалчивает... почему Байер не изучил только русского языка? Ответим: потому что он был бездарным и малоразвитым воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам». Тихомиров также

выдвигает тезис о том, что «норманизм» в трудах Байера был вызван политическим заказом от Э. Бирона [Тихомиров, с. 95]. Интересно, что при этом Шлецер и в особенности Миллер удостоились более умеренных характеристик.

Впрочем, дальнейшие критические выступления прочно спаяли трех немецких ученых в единую «реакционно-шовинистическую» [Вотинов, с. 127] группу. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами истории СССР в марте 1948 г. уже первый из выступавших, И. К. Додонов, обрушился на характеристику, данную Г. З. Байеру: «Н. Л. Рубинштейн явно переоценивает историков-иностранцев — Байера, Миллера, Шлецера... не разоблачает их лженаучные норманистские теории» [Там же]. Другой участник совещания, И. И. Мордвишин, констатировал: «с исключительным усердием, достойным лучшего применения, Н. Л. Рубинштейн курит этот фимиам таким посредственным, немецким историкам, как Байер, Миллер и Шлецер» [Там же, с. 129]. В. Е. Иллерицкий указывал на отсутствие критики «националистической», «шовинистической», «антинаучной» и «политически вредной» «норманистской теории» [Там же, с. 131]. В ответ на данную критику Н. Л. Рубинштейн в заключительном «покаянном» выступлении признал, что в его книге «напрасно рассматриваются работы таких историков, как Байер...» [Там же, с. 135].

В январе 1949 г. был дан старт новой кампании — антикосмополитической, в рамках которой Байер (и Рубинштейн) получили порцию критики из Ленинграда. В. В. Мавродин в публичной лекции, состоявшейся, вероятно, в начале апреля 1949 г. [Вовина-Лебедева, с. 244] и посвященной борьбе с «норманизмом», обвинил «родоначальника норманизма» Байера в искажении до неузнаваемости русской истории путем создания «издевательской норманской теории». При этом дать положительную характеристику Байеру, как это сделал Рубинштейн, можно было лишь «скатившись к реакционному космополитизму» [Мавродин, с. 7]. Мавродина и Рубинштейна связывало давнее знакомство и, по оценкам современных исследователей, порицание последнего было скорее вынужденным: нужно учитывать и то, что и сам Мавродин был к этому моменту раскритикован и снят с поста декана [Дворниченко, с. 27].

В том же 1949 году в рамках борьбы с «космополитизмом» подвергся разбору раздел в специальном томе БСЭ «Союз Советских Социалистических Республик», где Рубинштейн написал историографический очерк. Казалось бы, Байер упоминается всего один раз и вскользь, однако это использует Л. В. Черепнин, указывая, что Рубинштейн затушевывает борьбу русских историков с «ложными теориями немецких псевдоученых», доказывая «тесное содружество тех и других». Например, основоположником «норманской теории» вместе с Байером назван Татищев [Черепнин, Зайончковский, Финогеев, Богачев, с. 100].

Учитывая всю эту критику, неудивительно, что именная статья во втором издании БСЭ кардинально отличалась от статьи 1926 г. Теперь Байер — «немецкий реакционный историк и филолог. Родоначальник разоблаченной советской историографией лженаучной норманской теории... пытавшийся доказать культурную отсталость Древней Руси и скандинавское происхождение русского

государства. Байер изучал Россию глазами иностранца, фальсифицировал ее историю, искал в ней проявлений германского влияния...» [БСЭ, 1950, с. 48]. Точной информации об авторе данной статьи обнаружить не удалось, но во многом она основана на статье М. Н. Тихомирова и нельзя исключать, что именно он и был автором.

В 1953 г. в «Очерках истории СССР» Байер упомянут Л. В. Черепниным как один из изобретателей «норманизма», созданного для оправдания немецкого засилья [Очерки истории СССР, с. 29]. В 1955 г. М. Т. Белявский в работе, посвященной Ломоносову, не преминул вставить ремарку о реакционности Байера и о стремлении Ломоносова «разрушить миф о том, что Байер является крупным ученым и знатоком русской истории» [Белявский, с. 61]. Крайне критическое восприятие Байера также содержится в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», где он обвинялся в грубейших ошибках и пренебрежении ко всему русскому. Составители очерка также допустили в своем рассказе и фактическую ошибку указав, что Байер был приглашен в Академию наук в 1730 г. [Очерки истории исторической науки..., с. 191].

Впрочем, даже в период идеологических кампаний позднего сталинизма имелись исключения. В 1950 г. в «Очерках по истории русской арабистики» И. Ю. Крачковского Байер представал как «молодой историк-энциклопедист», хотя и «основоположник ложной теории норманского происхождения Руси», тем не менее впервые выдвинувший в России тезис о важности для русской истории восточных материалов и сам привлекавший в исследованиях арабские источники [Крачковский, с. 35].

К середине 1950-х гг. обстановка на «историческом фронте» становится менее напряженной. Наиболее одиозные идеологические кампании прекращаются, пострадавшие в них постепенно возвращаются на свои академические позиции. В этих условиях историки вновь начинают подчеркивать позитивный вклад Байера. В. К. Яцунский в работе, посвященной истории исторической географии (1955), хотя и упоминает, что Байер известен как инициатор «норманской теории», за что и был справедливо подвергнут критике советскими учеными, но настаивает на ценности для науки XVIII в. его трудов по исторической географии, прежде всего через введение в научный оборот новых источников [Яцунский, с. 219]. Также отдельных положительных упоминаний Байер удостоился в статьях Л. С. Гамаюнова и Д. И. Тихонова в «Очерках по истории русского востоковедения»: он интересовался дравидскими языками и в целом положил начало изучению восточных языков в Академии наук [Очерки по истории русского востоковедения, с. 82, 453].

Намечающуюся тенденцию поддержал Л. В. Черепнин. В рамках курса лекций по историографии (1957) историк не согласился ни с положительной характеристикой, данной Рубинштейном, ни с сугубо отрицательной из статьи Тихомирова. Черепнин, следуя за В. К. Яцунским, утверждал: «Байер был серьезным, имевшим солидную подготовку ориенталистом (арабистом) и филологом, интересовавшимся классическими и восточными древностями», а его методика

изучения эпиграфического и лингвистического материала стояла на высоком для того времени уровне [Черепнин, с. 189–190].

Ранее в 1949 г. в разгар антикосмополитической кампании Черепнин поддержал заданное Тихомировым направление осуждения Байера, затем повторил свои тезисы в 1953 г., когда кампания уже закончилась, но ее итоги никто и не думал отменять. Смену оценок мы наблюдаем через несколько лет, с постепенным развитием «оттепели», когда стало возможным пересмотреть хотя бы отдельные вопросы. Интересно, что позиции Рубинштейна и Тихомирова у Черепнина представлены как *мнения*. Это было невозможно еще за несколько лет до того. На примере Черепнина, высказавшегося трижды менее чем за десять лет, мы видим, насколько аккуратно нужно относиться к постулированию позиций тех или иных советских историков по острым, политически значимым вопросам. Отдельные высказывания могут быть конъюнктурными и воспроизводить официально одобряемую риторику. Вместе с тем эти высказывания — искренние или нет — сформировали определенный образ Байера и манеру говорить о нем как о родоначальнике враждебной и *намеренно* ложной «норманской теории», обусловленной национальным шовинизмом немецких профессоров. Интересно проследить, как этот дискурс повлиял на суждения, высказанные в позднесоветский период.

В Советской исторической энциклопедии в 1962 г. выходит статья, посвященная Байеру, в которой находит отражение сформулированный Яцунским и Черепниным подход: «научное значение имели работы Байера по ориенталистике, филологии, исторической географии; в частности, словарь китайского языка. В специальных работах Байера по истории Древней Руси, написанных на основе византийских и скандинавских источников и летописей в латинском переводе (Байер не знал русского языка), допущены серьезные ошибки. В частности, Байер положил начало антинаучной норманской теории» [СИЭ, стб. 46–47]. Позднее эта же статья будет перепечатана в третьем издании БСЭ.

Прекрасный материал для анализа представляет комплекс историографических источников, происходящий из Ленинградского университета (ЛГУ). В 1960 г. аспирант ЛГУ Л. С. Клейн пишет книгу «Спор о варягах», где в духе времени, с одной стороны, признает заслуги Байера перед наукой, а с другой — повторяет закрепившиеся формулы: Байер был заражен националистическими предрассудками, считал «свою работу культуртрегерской», а местных жителей «тупыми и вялыми варварами». Из этих предрассудков и произошло мнение, что помощь в создании государства славянам должны были оказать иностранцы [Клейн, с. 17–19].

Книга Клейна была издана только в 2009 г. В предисловии и комментариях автор утверждает, что вынужден был говорить «языком советской науки», т. е. попросту не мог обойтись без упоминания «националистических предрассудков». Однако сам факт обращения к этой теме фиксирует сложившуюся традицию.

В 1965 г. партбюро истфака ЛГУ организовало в стенах университета дискуссию по «норманскому вопросу», где главным оппонентом Клейна выступил

И. П. Шаскольский, за несколько лет до того выпустивший обзор современной буржуазной «норманистской» историографии. Шаскольский утверждал, что «приписывая Байеру создание норманской теории, наши историки тем самым сильно преувеличивают роль этого ученого в русской историографии». Реальным основателем «норманизма», по Шаскольскому, был летописец Нестор [Шаскольский, с. 9]. Также Шаскольский упрекнул историков 1940–1950-х гг. в излишнем стремлении изобличить «норманизм» XVIII–XIX вв., что было преодолено в 1960-е гг. [Там же, с. 20–21]. Показательно, что в дискуссии 1965 г. выступил и В. В. Мавродин [Клейн, с. 137–138], который, конечно, не стал прибегать к риторике 1949 г.

Как и в предшествующий период, в работах 1960–1980-х гг. наиболее часто суждения о Байере высказывались в связи с варяго-русским вопросом. Весьма характерны публикации М. А. Алпатова. Подготовленные в 1960–1970-е гг., они вышли посмертно в следующем десятилетии. В статье «Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии», характеризуя ситуацию в Петербургской академии наук в первой половине XVIII в., Алпатов вводит понятие «идейная бироновщина», под которой он понимал идеи превосходства европейских ученых над «полуварварами» [Алпатов, 1982, с. 32]. «Немецкому засилью» противостоял русский национальный подъем, и в столкновении этих политических течений Алпатов видит причины ожесточенности вспыхнувшей полемики по «норманскому вопросу»: «первый выстрел в этой баталии сделал Г. З. Байер, человек, близкий ко двору Анны Ивановны» [Там же, с. 33]. В то же время Алпатов признавал научные достижения первых «норманистов» в борьбе с летописными легендами [Там же, с. 40].

В монографии «Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.)» Алпатов характеризует Байера гораздо подробнее, приводит детали его биографии, дает краткий перечень работ, отмечает научные заслуги. Однако характеризуя взгляды Байера по варяго-русскому вопросу, Алпатов вновь видит в первую очередь политическую подоплеку, вызванную «бироновскими настроениями». «Сказ о призвании варяжских князей, заключает Алпатов, получил новое истолкование: в глазах Байера он представлял не что иное, как поношение русского народа и его государства. В этом состояла *политическая* задача бироновщины, которая господствовала в стенах Петербургской академии наук. Норманизм родился как откровенно антирусское явление, и не случайно автором концепции был Байер» [Алпатов, 1985, с. 18–19].

В работах, посвященных истории исторической науки, Байер в позднесоветский период, как правило, занимает ничтожное место. Например, С. Л. Пештич в специальной монографии по историографии XVIII в. удостаивает Байера лишь отрывочных упоминаний в связи с разработкой отдельных вопросов истории России и написанием неких работ, без уточнения их тематики. Конечно, отмечена роль Байера в создании «норманской теории» [Пештич, с. 195–197]. В. И. Астахов в курсе лекций по русской историографии (1965) не посчитал

нужным давать какую бы то ни было характеристику Байеру, упомянув его лишь в связи с критикой Н. Л. Рубинштейна и обращением других историков XVIII в. к «космополитичной теории Байера» [Астахов, с. 25, 98, 124, 217]. А. М. Сахаров (1978) рассказ о Байере поместил в одном предложении, отметив, что тематика его исследований ограничивалась древностью, не уходя позднее IX в. При этом Байер не называется даже основателем «норманизма» [Сахаров, с. 56].

Несколько больше внимания уделил Байеру А. Л. Шапиро, выпустивший курс лекций по историографии до XVIII в. (1982). Полемизируя с покойным М. Н. Тихомировым, историограф отмечает, что «в своих статьях Байер выдвигал и отстаивал теорию норманского происхождения Руси, за что подвергался резкому осуждению многих антинорманистов. Но отрицание норманистских воззрений Байера отнюдь не позволяет считать его “бездарным и малоразвитым” человеком» [Шапиро, с. 178]. Шапиро поддерживает характеристику Байера, данную В. К. Яцунским, и в дальнейшем раскрывает исторические взгляды немецкого профессора через связь с работами В. Н. Татищева [Там же, с. 179–180].

Интересно, что в специальных востоковедческих и источниковедческих трудах в позднесоветский период Байер оценивается в основном позитивно. П. Е. Скачков в работе по истории китаеведения отмечал невысокий уровень исследовательских работ Байера, но признавал ценность публикации им источников, упрекая его за то, что академик не основал в России собственной научной школы в связи с тем, что не оставил учеников [Скачков, с. 52, 54]. В «Истории отечественного востоковедения до середины XIX века» Байер представал уже как выдающийся ориенталист. Авторы раздела А. М. Куликова и Е. И. Кычанов отмечали значимый вклад Байера в китаеведение, индологию, тюркологию, изучение древних восточных и кавказских народов, а также его роль в организации изданий других авторов [История отечественного востоковедения..., с. 51–54].

М. В. Бибиков в монографии, посвященной византийским источникам (1980), дал нейтральную характеристику Байеру, утверждая, что он был приглашен в Академию «для сбора и анализа свидетельств античных и средневековых источников по русской истории». В подготовленных Байером статьях, представляющих собой историко-географические этюды, использовались «не только нарративные источники, но и данные эпиграфики, нумизматики, языка. Обоснование положений норманской теории строилось Г. З. Байером в основном на скандинавском материале» [Бибиков, с. 11].

Следует также отметить, что деятельность Байера нашла определенное отражение в работах советских историков в связи с изучением истории Академии наук. Заметное место уделяется Байеру в классической работе Ю. Х. Копелевич (1977). Автор не стала давать характеристику научным взглядам Байера, вместо этого уделив внимание его организаторской и преподавательской деятельности в Академической гимназии, взаимоотношениям с другими учеными, участию в мероприятиях Академии [Копелевич, 1977, с. 97–99]. В более ранней статье

этого же автора был дан весьма ценный перевод переписки Байера и Х. Гольдбаха, приводились отзывы Байера о строительстве здания Академии и домов для ее профессоров [Копелевич, 1973, с. 128–130]. На стыке двух тем (история Академии и российского востоковедения) находится статья Е. С. Кулябко и И. А. Перельмутера «Из научной переписки петербургских ученых XVIII в.», где дан обзор переписки Байера с пекинскими миссионерами [Страны и народы Востока, с. 137–144].

Перестройка принесла определенные изменения в отношение к Байеру. Хотя привычка подчеркивать его «норманизм» сохранилась, в деятельности Байера стали находить все больше позитивных черт. Показательна в этом смысле статья Д. А. Авдусина (1988). Историк не соглашается с представлениями Алпатова и утверждает, что «Байер и Миллер сами не придерживались антирусских целей», а «их выводы строились на основе изучения источников» и опирались на расхожие представления об общественном развитии как результате «деятельности отдельных исторических лиц». Авдусин заключает, что «добросовестное следование за сообщением памятника — при отсутствии критического источниковедения — было единственно возможной методикой построения тогдашних концепций» [Авдусин, с. 23–24].

Отношение к Г. З. Байеру прошло в советской исторической науке через несколько периодов, в целом соответствующих особенностям ее развития. В 1920–1930-е гг., когда историография не была предметом исследовательского интереса, фигура Г. З. Байера не привлекала внимания, и оценки были нейтральными, основанными на мнениях дореволюционных историков. Великая Отечественная война, обострившая отношение к немецким академикам и их концепциям, а затем идеологические кампании послевоенного времени сделали Байера мишенью ожесточенной критики.

Частичный пересмотр критических характеристик пришелся на время десталинизации второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. Однако смягчение риторики не означало разрушение стереотипного образа. Главной характеристикой Байера для советских историков оставался его «норманизм». Отношение к Байеру зачастую зависело не от его реальных или мнимых достижений, а от принятой в каждый конкретный период манеры говорить о «норманизме» и от пределов допустимой вольности в оценках. При этом сама риторика создавала определенную историографическую реальность, формировала специфический паттерн. К тому же нет оснований полагать, что все историки, выступавшие с резким осуждением «норманизма», думали одно, а говорили противоположное. Например, в опубликованных недавно личных дневниках М. Н. Тихомирова, одного из наиболее резких критиков Байера, о «норманской теории» говорится в негативном ключе [Академик М. Н. Тихомиров, с. 371]. Значительная часть советских историков даже в 1960-е гг. и позднее придерживалась дихотомического взгляда на развитие исторической науки в России XVIII в.: с одной стороны иностранные (немецкие) профессора Академии — с другой русские ученые во главе с М. В. Ломоносовым.

В 1970–1980-е гг. усилился интерес к исследованию отдельных аспектов деятельности Байера как ориенталиста, педагога, издателя. В этот период опубликовано некоторое количество переводов источников личного происхождения, связанных с Байером. Также необходимо отметить, что большинство советских авторов не исследовали непосредственно биографию Г. З. Байера и, по-видимому, не знакомились с его латиноязычными трудами. В какой-то мере исключением можно назвать М. А. Алпатова и Ю. Х. Копелевич. Если первого автора интересовали побудительные мотивы Байера для «создания» «норманской теории», то для второй биография Байера была неотъемлемой частью истории становления Академии наук.

К концу советского периода историческая наука отчасти пришла к ситуации начала 1930-х гг.: отношение к Байеру стало нейтрально-доброжелательным, отмечались его значительные заслуги в привлечении источников, разработке новых вопросов в изучении прошлого. Вместе с тем критика Байера как «норманиста», присущая большей части советской эпохи, не прошла бесследно. Исторический нарратив о Байере как об одном из создателей «норманской теории», сформировавшийся в советское время, удержался и в 1990-е гг. и до некоторой степени сохраняется до сих пор.

Источники

Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 23–34.

Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022.

Алпатов М. А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 31–45.

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М. : Наука, 1985.

Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков : Харьковский гос. ун-т, 1965.

Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М. : МГУ, 1955.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР : Материалы и исследования. 1980 г. М. : Наука, 1981. С. 5–151.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. Т. 4 : Атоллы — Барщина. М. : Сов. энциклопедия, 1926.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 4 : Б — Березко. М. : Сов. энциклопедия, 1950.

Вовина-Лебедева В. Г. Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В. М. Панеяха // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 227–246.

Вотинов А. А. Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 126–135.

Греков Б. Д. Ломоносов — историк // Историк-марксист. 1940. № 11. С. 18–34.

История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М. : Наука : ГРВЛ, 1990.

Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб. : Евразия, 2009.

Копелевич Ю. Х. В дни основания // Вестник АН СССР. 1973. № 10. С. 121–130.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л. : Наука, 1977.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V : Очерки по истории русской арабистики. Русские и зарубежные востоковеды. М. ; Л. : АН СССР, 1958.

Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочит. в 1949 г. в Ленинграде. Л. : Тип. им. Володарского, 1949.

Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. Н. Тихомирова. М. : АН СССР,1955.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. [Ч.] 1 : [IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность] / под ред. акад. Б. Д. Грекова (отв. ред.) и др. М. : Акад. наук СССР, 1953.

Очерки по истории русского востоковедения / [отв. ред. В. И. Авдиев и Н. П. Шастина]. М. : АН СССР, 1956. Сб. 2.

Пархоменко В. А. К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси // Историк-марксист. 1938. № 4. С. 106–111.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л. : ЛГУ. 1961. Т. 1.

Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 3 : Русская история в самом сжатом очерке. М. : Мысль, 1967.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб. : СПбГУ, 2009.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР : Материалы и исследования. 1978 г. М. : Наука, 1978.

Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М. : Высш. школа, 1978.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия. Т. 2 : Баал — Вашингтон. М. : Сов. энциклопедия, 1962.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М. : Наука, 1977.

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93.

Страны и народы Востока. Вып. VIII : География, этнография, история / под общ. ред. Д. А. Ольдерогге ; отв. ред. Б. А. Вальская, К. И. Шафрановский. М. : Наука : ГРВЛ, 1969.

Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII в. // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 94–99.

Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб. : СПбГУ, 1997.

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М. : МГУ, 1957.

Черепнин Л. В., Зайончковский П. А., Финогеев С. Г., Богачев П. М. Большая Советская Энциклопедия. Союз Советских Социалистических Республик. История стб. 273–724. М., 1947 // Вопросы истории. 1949. № 6. С. 100–116.

Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М. : Культура, 1993.

Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. ; Л. : Наука, 1965.

Яцунский В. К. Историческая география (История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках). М. : АН СССР, 1955.

Исследования

Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2001.

Ерохина Т. В. Немецкие историки-академики XVIII в. в русской науке: оценки с позиций дореволюционной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9(224). История. Вып. 44. С. 129–136.

Киселев М. А. Регулярное государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб. : Нестор-История, 2020.

Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб. : Нестор-История, 2011.

Тихонов В. В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2024.

Шаханов А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки. 2004 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2005. С. 186–207.

Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир советских историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011.

References

Dvornichenko, A. Yu. (2001). *Vladimir Vasil'evich Mavrodin* [Vladimir Vasilyevich Mavrodin]. St Petersburg*:* Philological Department of St Petersburg State University.

Erokhina, T. V. (2011). Nemetskie istoriki-akademiki XVIII v. v russkoi nauke: otsenki s pozitsii dorevoliutsionnoi istoriografii [German Academic Historians of the 18th Century in Russian Academic History: Assessments from the Standpoint of Pre-revolutionary Historiography]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* 9(224), *Istoriia*, 44, 129–136.

Kiselev, M. A. (2020). *Reguliarnoe gosudarstvo Petra I v stalinskoi Rossii: Sud'by istorikov prava v kontekste nauchnykh i ideologicheskikh batalii sovetskogo vremeni* [The Regular State of Peter the Great in Stalinist Russia: The Fate of Legal Historians in the Context of Academic and Ideological Battles of the Soviet Era]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Shakhanov, A. N. (2005). Bor'ba s "ob"ektivizmom" i "kosmopolitizmom" v sovetskoi istoricheskoi nauke: "Russkaia istoriografiia" N. L. Rubinshteina [The Struggle against "Objectivism" and "Cosmopolitism" in Soviet Academic History: *Russian Historiography* by N. L. Rubinstein]. In A. N. Sakharov (Ed.), *Istoriia i istoriki. 2004* [History and Historians. 2004] (pp. 186–207). Moscow: Nauka.

Sverdlov, M. B. (2011). *M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii* [M. V. Lomonosov and the Formation of Academic History in Russia]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Tikhonov, V. V. (2024). *Poleznoe proshloe. Istoriia v stalinskom SSSR* [Useful Past. History in the Stalinist USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Yurganov, A. L. (2011). *Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir sovetskikh istorikov epokhi stalinizma* [The Russian National State. The World of Life of Soviet Historians in the Stalinist Era]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

Соколов Сергей Васильевич
кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: sokolovsv@urfu.ru

Гилевич Никита Дмитриевич
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
лаборатории цифровых технологий
в историко-культурных исследованиях
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: gilevich.nikita@yandex.ru

Sokolov, Sergei Vasilievich
PhD (History)
Head of the Department of Russian History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: sokolovsv@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0002-2647-7355
Scopus AuthorID: 57216872858
WoS ResearcherID: AAU-6849-2020

Gilevich, Nikita Dmitrievich
PhD (History), Researcher
Laboratory of Digital Technologies
in Historical and Cultural Studies
Ural Federal University
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: gilevich.nikita@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0005-4716-9553
WoS ResearcherID: ACN-4066-2022

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.015
УДК 001(091)“1930/1940” + 910(470) + + 911.3:33(470)

А. В. Собисевич

[1]*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*
[2]*Российский государственный гуманитарный университет*
Москва, Россия

Т. К. Холматов

[1]*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
[2]*Российский государственный гуманитарный университет*
Москва, Россия

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКИМИ УЧЕНЫМИ «ГЕОГРАФИИ СССР» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.: ПЛАНЫ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СУДЬБА ПРОЕКТА

Статья посвящена реконструкции научно-организационной деятельности советских ученых по подготовке коллективного многотомного труда «География СССР». В источниковую базу были включены делопроизводственные материалы (стенограммы и протоколы заседаний в АН СССР, докладные записки, отчеты и планы работ исследователей) из фондов Архива Российской академии наук, а также мемуары Н. Н. Баранского, который был одним из организаторов проекта на раннем этапе работы. В ходе исследования были выявлены предпосылки возникновения данного проекта к середине 1930-х гг., когда нарастала потребность в создании обобщенного труда, с одной стороны, для демонстрации достижений советской географической науки за рубежом, а с другой — для распространения географических знаний внутри страны. С учетом необходимости привлечения значительных финансов и кадров для реализации потенциального многотомного труда, в данном разделе также исследованы институциональные аспекты подготовки проекта. Одно из центральных мест в статье занимает рассмотрение хода работы над «Географией СССР», финансовых преград, мешавших реализации проекта, плана работ, согласно которому проект должен был быть успешно завершен к началу 1940-х гг., а также разногласий между учеными, причастных к подготовке коллективного труда. В заключительной части статьи отмечены причины нереализованности проекта в конце 1930-х — начале 1940-х гг., связанные как с репрессиями против руководства проекта, так и с началом Великой Отечественной войны, когда работа сотрудников Института географии была сконцентрирована на исследованиях, необходимых для обеспечения нужд фронта. Рассмотрена также связь проекта с послевоенными изданиями географических описаний СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коллективный труд; географическое описание; советская географическая наука; «География СССР»; Совет по изучению производительных

© Собисевич А. В., Холматов Т. К., 2026

CC BY-NC

сил; Институт географии АН СССР; Н. Н. Баранский; А. А. Григорьев; Н. П. Горбунов

Благодарности
Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-78-10095-П, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Цитирование: *Собисевич А. В., Холматов Т. К.* Подготовка советскими учеными «Географии СССР» во второй половине 1930-х — первой половине 1940-х гг.: планы, проблемы реализации и судьба проекта // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 234–249. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.015

Поступила в редакцию: 29.05.2024
Принята к печати: 04.03.2025

Alexey V. Sobisevich
[1]*S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences*
[2]*Russian State University for the Humanities*
Moscow, Russia

Temurmalik K. Kholmatov
[1]*HSE University*
[2]*Russian State University for the Humanities*
Moscow, Russia

PREPARATION OF *GEOGRAPHY OF THE USSR* BY SOVIET SCIENTISTS IN THE SECOND HALF OF 1930s — FIRST HALF OF 1940s: PLANS, PROBLEMS OF REALISATION, AND THE FATE OF THE PROJECT

This article examines the research and organisational activities undertaken by Soviet scientists in preparing the multi-volume collective work *Geography of the USSR*. The authors refer to a source base including administrative materials (transcripts and minutes of meetings at the USSR Academy of Sciences, memoranda, reports, and work plans of researchers) from the collections of the Russian Academy of Sciences Archive, as well as the memoirs of N. N. Baransky, who was one of the organisers of the project in its early stages. The research identifies the preconditions for the emergence of this project by the mid-1930s, when there was a growing need to produce a comprehensive work, on the one hand, to demonstrate the achievements of Soviet geographical science abroad, and on the other, to disseminate geographical knowledge within the country. Given the need to attract significant funding and personnel to realise this potentially multi-volume work, this section also examines the institutional aspects of the project's

preparation. A central focus of the article is the examination of the progress of work on the *Geography of the USSR*, the financial obstacles that hindered the project's implementation, the work plan according to which the project was to be successfully completed by the early 1940s, and the disagreements among the scientists involved in preparing the collective work. The concluding section of the article identifies the reasons why the project was not realised in the late 1930s and early 1940s, linked both to the repression against the project's leadership and to the outbreak of the Great Patriotic War, when the work of the staff at the Institute of Geography was focused on research necessary to meet the needs of the front. The article also examines the connection between the project and post-war publications of geographical descriptions of the USSR.

K e y w o r d s: collective work; geographical description; Soviet geographical science; *Geography of the USSR*; Council for the Study of Productive Forces; Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences; N. N. Baransky; A. A. Grigoriev; N. P. Gorbunov

Acknowledgements
The research is carried out with funding from *Russian Science Foundation*, project no. 20-78-10095-P "Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)".

F o r c i t a t i o n: Sobisevich, A. V., & Kholmatov, T. K. (2026). Podgotovka sovetskimi uchenymi "Geografii SSSR" vo vtoroi polovine 1930-kh — pervoi polovine 1940-kh gg.: plany, problemy realizatsii i sud'ba proekta [Preparation of *Geography of the USSR* by Soviet Scientists in the Second Half of 1930s — First Half of 1940s: Plans, Problems of Realisation, and the Fate of the Project]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 234–249. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.015

Submitted: 29.05.2024
Accepted: 04.03.2025

Введение

Советская наука с первых десятилетий своего формирования была нацелена на результаты, которые должны были иметь не умозрительный, а прикладной характер и отвечать общественным потребностям. Этот принцип, в частности, проявлялся в попытках создать крупные многотомные труды, которые были направлены на широкую читательскую аудиторию, а не только на ученую среду. В их числе был проект «Большой географии» Н. Н. Баранского, который в случае его реализации представлял бы собой серию физико- и экономико-географических описаний различных областей и республик СССР. Во второй половине 1930-х гг. стал разрабатываться проект под названием «География СССР», который планировался как 37-томное издание.

Спецификой проекта стало то, что экономическая география, являясь наукой общественно-географической, испытывала на себе значительное

влияние политической конъюнктуры. Об этом, например, свидетельствуют мемуары Н. Н. Баранского, в которых упоминается борьба с «леваками» среди советских географов, что следует рассматривать как отголоски партийной борьбы, которые проявлялись в разных сферах жизни советского общества [Баранский, 2001, с. 91]. В работах по истории отечественной географии принято избегать упоминания подобных конфликтных ситуаций и проявлений политической конъюнктуры, хотя они оказывали влияние на работу ученых. Отчасти этих сюжетов в своих исследованиях касается А. А. Агирречу, концентрируясь на проведении в 1920-х гг. работ Госплана СССР по экономическому районированию страны. Он констатирует, что к 1930 г. составление экономико-географических описаний районов СССР прекратилось и связывает это с такими политическими процессами как, например, запрет краеведения [Агирречу, 2024, с. 57]. Г. А. Орлова отмечает, что до 1930-х гг. школьная география оставалась в тени природоведения, но затем стала рассматриваться как основа всей производственной пропаганды. При этом уделялось большое внимание карте как способу графического изложения географической информации [Орлова, с. 81–82]. Внимание к картографии проявилось в стремлении создать «Большой советский атлас мира», работы над которым были начаты 17 декабря 1933 г. Показательно, что в 1935 г. находит поддержку и проект Н. Н. Баранского.

Ю. Г. Липец и Г. А. Приваловская отмечали, что наработки Н. Н. Баранского по «Географии СССР» нашли отражение в послевоенные годы в издаваемой Институтом географии АН СССР так называемой «синей серии» географических описаний [Липец, Приваловская, с. 92–94]. В опубликованной в 2008 г. работе «Институт географии и его люди: к 90-летию со дня образования» присутствуют лишь отдельные сведения о подготовке «Географии СССР» в довоенные годы [Институт географии..., с. 19, 544–546, 551–552, 555]. А. А. Агирречу в статье об истории экономико-географических описаний регионов СССР выявил ряд основных серий географических описаний, издававшихся с 1925 по 1930 г. и практически подошел к рассмотрению так и не реализованного проекта «География СССР» [Агирречу, 2022, с. 835].

Изучение того, как велась работа над данным проектом, представляет несомненную ценность для понимания актуализации географического знания в первые советские десятилетия, институциональных условий и преград в создании крупных коллективных трудов. Обнаруженные в ходе нашего исследования делопроизводственные материалы (главным образом, стенограммы и протоколы различных заседаний в АН СССР, докладные записки, отчеты и планы работ), которые отложились в фондах Архива Российской академии наук (АРАН), а также мемуары позволяют реконструировать научно-организационную деятельность ученых в подготовке «Географии СССР» в 1930-е гг., понять ход работы над данным проектом, проанализировать трудности в реализации и таким образом существенно дополнить имеющиеся в научной литературе сведения о подготовке многотомного труда.

Предпосылки создания «Географии СССР»

Идея создания «Большой географии» как полного географического описания страны появилась у Н. Н. Баранского в 1927 г., когда он руководил отделом географии при редакции Большой советской энциклопедии (далее — БСЭ) [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 135 об.]. Собрав вокруг отдела географии БСЭ группу известных географов (А. А. Борзов, В. А. Каменецкий, Л. Д. Синицкий, И. А. Витвер и др.), Н. Н. Баранский решил организовать работу над изданием. Однако, несмотря на поддержку главного редактора БСЭ О. Ю. Шмидта, проект так и не удалось реализовать. Сам Н. Н. Баранский объяснял это большой занятостью редакции БСЭ, когда сотрудникам не хватало сил заниматься дополнительными проектами [Баранский, 1958, с. 134].

Новая попытка создания обобщенного труда по географии СССР была предпринята в следующем десятилетии. Одним из первых толчков к возобновлению проекта стал I Всесоюзный географический съезд 1933 г., на котором обсуждался вопрос о «Большой географии СССР» как многотомном издании наподобие «России» П. П. Семенова-Тян-Шанского [Липец, Приваловская, с. 92–93]. На съезде Н. Н. Баранский по поручению экономико-географической секции Института экономики Комакадемии и Института географии МГУ выступил с докладом о создании монографической серии, в которой должны быть представлены экономико-географические характеристики советских республик и областей [Труды..., с. 105–111]. Н. Н. Баранский дал общую характеристику потенциальному изданию, которая сохранилась и в последующих планах. Так, издание было рассчитано на читателей широкого круга («такого же, как читатель Большой советской энциклопедии»). Каждый выпуск должен был содержать географическую характеристику отдельной области (или в силу общих географических черт — нескольких областей) или республики. Структура каждого выпуска должна была включать вводную часть, характеристику природных условий, населения, хозяйства, историко-географический очерк, а также часть о перспективах дальнейшего развития региона с учетом географического фактора. Общий объем издания — 15–20 томов [Там же, с. 107–110].

С учетом масштабных планов проект требовал значительных ассигнований и большого количества кадров, в результате чего возникала институциональная проблема. К середине 1930-х гг. организация работы над будущим изданием была отведена Бюро экономических исследований (далее — Бюро) при Совете по изучению производительных сил (далее — СОПС) АН СССР. Бюро было создано в 1934 г. и направлено на экономическую оценку планов и результатов прежде всего экспедиционной деятельности СОПС. Сомнения о необходимости включения данного проекта в планы работ Бюро прозвучали на заседании экономического совещания СОПС 23 февраля 1935 г.

Согласно академику В. П. Волгину, идея создания географического описания СССР не могла не вызывать одобрения, но возможности Бюро (с учетом загруженности по другим направлениям деятельности) были несопоставимы

с масштабом проекта: «Я здесь хочу сказать только в плоскости работы Бюро экономических исследований СОПС. После всего, что было сказано Н. Н. [Баранским], для меня стало несравненно более ясно то, что подозревал до этого выступления. То есть, что эту задачу нужно исключить из Бюро экономических исследований. Слишком это грандиозно. Для этого нужна специальная организация. Если представить себе Бюро экономических исследований, как бы оно ни росло и ни крепло, перед которым стоит, однако, целый ряд весьма больших и сложных задач по обеспечению экономического освещения результатов экспедиций, экономической подготовке экспедиций, участию в самой экспедиции, консультации по целому ряду проблем и материалов, вытекающих из экспедиций и пр.» [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 128–129 об.]. По-видимому, из-за институционных трансформаций в СОПС с середины 1930-х гг. и существенного сокращения финансирования на проведение экспедиционных исследований уже с 1936 г. работа над проектом географического описания СССР шла под эгидой созданного в том же году Института географии АН СССР.

На том же совещании 23 февраля 1935 г. Н. Н. Баранский выступил с докладом, в котором планируемое издание получило название «География СССР» [Там же, л. 110–143]. В марте 1935 г. были приняты первые организационные решения по проекту: была утверждена редакционная комиссия по изданию в составе: Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский, И. М. Губкин, В. Л. Комаров, Н. И. Вавилов, П. П. Маслов, С. И. Солнцев, А. Е. Ферсман, Н. Н. Баранский, А. А. Григорьев, Н. П. Горбунов и др. Редакция должна была составить план и характер работы, смету, а также уточнить роль областных и республиканских организаций в проекте [Там же, л. 62].

Подготовка «Географии СССР» была вызвана несколькими причинами. Как вспоминал сам Н. Н. Баранский, потребность в подобном издании была связана с необходимостью представить достижения советской географической науки за рубежом [Баранский, 2001, с. 135]. Он также упоминал, что подобные запросы от иностранцев не были единичными случаями. Например, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (далее — ВОКС) получало множество запросов от иностранцев прислать им какие-либо данные о географии СССР. Особенно часто эти запросы поступали в 1934 г. после международного географического конгресса в Варшаве. ВОКС не мог удовлетворить эти запросы по причине отсутствия в стране современной географической литературы. Эту ситуацию Н. Н. Баранский считал неприемлемой, как видно из его выступления на вышеупомянутом заседании экономического совещания СОПС 23 февраля 1935 г.: «Порядочные люди имеют визитные карточки. Для страны такого рода визитной карточкой является географическое описание или атлас. Так что мы в этом отношении просрочили чрезвычайно» [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 134].

Разумеется, «География СССР» была рассчитана и на советского читателя. На том же заседании отмечалось, что административно-территориальные границы СССР, размещение промышленных производств и изменения в структуре обжитых мест значительно изменились с 1917 г. Это привело к необходимости

создания множества уточненных картографических трудов: описаний административно-политического деления, расселения населения, путей сообщения, а также карт всех отраслей промышленности и развития сельского хозяйства. Однако обобщающей работы наподобие «Географии СССР», которая бы отразила все эти изменения, так и не было выпущено [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 132 об.].

Кроме того, Н. Н. Баранский подчеркивал возможность практического применения данного труда: «...в таком подробном по территории описании заинтересованы не только центральные люди, но и областные работники. Когда наши студенты и аспиранты из МГУ производят те или иные экспедиционные изыскания на местах и составляют крупномасштабные карты, то областные плановые органы рвут эти карты у них из рук, потому что они сидят и не знают, — хотя и местные работники, но не знают достаточно детально, что у них есть» [Там же, л. 134]. Ценность издания была также вызвана возросшим интересом к географии в образовательной сфере. К этому времени произошли важные сдвиги в преподавании географии в школе: в 1934 г. вышло постановление Совета народных комиссаров (далее — СНК) СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании географии в начальной и средней школе», стала постепенно появляться новая учебная литература для школьников, начал издаваться журнал «География в школе» [Орлова, с. 87–93].

Таким образом, «География СССР» была рассчитана на широкий круг читателей. Как отмечено в материалах СОПС, «работа такого рода нужна партийцу, хозяйственнику, научному работнику, педагогу, студенту, рабочему, колхознику, краеведу, туристу и др.» [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 71].

Начало работы над проектом

Пристальное внимание на заседании экономического совещания СОПС АН СССР 23 февраля 1935 г. было уделено содержанию «Географии СССР». С учетом задач, стоявших перед авторами, одним из главных опасений Н. Н. Баранского было сделать из потенциального издания «конъюнктурно-статистическое описание», которое ежегодно печаталось краевыми и областными исполкомами. По мнению ученого, подобные описания не имели ничего общего с географическими монографиями. Представленные там данные рассматривались как «механические сводки», отчетные данные всех отделов по сельскому хозяйству, промышленности, по здравоохранению и т. д. [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 133].

Н. Н. Баранский полагал, что вышеупомянутых недостатков можно избежать, если отказаться от принципа «дробного районирования», когда в географическом издании приводятся выборочные данные, имеющие значение только для одной конкретной территории [Там же, л. 133 об.]. Структура каждого выпуска в целом была схожа с той, которая была представлена Н. Н. Баранским на I Всесоюзном географическом съезде в 1933 г. [Труды..., с. 107–110]: «Введение с краткой формулировкой важнейших особенностей области. Затем природные условия, где должен быть обзор по отдельным элементам и должна быть

комплексная ландшафтная характеристика. Краткий историко-географический очерк. Затем очерк населения, очерк хозяйства области в целом и по отраслям и затем отдел внутриобластных различий и связей. Этот отдел и должен составлять ядро. Это по объему должно быть примерно 50 % каждого выпуска. После этого идут внеобластные связи и перспективы дальнейшего развития» [АРАН, ф. 174, оп. 21, д. 52, л. 132].

Основная работа по созданию коллективного труда была начата 25 июля 1936 г., когда по постановлению Президиума АН СССР при Институте географии АН СССР учреждалась Главная редакция издания «География СССР» [АРАН, ф. 1569, оп. 4, д. 24, л. 71]. Необходимость создания отдельной редакции, по всей видимости, была связана с тем, что первоначальный план Н. Н. Баранского по написанию 16 томов после обсуждения проекта в АН СССР был доведен до 37 томов[1]. Согласно плану 1936 г. (см. табл. 1), публикация первых томов должна была начаться в 1938 г., а все издание должно было быть завершено до 1942 г.

Таблица 1

План издания томов «Географии СССР» по годам*

Год	Количество томов	Номер и название тома
1938	4	(1) «Туркменская ССР» (2) «Крымская АССР» (3) «Киргизская АССР» (4) «Ивановская и Ярославская области»
1939	8	(5) «Ленинградская область и Карельская АССР» (6) «Украинская ССР с Молдавской АССР» (I-й том) (7) «Западно-Сибирский край и Омская область» (8) «Якутская АССР» (9) «Узбекская ССР с Каракалпакской АССР» (10) «Белорусская ССР» (11) «Западная и Калининская области» (12) «Арктика»
1940	10	(13) «г. Москва и Московская область» (14) «Украинская ССР» (II-й том) (15–16) «Грузинская ССР с Абхазской АССР, Аджарской АССР и Юго-Осетинской АО» (два тома) (17) «Азербайджанская ССР с Нахичеванской АССР и АО Нагорного Карабаха» (18) «Урал (Свердловская, Челябинская и Оренбургская области, Башкирская АССР)»

[1] Вспоминая о подготовке «Географии СССР» в предвоенные годы, Н. Н. Баранский писал о 36-томном издании [Баранский, 1958, с. 135–136].

Окончание табл. 1

Год	Количество томов	Номер и название тома
		(19) «Восточно-Сибирская область и Бурято-Монгольская АССР» (20) «Армянская ССР» (21) «Курская и Воронежская области» (22) «Таджикская ССР»
1941	9	(23–24) «Украинская ССР» (тома III–IV) (25) «Горьковская область, Удмуртская АССР, Кировская область, Чувашская АССР, Марийская АССР и Татарская АССР» (26) «Северная область и АССР Коми» (27–28) «Казахская ССР» (два тома) (29) «Красноярский край с Хакасской АО» (30) «Куйбышевская область, Мордовская АССР, Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Сталинградская область, Калмыцкая АССР» (31) «Азово-Черноморский край с Адыгейской АО, Северо-Кавказский край с Карачаевской и Черкесской АО, Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Северо-Осетинская АССР и Чечено-Ингушская АССР»
1942	6	(32) «Украинская ССР» (V-й том) (33) «Дальневосточный край с Еврейской АО» (34) «Введение в географию СССР» (35) «Природа» (36) «Народы СССР» (37) «Социалистическое хозяйство СССР»

* Сост. по: [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 471, л. 50–51].

Главная редакция фактически была независима от Института географии АН СССР, так как у нее было свое руководство и отдельный бюджет. Ее возглавил непременный секретарь АН СССР Н. П. Горбунов, а его заместителем стал Г. К. Клингер. В структуре Главной редакции были также несколько отделов (физико-географический, экономико-географический, исторический и картографический), ученый секретариат, два бюро (картографическое и статистическое), бухгалтерия, технический секретариат и хозяйственная часть [АРАН, ф. 1569, оп. 4, д. 24, л. 71].

Обнаруженные в ходе данного исследования материалы позволяют дать приблизительную характеристику авторского состава лишь первых томов[2].

[2] Следует отметить, что значительная часть делопроизводственной документации, по-видимому, не была сохранена. Согласно акту о выделении и уничтожении документальных материалов Ф. 1507 Главной редакции «Географии СССР» (от 24 сентября 1965 г.), авторские договоры и переписка по их исполнению, протоколы заседаний Главной редакции и другие

Их составление поручалось коллективам как из числа научных работников АН СССР и, в частности, Института географии, так и других научных учреждений, как в центре, так и на местах. Ответственным за подготовку одного из первых томов (туркменского) был экономико-географ Г. Н. Черданцев. В сохранившейся документации среди авторов значились как крупные (к середине 1930-х гг.) ученые (например, за Л. С. Бергом был закреплен раздел «Природные условия»), так и молодые, которые в дальнейшем продолжили исследования по центральноазиатской тематике. Так, В. Н. Кунин (автор раздела «Воды Туркмении») в последующие годы внес значительный вклад в изучение подземных вод аридных территорий, был одним из организаторов Института пустынь АН Туркмении (создан в 1962 г.). Э. М. Мурзаев (автор раздела «Район Центральных Каракумов») в военные годы и послевоенные десятилетия посвятил ряд работ формированию и динамике пустынь, опубликовал географические работы о Средней Азии и Монголии. С. Н. Рязанцев, который руководил секцией «Средняя Азия и Казахстан» (после реорганизации работы над «Географией СССР» в 1937–1938 гг.), в 1940–1960-е гг. опубликовал ряд обобщающих трудов по географии Киргизии, южных районов Казахстана, а также Средней Азии в целом [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 391, л. 8–9].

Помимо географов (экономико-географов, физико-географов, гидрологов и т. д.) подготовкой томов (на разных этапах работы) занимались также представители других областей научного знания. Так, для подготовки историко-географических разделов привлекались историки (например, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета) [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 472, л. 17, 70–84].

Одной из существенных проблем в дальнейшей реализации проекта стала нехватка финансирования. Для работы редакции в начале 1937 г. требовалось выделить 300 000 руб. Однако эти средства не удалось получить от Народного комиссариата финансов, ждавшего решения правительства об издании «Географии СССР». АН СССР выделила же настолько малую сумму, что ее хватило лишь на зарплаты сотрудников и выполнение ранее принятых на себя редакцией обязательств по договорам и соглашениям [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 390, л. 28 об.]. Г. К. Клингер отмечал: «...при таких условиях я естественно не в состоянии развертывать работу. Я не могу и не вправе не только заключать какие-либо новые договора на работы по Крыму, Ивановской и Ярославской областям и Киргизии, но и заполнять штат сотрудников, организовывать картографическое бюро и пр.» [Там же, л. 28]. На второй квартал 1937 г. Главной редакции требовалось 200 000 руб., чтобы выпустить к 1938 г. четыре первых тома [Там же].

После прекращения финансирования «Географии СССР» начался процесс реорганизации работы над изданием. 22 августа 1937 г. президент АН СССР В. Л. Комаров пояснял, что СНК СССР отклонил представленный Президиумом

материалы 1936–1937 гг. (в акте отмечено 76 единиц хранения) по подготовке «Географии СССР» по решению экспертной комиссии Архива АН СССР должны были быть уничтожены «как не имеющие научно-исторической ценности» [АРАН, ф. 1569, оп. 4, д. 24, л. 69–70].

АН СССР проект издания «География СССР» в 37 томах, а само издание решил значительно сократить в объеме. Это привело к ликвидации Главной редакции «Географии СССР» и освобождению Г. К. Клингера с 20 августа 1937 г. от должности заместителя главного редактора. Дела Главной редакции передавались Институту географии, а само руководство института должно было в срочном порядке составить новый вариант географического описания территории СССР и представить его на утверждение Президиума АН СССР, предварительно обсудив в составе Группы географии и геофизики АН СССР [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 390, л. 6].

Н. Н. Баранский встретил идею передачи руководства проектом Институту географии с неудовлетворением. К этому времени он уже находился в напряженных отношениях с директором института А. А. Григорьевым. Причина этих неприязненных отношений, по всей видимости, заключалась в противостоянии ученых как представителей двух ярких географических школ, которые оспаривали свое первенство в определении векторов развития географической науки. О неприязни Н. Н. Баранского свидетельствуют, например, мемуары, в которых дана крайне негативная характеристика личности и профессиональной деятельности А. А. Григорьева [Баранский, 2001, с. 91, 142–145]. Такие напряженные отношения между двумя учеными мешали осуществлению проекта.

Новый проект «Географии СССР» был утвержден председателем СНК СССР как 8-томное издание. Кроме того, была запланирована подготовка обобщающего тома «Географии СССР» [АРАН, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 10]. На заседании Президиума Группы географии и геофизики АН СССР, которое состоялось 1 октября 1937 г., было решено дополнить готовящиеся в 1938 г. два тома «Средняя Азия и Казахстан» и «Север Европейской части СССР» еще одним томом «Урал и Поволжье» [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 390, л. 3]. Почти через две недели было принято решение, что подготовка 8-томной «Географии СССР» будет проводиться Институтом географии в 1938–1942 гг. Президиум Группы географии и геофизики также обязывал дирекцию Института географии выделить в 1938 г. не менее 200 000 руб. на работу над первыми тремя томами «Географии СССР» [Там же, л. 1].

Согласно утвержденному Президиумом Группы географии и геофизики плану Институту географии следовало проводить работы по графику, представленному в табл. 2.

То, что данный план не удастся соблюсти, стало ясно по результатам проверки Института географии, проходившей в 1940 г. Проверяющая комиссия связала отсутствие результатов по созданию «Географии СССР» с тем, что Главная редакция не собиралась в течение 1939–1940 гг., а все работы по подготовке издания единолично вел директор Института географии А. А. Григорьев. Отмечалось также, что отдел экономической географии фактически не имел заведующего, что создавало трудности в организации работы [АРАН, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 10]. Согласно биографам А. А. Григорьева, неуспехи в подготовке «Географии СССР» были связаны со степенью загруженности ученого и отсутствием опыта

в организации работы над подобными изданиями [Академик Андрей Александрович Григорьев, с. 213–214].

Таблица 2

График работы над «Географией СССР» в 1938–1942 гг.*

Год	Начало работы	Сдача рукописи в печать	Выход из печати
1938	3 тома		
1939	3 тома	3 тома	
1940	2 тома	3 тома	3 тома
1941		2 тома	3 тома
1942			2 тома

* Источник: [АРАН, ф. 2, оп. 1 (1937), д. 390, л. 1].

В 1941 г. Институт географии планировал сдать в печать четыре тома по географии СССР: «Европейский север и Советская Арктика», «Среднеазиатские республики», «Поволжье» и «Казахстан», а также завершить работу над остальными региональными томами. А. А. Григорьев отмечал, что к началу 1941 г. законченные к этому времени тома находились на редактировании, но война прервала все работы по этому направлению [Там же, с. 216, 218]. К этому времени силы сотрудников Института географии были направлены на решение таких военных нужд, как составление карт проходимости местности и подготовка географических обзоров потенциальных театров боевых действий [Институт географии..., с. 19–20].

Мнение А. А. Григорьева о том, что тома «Географии СССР» были почти готовы, не разделял Н. Н. Баранский. В своих воспоминаниях он писал, что получил черновики томов в 1941 г. и убедился, что подготовленные тексты не согласованы между экономико- и физико-географами [Баранский, 2001, с. 90].

Судьба проекта в послевоенные годы

В середине 1940-х гг. была предпринята попытка возродить проект, но примерно в это же время между А. А. Григорьевым и Н. Н. Баранским возникло противостояние: Н. Н. Баранский при поддержке части сотрудников Института географии выступил с критикой А. А. Григорьева как руководителя Института [Академик Андрей Александрович Григорьев, с. 232–233]. После этого А. А. Григорьев, по всей видимости, не был настроен на какое-либо сотрудничество с Н. Н. Баранским. Последний же считал довоенный опыт создания издания неудачным и прилагал все усилия к тому, чтобы работа без его одобрения не увидела света.

Вероятно, это привело к тому, что интерес к изданию «Географии СССР» угас. Требовалось переработать концепцию издания, обновить собранные данные, а главное, создать в Институте географии сильный коллектив экономико-географов, который мог бы работать независимо от Н. Н. Баранского и его учеников.

Сам Н. Н. Баранский отмечал, что его первоначальная идея о создании географического описания СССР как единой серии томов переродилась во множество небольших географических описаний отдельных частей страны. К 1958 г. он насчитал около 15 таких изданий (за 20 лет), которые «сильно различались между собой и по своей структуре, и по степени подробности изложения, и по научной ценности и, наконец, по качеству выполнения» [Баранский, 1958, с. 135]. Судя по указанному количеству, Н. Н. Баранский, по всей видимости, имел в виду издания «Синей серии», которые представляли собой экономико-географические описания регионов и союзных республик (издавались с 1955 г.).

Обратившись к изданиям «Синей серии», можно увидеть, что по структуре они в целом схожи с томами «Географии СССР», взятой за основу в предвоенные годы. Как уже отмечалось, согласно Н. Н. Баранскому, тома «Географии СССР» должны были, с одной стороны, дать общую характеристику природных условий, населения, хозяйства, историко-географического развития республики, края или области, а с другой — содержать региональную часть (в которой дано более детальное и конкретное описание отдельных частей региона). Например, в издании «Молдавская ССР» (1955, автор — А. Л. Одуд) основная часть состоит из следующих разделов: «Природные условия и ресурсы» (где освещены особенности рельефа, полезных ископаемых, климата, рек и озер, почвы и т. д.), «Историко-географический очерк», «Население и культура», «Экономико-географическая характеристика современного народного хозяйства республики», «Экономико-географические районы республики». На две части поделено содержание издания «Туркменская ССР» (1957, 2-е изд., автор — З. Г. Фрейкин): в первую («Общая характеристика») вошли пять глав («Географическое положение, природные условия и ресурсы», «История географического изучения Туркменистана», «Историко-географический очерк», «Население» и «Хозяйство»), во вторую («Области и их внутренние различия») — шесть глав («Общие сведения», «Ашхабадская область», «Марыйская область», «Чарджоуская область», «Каракумский канал» и «Ташаузская область»).

Схожая структура сохранена и в других изданиях, вышедших после публикации статьи Н. Н. Баранского (1958). Например, «Центрально-Черноземный район» (1961, автор — К. В. Долгополов): в первой части («Общий обзор») основные разделы — «Природные условия и ресурсы», «Формирование хозяйства» (носит историко-географический характер), «Население», «Хозяйство»; во второй («Порайонный обзор») — «Орловская область», «Брянская область», «Курская область», «Белгородская область», «Воронежская область», «Липецкая область», «Тамбовская область», «Пензенская область». Вероятно, на резкую оценку Н. Н. Баранского повлияло в том числе негативное

отношение к Институту географии АН СССР, под эгидой которого выходили издания [Баранский, 2001, с. 142]. Кроме того, в проекте принимал участие и сам А. А. Григорьев, который, например, выступил одним из ответственных редакторов издания «Карельская АССР» (1956).

Следует отметить, что в подготовке «Синей серии» принимали участие исследователи, также работавшие над «Географией СССР». Например, ранее упомянутый С. Н. Рязанцев был одним из редакторов «Таджикской ССР» (1956). В 1960 г. он совместно с В. Ф. Павленко подготовил издание «Киргизская ССР». В. Н. Кунин выступал в качестве редактора подготовленной З. Г. Фрейкиным «Туркменской ССР». Это издание (вышедшее в 1957 г. в рамках «Синей серии») представляло собой переработанную и дополненную версию одноименной книги 1954 г. (в двух изданиях содержится благодарность за замечания не только В. Н. Кунину, но также С. Н. Рязанцеву).

Выводы

Работа над изданием «Географии СССР» была важным этапом развития отечественной географической науки. В отличие от уже существовавших в 1920-е гг. серий географических описаний, к которым были привлечены небольшие коллективы географов, например, только из Московского или Ленинградского университетов, в случае с «Географией СССР» речь шла о привлечении всех структур АН СССР, ее научных баз и филиалов. Были попытки привлечь к созданию географических описаний академии наук союзных республик, например, АН Украинской ССР и АН Белорусской ССР.

Однако ввиду комплекса причин проект так и не был реализован. Как видно из материалов Архива РАН, реализация проекта «Географии СССР» испытывала трудности прежде всего из-за нехватки финансирования: СНК СССР не был уверен в необходимости этого издания и не выделял в срок предполагаемые средства. При поручении его составления Институту географии не было учтено, что это учреждение уже загружено проводимыми исследованиями, а имевшихся в его составе экономико-географов было недостаточно.

В конце 1930-х гг. препятствием для реализации проекта стали репрессии лиц, возглавлявших научно-организаторскую подготовку «Географии СССР». Так, в 1937 г. был арестован Г. К. Клингер, а в 1938 г. — Н. П. Горбунов (расстрелян осенью того же года). Это, вероятно, и определило нежелание ассоциировать проект с деятельностью «врагов народа», что привело к упразднению Главной редакции, после чего подготовкой проекта занимался Институт географии АН СССР. В те годы его возглавлял А. А. Григорьев, с которым у Н. Н. Баранского были очень непростые отношения.

Среди препятствий в реализации проекта в конце 1930-х — начале 1940-х гг. следует также учитывать начало Великой Отечественной войны. В послевоенные годы интерес к проекту возобновился. Так, в 1946 г. подготовка серии книг по «Географии СССР» должна была стать одной из главных задач Института.

В 1950–1960-е гг. под эгидой Института географии АН СССР проводилось комплексное экономико-географическое исследование территории союзных республик СССР и районов РСФСР, что фактически стало продолжением довоенных традиций. Результатом этих работ стало опубликование «Синей серии» экономико-географических очерков.

Источники

АРАН — Архив Российской академии наук. Ф. 2 (Секретариат Президиума Российской академии наук). Оп. 1 (1937). Д. 390, 391, 471, 472; Ф. 174 (Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР). Оп. 21. Д. 52; Ф. 200 (Институт географии Российской академии наук). Оп. 1. Д. 8; Ф. 1569 (Григорьев Андрей Александрович). Оп. 4. Д. 24.

Баранский Н. Н. Еще раз о большой географии СССР // Известия ВГО. 1958. Т. 90, № 2. С. 134–141.

Баранский Н. Н. Моя жизнь в экономгеографии. М. : Геогр. фак. МГУ, 2001.

Труды Первого Всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.). Вып. 2 : Пленарные заседания. Л. : Изд. ГГО, 1934.

Исследования

Агирречу А. А. Экономико-географические описания регионов СССР во второй половине 1920-х годов: серии и авторы // Известия РАН. Серия географическая. 2022. Т. 86, № 5. С. 827–840. https://doi.org/10.31857/S258755662205003X

Агирречу А. А. Экономико-географические описания Урала во второй половине 1920-х гг. // Географический вестник. 2024. Т. 69, № 2. С. 50–58. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2024-2-50-58

Академик Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883–1968) / сост. Т. Д. Александрова ; отв. ред. В. М. Котляков. М. : КМК, 2011.

Институт географии и его люди: к 90-летию со дня образования / сост. Т. Д. Александрова ; отв. ред. В. М. Котляков. М. : Наука, 2008.

Липец Ю. Г., Приваловская Г. А. Региональные исследования в Институте географии АН СССР // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 92–95.

Орлова Г. А. Картографический поворот: школьная география и визуальная политика в эпоху больших утопий // Вопросы образования. 2006. Вып. 3. С. 81–101.

References

Aguirrechu, A. A. (2022). Ekonomiko-geograficheskie opisaniia regionov SSSR vo vtoroi polovine 1920-kh godov: serii i avtory [Economic and Geographical Descriptions of USSR Regions in the Second Half of the 1920s: Series and Authors]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya, 86*(5), 827–840. https://doi.org/10.31857/S258755662205003X

Aguirrechu, A. A. (2024). Ekonomiko-geograficheskie opisaniia Urala vo vtoroi polovine 1920-kh gg. [Economic-and-Geographical Descriptions of the Urals in the Second Half of the 1920s]. *Geographical Bulletin, 69*(2), 50–58. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2024-2-50-58

Aleksandrova, T. D., & Kotlyakov, V. M. (Eds.). (2008). *Institut geografii i ego liudi: k 90-letiiu so dnia obrazovaniia* [The Institute of Geography and Its People: On the 90th Anniversary of its Establishment]. Moscow: Nauka.

Aleksandrova, T. D., & Kotlyakov, V. M. (Eds.). (2011). *Akademik Andrei Aleksandrovich Grigor'ev. Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo (1883–1968)* [Academician Andrey Aleksandrovich Grigoriev. Life and Scientific Work (1883–1968)]. Moscow: KMK.

Lipets, Yu. G., & Privalovskaya, G. A. (2002). Regional'nye issledovaniia v Institute geografii AN SSSR [Regional Studies in the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences]. *Regional'nye issledovaniia,* 1, 92–95.

Orlova, G. A. (2006). Kartograficheskii povorot: shkol'naia geografiia i vizual'naia politika v epokhu bol'shikh utopii [The Cartographic Turn: School Geography and Visual Policy in the Age of Great Utopias]. *Voprosy obrazovaniia*, 3, 81–101.

Собисевич Алексей Владимирович
кандидат географических наук
[1] ведущий научный сотрудник
Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН
125315, Москва, ул. Балтийская, 14
[2] старший научный сотрудник
Российский государственный
гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: sobisevich@mail.ru

Sobisevich, Alexey Vladimirovich
PhD (Geography)
[1] Leading Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
14, Baltiyskaya St., 125315 Moscow, Russia
[2] Senior Researcher
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia
Email: sobisevich@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1088-9221

Холматов Темурмалик Комилджонович
кандидат исторических наук
[1] старший преподаватель
Школы исторических наук
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
[2] научный сотрудник
Российский государственный
гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: timur.kholmatoff@yandex.ru

Kholmatov, Temurmalik Komildzhonovich
PhD (History)
[1] Senior Lecturer
School of History
HSE University
20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russia
[2] Research Fellow
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia
Email: timur.kholmatoff@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2975-1647

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.016
УДК 94(495).01 + 321.1(495) + 930.85 + 008

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О ЦЕРЕМОНИАЛЕ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Рец. на кн.: *Rollinger Chr.* Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. — Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2024. — 811 S. (Historia — Einzelschriften ; 275).

Рецензия на монографию немецкого антиковеда прежде всего сосредоточена на понимании методики автора, считающего, что с конца IV по VII в. Восточная Римская империя была локализована в Константинополе. Основной аргумент Х. Роллингера в пользу этого тезиса — то, что постоянное присутствие императоров в городе делало неизбежными изменения в их коммуникативном поведении. Именно локальные связи, по мысли исследователя, способствовали повышению значимости и развитию ритуальной конфигурации правления, которая играла все возрастающую роль в политической и социальной жизни. Приводимые в книге факты показывают, что в Константинополе императоры не могли избежать перформативной коммуникации с сословными группами внутри империи, которые поддерживали их правление и от чьего признания они зависели. Средством этой коммуникации служили придворные церемонии. Роллингер, по мнению автора рецензии, рассматривает придворный церемониал поздней Античности как совокупность ритуалов, формирующих смыслы власти, которые отражали основополагающие идеологемы позднеантичной империи и наполняли их содержанием и жизнью. Как подчеркивается в рецензии, Роллингер показывает, что церемония была не только выражением, но и замыслом, не только авторитетным монархическим представлением, но и перформативным конструированием позднеантичной империи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя Античность; ранняя Византия; смыслы позднеантичных церемоний; содержание церемоний в Константинополе; церемонии ранневизантийского двора

© Козлов А. С., 2026
CC BY-NC

Цитирование: *Козлов А. С.* Новая монография о церемониале в ранней Византии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 250–258. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.016
Рец. на кн.: *Rollinger Chr.* Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. — Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2024. — 811 S. (Historia — Einzelschriften ; 275).

Поступила в редакцию: 04.08.2025
Принята к печати: 27.02.2026

Aleksandr S. Kozlov
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

NEW MONOGRAPH ON CEREMONIAL IN THE EARLY BYZANTINE EMPIRE

***Review of*: Rollinger, Chr. (2024). Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel. *Historia — Einzelschriften, 275*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 811 S.**

This review of a monograph by a German classical scholar focuses primarily on understanding the author's methodology, who argues that from the late fourth to the seventh century, the Eastern Roman Empire was centred in Constantinople. Christian Rollinger's main argument in favour of this thesis is that the emperors' constant presence in the city made changes in their communicative behaviour inevitable. According to the researcher, it was precisely these local connections that contributed to the growing significance and development of the ritual configuration of rule, which played an increasingly important role in political and social life. The facts presented in the book demonstrate that in Constantinople, emperors could not avoid performative communication with social groups within the empire who supported their rule and on whose recognition they depended. Court ceremonies served as means of this communication. According to the reviewer, Rollinger views the court ceremonial of late antiquity as a set of rituals that shaped the meanings of power, reflecting the foundational ideologemes of the late antique empire and imbuing them with content and life. As emphasised in the review, Rollinger demonstrates that ceremony was not merely an expression but also a design, not merely an authoritative monarchical display but also a performative construction of the late antique empire.

Keywords: Late Antiquity; Early Byzantium; significance of late antique ceremonies; nature of ceremonies in Constantinople; ceremonies at the Early Byzantine court

For citation: Kozlov, A. S. (2026). Novaia monografiia o tseremoniale v rannei Vizantii [New Monograph on Ceremonial in the Early Byzantine Empire]. *Review of*: Rollinger, Chr. (2024). Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des

Kaiserhofs in Konstantinopel. *Historia — Einzelschriften, 275*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 811 S. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 250–258. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.016

Submitted: 04.08.2025
Accepted: 27.02.2026

Десять лет назад И. Винанд опубликовал амбициозную монографию «Оспариваемая монархия: интеграция Римской империи в IV веке н. э.». Как метко указал ее рецензент Ян Дрейверс, в книге было «всего настолько много, что разбегались глаза». Следует учитывать — на тот момент еще можно было говорить, что «нам недостает всестороннего исследования фигуры императора в поздней Римской империи» [Drijvers][1]. Однако книга Х. Роллингера тоже не совсем то, о чем мечтал Дрейверс. По сути, это позднеантичный аналог известного исследования Ф. Миллара «Император в римском мире» (1977). Сравнивать эти две работы можно и по степени амбициозности, и по глубине эрудиции, и по степени вклада в историографию темы. Однако те, кто помнит весьма критический отзыв Кейт Хопкинс о книге Миллара [Hopkins], могут быть спокойны: работа Роллингера практически не содержит недостатков, отмеченных в этой разгромной рецензии. Тема книги Роллингера не *Kaisertum* само по себе, а скорее то, как вокруг восточноримских императоров, которые с конца IV в. постоянно проживали в Константинополе, был создан сложный придворный церемониал для демонстрации их власти и таким образом (для ее утверждения) обеспечивалось признание ее «аудиторией».

Книга состоит из восьми частей, разделенных на двадцать четыре главы, и начинается с образцового, выполненного по всем научным канонам, введения. Текст первой части «Legimität und Akzeptanz» («Легитимность и признание») во многом отталкивается от суждений М. Вебера и подходит к наблюдениям Э. Кальделлиса, учитывает и развивает прежде всего выводы Э. Флега и П. Вейна о рефлексии подданных империи относительно правомерности самого существования императорской власти. Следует, однако, отметить, что соответствующие изыскания А. А. Чекаловой и М. А. Поляковской, вошедшие в том числе в академический советский трехтомник «Культура Византии», немецкому специалисту неизвестны. Отсюда, полагаю, определенные потери, о которых ниже.

[1] И. Винанд, рассматривая трансформацию римской монархии в 284–395 гг., доказывает, что стабильность открытой военно-бюрократической диктатуры в значительной степени зависела от мобильности императора, коллегиального или династического правления и военного разрешения внутриполитических кризисов. В то же время исследователь, явно переоценивая значение конфессионального фактора, попытался доказать, что глубокие религиозные перемены изменяли основы политического взаимодействия и символической коммуникации между императором и его подданными, а административные и военные преобразования меняли институциональные основы римской монархии.

После краткого историографического обзора Роллингер переходит к непосредственному рассмотрению вопроса о придворном церемониале. По мнению исследователя, этот церемониал не только «представителен», но конструктивен. Следует оговориться, что подобный вывод основан на исследовании А. Альфёльди «монархического представительства», которое, как известно, аргументированно предложило покончить с взглядами на «царственность» позднеримского церемониала [Alföldi, S. 32, 44–45]. В данном моменте ощущается также влияние К. Гирца: Роллингер следует за знаменитым антропологом, определяя «ритуал» как политические нарративы, посредством которых люди мыслят «о своем месте в порядке вещей, нарративном порядке мира» (S. 38; цитата взята Роллингером из статьи Гирца 1972 г. об уличных петушиных боях на о. Бали [Geertz]). К тому же Роллингер историзирует «церемониал»: вместо рассуждений о внеисторическом *Idealtyp* он утверждает, что мы должны рассматривать римский церемониал как историческую конструкцию, у которой были конкретные причины для такого развития.

Во второй части монографии внимание автора сосредоточено на основных территориях, пространствах императорского церемониала в Константинополе. Роллингер убедительно доказывает важность изучения в данном вопросе собственно «имперского двора» (исследование, отсутствующее как у Миллара, так и у А. Джонса), укомплектованного служилой аристократией и военной элитой. Затем он описывает как действующих лиц императорского церемониала (включая *praepositus sacri cubiculi*, который всегда был евнухом), так и его место действия: Большой дворец Константинополя, истории которого посвящена целая глава. Роллингер справедливо отмечает, что причины, по которым императоры решили оставаться по возможности безвыездно в Константинополе (в разительном контрасте с концом III и IV в.) до сих пор не совсем ясны.

Следующие разделы книги еще более актуальны. Третья часть посвящена дворцовому церемониалу. Здесь Роллингер, наряду с прочим, почти независимо от сопутствующих сюжетов рассматривает щекотливый вопрос о *adoratio purpurae*. Он, безусловно, прав, подчеркивая особую важность ритуала *imposition*, установленного Диоклетианом. В прошлом восторженные или охваченные благоговением просители, обращавшиеся к Августу, могли спонтанно продемонстрировать подобострастие и даже раболепие, но в поздней империи это стало обязательным. В связи с данным обстоятельством Роллингер допускает возможность сравнить режим Диоклетиана с древними китайскими империями, поскольку в последних обычно требовалось, чтобы просители оставляли свои сандалии и мечи придворным (евнухам) и падали ниц перед своим государем. Это, полагает ряд специалистов (и Роллингер тоже), была одна из форм утверждения (и создания) власти, с которой ознакомились римские императоры. Возможность заимствования подобной формы ритуала у Сасанидов в монографии, к сожалению, специально не рассматривается, хотя определенные сегменты историографии этого сюжета прямо-таки толкают к такого рода анализу.

Здесь снова следует обратить внимание на упускаемую немецким исследователем социально-сословную подоплеку ритуала коленопреклонения и прочих процедур, ему сопутствующих. Конечно, те, кто совершал проскинезис, могли считать ее более или менее унизительной (или необходимой), но сам такого рода ритуал выполнял ряд важных функций, ибо даже самым недовольным сенаторам, участвовавшим в нем, предоставлялась именно *привилегия* такого участия.

Роллингер также подробно рассказывает о том, как двор решал вопросы продвижения по службе, используя с большим успехом методы, которые описали в VI в. Иоанн Лид и Петр Патрикий. Не менее основателен рассказ о том, как и когда император обедал и пировал. Важность комменсалитата здесь трудно переоценить, поскольку именно в таких случаях император имел возможность показать себя в наиболее доброжелательном виде. Не менее подробно описан и интерпретирован сложный дипломатический церемониал двора. Но жемчужиной этой третьей части представляется глава 9, где Роллингер объясняет *функцию* дворцового церемониала как системы. Зачем все это, спрашивает он. Ответ подчеркивает, что практика повиновения и практика ритуала не просто взаимодействуют, но взаимопроникают друг в друга. Церемония проскинезиса и демонстрирует повиновение, и порождает его.

В четвертой части Роллингер исследует династические элементы церемониала. Сначала речь идет об императорских браках, анализ процедур которых крайне затруднен из-за скудости источников. Традиционный документ по таким аспектам византийской цивилизации, «*De ceremoniis*» Константина VII, рассматривает только соответствующий церемониал VIII в. и более поздние времена. Роллингер устанавливает, что долгое время «языческие» элементы оформления брака все еще преобладали, — конечно, к большому неудовольствию отцов церкви. Лишь в конце VI в., в правление Маврикия, нарратив позволяет мельком увидеть патриарха, участвующего в соответствующей церемонии[2]. Симптоматично, что следующая глава, посвященная рождению и крещению василевсов, страдает от той же скудости источников. К этому досадному недостатку добавляется одно немаловажное обстоятельство: в период между рождением Феодосия II в 401 г. и рождением Ираклия Константина в 612 г. у василевсов родилось всего два ребенка мужского пола, и этот прискорбный факт, конечно же, сокращает значимость данной главы, делая ее самой слабой в книге. Например, для анализа феномена упомянутых рождений даже такой проницательный историк, как Роллингер, решается использовать соответствующий раздел «*De ceremoniis*», посвященный более позднему ритуалу, и вынужденно указывает, что «возможно», «вероятно», а иногда и «почти наверняка» такая-то практика существовала ранее.

Естественно, что даже если царственных детей рождалось мало, а все императоры рано или поздно должны были умереть, то следующая глава рецензируемой монографии оказывается посвященной погребальному церемониалу. Она

[2] В одном месте (S. 316) Роллингер ошибочно датирует эту церемонию V в.

одна из самых удачных в книге. Благодаря обилию источников она почти вдвое больше двух предыдущих глав, вместе взятых. Из нее, например, мы узнаем, что в 337 г. по Константину I не было произнесено надгробной речи, что резко контрастирует с ситуацией при Феодосии I в 395 г., когда воинственно настроенный прелат Амвросий произнес свою знаменитую речь перед тем, как забальзамированное тело императора отправилось из Италии в Константинополь.

В пятой части Роллингер исследует, как происходило возведение на престол императора и как он короновался. Надо отметить, что лексема «коронация» имела (и имеет) разное значение к востоку и западу от Рейна, поэтому Роллингер прилагает немало усилий, чтобы развеять представление о понятии *Krönungszeremonie* римского императора, которое может показаться более уместным для немецкоязычной публики и немецких ученых. Беглый поиск в JSTOR показывает всего 27 упоминаний о «коронации» в «*The Journal of Roman Studies*», большинство из которых сравнивают протоколы коронации в других обществах с отсутствием таковых в Риме. Развеяв химеру, Роллингер, к сожалению, называет возложение гривны или диадемы на голову новоиспеченного императора *Torqueskrönung*. Может быть, следует исключить слово *Krönung* из научного словаря, в какой бы форме оно ни было связано с Римом?

Наряду с поднятием нового императора на щите, вручение шейной гривны как ритуал, впервые засвидетельствованный Аммианом Марцеллином как проведенный в довольно импровизированной форме при провозглашении Августом Юлиана во II в. (Amm. Marc., XX.4.17–18), стало в дальнейшем постоянным символом одобрения армией своего нового господина, возможно, с возведения на трон Льва I, но, безусловно, со времен Анастасия I. Напротив, значение жемчужной диадемы, возлагаемой на нового василевса, весьма неясно, и нам остается в лучшем случае строить более или менее обоснованные догадки. И еще одно немаловажное для данной темы обстоятельство: Роллингер искусно отвергает упрощенное разделение на «военные» и «гражданские» аспекты процедуры восшествия на престол.

За обстоятельным описанием ритуала *accessio* следует глава, в которой достаточно подробно рассматриваются изменения в деталях церемонии (например, присутствие патриарха Константинопольского). Раздел завершается очень конструктивной попыткой ответить на вопрос, почему поздней Римской империи требовался столь сложный церемониал: «В церемонии [восшествия на престол]... империя или императорская власть как таковая становились событием, актом; церемония становилась πολιτεία ἔμψυχος» (S. 455), — тезис, по-моему, весьма точный. В связи с подобной оценкой проанализированного сюжета выглядит логичным то, что название шестой части книги («*Der Kaiser in Bewegung*») можно принять за метафору, но речь действительно идет об «императоре в движении». Термин звучит парадоксально, учитывая тот факт, что большинство правителей, описанных Роллингером, были гораздо менее активны, чем их предшественники конца III — IV в.: начиная с Аркадия, восточноримские монархи редко выезжали за пределы одного дня пути от Константинополя. Однако столь

малая активность в пространстве не означала неподвижность: императоры были чрезвычайно активны в городском контексте Константинополя, возглавляя процессии или участвуя в перенесении реликвий. В короткой главе представлено яркое описание зрелища такого шествия, а в следующей рассматривается собственно логистика перемещений императора по городу. Роллингер завершает главу параллелью, столь же ненужной, сколь и занимательной: показные осмотры общественных зернохранилищ, проводимые огорченными императорами, особенно Юстинианом. Они напоминают автору схожие постановочные визиты ряда авторитарных правителей второй половины XX в.

Как известно, в пространстве Константинополя одним из мест, концентрирующим в себе практику церемоний, был ипподром. Седьмая часть монографии посвящена ему потому, что именно там в позднеантичной Византии достигали своего размаха *публичные* церемонии. За кратким обзором библиографии истории цирковых фракций[3] следует описание диалогов между императором и его народом, диалогов, которые принимали на ипподроме форму аккламаций. Роллингер проводит интересную параллель между произнесением панегириков в адрес правителя и публичными аккламациями; в последнем случае, очевидно, организация приветствий, публичных просьб, жалоб, благодарностей и т. п. была весьма сложной, что требовало активного и постоянного закулисного диалога между императорским двором, цирковыми группировками и их сторонниками. Очень важно замечание, что анонимность, обеспечиваемая этими преимущественно одобрительными выкриками, могла служить прикрытием для решительных запросов. Несложно представить, справедливо замечает Роллингер, что панегирист, вдруг начавший критиковать администрацию или приближенных императора, быстро оказался бы в затруднительном положении, но аккламации на ипподроме могли реально повредить кому-то вроде знаменитого Калоподия, кувикулярия Анастасия I. И в данном случае опять-таки остается посетовать, что Роллингер незнаком с работами А. А. Чекаловой, скрупулезно анализировавшей этот казус и ему подобные.

Последняя часть монографии — это заключение, в котором Роллингер подчеркивает историчность императорского церемониала, указывая на его многозначную природу.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренное исследование представляет собой в общем профессионально выполненный синтез, который на данный момент можно считать проведенным на базе междисциплинарного подхода разбором позднеримского церемониала. Используя современные методы такого

[3] Следует заметить, что в большинстве западных языков нет термина, сопоставимого с португальской лексемой *torcida* — термина, который бы нейтрально обозначал как современных спортивных болельщиков, так и римские цирковые «партии» «синих» и «зеленых». Социальная подоплека этих партий, по сути, остается за пределами рецензируемой книги. Ее автор не знает исследований А. П. Дьяконова, М. Я. Сюзюмова, Г. Л. Курбатова, А. А. Чекаловой, известная же ему монография А. Камерона оставляет желать на сей счет много лучшего.

подхода, Роллингер легко переходит от масштабных историографических наблюдений над узловыми вопросами того или иного сюжета изучаемой темы к самым малоизвестным деталям препарирования конкретных источников. Думаю, что специалисты хотя бы частично одобрят его методы трактовки нарратива, а главы, посвященные легитимации императорской власти, будут с интересом прочитаны антиковедами, даже не занимающимися вопросами истории поздней Римской империи. Особенно, полагаю, их в этом плане способны привлечь введение и глава 16. Также можно отметить высокий уровень библиографии, представленной в исследовании (во всяком случае, по меркам западного антиковедения), включающей даже работы итальянских и испанских ученых (для немецко- и англоязычных исследований поздней Античности это бывает не часто). С соответствующими трудами восточноевропейских коллег дело обстоит хуже; о российских профильных исследованиях книга вообще молчит. Остается и вопрос о привлечении соответствующих работ, выполненных коллегами из стран Латинской Америки. Например, в библиографии явно не хватает статьи аргентинской исследовательницы В. Касамикелы Герхольд «Христианский император и языческий город: легендарная связь Константина I и Визáнтия» [Casamiquela Gerhold]. Но действительно недостает в этой объемной книге индекса фамилий современных специалистов, затрагивавших вынесенную в заглавие тему. Эффективно использовать библиографию, представленную Роллингером, на практике (например, определить использование конкретных наблюдений, сделанных К. Гирцем или А. Альфёльди) можно только в электронной версии книги. Надо, однако, признать, что присутствующие в бумажной версии тематические указатели и указатели источников весьма удовлетворительны.

Источники

Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt : in 2 vols. / ed. W. Seyfarth. Berlin : B. G. Teubner, 1978.

Исследования

Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellaschaft, 1970.

Casamiquela Gerhold V. El emperador cristiano y la ciudad pagana: la relación legendaria entre Constantino I y Bizancio // Anales de Filología Clásica. 2020. Vol. 33, No. 2. P. 7–30. https://doi.org/10.34096/afc.i33.10012

Drijvers J. W. Review on: Johannes Wienand, *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. Oxford Studies in Late Antiquity*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. xix, 530. ISBN 9780199768998. $105.00 (hb). // Bryn Mawr Classical Review. 2015. Vol. 11, No. 34. URL: https://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015.11.34/ (date of access: 03.08.2025).

Geertz C. Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight // Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York : Basic Books, 1973. P. 412–454.

Hopkins K. Rules of Evidence. Review on: Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B.C. — A.D. 337). London : Duckworth, 1977. XVI + 657 // The Journal of Roman Studies. 1978. Vol. 68. P. 178–186. https://doi.org/10.2307/299636

References

Alföldi, A. (1970). *Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellaschaft.

Casamiquela Gerhold, V. (2020). El emperador cristiano y la ciudad pagana: la relación legendaria entre Constantino I y Bizancio. *Anales de Filología Clásica*, *33*(2), 7–30.

Drijvers, J. W. (2015). Review on: Johannes Wienand, *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. Oxford Studies in Late Antiquity*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. xix, 530. ISBN 9780199768998. $105.00 (hb). *Bryn Mawr Classical Review, 11*(34). Retrieved from https://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015.11.34/

Geertz, C. (1973). Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight. In C. Geertz, *The Interpretation of Cultures: Selected Essay* (pp. 412–454). New York: Basic Books.

Hopkins, K. (1978). Rules of Evidence. Review on: Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B.C. — A.D. 337). London: Duckworth, 1977. XVI + 657. *The Journal of Roman Studies*, *68*, 178–186. https://doi.org/10.2307/299636

Козлов Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich
PhD (History), Associate Professor
Department of the History
of the Ancient World
and the Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: alarich@olympus.ru
https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.017
УДК 008 + 929 Кириллов А. Д. + 94(470.5) +
+ 339.055 + 332.1(470.5) + 327 +
+ 338.22:622(470.5) + 347.471(470)

Н. Б. Кириллова
И. С. Огоновская
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ЛЕТОПИСЕЦ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН: ГРАНИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А. Д. КИРИЛЛОВА

Статья посвящена памяти известного историка, политолога, общественного деятеля — профессора Анатолия Дмитриевича Кириллова. Уроженец Магнитогорска, он начал трудовую карьеру на металлургическом комбинате. Однако историческая наука интересовала его со школьных лет, и в 1980-х гг. А. Д. Кириллов занялся изучением общественных процессов, специализируясь в области истории партии. В 1984 г. в Челябинском педагогическом институте он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную черной металлургии СССР. Распад однопартийной системы, становление новых властных институтов, основанных на конкурентных выборах, вызвал к жизни огромный спрос на изучение новейшей истории Урала. А. Д. Кириллов стал одним из наиболее авторитетных исследователей процессов формирования новых политических и экономических структур новой России. Он и сам был участником этого процесса, наряду с исследовательской работой активно участвуя в политической жизни Свердловской области 1990-х гг. В 1999 г. он защитил докторскую диссертацию по проблеме складывания властных институтов на Урале в 1990-х гг. Им опубликовано более 300 научных работ, в том числе 18 монографий, 9 учебников и учебных пособий. В фокусе его внимания находилась судьба первого Президента России Б. Н. Ельцина, история Великой Отечественной войны и Уральского добровольческого танкового корпуса. А. Д. Кириллов активно занимался издательской деятельностью. Он был не только ученым, но и педагогом, публицистом, общественным деятелем, внесшим существенный вклад в изучение политической истории Урала XX века и процессов становления новой российской государственности, способствуя формированию исторического мышления у молодежи — студентов и школьников. Сегодняшнее знание о том, как процесс создания новой государственности постсоветской России

© Кириллова Н. Б., Огоновская И. С., 2026
CC BY-NC

протекал в Уральском регионе, в значительной мере основано именно на работах А. Д. Кириллова, ставшего подлинным «летописцем эпохи перемен».

Ключевые слова: А. Д. Кириллов; политическая история Урала; история уральской промышленности; новая российская государственность; Урал в постсоветской России; институты гражданского общества

Цитирование: *Кириллова Н. Б., Огоновская И. С.* Летописец эпохи перемен: грани деятельности профессора А. Д. Кириллова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2026. Т. 28, № 1. С. 259–268. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.017

Поступила в редакцию: 06.02.2026
Принята к печати: 25.02.2026

Natalia B. Kirillova
Izabella S. Ogonovskaya
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

CHRONICLER OF AN AGE OF CHANGE: THE SCOPE OF THE WORK OF PROFESSOR A. D. KIRILLOV

This article is dedicated to the memory of Professor Anatoly Dmitrievich Kirillov, a renowned historian, political scientist and public figure. A native of Magnitogorsk, he began his working career at a metallurgical plant. However, he had been interested in history since his school days, and in the 1980s, Kirillov began studying social processes, specialising in the history of the party. In 1984, at the Chelyabinsk Pedagogical Institute, he defended his PhD thesis on ferrous metallurgy in the USSR. The collapse of the one-party system and the emergence of new governing institutions based on competitive elections gave rise to a huge demand for research into the modern history of the Urals. Kirillov became one of the most authoritative researchers into the processes of forming the new political and economic structures of the new Russia. He was himself a participant in this process, actively engaging in the political life of Sverdlovsk Region in the 1990s alongside his research work. In 1999, he defended his habilitation thesis on the formation of state institutions in the Urals during the 1990s. He published over 300 academic works, including 18 monographs, 9 textbooks and study guides. His research focused on the life of Russia's first President, Boris Yeltsin, the history of the Great Patriotic War, and the Ural Volunteer Tank Corps. Kirillov was actively involved in publishing. He was not only a scholar but also a teacher, essay writer, and public figure who made a significant contribution to the study of the political history of the Urals in the twentieth century and the processes of the formation of the new Russian statehood, helping to foster historical thinking among young people, students and schoolchildren. Today's understanding of how the process of creating a new statehood in post-Soviet Russia unfolded in the Ural region is largely based on the works of Kirillov, who became a true "chronicler of the era of change".

K e y w o r d s: A. D. Kirillov; political history of the Urals; history of industry in the Urals; modern Russian statehood; Urals in post-Soviet Russia; civil society institutions

F o r c i t a t i o n: Kirillova, N. B., & Ogonovskaya, I. S. (2026). Letopisets epokhi peremen: grani deiatel'nosti professora A. D. Kirillova [Chronicler of an Age of Change: The Scope of the Work of Professor A. D. Kirillov]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 28*(1), 259–268. https://doi.org/10.15826/izv2.2026.28.1.017

Submitted: 06.02.2026
Accepted: 25.02.2026

На пути к призванию

Принято считать, что профессия человека так или иначе связана с его рождением, традициями семьи и воспитанием. Однако судьба А. Д. Кириллова, интеллигента в первом поколении, предопределив ему путь в инженерию, в итоге сменила «технический» ракурс на «гуманитарный»: специалист-энергетик стал «инженером человеческих душ». Правда, произошло это не сразу.

Коренной уралец, А. Д. Кириллов родился в городе Магнитогорске 2 октября 1947 г. Отец, Дмитрий Александрович Кириллов, родом из крестьян Воронежской губернии, фронтовик, танкист, после окончания войны с 1945 по 1976 г. работал электриком на Магнитогорском метизно-металлургическом заводе[1]. Мать, Зинаида Борисовна Кириллова (Рябушкина), потомственная казачка, участница Великой Отечественной войны, была медсестрой в детских учреждениях. А. Д. Кириллов получил всестороннее образование: кроме средней школы, он учился в музыкальной по классу скрипки, параллельно освоил технику игры на кларнете и саксофоне (в студенческие годы играл в городском симфоническом оркестре). Приученный в семье к труду, воспитавший в себе силу воли, он еще в школьные годы постигал не только музыкальное искусство, но и историю. Окончив в 1966 г. среднюю школу № 9 с серебряной медалью, поступил учиться в Магнитогорский горно-металлургический институт[2], получив в 1971 г. диплом инженера-электрика. После учебы в вузе прошел курсы специальной военной подготовки в Брестской области (Белорусская ССР) — служил командиром танкового взвода в звании лейтенанта.

Гуманитарий по своему духовном складу, А. Д. Кириллов был патриотом города «стали и музыки». А еще — романтиком. Этот романтизм был присущ его поколению, чье мировоззрение формировалось в период «оттепели», когда на сознание советской молодежи особое влияние оказало творчество

[1] С 2003 г. — ОАО «ММК-МЕТИЗ».
[2] С 1998 г. — Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова.

«шестидесятников»: поэзия А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, авторская песня Б. Окуджавы, Ю. Визбора, В. Высоцкого, проза В. П. Аксёнова, К. М. Симонова, Ч. Т. Айтматова, первые рассказы и повести А. И. Солженицына. Но был здесь и особый магнитогорский романтизм — тот, что уходит корнями в культуру первостроителей.

Чтение для таких людей, как А. Д. Кириллов, было в первую очередь формой самообразования. Тяга к истории, ее более глубокому, чем в школьных учебниках, изучению проявилась и в том, что он искал в библиотеках и даже покупал на карманные деньги (зарабатывая игрой на саксофоне в разных вокально-инструментальных ансамблях) в букинистическом магазине не только художественные, но и научные книги по мировой и отечественной истории. Среди них были и книги классиков исторической науки — В. О. Ключевского, А. З. Манфреда, М. В. Нечкиной, Е. В. Тарле. Когда он учился в 9 классе, то в книжном магазине увидел объявление о подписке на полное собрание сочинений немецкого писателя Л. Фейхтвангера, с творчеством которого был знаком по романам «Гойя», «Успех», «Изгнание». И первый раз в жизни самостоятельно подписался на это издание, чтобы (таков был аргумент для родных!) изучить историю Римской империи на основе знаменитой трилогии «Иудейская война».

Придет время, и политическая история станет главным делом всей его жизни — в науке и в профессиональной деятельности. Но трудовую деятельность будущий историк начал осенью 1971 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате в должности мастера электромонтажного управления. Человек деятельный и активный, А. Д. Кириллов вскоре был назначен секретарем Магнитогорского горкома ВЛКСМ (1972–1975), позже занимался партийной работой (1975–1980). В 1980–1982 гг. он учился в Свердловской высшей партийной школе[3] и одновременно с этим оформился соискателем кафедры истории Челябинского государственного педагогического института. И курсовые работы, и диплом были связаны с историей Магнитки: эпохой ее строительства, ролью в годы Великой Отечественной войны, традициями и новациями Магнитогорского металлургического комбината — гиганта отечественной и мировой промышленности.

Историк. Политолог. Общественный деятель

С 1982 по 1994 г. А. Д. Кириллов занимается научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в Свердловской высшей партийной школе. Здесь он возглавил вновь созданную лабораторию по изучению практики партийной и советской работы. А. Д. Кириллов вспоминал в 2008 г. об этом старте своей карьеры исследователя: «Думаю, что мне повезло тогда

[3] С мая 1991 г. — Уральский социально-политический институт; с ноября 1991 г. — Уральский кадровый центр; с 1995 г. — Уральская академия государственной службы; в сентябре 2010 г. УрАГС стал Уральским институтом — филиалом РАНХиГС при Президенте РФ.

вот в чем — я "ничтоже сумняшеся" согласился возглавить лабораторию, не будучи свердловчанином. Хотя за плечами и был опыт производства, комсомольской и партийной работы, но для местной элиты, деятельность которой мне пришлось изучать, я был человеком со стороны. Основной научный метод, которым я пользовался и пользуюсь до сегодняшнего дня, называется методом "включенного наблюдения", когда исследователь встраивается в исследуемый общественный процесс, в предмет изучения... И очень важно, чтобы в такой ситуации на исследователя не оказывалось давления, чтобы не работали внешние связи, чтобы он не испытывал чрезмерного пиетета к тому процессу и к тем людям, что его окружают» [Политическая история Урала..., с. 19]. В 1984 г. он защитил в Челябинском государственном педагогическом институте диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Деятельность партийных организаций Урала по ускорению темпов научно-технического прогресса в черной металлургии (1976–1980 гг.)». Сегодня эта тема смотрится, быть может, тяжеловесной, но за сухим названием была скрыта острая актуальность. К 1980-м гг. советская металлургия испытывала стагнацию, и особенно сильно стагнация эта чувствовалась в Магнитогорске — могучий комбинат недополучал капитальных вложений и вынужден был продолжать использовать устаревшую мартеновскую технологию плавки стали.

На формирование научного потенциала и профессиональных интересов А. Д. Кириллова оказали большое влияние выдающиеся уральские ученые —А. В. Бакунин, Н. К. Лисовский (ставший научным руководителем его кандидатской диссертации) и Н. Н. Попов, с которым они вместе работали в Свердловской высшей партийной школе, а позднее и на кафедре истории Института переподготовки и повышения квалификации (ИППК) Уральского государственного университета им. А. М. Горького [Огоновская, с. 74]. В кругу коллег и единомышленников А. Д. Кириллова — известные историки В. В. Запарий, В. Д. Камынин, В. П. Леднев, Б. В. Личман, А. В. Сперанский, пришедшие в профессию в те же годы. Доктором исторических наук А. Д. Кириллов стал в 1999 г., защитив в Челябинском государственном педагогическом университете диссертацию «Социально-политическое развитие регионов в период становления новой российской государственности. 1990–1998 гг. (на материалах Урала)».

Именно сложный, многогранный процесс становления новой российской государственности и стал магистральной темой исследований А. Д. Кириллова, изучавшего ее на конкретном — уральском — материале. Он хорошо знал этот процесс изнутри — яркий интеллектуал, А. Д. Кириллов не остался в стороне от общественно-политической деятельности. В 1994–1995 гг. он заведовал отделом социально-политических технологий Свердловской областной думы; с 1995 по 1997 г. являлся руководителем Информационно-аналитического управления Администрации губернатора Свердловской области, в 1997–2000 гг. был советником губернатора по политическим вопросам [Кто есть кто, с. 68].

Еще в 1995 г. он организовал фонд политологических исследований «Урал политический». Позднее на базе этого фонда начали работать другие учреждения. В 2000 г. А. Д. Кириллов создал общественную организацию «Институт региональной политики», а в 2006 г. — Уральский центр Б. Н. Ельцина, в 2015 г. реорганизованный в Центр истории Свердловской области. Эти институты участвовали в проведении многочисленных научных конференций совместно с Уральским федеральным университетом и Институтом истории и археологии УрО РАН и научно-практических семинаров совместно с Институтом развития регионального образования (ИРРО)[4] Свердловской области. Кроме того, по инициативе А. Д. Кириллова был учрежден общественно-политический журнал «Уральский федеральный округ» (2001–2015), ставший своеобразной энциклопедией Урала в новом тысячелетии. В фокусе его исследований были политические, экономические и социально-культурные проблемы развития УрФО. Роль и значение журнала в осмыслении динамики развития Урала в первом десятилетии XXI в. отметили не только политические источники, но и научные издания [Урал в контексте российской и мировой истории, с. 389].

Большой объем организационной работы не мешал А. Д. Кириллову заниматься исследованиями. В 1990–2000-е гг. историография Урала пополнилась такими работами, как «Урал: тенденции политического развития» (1993) и информационно-аналитический сборник «Урал политический» (1995). Глубокое знание новейшей политической истории края в этих исследованиях сочеталось с анализом социальных и экономических тенденций. Ведь формирование новых политических структур и общественных движений в Уральском регионе имело специфику — огромная концентрация предприятий тяжелой промышленности делала процесс приватизации государственного хозяйства запутанным и сложным, экономические интересы сопрягались с политическими чаяниями, фрагментируя властную карту региона и подчас выводя на авансцену экстравагантные фигуры. А. Д. Кириллов стал одним из авторитетных исследователей новейшей истории Урала, уральской промышленности и процессов модернизации регионов в постсоветской России [Историки Урала..., с. 150–151]. Им опубликовано более 300 научных работ, в том числе 18 монографий, 9 учебников и учебных пособий.

[4] С 2010 г. — Институт развития образования (ИРО).

Особое место среди них занимает книга «Урал: от Ельцина до Ельцина. Хроника политического развития» (1997) — одна из первых в стране монографий, посвященных не только роли в истории первого Президента России, но и анализу хода реформ в разных регионах Урала. Впоследствии ученый — уже в соавторстве с известным журналистом Г. М. Каётой — вновь вернулся к личности Б. Н. Ельцина, чтобы более пристально рассмотреть процесс его формирования как политического лидера Свердловской области и будущего «главного строителя новой России».

В 1999–2000 гг. в издательстве «Уральский рабочий» под редакцией А. Д. Кириллова выходит серия книг под общим названием «Урал в новой России», вызвавшая большой интерес в научной и политической среде: «Урал в новой России. Исследования. Гипотезы», «Губернаторы Урала», «Законодатели Урала», «Урал экономический», «Урал социокультурный», «Урал: век XX. Люди. События. Жизнь». Он не только писал сам, но активно привлекал к работе специалистов в разных областях исторической науки — А. Д. Кириллов был чужд тщеславия, и с ним всегда охотно работали. Среди тех, кто участвовал в этих изданиях, — Ю. В. Величко, Н. Н. Попов, И. С. Огоновская, Н. Ф. Плотников, В. П. Мотревич и многие другие специалисты. Участвовал в них и сын — Б. А. Кириллов, выпускник исторического факультета Уральского государственного университета, пошедший по стопам отца и защитивший кандидатскую диссертацию по истории в 1996 г. В этот же период А. Д. Кириллов принял деятельное участие в подготовке «Уральской исторической энциклопедии» (1998; 2000) — первого в своем роде обобщающего издания по истории края, подготовленного Институтом истории и археологии УрО РАН. Своего рода итогом данного направления исследований стал сборник «Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985–2007 гг.», увидевший свет в 2008 г. и включивший многие из материалов, статей и интервью А. Д. Кириллова.

А. Д. Кириллов стал настоящим «летописцем эпохи перемен», внимательно и в деталях запечатлев развертывавшийся на его глазах процесс. Не будет преувеличением сказать, что историю Урала конца XX столетия сегодня мы видим в огромной степени «по Кириллову».

Педагог. Наставник. Просветитель

С 1990-х гг. А. Д. Кириллов активно включился в методическую работу, связанную с подготовкой учебников и учебных пособий по истории Урала. Он был одним из авторов учебников «История Урала. XX век», «История Урала с древнейших времен до наших дней» и «Урал. XX век», по сей день остающихся единственными учебниками по данной тематике. А. Д. Кириллов деятельно сотрудничал с Институтом развития регионального образования Свердловской области, в частности, с кафедрой исторического и социально-гуманитарного образования (заведующая кафедрой — И. С. Огоновская), участвовал в программах повышения квалификации, семинарах, работе жюри

олимпиад и конкурсов исследовательских проектов... В период деятельности Уральского центра Б. Н. Ельцина и Центра истории Свердловской области его контакты с учителями-историками и обществоведами были весьма тесными: педагоги многих школ неоднократно побывали здесь на семинарах, выставках, экскурсиях — индивидуально и вместе с учениками.

А. Д. Кириллов был увлеченным, энергичным человеком, и его всегда огорчало равнодушие других. Он с грустью отмечал, что обращения к историческому материалу зачастую носят разовый характер, ограничиваются формальной «данью памяти» по мемориальным датам, и подчеркивал необходимость в комплексной просветительской работе: «Для нас, скажем, чрезвычайно важно понимать роль Среднего Урала в Великой Отечественной войне. В тридцатые годы на Урале была создана огромная промышленная база, которая позже стала промышленной базой Победы... Это только один из примеров. А говорить нужно о каждой странице истории. Обстоятельно, доказательно. В противном случае получится размазывание каши по тарелке, при котором вкус не прочувствовать» [Боженко].

Благодаря энергии А. Д. Кириллова и умению привлекать к работе над исследовательскими проектами коллег — историков и журналистов — были изданы книги, посвященные Великой Отечественной войне и Уральскому добровольческому танковому корпусу. Танкист по военной специальности, майор запаса А. Д. Кириллов особое внимание уделял истории танкистов-добровольцев Урала. Первым проектом стал сборник «Никто не забыт, ничто не забыто», подготовленный Уральским центром Б. Н. Ельцина совместно с Уральским государственным университетом и Институтом истории и археологии УрО РАН к 65-летию УДТК. В основу сборника легли архивные источники, а рядом с ними были опубликованы работы не только профессиональных ученых, но и школьников старших классов — победителей Областного конкурса «Народный подвиг Урала». В 2013 г., к 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса, вышла книга «Наш Уральский добровольческий», авторами-составителями которой выступили А. Д. Кириллов и председатель Совета ветеранов УДТК В. К. Хорьков. Ценность этого издания состоит не только в обстоятельном историческом материале, но и в использовании большого количества документов и фотографий. В 2018 г. А. Д. Кириллов выпустил еще одну книгу, посвященную УДТК — «От Урала до Берлина и Праги. Маршрут Победы танкистов-добровольцев» — которую в том же году презентовал в Военно-историческом музее столицы Чехии. Теме войны посвящены также научно-публицистические издания, написанные А. Д. Кирилловым совместно с Г. М. Каётой: «Великая Отечественная: основные сражения, города-герои и города воинской славы, ордена, медали, памятные монеты» (2015), «Маршрут Победы» (2020), «Урал в жизни Маршала Победы» (2020) [Огоновская, с. 76].

Анатолий Дмитриевич шел в ногу с эпохой цифровизации и, привлекая внимание к истории России и Урала, активно использовал многие медийные средства, включая социальную сеть «ВКонтакте». В качестве дополнения

ко многим его книгам были выпущены DVD-диски, собраны материалы, опубликованные на цифровых платформах. Роль медийной составляющей была особенно заметна в деятельности Уральского центра Б. Н. Ельцина [Политическая история Урала..., с. 528–534].

Постскриптум

...Анатолий Дмитриевич Кириллов ушел из жизни неожиданно для всех — сразил ковид в период пандемии. Его не стало 18 февраля 2021 г. Награжденный знаками отличия «За заслуги перед Свердловской областью» III и II степеней, удостоенный Почетной грамоты Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II «За духовное воспитание молодежи» и ордена Русской православной церкви «Святого Благоверного князя Даниила Московского», памятных медалей и многочисленных грамот федерального и регионального значения, он ушел, оставив неосуществленными многие свои идеи и проекты. Анатолий Дмитриевич был искренним, неравнодушным человеком, верившим в идеалы добра и справедливости, в возможность «вырастить в каждом человеке человека». Это был замечательный семьянин — любящий муж, отец, дед, заботливый брат, хороший товарищ, который оставил богатое духовное наследие не только родным и близким. Он, как когда-то герой актера Николая Черкасова из фильма Г. Натансона, утверждал: «Всё остается людям...».

Центр истории Свердловской области в 2021 г. был расформирован: 6 500 томов его уникальной книжной коллекции переданы в Президентский зал Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского вместе с видеофильмом «Творить добро...», посвященным личности и деятельности А. Д. Кириллова. Некоторые книги и ценные экспонаты, собранные Анатолием Дмитриевичем, переданы Президентскому центру Б. Н. Ельцина, Свердловскому областному краеведческому музею имени О. Е. Клера, Региональному центру патриотического воспитания.

Источники

Боженко Р. «Фальсификацией истории занимаются мерзавцы...»: интервью с А. Д. Кирилловым // Аргументы и факты — Урал. 2015. № 14. URL: https://ural.aif.ru/society/person a/1479853?ysclid=mnmq0ryums707708470 (дата обращения: 19.12.2025).

Историки Урала XVIII–XX вв. / под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург : УрО РАН, 2003.

Кто есть кто. Уральский федеральный округ / под ред. Г. Хайдуковой. Екатеринбург : Конус, 2004.

Исследования

Огоновская И. С. Историк, политолог и танкист: памяти Анатолия Дмитриевича Кириллова // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. 2022 г. : сб. материалов / под ред. С. В. Неганова. Пермь : Урал. рабочий, 2023. С. 73–85.

Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985–2007 гг. / науч. ред. и сост. А. Д. Кириллов. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2008.

Урал в контексте российской и мировой истории: историографическая концептуализация / под ред. А. В. Сперанского. Екатеринбург : Сократ, 2017.

References

Kirillov, A. D. (Ed.). (2008). *Politicheskaiia istoriia Urala i Ural'skogo federal'nogo okruga, 1985–2007 gg.* [Political History of the Urals and Ural Federal District, 1985–2007]. Ekaterinburg: Ural'skii rabochii.

Ogonovskaya, I. S. (2023). Istorik, politolog i tankist: pamiati Anatoliia Dmitrievicha Kirillova. In S. V. Neganov (Ed.), *Vseural'skie chteniia po istorii Ural'skogo dobrovol'cheskogo tankovogo korpusa. 2022 g.: sbornik materialov* [All-Ural Readings on the History of the Ural Volunteer Tank Corps. 2022: Collection of Materials] (pp. 73–85). Perm: Ural'skii rabochii.

Speransky, A. V. (Ed.). (2017). *Ural v kontekste rossiiskoi i mirovoi istorii: Istoriograficheskaia kontseptualizatsiia* [The Urals in the Context of Russian and World History: Historiographical Conceptualisation]. Ekaterinburg: Sokrat.

Кириллова Наталья Борисовна
доктор культурологии, заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: n.b.kirillova@urfu.ru

Kirillova, Natalia Borisovna
Dr. Hab. (Cultural Studies), Head of the Department of Cultural Studies and Socio-cultural Activities
Ural Federal University
51 Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: n.b.kirillova@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0002-9187-7080
Scopus AuthorID: 55857862200

Огоновская Изабелла Станиславовна
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования
Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета
620137, Екатеринбург,
ул. Данилы Зверева, 30
E-mail: izabella-irro@mail.ru

Ogonovskaya, Izabella Stanislavovna
PhD (History), Associate Professor
Department of the Humanities
Specialised Educational and Scientific Centre of Ural Federal University
30, Danila Zverev St., 620137 Ekaterinburg, Russia
Email: izabella-irro@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0834-6757

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2026. Т. 28, № 1

Редактор и корректор *А. А. Бахтерева*
Редактор перевода *Т. С. Кузнецова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.01.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 25.05.2026. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 21,98. Усл. печ. л. 21,94. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 85

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
E-mail: press-urfu@mail.ru
http://print.urfu.ru